

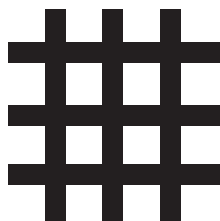
Salut pe cei ce merg
spre marea biruință
legionară. Constantin Z. Ghera
1938

КОРНЕЛИУ ЗЕЛЯ КОДРЯНУ

CORNELIU ZELEA-CODREANU

МОИМ ЛЕГИОНЕРАМ

PENTRU LEGIONARI

Москва 2008

УДК 0.0
ББК 00.0
К00

Издание осуществлено по инициативе
Национально-Патриотического фронта «ПАМЯТЬ»

Перевод с румынского

Кодряну К.З.

МОИМ ЛЕГИОНЕРАМ/– М., 2008. – 348 стр. – ISBN 0-00-000000-0 (в пер.), 3 000 экз.

Мемуары К.З. Кодряну, основателя и руководителя легендарной организации румынских националистов – Легиона Архангела Михаила в 20-е – 30-е годы XX-го века. Для всех, интересующихся новейшей политической историей стран Восточной Европы. На русском языке публикуется впервые.

ISBN 0-00-000000-0

©Кодряну К.З.
©Сима Х.
©Яшин С.А.
©Боровиков Г.В.
©Национально-
Патриотический
фронт «ПАМЯТЬ»

СОДЕРЖАНИЕ

Яшин С. ВОССТАНИЕ ВО ИМЯ ЛЮБВИ	стр. 11
Кодряну К.З. МОИМ ЛЕГИОНЕРАМ	
ЛЕГИОНЕРАМ	стр. 17
ВСТУПАЯ В ЖИЗНЬ	
В Добринском лесу. Март 1919 года	стр. 18
В Ясском университете	стр. 21
Как готовилась революция	стр. 24
Гвардия Национального Сознания	стр. 25
Константин Панку	стр. 25
Взятие Управления Государственными Монополиями	
Гвардией Национального Сознания	стр. 26
Триколор над мастерскими в Николине	стр. 27
Национал-христианский социализм.	
Национальные профсоюзы	стр. 29
Кредо национал-христианского социализма	стр. 29
Достоверная картина ситуации в 1919 году	стр. 31
Руководители румынских рабочих	стр. 33
Отношение еврейской прессы	стр. 33
Первый послевоенный студенческий конгресс.	
Клуж, 4, 5, 6 сентября 1920 года	стр. 39
Открытие Ясского Университета осенью 1920 года	стр. 40
Учебный университетский 1920-1921 год	стр. 42
Навсегда исключённый из Ясского Университета	стр. 44
Совет Юридического Факультета	стр. 44
Учебный университетский 1921-1922 год	стр. 44
Председатель Общества Студентов-Юристов	стр. 45

Визит в Черновицкий Университет	стр. 48
Журнал «Национальная Оборона»	стр. 48
Создание Ассоциации Студентов-Христиан	стр. 55
Почётное обязательство	стр. 55
В конце студенческой учебы	стр. 58
Лето 1922 года	стр. 59
В Германии	стр. 61

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

10 декабря 1922 года	стр. 64
Numerus Clauses	стр. 66
Еврейская проблема. Численность евреев	стр. 67
Проблема румынской земли	стр. 71
Мы и наша земля	стр. 72
Проблема городов	стр. 73
Проблема румынской школы	стр. 76
Проблема румынского высшего общества (руководящего класса)	стр. 79
Проблема национальной культуры	стр. 80
Возвращение на Родину	стр. 82
В Яссах	стр. 84
В Бухаресте	стр. 85
В Клуже	стр. 87
Собрание в Яссах 4 марта 1923 года.	
Учреждение Лиги Национально-Христианской Защиты	стр. 88
4 марта 1923 года	стр. 90
Другие антисемитские или националистические организации	стр. 91
Национальная Румынская Фасция и Румынское Дело	стр. 93
Изменение 7-ой ст. Конституции.	
Март 1923 года. Предоставление политических прав евреям	стр. 96
Мой первый арест	стр. 98

Василе Конта, Василе Александри, Михаил Когэлничяну, Михаил Еминеску, Ион Элиаде Рэдулеску, Богдан Петричейку Хаждэу, Костаке Негри, А. Д. Ксенопол	стр. 100
Всеобщая забастовка студентов продолжается	стр. 108
Июнь 1923 года	стр. 109
Планы иудаизма	стр. 110
Большие планы иудаизма по отношению к румынской земле и румынскому народу	стр. 113
Планы иудаизма по отношению к студенческому движению	стр. 115
Еврейские аргументы и поведение	стр. 115
Конгресс руководителей студенческого движения. Яссы, 22-25 августа 1923 года	стр. 117
Конгресс ЛНХЗ в Кымпулунге	стр. 121
Студенческий заговор в октябре 1923 года. Попытка мести, что послужит примером будущим векам	стр. 124
Снаружи	стр. 134
Мысль о новой жизни	стр. 137
Изоляция политиканства	стр. 139
Наказание измены и процесс	стр. 141
В Яссах	стр. 143
ГОД БОЛЬШИХ ИСПЫТАНИЙ.	
МАЙ 1924 – МАЙ 1925	
Христианской Дом культуры	стр. 145
Первый трудовой лагерь. 8 мая 1924 года	стр. 146
Новый удар	стр. 147
Подавленный ударами	стр. 148
Наверху, в кабинете префекта	стр. 149
Попытка уничтожения нашего блока	стр. 154
Обручение	стр. 155
Процесс Мота-Влад	стр. 155
Вокруг того, что произошло в саду	стр. 155

Собрание протеста против Манчиу	стр. 159
Напрасное предупреждение	стр. 160
Приступают к административному расследованию.	
Меморандум г-на майора Амбросие	стр. 161
Роковой день, 25 октября 1924 года	стр. 163
Две статьи по делу Манчиу	стр. 166
Голодовка протеста	стр. 170
Один в Галате	стр. 172
Перенос процесса в Фокшаны	стр. 173
В Турну-Северине	стр. 175
Процесс	стр. 178
К Яссам	стр. 180

ИЮНЬ 1925 – ИЮНЬ 1927

Свадьба	стр. 184
Чиорэштские крестины	стр. 185
После года возобновляется работа	стр. 185
Опасности, подстерегающие политические движения	стр. 185
Критика руководителя	стр. 187
Процесс совести	стр. 190
Во Францию на учёбу	стр. 191
В Гренобле	стр. 192
Всеобщие выборы в стране	стр. 194
В Альпах	стр. 198
В Бухаресте. Лига Национальной Христианской Защиты раскололась надвое	стр. 203
Что произошло?	стр. 204
Как я поступил в данной ситуации	стр. 209

ЛЕГИОН АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Легион Архангела Михаила	стр. 211
О материальном	стр. 213
Разум	стр. 214
Против подлости	стр. 214

Начало жизни легионера	стр. 216
Наша программа	стр. 219
Красоты румынской политической жизни	стр. 222
Мысли наедине с этим миром	стр. 224
Этапы развития Легиона	стр. 225
Содержание первого номера «Земля Прадедов»	стр. 226
«Земля Прадедов» №2	стр. 229
Бескорыстная борьба	стр. 230
Дисциплина и Любовь	стр. 231
Борьба за выживание журнала	стр. 233
Другие имена, запомнившиеся из первых номеров журнала	стр. 235
Как рассматривалась наша деятельность	стр. 236
Неформально	стр. 238
Национальное движение и диктатура	стр. 240
Первые организационные шаги	стр. 242
Клятва первых легионеров	стр. 246
Новая битва	стр. 247
Проблемы материального плана	стр. 248
Лето 1928 года	стр. 250
В борьбе с лишениями	стр. 251
Профессор Гаванескул получает мешочек с землёй 3-4 января 1929 года	стр. 252 стр. 253
 К НАРОДНЫМ МАССАМ	
У моцев	стр. 255
Лето 1929 года	стр. 260
Решение идти в массы 8 ноября 1929 года	стр. 261
15 декабря 1929 года	стр. 262
В Трансильвании, у Лудоша на Муреше	стр. 264
В Бессарабии	стр. 265
Вновь в Бессарабии	стр. 271
Волнения в Марамуреше	стр. 273
Бессарабский поход 20 июля 1930 года	стр. 274
Покушение на министра Ангелеску. Июль 1930 года	стр. 277

Роспуск Легиона Архангела Михаила и Железной Гвардии. 11 января 1931 года	стр. 282
Процесс	стр. 287
Движение легионеров на первых выборах	стр. 291
Борьба в Нямце 31 августа 1931 года	стр. 291

ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ НАЦИИ

В парламенте	стр. 294
Несколько заметок о демократии	стр. 296
Выборы, отбор и наследственность	стр. 298
Личность, национальный коллектив, нация	стр. 304
Нация	стр. 306
Конечная цель нации	стр. 307
Монархия и законы монархии	стр. 308
Борьба в Тугове 17 апреля 1932 года	стр. 309
Второй роспуск Гвардии. Март 1932 года	стр. 311
Новые всеобщие выборы. Июль 1932 года	стр. 312
Второй раз в парламенте	стр. 314
Как себя проявила организация легионеров в 1932-1933 годах	стр. 316

НАСТУПЛЕНИЕ КЛЕВЕТЫ

«Анархическое и террористическое движение»	стр. 319
«На службе у иноземцев»	стр. 320
«На содержании у гитлеровцев»	стр. 321
Фабрика фальшивых денег в Рэшинаре	стр. 322
Команда Смерти	стр. 327
В Теюше	стр. 329
Вишаньская дамба. 10 июля 1933 года	стр. 331
Соратники!	
6 декабря 1935 года, Кармен Сильва	стр. 339

Сима Х. СУДЬБА ЛЕГИОНЕРСКИХ ПИСАНИЙ	стр. 340
-------------------------------------	----------

Боровиков Г. СУДЬБА ЛЕГИОНА	стр. 346
-----------------------------	----------

ВОССТАНИЕ ВО ИМЯ ЛЮБВИ

Движение легионеров не основывается полностью ни на принципе власти, ни на принципе свободы. Оно основывается в первую очередь на принципе Любви. В неё уходят корнями и власть, и свобода.

К. З. Кодряну

Читатель, книга, которую ты держишь в руках – навигационная карта в сумерках сего мира. Она написана для тебя, дабы не заплутал ты на путях, ведущих в тупики. На путях, уводящих от запечатленного в тебе образа Божьего. Ведь ловушек так много. Засад не счесть. Капканы повсюду. Самодовольство. Сытая расслабленность. Конформизм. А что ещё могут предложить устроители, отпавшие от Бога?

Книга, которую ты обрёл, провозглашает Борьбу и Жертву. Но, прежде всего она провозглашает Любовь. Любовь, распятую и воскресшую, по Евангельскому свидетельству. Перед тобою страницы опалённые огнём и пропитанные кровью. Только так, а не как иначе, запечатлевается то, чему можно доверять.

Книга основателя Легиона Михаила Архангела, Корнелиу Зея Кодряну является для русского человека знаковой. Конечно, легионерское движение бесконечно близко нам своей ориентацией на Православие, причём в самом его огненном аспекте. Вне всякого сомнения, мы разделяем монархические симпатии легионеров. Но, пожалуй, самое главное то, что книга легендарного Капитана является своеобразным лекалом, по которому прочитывается наша действительность. Унижение национального достоинства, удушение финансовой удавкой, господство инверсионных сил, наконец, трусость оппозиции – всё весьма узнаваемо. Это о нас. Вытекающие выводы так же вполне однозначны. Поразительное тождество ситуаций диктует нам необходимость принять идеи Кодряну ориентиром нашего Сопротивления.

Корнелиу Зея Кодряну родился 13 сентября 1899 году в городе Яссы. Уже во время обучения в военном училище он проявил себя как незаурядный организатор и лидер с окончательным сложившимся националистическим мировоззрением. Кстати, Кодряну героически проявил себя во время Первой мировой войны – он воевал в артиллерийском дивизионе).

Румыния начала века являла собой катастрофическое зрелище. Повсеместно царил

экономический кризис. Банковские спекулянты опутали страну липкой паутиной. Рабочее движение полностью контролировалось левацкими политиками. Кодряну принимает решение бороться за спасение Родины. Это намерение приводит его в 1919 году в ряды Гвардии Национального Сознания, возглавляемую националистом Константином Панчу. В эту организацию входили совсем ещё молодые люди, вдохновлённые героическим прошлым Дакии, объединённые пылким патриотическим чувством. Своей задачей они провозгласили не только отстаивание национальных интересов, но и защиту социальных прав. «Недостаточно лишь разгромить коммунизм, – писал Кодряну. – Мы должны также бороться за права трудящихся. Они имеют право на хлеб и достоинство». Вскоре имя Кодряну становится известно всей Румынии. Особую известность он приобретает среди студенческой молодежи.

В 1923 году он, вместе с юристом Александром Кузой, создаёт Лигу Национальной Христианской Защиты, борющуюся против режима банкокрации и предоставления евреям румынского гражданства. Здесь вокруг него образовалась группа радикально мыслящих студентов-националистов. Именно эта группа и организовала в том же году массовые акции национального протеста, которые были настолько масштабны, что правительство временно закрыло Ясский Университет. По сфабрикованному властями обвинению Кодряну бросают в Векерештскую тюрьму. За время заключения усиливается его религиозность. Кодряну приходит к идее легионерского движения. Созревает план создания уникальной организации, так несхожей с современными серыми политическими партиями и столь приблизившейся к идеалам средневекового монашества и рыцарства. После освобождения Кодряну приступает к реализации своего замысла.

Радикализм Кодряну не устраивал престарелого консерватора Кузу, и в 1925 году сторонники национал-революционного действия вышли из Лиги, создав в 1927 году Легион Михаила Архангела, впоследствии переименованный в Железную Гвардию. В наш ничтожный, немисливо убогий век происходит почти невозможное. Возникает союз подлинных людей действия, являющийся скорее Орденом, чем политической организацией. Не случайно её покровителем становится Михаил Архангел, грозный Архистратиг ангельских сил, великий стратег Апокалипсиса. Эсхатологическое чаянье, ожидание конца мира становится ядром легионерской идеологии. Роскошь героической Смерти возводится на уровень культа. «С улыбкой на устах мы смотрим в лицо Смерти, – говорил Капитан, обращаясь к соратникам, – Мы Команда Смерти, которая победит или умрёт».

Вызов был брошен. Одетые в зелёные рубашки с серебряными крестами легионеры

приносили клятву верности нации и Капитану (так именовался глава Легиона). Новая организация представляла собой воинское братство. Её костяк составляли командиры местных организаций, обладающие полномочиями армейских начальников. Железная Гвардия делилась на пять организационных групп: 1) «Боевой Крест» – молодёжь в возрасте от 14 до 20 лет, 2) «Легионерский Корпус» – молодёжь от 21 до 28 лет, 3) студенческая секция, 4) женская секция, 5) политическая секция – люди старшего возраста. Особую группу составляли легионеры-смертники, готовые принять Смерть.

Отдавая себя целиком борьбе за национальные интересы, соратники Капитана не забывали и о хозяйственных нуждах Румынии, работая на ремонте мостов и дорог, создавая мастерские, помогая крестьянам. Ими была построена плотина на реке Будуэ, чьи разливы причиняли неисчислимые бедствия окрестным селениям.

Особая страница в истории Легиона – участие его членов в гражданской войне в Испании. В конце 1936 года семь легионеров отправились в Испанию, дабы сражаться на стороне христоролюбивого воинства Франсиско Франко. В январе 1938 года уполномоченный капитан Легиона Ион Мота и лидер бухарестской организации легионеров Василе Марин погибли в бою. Их тела были переправлены в Бухарест. Тысячи соотечественников приняли участие в траурной церемонии, отдавая дань уважения погибшим. Искреннее проявление любви к павшим героям привело румынские власти и особенно короля Кароля II, всецело находящегося под влиянием своей еврейской любовницы Лупеску, в негодование.

Железнодорожники жили по принципу рыцарско-монашеской общины. На их собраниях исполнялись удивительно красивые гимны, насыщенные религиозным содержанием. Духовные практики исихазма составили религиозный опыт легионеров. Так, они брали на себя добровольные аскетические обязательства. Три дня в неделю около 800 000 человек держали «чёрный пост», то есть воздерживались от всякой пищи, спиртного и табака. Молитва также составляла существенную часть движения. Более того, для отборного передового корпуса действовало правило целибата. Капитан пояснял смысл этих ограничений. «Существуют два аспекта, – говорил он, – для прояснения которых необходимо принять во внимание двойственность человека, который состоит из природного материалистического элемента и духовного. Когда первый преобладает над вторым – это «ад». Всякое же их равновесие временно и случайно. Только полное господство Духа над телом является нормальным условием и предпосылкой всякой подлинной силы, истинного героизма. Мы постимся, поскольку это способствует соблюдению подобного условия, ослабляет телесные узы, благоприятствует самоосвобождению и самоутверждению чистой воли».

Воины румынской национальной революции обставляли свою деятельность актами ритуально-мистического характера. Особенно впечатляющим был въезд в населённые пункты на конях с копьями наперевес. В сознании простого румынского народа Корнелиу Кодряну стал ассоциироваться с самим Михаилом Архангелом. О специфике легионерских актов свидетельствуют воспоминания Нагу-Талавера, бывшего тогда восьмилетним мальчиком, приводимые в книге Андрея Васильченко «Между Дуче и Гитлером». «В воскресенье маленькая площадь перед церковью была забита празднично одетыми крестьянами. Многие преодолели долгий путь, чтобы попасть сюда. Здесь было также много жандармов, чересчур много. Префект района запретил выступать Кодряну, но не решился отменить саму встречу. Толпа простых крестьян росла, пока не стала напоминать тучу. И вдруг галдящая толпа замолчала. Во двор въехал высокий мрачный красавец, одетый в белоснежный румынский национальный костюм. Он остановился рядом со мной, и я не заметил в нём чего-нибудь злого или чудовищного. Напротив. Его лучезарная улыбка, озарившая толпу, делала его скорее загадочным. Обаяние – это не то слово, которое могло бы описать силу, исходящую от этого человека. Он словно был частичкой лесов, гор, рек, озёр или ветра на заснеженных пиках Карпат. Он стоял посреди толпы. Ему даже не требовалось говорить. Его молчание было красноречивее и многозначительнее любых политических запретов. И тут старая седовласая крестьянка, охнув, перекрестилась: «Посланник Михаила Архангела». Зазвенел колокол на церкви – колокольный звон всегда предшествовал встрече с легионерами».

В 1937 году Кодряну встречается с итальянским традиционалистом Юлиусом Эволой. Примечательно, что эту встречу организовал соратник Капитана, философ-традиционалист Мирча Элиаде. Сегодня книги Элиаде доступны широкому кругу читателей, но о его политической ориентации предпочитают помалкивать по соображениям пресловутой политкорректности. Именно из-за своего легионерского прошлого в начале 80-х годов Элиаде не получил Нобелевскую премию. Этот мир не только отвратителен, но и злопамятен. На вопрос Юлиуса Эволы о связи легионерского движения с Православием, Капитан ответил: «Мы стремимся оживить в форме национального сознания и живого переживания то, что в религии слишком часто оказывается мумифицированным и стало традицией сонливого духовенства. Мы оказались в благоприятных условиях, поскольку нашей национальной религии чужд дуализм между верой и политикой, и она способна обеспечить нам этнические и духовные элементы, необходимые для построения нашего движения. Именно из нашей религии Железная Гвардия черпает

свою основополагающую идею – вселенскую идею. Это путь положительного преодоления, как интернационализма, так и всякого абстрактного рационалистического универсализма. Вселенская идея это идея общества, понимаемого как жизненное единство, живой организм, как совместная жизнь не только с нашим народом, но и с Богом и нашими мёртвыми».

Впоследствии последователь барона Эволю Эрнесто Мила отмечал: «...более всего привлекала Эволю румынская Железная Гвардия и её лидер Корнелиу Зея Кодряну. В Кодряну Эвола видел мистического Вождя, способного установить высшую духовную связь с рядовыми активистами... Верность Кодряну вековым румынским традициям и его духовно-расовое мировоззрение превращали его в идеальное воплощение Вождя, ведущего за собой элиту через развалины современного мира».

Рост популярности легионерского движения вызывал страх коррумпированных правителей. Легион неоднократно запрещали, его структуры распускали, Кодряну и его соратников бросали в тюрьмы. Неслучайно легионеры выбрали своим символом тюремную решётку. В чувстве юмора им отказать нельзя. Правда, в очень горьком. Именно в этот период Кодряну пишет для соратников книгу «Моим легионерам». Он прекрасно осознавал лимит своего земного времени. Но что героям дурная темпоральность? «Легионеры не умирают, – писал Капитан, – Прямые, стойкие, непобеждённые и бессмертные смотрят они победителями на все метания бессильной злобы».

Несмотря на жестокие репрессии, 20 декабря 1937 года, в результате парламентских выборов легионеры в рядах партии «Всё для Родины» становятся реальной политической силой. Вокруг легионерского движения объединяется интеллектуальная элита Румынии. К примеру, стоит назвать величайшего румынского мыслителя Нае Ионеску, того же Мирчу Элиаде, автора «Искушения существованием» Эмиля Чорана. «Жест отмены демократии в Румынии через победу легионеров, – писал Эмиль Чоран, – будет глубоко творческим, жизнеутверждающим актом».

17 апреля 1938 году правительство Калинеско наносит удар. Кодряну и его соратников арестовывают. Приговор – 10 лет каторжных работ «за измену Родине». Однако страх перед ним был чрезвычайно велик. Даже на каторге Капитан представлял реальную опасность для кучки властвующих мерзавцев. Еврейская марионетка Кароль II отдаёт тайный приказ о его убийстве. В ночь с 29 на 30 ноября 1938 года в Танкабештском лесу Корнелиу Зея Кодряну и тридцать его соратников были зверски убиты, якобы при попытке к бегству. Несколькими днями позже, стараясь скрыть следы преступления, убийцы вырыли тела и перезахоронили их в другом месте. Перед вторичным захороне-

нием тела героев облили серной кислотой. Место захоронения забетонировали. Примечательно, что расправа осуществилась в ночь праздника св. Андрея, которая согласно румынскому фольклору является ночью вампиров.

Смерть Капитана не осталась не отомщённой. 21 сентября 1939 года легионеры застрелили премьер-министра Калинеско. В тот же день, перед тем как сдаться полиции, они захватили радиостанцию и объявили на всю страну: «Мы выполнили свой священный долг. Мы казнили палача. Капитан отомщён».

Убийство легионеров, непосредственно участвовавших в ликвидации Калинеско, было только кровавым прологом. Основную часть руководителей Легиона, большинство из которых находилось в концентрационных лагерях, казнили. Около 400 человек предали смерти немедленно. Чередой казней командовал генерал Георге Аргезану, за что и был, в свою очередь, убит легионерами. Этот палач стяжал сомнительную славу, став четвёртым подряд министром внутренних дел, ликвидированных Легионом.

Начинается охота и за Каролем II. В сентябре 1940 года он отрекается от престола и покидает Румынию, в сопровождении поезда полного богатств, награбленных у народа.

Борьба легионеров продолжалась и при режиме генерала Иона Антонеску, фактически предавшего преемника Кодряну Хория Симу. Многие легионеры вновь оказались в лагерях. Многие погибли. И всё же, вопреки профанической логике, они не потерпели поражение. В проявленном мире поражение Героев оборачивается их однозначной Победой на высшем плане. Их восстание есть лишь прелюдия к Восстанию окончательному. Не во имя ненависти осуществляется оно, но во имя Любви. Правда, Любви суровой и очень требовательной. Как очевидно и то, что для всех находящихся на истинно правых позициях жизнь Корнелиу Зеля Кодряну является не только примером политической борьбы, но утверждением сакрального начала среди обступающих нас руин.

Сергей ЯШИН

Корнелиу Зеля КОДРЯНУ

МОИМ ЛЕГИОНЕРАМ

В этой книге написана повесть моей молодости, с 19 до 34 лет, с её чувствами, верой, мыслями, поступками и ошибками.

Корнелиу Зеля Кодряну

ЛЕГИОНЕРАМ

Пишу для нашей семьи легионеров. Для всех легионеров: из села, с фабрики, из университета.

Пишу не соблюдая ни одного правила из правил, требуемых от авторов книг. Нет времени. Пишу, попевая за рощерком пера, находясь на поле брани, во время атаки. На сегодняшний день мы окружены со всех сторон. Враги подло наносят удары по нам, и измена косит наши ряды.

Два года мы связаны подлыми цепями цензуры.

Два года наше имя и звание легионера не упоминается в газетах за исключением оскорблений. На нас низвергается поток низостей, под аплодисменты врагов и их надежду на нашу гибель. Но эти кавалеры трусости, как и их хозяева, убедятся вскоре, что все их нападки, на которые они возложили свои надежды на уничтожение движения легионеров, все их метания и отчаянные усилия остаются напрасными. Легионеры не умирают. Прямые, стойкие, непобеждённые и бессмертные смотрят они победителями на все метания бессильной злобы.

Мне безразлично мнение среды не легионеров, и не интересны реакции, которые могут возникнуть в этой среде.

Я хочу, чтобы вы, солдаты новых румынских горизонтов, читая эти воспоминания, признали бы в них своё собственное прошлое и вспомнили свои собственные битвы. Чтобы вы пережили перенесённые страдания и полученные за свой народ удары. Чтобы возгорелись ваши сердца и стали вы твёрже в тяжёлой и правой борьбе, в которую вы вступили, и из которой мы все имеем приказ выйти победителями или мёртвыми. О вас я думаю, когда пишу. О вас, – тех, кто должен будет погибнуть, приняв безмятежно, как прадеды Траки, крещение смертью. И о вас, тех, кто должен будет перешагнуть через их могилы, неся в своих руках триумфальные знамёна румын.

ВСТУПАЯ В ЖИЗНЬ

В Добринском лесу.

Март 1919 года

Весной 1919 года, в один из дней, после полудня, мы собрались в Добринском лесу, что стоит как страж вокруг Хуша, группой из двадцати лицеистов старшекурсников – шестые, седьмые, восьмые классы.

Я собрал своих молодых товарищей для обсуждения серьёзной «взрослой» проблемы, хотя наша жизнь только начиналась. Что будем делать, если большевики пойдут на нас? Моё мнение, с которым все согласились, было следующим: если большевистская армия перейдёт Днестр, а после и Прут, дойдя до наших мест, мы не должны покориться, а вооружёнными уйти в леса. Здесь организовать центр противодействия и румынского сопротивления и умело нанесёнными ударами потрясать противника, сохранять дух непокорности и поддерживать искру надежды в народной массе, в городах и в сёлах. Мы все принесли клятву посреди векового леса. Был этот лес уголком знаменитого Тигечского бора, на чьих тропах, на протяжении молдавской истории, много врагов нашли свой конец. Мы решили найти оружие и амуницию, сохранять полную тайну, проводить в лесу разведку и военные упражнения и найти ту форму, что скрывала бы наши намерения.

Форму мы вскоре нашли и применили её на практике: создали культурно-национальное общество учеников лицея из Хуш, которому мы дали имя «Михаил Когэлничяну». Оно было одобрено директоратом лицея. Начались посиделки и конференции в городе. На людях обсуждали обычные вопросы, а в лесу занимались военными упражнениями. Оружие в то время находилось на каждом шагу, поэтому за две недели мы собрали всё, что нам было нужно.

В то время в стране было состояние хаоса, которое мы, дети, едва перешагнувшие 18 лет, понимали очень хорошо. Мир находился под впечатлением большевистской революции, которая пребывала в своём апогее, в нескольких шагах от нас. Крестьянство

инстинктивно сопротивлялось этой уничтожительной волне. Но, будучи полностью дезорганизованным, не представляло собой серьёзной силы сопротивления. Рабочие же стремительно скатывались к коммунизму, систематически поддерживаемые в культивировании подобных идей еврейской прессой, и в целом всем городским еврейством. Каждый еврей – коммерсант, интеллеktуал или банкир-капиталист в радиусе своего воздействия был агентом этих революционных, антирумынских идей. Румыны-интеллектуалы были нерешительны, государственный аппарат дезорганизован. В любой момент можно было ждать либо внутреннего взрыва некоторых организованных и решительных элементов, либо нашествия из-за Днестра. Эта внешняя акция, скоординированная с коммунистическо-иудейскими бандами изнутри, которые обрушились бы на нас, уничтожая мосты и взрывая склады с амуницией, решили бы нашу судьбу как народа.

В данных обстоятельствах, терзаемые мыслями и снедаемые беспокойством за жизнь и свободу нашей страны, едва объединённую после тяжёлой войны, зародилась в наших юношеских головах идея некоей акции, что привела нас в Добринский лес.

Я проучился пять лет в военном лицее в Подгорном Монастыре, под сенью головы Михая Отважного и под пристальным оком Николай Филипеску. Там, под командованием майора, затем полковника Марчела Олтяну, начальника школы, капитана Вирджила Бадулеску и лейтенанта Эмиля Паланджяну и под руководством профессоров я приобрёл суровое армейское воспитание и здоровую уверенность в своих силах.

Впрочем, военное воспитание будет сопутствовать мне всю жизнь. Порядок, дисциплина и иерархия, влитые в мою кровь в раннем детстве, рядом с чувством воинского достоинства, пройдут красной нитью через всю мою будущую деятельность.

Здесь же я был приучен говорить коротко, что впоследствии вызовет во мне ненависть к говорильне и пустой риторике. Здесь меня приучили любить траншею и презирать салон.

Знания воинской науки, полученные здесь, приведут меня в будущем к осмыслению всего через призму этой науки.

Кульt собственного достоинства человека и солдата, в котором меня воспитали офицеры, создаст мне трудности и подвергнет меня страданиям в мире, часто лишённом чести и чувства достоинства.

Лето 1916 года я провёл дома, в Хуше.

Мой отец уже два года как был призван и отбыл с частью в Карпаты.

В одну из ночей меня разбудила мама, которая, плача и поклоняясь иконам, сказала:

«Вставай, во всех церквях бьют в колокола». Было пятнадцатого августа 1916 года, Св. Мария. Я понял, что объявили мобилизацию, и что в тот момент румынская армия перешла горы.

Взволнованный, я весь дрожал. Через три дня я ушёл из дома за своим отцом, движимый желанием попасть на фронт. Наконец, после долгих приключений, я попал в ту часть, где мой отец был командиром роты, в двадцать пятый пехотный полк под командованием полковника В. Пипереску, во время его выдвижения в Трансильванию по долине реки Ойтуз.

Моя неудача была большой, так как мне было не больше семнадцати лет, и командир полка отказался взять меня добровольцем. Всё же я принял участие в наступлении, а потом и отступлении из Трансильвании, а двадцатого сентября, когда мой отец упал раненый над Соватой на горе Черес-Дому, я ему пригодился, помогая ему в виду у неприятеля, который наступал. Хотя и раненый, он отказался от эвакуации, ведя свою роту во время всего отступления, а затем и в тяжёлых боях на Ойтузе.

В одну ночь, где-то около двух, полк получил приказ к наступлению. Офицеры в гробовой тишине инспектировали свои подразделения, расположенные на шоссе.

Моего отца вызвал полковник. Вскоре, возвратившись, он мне сказал: «Не лучше ли будет, если ты вернёшься домой? Мы вступим в бой и будет плохо, если мы оба здесь погибнем, потому что мама останется дома одна с шестью маленькими детьми, без всякой поддержки. И полковник меня вызывал, чтобы сказать, что не хочет брать на себя ответственность за твоё пребывание на фронте». Я чувствовал, что у отца душа беспокойна: он колебался оставлять меня одного посреди ночи в поле, в незнакомой местности, в сорока километрах от железной дороги.

Видя его настойчивость, я сдал карабин и две обоймы, и в то время, когда колонны полка шли вперёд, исчезая в тишине и темноте ночи, я остался один на краю окопа и потом направился к старой границе.

Позже, через год, первого сентября, я поступил в Военное пехотное училище в Бо-тошанах, с той же мыслью попасть на фронт. Здесь я пополнил своё воспитание и военные знания, с первого сентября 1917-го до семнадцатого июля 1918-го находясь в действующем составе Военного училища. Четыре отличных офицера: полковник Словеску, капитан Чуря, лейтенант Флорин Радулеску и майор Стефля направили мои шаги по пути борьбы и самопожертвования ради Отчизны.

И теперь через год, в 1919-м, был мир. А мы, дети, готовые к смерти, были разбросаны по своим домам.

Мой отец, преподаватель лицея, был всю свою жизнь борцом-националистом. Мой дед был лесником, прадед тоже. Род мой был изначально, и в страшную годину, родом гор и лесов. Поэтому воинское воспитание и голос крови привели меня в Добринский лес, наивно как проявление, но с той нотой серьёзности, которую наш ранний возраст не мог предполагать.

В те мгновения наши сердца чувствовали присутствие вереницы прадедов, что вовали за Молдову на этих тропах, куда не смела ступить вражеская нога, их опыт и совет.

В Ясском Университете. Сентябрь 1919 года.

Лето прошло. Осенью я защитился на степень бакалавра, и наша группа распалась, каждый из нас направился в университеты.

От Добрина у нас остались только воспоминания о том, что нужно защищать Отчизну от вражеских волн, что угрожающе поднимались изнутри и снаружи её рубежей.

Я покидал Хуш. Запись в университет – это долгожданный момент выбора для каждого юноши. В качестве подготовки я мог предложить багаж знаний, полученных в лицее. Сегодняшнюю скандальную литературу, что развращает душу и занимает значимое место в процессе становления ученика, к его несчастью, я не познал. Помимо литературы румынских классиков я прочитал все статьи Н. Йорга и А.К. Кузы в «Сеятеле» и «Румынском народе». Отец хранил их в каких-то ящиках на чердаке. В свободное время я забирался туда и занимался этой разновидностью литературы. Суть этих статей заключала в себе проявление в высоком стиле трёх жизненных идеалов румынского народа:

1. Объединение всех румын
2. Подъём крестьянства через наделение его землёй и политическим правами
3. Решение еврейской проблемы

Две максимы сопровождали содержание всех националистических публикаций того времени:

«Румыния румынам, только румынам, всем румынам» (Н. Йорга).

«Национальность есть созидательная ценность человеческой культуры, культура – созидательная сила нации» (А.К. Куза).

С большим пиететом я приближался к Яссам, которые любит и понимает всякий румын, или хотя бы хочет увидеть.

Много городов Молдовы осенены хоть крупницей славы. Мы не можем произнести Хотин, Бырлад, Васлуй, Тигина, Белая Церковь, Сороки и не разбередить душу.

Но над всеми – Сучава и Яссы.

Сучава – крепость Стефана Великого, Яссы – город Куза Водэ.

Город объединения 1859 года, который созданием Университета стал городом молодости и её самых чистых устремлений.

В Яссах жили: Мирон Костин, Богдан Петричейку Хаждэу, Михай Еминеску, Ион Крянгэ, Василе Александри, Костаке Негри, Якоб Негруци, Михаил Когэлничяну, Си-мион Барнуциу, Василе Конта, Н. Йорга, Ион Гаванескул. Здесь, на кафедре политической экономики, светит, как маяк, выдающаяся личность профессора Кузы. Университет становится школой национализма, Яссы – городом великих румынских устремлений, высот, идеологии наших национальных чаяний, великой боли 1917 года, когда здесь нашла прибежище измученная душа короля Фердинанда, великой участи быть в 1918 году городом соединения всех румын, великим своим прошлым и более великим своей сегодняшней трагедией, так как город сорока церквей погибает забытый, изо дня в день, под бессердечной еврейской оккупацией. Яссы, воздвигнутые, как и Рим, на семи холмах, есть и останется вечной цитаделью румынизма.

Сколько славных воспоминаний!

Здесь впервые прозвучали гармоничные стихи Александри:

Пойдём в руке рука

Те, у кого румынские сердца.

Здесь, как нигде, студент чувствует, как витают в воздухе над молчаливыми Яссами, с таинственным зовом и святым призывом, души великих предшественников. Ясский студент в тишине поздней ночи слышит, как по извилистым и чуждым улицам Ясс мечется, обезумевшая от боли, душа Михаила Еминеску, который пел как приведение:

«Кто чужаков пригрели,

Тех сердца собаки съели,

Поглотила пустыня дома их

И подверглись скитаньям роды их...»

К этому городу осенью 1919 года я приближался с глубоким пиететом, притягиваемый его великой аурой, но и взволнованный, потому что родился здесь двадцать лет назад и как любой ребенок возвращался растроганный, чтобы увидеть и поцеловать родную землю.

Я записался на юридический факультет.

Ясский университет, закрытый на время войны, уже год как вновь был открыт. Старые студенты, вернувшиеся с фронта, сохранили линию предвоенных националистических традиций. Они были разделены на два лагеря: один под предводительством Лабуска с филологического, и другой, под началом Нелу Ионеску, с юридического. Их малочисленная группа была подавлена массой студентов-евреев, приехавших из Бессарабии, которые были агентами и пропагандистами коммунизма.

Университетские профессора, кроме узкого круга во главе с А.К. Кузой, Ионом Гаванескулом, Корнелием Шумуляну, были представителями той же левой идеи. Профессор Паул Бужор, один из выразителей большинства, даже лапидарно произнёс на заседании румынского Сената: «Свет грядёт с Востока», то есть из-за Днестра.

Эта позиция профессоров, что считали «варварством» любую националистическую идею, имела эффектом дезориентированность студентов. Одни открыто поддерживали большевизм, другие, большинство, говорили: «Что бы не говорили, время национализма прошло, человечество движется влево». Группа Лабуска откровенно скатывалась в этом направлении. Группа Нелу Ионеску, к которой примкнул я, со временем распалась, вследствие одних выборов, на которых мы проиграли.

Продвижение антирумынских идей, поддерживаемых компактной группой профессоров и студентов и поощряемые всеми врагами объединённой Румынии, не находило в студенческой среде никакого румынского сопротивления. Те несколько из нас, что ещё удерживались на позициях, были окутаны атмосферой презрения и враждебности. Коллеги, разделяющие другие мнения, те кто носился «со свободой совести» и с принципом всех свобод, плевали нам вслед, когда мы проходили по улицам или студенческой аудитории. Они становились агрессивными, всё более агрессивными. Собрание за собранием, с участием тысяч студентов, на которых пропагандировался большевизм, нападали на армию, юстицию, церковь, корону. Одно единственное общество ещё сохраняло румынский характер: «Аврам Янку» буковинцев и трансильванцев под руководством студента Василе Яшински.

Университет с традициями национализма с 1860 года стал очагом антирумынизма.

Как готовилась революция

Но не только в университете наблюдалась такая ситуация. Масса яских рабочих, почти полностью заражённая коммунизмом, стояла на пороге революции. Фабрики почти не работали. Целыми часами шли заседания в комитетах, консилиумах, собраниях. Все были погружены в политику. Мы находились в состоянии полного систематического саботажа, проводимого по плану и по приказу: «ломайте и уничтожайте станки, создавайте обстановку всеобщей материальной нищеты, что приведёт к революционному взрыву». И действительно, чем лучше выполнялся приказ, тем большей становилась нищета, всё более угрожающе проецировался голод, и бунт поднимался в душе толпы.

Каждые три-четыре дня на яских улицах проходили большие коммунистические демонстрации. По десять-пятнадцать тысяч голодных рабочих, руководимые преступной рукой из Москвы, проходили по улицам с пением «Интернационала» и с лозунгами: «Долой армию!», «Долой короля!», неся транспаранты, на которых читалось: «Да здравствует коммунистическая революция!», «Да здравствует Советская Россия!».

Если бы они победили, имели бы мы, хотя бы, Румынию, руководимую румынским рабочим режимом? Стали бы румынские рабочие хозяевами страны? Нет! На второй же день они бы стали рабами самой грязной тирании: тирании талмуда.

Великая Румыния, после менее чем мгновения жизни, рухнула бы.

Мы, румынский народ, были бы истреблены без жалости, убиты или высланы в Сибирь: крестьяне, рабочие, интеллигенты, все скопом.

Земли от Марамуреша до Чёрного Моря, вырванные из рук румын, были бы колонизированы еврейскими массами. Здесь бы поднялась настоящая Палестина.

Я полностью сознавал, что в эти мгновения на весах судьбы находились жизнь и смерть румынского народа.

Это же сознавали и евреи, что подталкивали румынских рабочих к революции. Они не имели ничего общего с обеспокоенностью, что была из наших глаз и сердец. Они это понимали. Только румынские интеллектуалы этого не понимали. Образованные интеллектуалы, призванные освещать путь народу в трудную годину – ведь поэтому они интеллектуалы – пренебрегали своим долгом. Эти недостойные в эти роковые минуты утверждали с преступной бессознательностью, что «свет грядёт с Востока». Кто должен был противостоять революционным колоннам, что маршировали по улицам всех городов? Студенчество? Нет! Полиция? Сигуранца? Эти, заслышав, что идут колонны, впадали в панику и исчезали. Даже армия не могла им противостоять. Ведь речь шла не о тысяче людей, а о пятнадцати-двадцати тысячах организованных и голодных.

Гвардия Национального Сознания

Дождливым осенним вечером 1919 года в учебном классе Школы художеств и ремесёл, где я преподавал, приятель показал газетную вырезку.

«Гвардия Национального Сознания заседает сегодня вечером, в четверг, в девять часов на улице Александри №3».

Я сразу же пустился бегом туда, с большим нетерпением желая познакомиться и вступить в ряды этой организации, о проявлениях антикоммунистической борьбы которой я прочитал несколькими месяцами ранее.

В комнате по улице Александри №3, обставленной новыми деревянными лавками, я нашёл лишь одного сорокалетнего мужчину. Он сидел за столом, грустный и суровый, в ожидании людей, что придут на собрание. Большая голова, сильные руки, тяжёлые кулаки, сам среднего роста. Это был Константин Панку, председатель Гвардии Национального Сознания.

Я представился. Сказал, что студент, и что желаю вступить солдатом в Гвардию. Он принял меня. Я присутствовал на собрании. Пришли примерно двадцать человек: типографский наборщик, Войнеску, один студент, четыре механика из РМС, два механика-железнодорожника, несколько мастеровых и рабочих, адвокат Виктор Климеску, священник. Обсуждались несколько вопросов в связи с развитием и размахом коммунистического движения на разных фабриках и в кварталах. Потом перешли к организационным вопросам Гвардии.

С этого вечера мой путь раздвоился: половина времени шла на борьбу в университете и половина рядом с Константином Панку в рядах рабочих. Я привязался душевно к этому человеку и оставался с ним, под его началом, всё время до роспуска организации.

Константин Панку

Константин Панку. В то время это имя было на устах всех яссцев, из обоих лагерей, его с надеждой произносили румыны и с ужасом враги.

Он не был интеллектуалом. Он был мастеровым, сантехником и электриком. Его образование сводилось к четырём классам. Обладал он ясным и степенным умом, который он сам развил разнообразными знаниями. Двадцать лет он занимался вопросами рабочих. Не один год он возглавлял корпорацию металлургов. Оратор высшей категории. На трибуне, перед толпой, он внушал уважение. С однозначно румынской душой и сознанием. Он любил свою страну, армию, короля. Примерный христианин. С мускулатурой циркового борца и геркулесовой силой. Яссцы его давно знали.

Перед войной в Яссы приехал цирк с атлетами. Там были борцы были всех наций: венгры, турки, румыны, русские и другие. В один из вечеров, когда один из борцов победил всех остальных, из массы зрителей поднялся гражданин, который попросил разрешения помериться силой с победителем. Ему разрешили. Он разделся и вступил в схватку. В две минуты венгр оказался на земле побеждённый. Румын, что победил, окружённый чувством восхищения толпы, был никто иной, как Константин Панку.

Вот почему, когда на ясских улицах впервые прозвучал призыв Константина Панку к борьбе, люди, склонные к культу силы, восприняли его с доверием.

Его деятельность длилась год. Она возрастала или уменьшалась пропорционально большевистской угрозе.

Сначала проходили совещания, потом собрания, в которых участвовали от пяти-шести до тысячи человек. В критический период они проводились еженедельно. Они проходили в зале Принца Мирчи, а иногда и на Площади Объединения. Среди тех, кто регулярно брал слово, был и я. Тогда я научился говорить перед толпой. Бесспорно, что Гвардия Национального Сознания в критический момент подняла национальное сознание румын в таком важном месте как Яссы, и возвела в нём барьер на пути коммунистического вала.

Эта деятельность не ограничилась только Яссами. Мы выезжали и в другие города. Затем листок «Сознание», что регулярно выходил, проник своим набатом почти во все города Молдовы и Бессарабии.

Наша деятельность сопровождалась почти ежедневными стычками между двумя лагерями, постоянно кровавыми стычками.

Из них мы выходили с большим числом раненых. Эта напряжённая ситуация длилась до весны. После двух наших больших побед наступательная сила наших врагов сильно поубавилась.

Взятие Управления Государственными Монополиями Гвардией Национального Сознания

Было 10 или 11 февраля 1920 года. Две недели говорилось о всеобщей национальной забастовке. Приближался решительный бой. Около двенадцати пошёл слух, что в Управлении, где было около тысячи служащих, была объявлена забастовка, был водружён красный флаг, портреты короля сбросили и растоптали, а на их место установили фотографии Карла Маркса, Троцкого и Раковского.

Наших людей побили, механики у машин, члены Гвардии, были ранены. В час мы,

в количестве около ста человек, собрались у нас в центре. Что делать? Панку председательствовал на обсуждении. Два мнения. Одни предлагали послать телеграмму в Правительство, прося вмешательства армии. Я придерживался мнения, что надо идти в Управление и любой ценой снять флаг. Победила моя точка зрения. Мы взяли наш флаг и в час дня с Панку во главе направились форсированным маршем по Лапушняну и Пэкурарь, распевая «Пробудись, Румын!». Вблизи фабрики, на улице, несколько групп коммунистов были опрокинуты.

Входим во двор фабрики. Проникаем в здание. Поднимаюсь с флагом на крышу и водружаю его там. Оттуда начинаю говорить. Появляются солдаты и занимают фабрику. Мы отступаем с песней. Возвращаемся в центр. Думаем о том, что наш быстрый рейд оказался удачным. В городе с быстротой молнии распространилась весть о нашей роли в данной истории. Всё же забастовка продолжается. Армия может лишь охранять флаг, но не может запустить фабрику. Что делать? У нас появляется идея – поискать по всем Яссам рабочих и пустить фабрику. В три дня четыреста новых рабочих, собранных по всему городу, устроены на фабрику. Это начинает действовать. Забастовка провалилась. Через две недели половина забастовщиков просят принять их обратно. Наша большая победа.

Первый шаг ко всеобщей забастовке отражён. Планы иудео-коммунистического консорциума начинают становиться явными. Эта акция имела большой резонанс в рядах румын, поднимая их мораль.

Триколор над мастерскими в Николине

Самым сильным коммунистическим центром являлись железнодорожные мастерские в Николине. Здесь работали свыше четырёх тысяч рабочих, в своём большинстве большевизированных. Кварталы вокруг мастерских Красный Мост, Сокола и Николина были захвачены значительным числом евреев. Вот почему ясский руководитель коммунистического движения, доктор Гелертер и его адъютант Геллер именно здесь организовали свой центр сопротивления.

Не прошло и месяца со дня поражения в Управлении, как знаком к началу всеобщей забастовки и к решительному бою над мастерскими появляется реющий красный флаг. Забастовка объявлена. Тысячи рабочих покидают мастерские. Власти бессильны.

Мы через манифесты собираем на второй день всех румын в зале Принца Мирчи. После совещания выходим с флагами на улицы. На Площади Объединения власти нас

останавливают, отговаривая идти дальше, так как нас там ждут пять тысяч вооружённых коммунистов, и может быть пролито много крови.

Тогда мы сворачиваем с площади к вокзалу.

Здесь мы водружаем флаги над зданием депо вокзала. Затем занимаем поезд, стоящий на перроне и на нём направляемся в Николину. На вокзале Николина кто-то передвигает стрелку, и мы вместе с поездом попадаем в мастерские. Сходим. В мастерских никого. На одном из зданий красный флаг. Я начинаю взбираться по пожарной лестнице, держа триколор в зубах. С некоторым трудом, высота всё-таки большая, я добиваюсь до крыши. Поднимаюсь наверх и ползком добиваюсь до верхушки. Вырываю красный флаг, и под неописуемые крики восторга, длящиеся несколько минут, поднимаю и привязываю триколор. Оттуда я говорил. За стенами коммунисты собираются в компактные массы и угрожающе манифестируют. Адская музыка. Изнутри – приветствия, снаружи – угрозы и проклятия. Медленно спускаюсь вниз. Панку командует отход. Но у ворот скопившиеся коммунисты перекрывают выход и кричат: «Пускай подойдут Панку и Кодряну!» Проходим тридцать метров перед толпой и направляемся к воротам. Панку посередине, справа некий мастерской Маргаринт и слева я. Все трое, держа руки в карманах на револьверах, молча идём вперёд. Те, кто в воротах, глядят на нас молчаливо и недвижно. Вот мы подошли на расстояние в несколько шагов. Ожидаю свист пули возле уха. Шагаем вперёд прямо и решительно. Все-таки необычное душевное состояние. Мы в двух шагах. Коммунисты расступаются, пропуская нас. В гробовой тишине между ними проходим дистанцию в десять метров. Мы не смотрели ни вправо, ни влево. Не слышно ничего, даже человеческого дыхания.

Сзади идут наши. Проходят и они, но уже нет тишины. Начинаются ругательства, угрозы с обеих сторон. Никакой стычки. Направляемся компактно вдоль железной дороги, к Ясскому вокзалу. Над мастерскими на ветру победоносно реет триколор.

Оральный эффект этой акции несравним. Ясы гудят. На улице говорят только о Гвардии Национально Сознания. В воздухе витает дух румынского пробуждения. Поезда уносят дальше, во все четыре стороны страны, – возрождение.

Мы понимаем, что большевизм будет побеждён, потому что перед ним, справа и слева от него, воздвигнут барьер сознания, что не позволит ему распространиться.

Все пути для его наступления закрыты. Отныне ему придётся отступать.

Вскоре после этого последовали действия, предпринятые Правительством генерала Авереску, которые закрыли все перспективы этому движению.

Национал-Христианский Социализм.

Национальные Профсоюзы

Гвардия Национального Сознания была боевой организацией, созданной для свержения врага.

Много раз, вечерами 1919 года, я разговаривал с Панку, так как мы постоянно были вместе и почти регулярно у его стола. Я ему говорил:

– Недостаточно победить коммунизм. Надо также бороться за права рабочих. У них есть право на хлеб и право на достоинство. Надо бороться с олигархическими партиями, создавая национальные организации рабочих, которые смогли бы добиваться правды в рамках государства, а не противостоя ему.

Мы не позволим никому искать и поднимать на румынской земле другой флаг, кроме флага нашей национальной истории. Сколь бы ни был прав рабочий класс, ему не позволено подниматься над и против рубежей Родины. Никто не позволит, чтобы ради куска хлеба ты опустошал и отдавал на откуп чужеродной нации банкиров и ростовщиков всё, что приобрела двухтысячелетним трудом нация рабочих и витязей. Твоя правда – составная часть правды нации. Недопустимо, чтобы ради твоей правды ты разнёс на куски историческую правду нации, к которой ты принадлежишь.

Но мы также не позволим, чтобы под прикрытием триколорных формул установился олигархический и тиранический класс на спинах рабочих всех категорий и в прямом смысле слова сдирал с них шкуру, постоянно потрясая в воздухе: Родиной, которую не любят, Богом – в которого не верят, Церковью – в которую никогда не ходят, и Армией – которую посылают на войну с голыми руками.

Всё это реальности, которые не могут быть эмблемами в политическом мошенничестве в руках аморальных шутов.

Затем мы начали организовывать рабочих в национальные профсоюзы и даже организацию политической партии: «Национал-Христианский Социализм» (в то время мы не слышали про Адольфа Гитлера и немецкий Национал-Социализм). Панку тогда написал:

Кредо Национал-Христианского Социализма

«Верю в единое и неделимое Румынское государство, от Днестра до Тиссы, охватывающее всех румын и только для румын, что любят труд и честь, с верой в Бога, с заботой о стране и нации. Дающее равные права, – гражданские и политические, – мужчинам

и женщинам. В протекторат семьи, в оплату чиновникам и рабочим исходя из числа детей и произведённого труда, понимая качество и количество; и в государство, подерживающее социальную гармонию через уменьшение чинов; и, помимо заработной платы, в социализацию фабрик, собственность всех рабочих и землю, розданную пахарям.

В распределение доходов между патроном (государство или частник) и рабочими. Патрон (частник) помимо оплаты своего труда будет получать процент, уменьшающийся пропорционально величине капитала. И в государство, страхующее рабочих через «фонд риска». В учредителя складов продовольствия и одежды для рабочих и служащих, которые, организованные в национальные профсоюзы, будут иметь своих представителей в административных советах различных индустриальных, сельскохозяйственных и коммерческих учреждений.

И в большого и сильного «отца рабочих» и Короля крестьян, «Фердинанда», который ради счастья Румынии пожертвовал всем, и который слился с нами ради нашего спасения. Который во главе войска победил у Мэрэшт и Мэрэшешт, и который снова смотрел с любовью и доверием на воинов, что обязаны ему верой, и которые найдут в казармах настоящую школу нации, которую пройдут в течение года.

В триколор, окружённый лучами национал-христианского социализма, символ гармонии между братьями и сёстрами Великой Румынии.

В святую христианскую церковь, со священниками, живущими по Евангелию, которые по-апостольски жертвуют собой для просвещения многих сих.

Признаю назначение министров Камерой Депутатов, упразднение Сената, организацию сельской полиции, прогрессивный налог на прибыль, сельские ремесленные и сельскохозяйственные школы, «кружки» для хозяек и взрослых, дома для престарелых и инвалидов, национальные дома, исследование национальных истоков, доведение законов до сведения всех, поддержку частной инициативы в интересах нации и развитие домашней крестьянской индустрии.

Ожидая возрождение национального сознания у самого последнего пастуха и обращение просвещённых к труженикам, чтобы помочь и утвердить их в истинном братстве, основе завтрашней Румынии. Аминь!

Гвардия Национального Сознания»

Газета «Сознание», понедельник, 9 февраля 1920 года.

Потом мы приступили к организации национальных профсоюзов. Вот протокол основания одного профсоюза. Я его публикую, чтобы показать сознание ясных рабочих того времени.

«Протокол.

Мы, нижеподписавшиеся, – мастеровые, рабочие и служащие Табачной Фабрики РМС, собравшиеся вчера вечером, в понедельник, 2 февраля 1920 года в помещении Гвардии Национального Сознания по улице Александри №3 под председательством г-на К. Панку, действующего председателя Гвардии, перед лицом преступных устремлений некоторых личностей, что преследуют другие интересы, нежели интересы нации и перед их пропагандой, нацеленной на препятствие нормальной работе данного учреждения и нашего существования, тех, кто работает всю жизнь ради куска хлеба, единственного средства существования для нас и наших детей, мы, румынские рабочие, честные и законопослушные, понимаем необходимость выступить под флагом нашей Родины и идти дорогой, которую диктуют верховные интересы её народа для нормальной работы данного учреждения, чтобы враз остановить вражескую пропаганду в наших рядах, решили организовать в национальный профсоюз, для чего выбрали следующий комитет и одного делегата от Гвардии Национального Сознания».

Следует 183 подписи.

«Сознание», 9 февраля 1920 года, № 17, 18.

Достоверная картина ситуации в 1919 году

Я пытаюсь описать период с 1919-го до 1920-го года, беря из манифестов и газет то, что считаю значимым.

Первый манифест, выпущенный Константином Панку в Яссах в августе 1919 года, наклеенный на всех ясских стенах, в момент всеобщей растерянности является сигналом к борьбе для ясских рабочих:

«Воззвание к румынским мастеровым, рабочим, солдатам и крестьянам.

Братья,

После времени страшных битв человечество празднует наступление мира между людьми, руководители всех цивилизованных стран стараются исключить войну путём принятия закона, что обеспечило бы мирную жизнь в будущем.

Но вот с Востока слышны голоса, полные ненависти, являющие стремление наших врагов растерзать нас через нашу вражду и наши разногласия. Из России, что пребывает под властью темноты ложных учений, приходят призывы к жестокой борьбе и братоубийству.

Из Венгрии, оплакивающей былое величие, слышны те же призывы. Враги с Востока и Запада объединились, чтобы смутить наш покой и тем вернее нас поработить.

Иноземцы пытаются вбить клин между нами с помощью безродных, что мы пригрили у себя. У них хватает смелости сказать, что их призывы сделаны во имя мира, во имя правды и свободы, для блага рабочих. Слово их – ложь, их призыв – смертоносный яд, потому как:

Они говорят, что хотят мира, но они сами его уничтожают, убивая самых достойных.

Они ратуют за свободу, но сами подчиняют себе людей путём смертельных угроз.

Желают братства, но сами насаждают ненависть, ложь и разврат среди народов.

Более того: они говорят, что хотят упразднения капитала, заработанного в поте лица.

Говорят нам, что не хотят войны, а сами воюют.

Требуют роспуска армии, а сами вооружаются. Призывают выкинуть триколор, но хотят водрузить на его место красный флаг ненависти. Не верьте их манифестам и призывам, как не верили вражеским манифестам, когда воевали на Ойгузе, Мэрэштах и Мэрэшештах.

Обязанность каждого доброго румына позаботиться о том, чтобы ни одно семя вражды, что насаждают среди нас, не проросло в будущем.

Совершенствуйте дело, начатое вашим трудом и вашей честью. Ваши враги: лень, ненависть, бесчестье, что царят за рубежом и угрожают и нам.

Будьте бдительны! Держите душу в чистоте, не забывайте, что наше спасение – это труд, единство и честь.

Братья солдаты,

С верой Бога вы повергли врага. Вашим оружием вы провели навеки рубежи Родины.

Вашей кровью вы достигли совершенства вашей жертвы.

Поэтому не позволяйте, чтобы чужие и несправедные руки испортили то, что вы свершили. Сохраняйте и впредь любовь к отчизне и верность королю. Вы поклялись защищать до последней капли крови рубежи страны. Оберегайте их бдительно против подлых происков врагов, именно так поступали ваши отцы и прадеды.

Братья крестьяне,

Бог наших отцов смиростивился к нашим страданиям и дал нам на редкость урожайный год. Будьте благодарны Ему вашим трудом и вашей верой. Возродите ваши силы для работы, соберите прилежно всё, что родила земля. Будьте спокойны: земли от Тиссы, Дуная и до Чёрного Моря вы заработали полностью.

Берегите их свято, защищайте их богатства вашим трудом и любовью.

Братья румыны,

В вас надежда и сила этой страны. Вы – счастье завтрашнего дня. Вам не проклятия копить, а благословения.

Враги нас атакуют на Днестре и на Тиссе. Они пытаются смутить покой и внутри страны.

Наше спасение – это труд, честь, любовь к нации и вера в Бога.

Будьте бдительны, призывайте на верный путь и тех, кто заблудился и перешёл в ряды людей без рода и племени. Собравшись вокруг трона, объединённые триколором, следите за спокойствием страны. Скажите чужакам и безродным, что хотят нас смутить, что вокруг нас сформировалась национальная гвардия, которая бдит и будет бороться с теми, кто хочет посеять непонимание между нами.

Все румыны, – рабочие, мастеровые, солдаты и крестьяне, – будьте достойны ваших прадедов и великого времени, в котором мы живём.

Подписались: Румынский круг мастеровых, Профсоюз транспортников РЖД, Профильный профсоюз РЖД, Общество инвалидов войны, Кузнечный цех и другие.

«Сознание», год первый, №1, 30 августа 1919 года.

Руководители румынских рабочих

Руководители румынских рабочих-коммунистов не были ни румынами, ни рабочими.

В Яссах: Док. Гелертер – еврей, Гелер – еврей, Спиглер – еврей, Шрайбер – еврей, и другие.

В Бухаресте: Илья Москович – еврей, Паукер – еврей, и другие.

Вокруг них – группа заблудших румынских рабочих.

В случае победы революции президентом республики, что узурпировал бы место великого короля Фердинанда, должен был стать Илья Москович.

В Парламенте Великой Румынии в 1919 году, в то время, когда все депутаты и сенаторы из всех областей объединённой Румынии, потрясённые великим актом объединения, стоя приветствовали великого короля-объединителя, этот господин – Илья Москович, отказался вставать, вызываясь сидя.

Отношение еврейской прессы

Необходимо подчеркнуть отношение еврейской прессы в те мгновения большой опасности для румынского народа. Каждый раз, когда румынская нация была под

угрозой своего существования, эта пресса поддерживала тезисы, выгодные нашим врагам.

Равно как, следя за событиями, можно заметить, что эти же тезисы были яростно опровергаемы, если они способствовали движению румынского возрождения.

Наши тревоги были для них радостью, а наши успехи были для них трауром.

Свобода

Свобода, которую сегодня оспаривают у национального движения, была тогда воздвигнута на пьедестал, так как должна была послужить делу нашего уничтожения.

Вот, к примеру, что писал «Адевэрул» от 28 декабря 1919 года под авторством Эмиля Д. Фагуре (Хонигманна):

«...Предоставив право свободной манифестации социалистической партии, нельзя утверждать, что этой партии предоставлены привилегии. Какой бы ни была партия, желающая проявить себя, должно соблюдать это право...»

Ненависть

На этом же листе можно прочесть:

«Ненависть всегда должна быть нашим проводником против партий и убийств во главе с Ионом Братиану».

Иудейская ненависть против румын благословляется. И её поддерживают, к ней взывают. Это не преступление. Это не средневековый позор.

Когда же речь идёт о том, чтобы румыны защитили свои попранные права, их действия квалифицируются как ненависть, и эта ненависть становится признаком варварства, постыдным чувством, на котором ничего нельзя построить.

Порядок и закон

(«Адевэрул», 5 октября 1919 года)

«Свершилось! Высочайшим декретом-законом на время предвыборной кампании устанавливается новый режим, намного более суровый чем раньше, режим осадного положения и цензуры, когда оппозиция и вся страна поставлены вне закона.

Это просто режим военной диктатуры, где единственно Корона всеильна. Корона и либеральная партия, а исполнителем их воли является правительство генералов... таким образом декрет запрещает нам нападки на Корону. Если говорить правду о том, что Корона взвалила на себя тяжёлую ношу одна, и с Либеральной партией желает руководить страной, это будет считаться нападками, но мы всё же это сделаем.

Декрет запрещает нам нападать на существующую форму правления, если под этим подразумевается, что мы не можем яростно протестовать против нынешнего правительства, что является результатом воли двух людей, но мы будем протестовать...

Если нет другого пути против существующего положения вещей, если бы мы знали, что подстрекательство к мятежу или против так называемого законного порядка имело бы эффект, что к несчастью не так, мы бы не раздумывая сделали бы это. Потому что против диктаторского и террористического режима нет других методов борьбы.

...Мы считаем, что стоим лицом к лицу с вооружённой бандой, стоящей вне закона и использующей грубую силу... Тем не менее, мы будем размахивать этим флагом и, падая, мы всё же крикнем: долой тиранию, да здравствует свобода!»

Вот еврейская пресса в 1919 году.

То есть: подстрекательство к бунту против короны, против формы правления и законного порядка.

Подстрекательство к мятежу

(«Адевэрул», 11 октября 1919 года)

«Сумасшедшие! Где сумасшедшие?»

«Как было сказано, у нас много добрых людей и ни одного сумасшедшего. А нам нужны сумасшедшие. Те, в 1848 году, были сумасшедшими и выкорчевали тогдашний боярский режим...

Нам тоже нужны сумасшедшие. С добрыми людьми, что копаются в мелочах и никак ни на что не решаются, мы ничего не добьёмся. Нам нужен хоть один сумасшедший, если не больше. Что он сделает, этот сумасшедший, откуда мне знать?..

...Таким образом, нужен сумасшедший. Так пусть придут сумасшедшие!

Даже социалисты поумнели. У них под рукой реальная партия и люди, которые не должны были бы никого бояться. Боязни вижу, что нет. Но и тихими они тоже остались. Как и раньше, в надежде, они кое-как держатся за законное положение. Те, кто у власти, гражданские военные, хотят их вывести из себя. Напрасны усилия. Их тактика – законное положение. Даже когда в них стреляют, как 13 декабря 1918 года. Когда их безжалостно бьют, когда Фриму опускают в могилу его же тюремщики, социалисты протестуют, надо признать, с большим достоинством, но не сходят с пути закона.

В любом случае, нам нужны сумасшедшие.

Чтобы начались сумасшедшие, иначе незаконные действия, или противозаконные, против существующего положения вещей».

Корона

Корона для румын была всегда дорогим достоянием. Она есть гарант единства и нашего сопротивления перед лицом любой угрозы. Евреи не преминули на неё напасть, оскорбить её, компрометировать всеми способами.

Вот к примеру, как обходиться «Диминяца» от 16 ноября 1919 года с королём Фердинандом:

«Из-за одной ошибки»

«Животному свойственны примитивные нужды, но его мозг в состоянии их удовлетворить. Редко, очень редко, животное ошибается. Таким образом, его ум, каким бы ограниченным он ни был, мешает ему допускать грубые ошибки.

Не так всё происходит с Королём.

Хочу поговорить о короле созидания.

Король созидания намного более разумный, чем собака, лошадь или осёл. Это точно. Но тогда как ни одно из этих трёх животных не наступит на край пропасти, не кинется в воду, чтобы утонуть или не сделает травмоопасное движение, король созидания ежедневно допускает непростительные ошибки.

Мудрость требует, чтобы Король не становился пленником одного человека или одной партии.

Со всем уважением должен сказать Его Величеству, что он ошибся. Очень неясная ситуация – это творение Его Величества. Потому что Его Величество, уступив виновным и заинтересованным навязчивыми идеями, ушёл от естественных решений, что диктовались внутренней обстановкой.

Если даже сегодня корона не решится пойти естественным путем, отличным от будущих интересов, природа войдёт в свои права с ещё большей решимостью.

Король созидания предупреждён».

Христианская церковь

(«Опиния», 10 августа 1919 года)

«Ясские националисты начинают метаться: но они слишком малочисленны и никчёмны, поэтому их агитация, которая раньше возмущала, сегодня просто смешна.

Националисты создали Гвардию Национального Сознания. Выпускались манифесты. Проводятся собрания... Были приглашены и студенты-шовинисты. Пришли и соответствующего толка священники... Когда везде, даже в самых деспотичных режимах стираются национальные различия, наши националисты хотят подчеркнуть эти разли-

чия... и особенно в тот момент, когда мирная конференция хочет навязать нам в договоре контроль меньшинств...

Когда повсеместно церковь отделяется от государства, оставаясь частным делом каждого, у нас националисты призывают священников с принципиальным характером организовано пропагандировать религию...

Тогда выступает священник: с кроткой душой он запускает руку в народный чуб и бьёт его головой о ступени церкви, пока у того не идёт кругом голова. Народ в церкви учится смирению и унижению. Так повелел Господь.

Сегодня ложь не обманет никого. Бесплезно националисты повязывают рукава триколорными лентами, бесплезно натравливают интеллектуальную вульгарность против евреев, бесплезно призывают священников предавать нас анафеме в церквях. Никто сегодня не боится их анафемы.

... проповедуем любовь между людьми. Бьём ногой в двери храмов, что приютили ненависть и месть».

Подписано: М. Севастос

Процессия

(«Опиния», 26 октября 1919 года)

«По призыву Гварди Национального Сознания досточтимое духовенство представило манифестантам бороды, облачения, прапоры...

Но за роскошь иметь под рукой своего Бога со всем генеральным штабом нужно платить. Мы предпочитаем оплачивать профессоров, а не священников. Следовательно, желаем отделения церкви от государства. Потому что не допускаем поощрения, через наше вынужденное участие – мракобесия, воздержания и духа смирения, что поддерживают полицейские режимы...

Назад в Средние Века? К инквизиции? Мы отказались от террора пиджака и кителя, мы не можем терпеть ещё и террор в рясе... С болью глядим мы на уличные манифестации, срежиссированные и под конвоем эполет – и не хотим присутствовать ещё и на дефиле митр и красных платков...

Хватит.

Купола церквей давят на плечи рода человеческого. Поклоны тянут его к земле.

Это будет пресная процессия. По улицам пройдут музейные одежды, скипетры с бриллиантами, митры... Пройдут кресты и епитрафили. Пройдут бороды. Ораторы с ожесточёнными жемами раскроют себе грудь и покажут кровоточащее ребро. Будут

сосать губку с уксусом, держа её между зубами...»

Подписано М. Севастос

Всё понятно. Отсюда и до нападения на офицеров, для того, чтобы сорвать с них погоны, всего один шаг. И тоже один шаг до разрушения церквей кирками или до их превращения в конюшни или заведения для садистских развлечений еврейчиков из «Опиния», «Адевэрул», «Диминяца» и их рода.

Я увидел в столбцах этих газет в тяжёлый час румынского испытания всю ненависть и хитрые происки враждебной нации, что осела здесь, и которую румыны терпели из милости, и только из милости. Отсутствие уважения к славе румынской армии и сотен тысяч погибших в её освящённой униформе; отсутствие уважения к христианской вере целого народа.

Не было дня, чтобы с газетных страниц не кидали яд нам в душу.

Из чтения тех газет, что сжимало мне душу, я узнал истинные чувства этих чужаков, которые они раскрыли без всякой сдержанности, в момент, когда они нас посчитали поверженными.

За один год я усвоил столько антисемитизма, что хватило бы на три человеческие жизни. Нельзя бить в святую веру одного народа, в то, что его сердце любит и чтит, и не ранить его до глубины, и чтобы из этой раны не сочилась кровь. Прошло с тех пор семнадцать лет, но рана кровоточит до сих пор.

Позвольте мне ещё раз выполнить свой священный долг, вспомнив этого героя, атлета рабочих христиан, мастерового К. Панку, под началом которого и рядом с кем я находился, пока неистовствовала «Красная бестия», как он её называл.

Этому человеку – отваге в его груди – обязаны Яссы своим спасением.

Семь лет спустя этот гигант, ослабевший от страданий и нищеты, ходил как тень по улицам Ясс, прося помощи для обследования сердечного заболевания.

Он умер больной и нищий, забытый и беспомощный, посреди безразличной страны и города, который он защищал своей грудью в самые трудные часы.

Первый послевоенный Студенческий Конгресс.

Клуж, 4, 5, 6 сентября 1920 года

Этот конгресс проходил в помещении Национального Театра города Клуж, в атмосфере большого энтузиазма, вследствие объединения румынской нации силой её оружия и её жертв. Это была первая встреча молодых интеллектуалов народа, рассеянного на четыре стороны судьбой и обстоятельствами. Две тысячи лет несправедливостей и страданий заканчивались сейчас.

Сколько энтузиазма, сколько святых эмоций, сколько слёз радости мы вместе пролили!

Но насколько велик был наш энтузиазм, переполнявший наши сердца, настолько же большой была дезориентированность перед линией будущего.

Этой дезориентированностью попыталась воспользоваться иудейская сила. Она подсказала, и, в конце концов, надавила на Министерство через масонство и политиков, чтобы в повестку дня конгресса включили вопрос студентов-евреев в студенческих центрах.

Другими словами, пытались превратить румынские центры в смешанные румынско-еврейские. Опасность была большой. С большевизмом у дверей и с перспективой быть численно подавленными иудео-коммунистическими элементами в наших собственных центрах. Как минимум в двух из них, в Яссах и Черновцах, ситуация была трагической.

Но, несмотря на это, руководители конгресса Лабузка, председатель Ясс, со всем комитетом, Назарие, председатель Бухареста, со всем комитетом и со всеми обществами, Пушкаш, председатель Клуж, были сторонниками этих идей. Молодые студенты подвержены влиянию, особенно если у них отсутствует вера. Они позволяют себя обманывать, не столько немедленным материальным интересом, который им могут предложить, сколько лестью, которой их окружают и перспективой большого будущего, которую им обещают.

Но юноша должен знать, что какую бы должность он не занимал, он является часовым на службе у нации, и что позволять быть польщённым, вовлечённым, значит покинуть свой пост, что означает дезертирство или даже предательство.

Наша маленькая ясская группа, непреклонная в своём решении, объединённая с группой буковинцев, два дня боролась с ожесточением, и всё же выиграла. Конгресс принял мою поправку персональным голосованием против поправки, предложенной всем студенческим руководством. Я думаю, конгресс предоставил свои голоса не из

убеждённости, а скорее впечатлённый отчаянностью и решимостью, с которой велась борьба.

Черновицкое студенчество, которое не превышало шестидесяти человек, вело себя замечательно. Наша ясская группа также не превышала двадцати человек. Если сюда прибавить двадцать человек группы Чиокина, тоже из Ясс, двухдневная битва велась в соотношении сто к пяти тысячам.

Победа, одержанная нами тогда, была решающей. Если бы наша точка зрения проиграла, студенческие центры потеряли бы свой румынский характер и в союзе с евреями пошли бы по пути большевизма. Румынское студенчество стояло перед историческим выбором.

И самое позднее в 1922 году мы бы не имели вспыхнувшее румынское студенческое движение, а имели бы вспыхнувшую коммунистическую революцию.

Открытие Ясского Университета осенью 1920 года

В других университетских центрах стояла тишина, мы же были обречены на битвы.

Впервые за всю историю Ясского Университета Сенат объявлял открытие учебного года в отсутствие священника и без религиозной церемонии. Для того чтобы кто-то понял нашу боль, надо знать, что это торжество было непрерывным на протяжении полувека и самым красивым праздником Университета. Приходили: весь сенат университета, все профессора, все студенты, действительные и вновь принятые; присутствовала и интеллектуальная элита Ясс. Митрополит Молдавский или Викарий отправляли богослужение в аудитории, благословляя начало работы во имя культуры румынского народа. А сейчас наш Университет с подачи Сената снимал с себя украшения полувековой традиции.

Но что ещё хуже: Университет христианских Ясс, высшая румынская школа, объявляет в те тяжёлые времена войну против Бога, изгнание Бога из школы, из учреждений, из страны.

Профессора Ясского Университета, кроме четырёх-пяти известных, приняли с большим удовлетворением языческое решение Сената, этот «шаг вперёд», что выведет «румынскую науку» из «варварства» и «средневековых предрассудков». Студенты-коммунисты праздновали, евреи – торжествовали, а мы, немногие, вопрошали себя с болью: сколько ещё осталось до того, как церкви будут разрушены, а священники распяты в алтарях?

Мы, восемь студентов-националистов, находившихся в Яссах, бесполезно обивали пороги многих профессоров, пытаюсь их уговорить пересмотреть принятые меры. Многократные наши просьбы не привели ни к чему.

И тогда накануне мы решились на отчаянный шаг: силой воспрепятствовать открытию Университета.

Мы вместе легли спать в доме по улице Сухупан №4, резиденции нашей акции, для того, чтобы остаться сгруппированными. Утром шестого числа я и Владимир Фриму вышли первыми, остальные должны были нас догнать. Я закрыл изнутри заднюю дверь Университета и забаррикадировал её, оставив там Фриму.

Я написал объявление красным карандашом и приклеил его на самых больших входных дверях: «Довожу до сведения господ студентов, а также господ профессоров, что этот Университет не откроется, кроме как после традиционного богослужения».

Остальные наши товарищи пришли поздно, слишком поздно.

К восьми часам начали приходить студенты. Я продержался до 9.30, когда перед Университетом собралось более трёхсот студентов.

В момент, когда профессор Мюллер с математического хотел силой войти, я ему сказал: «Когда вы поступили профессором в Университет, вы поклялись на кресте. Почему же сейчас вы поднимаетесь против креста? Вы – клятвopеcтyпник, потому что поклялись тем, во что не верите, а сейчас нарушаете клятву».

Тогда студенты, более трёхсот человек, во главе с Марин, шефом коммунистов, с Хритку, с Ионеску из Ботошан кинулись на меня, подняли наверх, открыли дверь Университета, внесли меня в «Зал потерянных шагов», где меня как в вихре переносили из одного конца зала в другой почти полчаса, при этом ударяя по голове тростью и кулаками. Невозможно было ни противостоять, ни защищаться, потому как я был зажат и толкаем со всех сторон и со всех сторон на меня сыпались удары.

В конце-концов меня оставили. Пока я сидел в углу и думал о моём поражении, пришли и остальные шесть товарищей. Но победа моих врагов оказалась недолгой, через некоторое время секретарь Университета спустился из Ректората и объявил следующее: «Доводится до сведения всех, что решением Ректората Университет остаётся закрытым до среды, когда откроется с богослужением». Это был большой триумф, его я воспринял с несказанной радостью.

В среду утром, через два дня, в переполненном зале, куда пришли люди со всего города, провели богослужение. Меня все поздравляли. Прекрасную речь произнёс А.К. Куза.

С тех пор во мне укоренилась уверенность, которая меня никогда не покинет, что тот, кто борется, пусть даже один, за Бога и свой народ, никогда не будет побеждён.

В общественном мнении Ясс эти битвы, особенно в Управлении, в Мастерских и сейчас, после той, в Университете, имели большой резонанс. Враги начали понимать, что большевизм не сможет продвигаться без серьёзных препятствий даже тогда, когда на его стороне почти все университетские профессора, вся пресса, всё еврейство, большинство рабочих, а с другой стороны, небольшая группа молодёжи, которые не противопоставляют этим огромным волнам ничего другого, кроме своей огромной веры в будущее своей страны. Эти юноши представляли собой сопротивление воли, вбитой в землю, как скала, через которую люди легко могли увидеть, что не только нельзя продвигаться без серьёзных препятствий, а нельзя продвигаться вообще.

Наши враги боялись, но не нас, а нашей решимости.

Остальной мир, Яссы христиан и румын, подбадривали нас и следили за нами с симпатией.

Учебный университетский 1920-1921 год

Этот год, начавшийся в вышеуказанных условиях, был годом непрерывных боёв и стычек. Мы, боевые студенты, организовали студенческий кружок «Штефан Водэ», чьим председателем я был. Отсюда мы атаковали своих противников, побеждая их раз за разом.

Презирая румынскую культуру, они свысока смотрели на наш Университет и на всё, что мы имели в этой стране, с претензиями великих учёных и мудрецов, как люди, что пришли из великой страны на отсталую и несчастную румынскую землю.

Были они, возможно, кое в чём правы, но вскоре они с силой стукнулись в нашей маленькой стране о хорошее и большое румынское вековое самосознание, которого там, в их великом королевстве за Днестром, видимо, никогда не было.

В Университете собрания стали невозможны. Нельзя было принять ни одного решения. Большинство студентов были коммунистами или сочувствующими. Но они не могли сделать и шага вперёд, потому что наша группа, насчитывающая не более сорока человек, была всегда начеку. Она атаковала и не позволяла распространять коммунистические идеи и практики.

Попытка устроить в Университете всеобщую забастовку по случаю ареста студента-коммуниста Спиглера провалилась на следующий день, так как наша группа захватила столовую и запретила вход туда студентам-забастовщикам, руководствуясь принципом: «кто не работает, тот не ест». Все вмешательства ректора и профессоров в попытке убедить нас впустить этих студентов обедать оказались напрасными.

Через некоторое время наша группа одержала новую победу: мы сменили униформу. Студенты-коммунисты носили русские картузы. Не потому что не имели что носить, но вызывающе, для утверждения большевизма. По случаю одной потасовки в Университете эти картузы были собраны и сожжены на Площади Объединения. Следом, каждодневно – в Университете, на улицах, по заведениям – началась охота. Все картузы сожжены. Через неделю они исчезли полностью и навсегда.

Наша группа пошла дальше. Схватилась с иудео-коммунистической прессой. Но у нас не было своей прессы, чтобы бороться посредством пера. После некоторых постыдных статей в адрес Короля, Армии и Церкви наша группа, у которой лопнуло терпение, проникла в редакции и типографии газеты «Лумя», руководимую евреем Хефлером, и «Опиния», и разнесли печатные станки, что распространяли яд и оскорбления.

Без сомнения, мы провоцировали беспорядки, но эти беспорядки остановят большой беспорядок, неисправимый беспорядок, который готовили в этой стране наёмники коммунистической революции.

Все эти события настроили меня на мстительный лад.

Еврейская пресса нападает на нас. Я отвечаю насилием.

Встретив на улице редактора «Опиния», после обмена репликами, после моего требования объясниться за нанесённое оскорбление, мы схватились. Мои враги получили хорошую взбучку.

Но на следующий день все яские газеты: «Опиния», «Лумя», «Мишкар» выступили против меня единым фронтом.

Навсегда исключённый из Ясского Университета

События на этом не кончаются. Сразу же вмешался университетский Сенат, на своём заседании, в моё отсутствие, меня навсегда исключают из Ясского Университета.

Наконец-то Университет и Яссы избавятся от возмутителя общественного порядка, который два года портил кровь нудео-коммунистам и противостоял всем их попыткам развязать революцию для свержения короля, сожжения церквей, расстрела офицеров и уничтожения сотен тысяч румын.

Для Сената Университета представителями законности и порядка являются коммунисты. Я же возмутитель этого спокойствия.

Совет юридического факультета

Но их планы рухнули. Потому что произошёл действительно уникальный случай в наших обыденных университетских действиях. Совет юридического факультета во главе с профессорами Кузой, деканом, Матеем Кантакузино и Дмитрие Алекандреску, ознакомившись с решением Сената, не согласился с ним.

Попытка Совета смягчить ярость Сената не помогли. Сенат не отменил своего решения.

Тогда юридический факультет отзывает своего представителя из Сената, не подчиняется его решениям и объявляет себя независимым.

Меня факультет известил, что я могу посещать занятия, так как консилиум профессоров отказывается признавать решения Сената Университета.

Таким образом, я остался студентом Ясского Университета.

Вследствие этого случая Совет Юридического Факультета в течение трёх лет не посылал своего представителя в Сенат. Конфликт продолжался много лет, даже после моего ухода из Университета.

Позже, когда я защитился, ректорат отказался выдать мне диплом. Диплом мне не дали до сих пор. Для поступления в Бюро адвокатов и для продолжения учёбы за границей я пользовался справкой, выданной мне на факультете.

Учебный университетский 1921-1922 год

Новый учебный год начался в обычных условиях. С богослужения. Снова в Университете и в Яссах праздник.

В Бухаресте этот день прошёл почти незамеченным.

Там студенчество, масса студентов, теряется в толпе сотен тысяч людей, среди шума, света, грубо сталкивающихся интересов. В Яссах, когда уходят студенты – полная меланхолия, как во время отлёта журавлей осенью, когда же студенты возвращаются, возвращается молодость, возвращается жизнь. Это праздничный день. В Бухаресте студент чувствует себя одиноко посреди огромного мира, который его не видит, не оценивает его, не ругает его, не интересуется им, не любит его.

В Яссах воспитание студента несравнимо, потому что он развивается, как и ребёнок, любимый своей мамой, под кровом любви всех румын. Здесь народ растит своих студентов. Я сам обязан этим Яссам значительной долей своей признательности за всё, что смог сделать. Я всегда чувствовал на себе заботу этой души Ясс. Чувствовал лучи его любви. Чувствовал его порицание, поддержку, побуждение, призыв к борьбе.

Нас, яских студентов, это преследует и сейчас, и будет преследовать всю жизнь, как вечная память о материнской любви.

Из всех студенческих поколений, что прошли по Яссам, скольких не преследовало побуждение, призыв к борьбе! Скольких не преследовало до могилы его порицание, скольких не преследует и по сегодняшний день!

С начала года наблюдается, что иудео-коммунизм отступает дезориентированный и с почти потерянным моральным духом. Никакой попытки к сопротивлению.

Прибыла новая волна студентов, вновь принятых, где все слышали о наших битвах и все горели желанием к нам присоединиться. Приехав сюда, они вступили в наши ряды.

Председатель Общества студентов-юристов

В ту осень я был избран председателем Общества студентов-юристов. Сенат не хотел ратифицировать мое избрание под предлогом, что я исключён из Университета. Я сам себя ратифицировал.

Общество студентов-юристов, как и другие общества по факультетам, имело целью научную работу по дополнению и углублению знаний в соответствующей области.

Так, например, под председательством Нелу Ионеску, за два года до меня, общество студентов-юристов заседало почти еженедельно. Студент читал книгу по праву или связанную с юриспруденцией, обобщал её на заседании, подвергал её критическому анализу, затем следовали противоречивые дискуссии.

Я сохранил общие правила. Но и внёс кое-что новое. Все эти работы и рефераты не могли быть сделаны, если не имели предметом еврейский вопрос в свете науки.

По этой проблеме читались работы, написанные в Румынии и за рубежом – о международной иудейской силе, об историческом аспекте этой проблемы у нас и в других местах. Мы изучали методы борьбы против нас, иудейский дух и менталитет и выработывали методы борьбы и защиты.

После каждого доклада следовали обсуждения и дополнения и в конце – формулировка установленной правды, чтобы каждый мог уйти, уяснив для себя суть. Далее на том же заседании мы старались:

1. пошагово идентифицировать этот иудейский дух и менталитет, незаметно инфильтрированный, который проявляется в том, как чувствует и думает значительная часть современных румын;

2. осуществить нашу дезинтоксикацию, вытеснение иудаизма, внесённого в наше мышление через учебники, литературу, с помощью профессоров, на конференциях, в театре, в кинематографе;

3. понимать и разоблачать еврейские планы, замаскированные под множество форм. Ведь у нас столько политических партий, возглавляемых румынами, через которых говорит иудаизм, румынских газет, написанных румынами, со страниц которых говорит еврей со своими интересами, румынских лекторов, румынских авторов, что думают, пишут и говорят по-еврейски на румынском языке.

Мы начали понимать, изучая всё это, что впервые за свою историю румыны столкнулись с народом, который использует в качестве оружия для борьбы и уничтожения, как национальное оружие, хитрость и подлость.

Румыны знают только честный бой. Перед новыми еврейскими методами они оказались безоружными. Мы поняли, что всё сводится к пониманию врага. И в тот момент, когда мы, румыны, его поймём, мы его победим.

Наши заседания проводились регулярно в течение одного года.

Они притягивали студентов со всех факультетов во всё возрастающем числе, студенческий центр почти обезлюдел. Всё студенчество, так или иначе, было связано с деятельностью Общества студентов-юристов.

Учебный амфитеатр стал тесным для всего студенчества, пришедшего участвовать в этих заседаниях.

Во всё большем числе участвовали студенты из Бессарабии. Шесть месяцев деятельности принесли нам настоящее чудо: две трети бессарабских студентов-христиан пробуждаются, чувствуют позыв к новой жизни, светлеют их лица. Через короткое время они станут самыми преданными солдатами нашей борьбы, став, благодаря своей вере, преданности, душевной чистоте и готовностью к самопожертвованию во главе движения, которое набирало силу. Этот момент нашего братства, озарённого одним светом и клятвенным обещанием борьбы за христианскую страну, против лживых иудейских орд, мы не забудем никогда. Те, кто ещё вчера воевали между собой, сегодня братски обнимались.

На этих заседаниях нас направляли и ориентировали произведения гениев нашей классики: Богдана Петричейку Хаждэу, Василе Конта, Михаила Еминеску, Василе Александри и других, но особенно работы и лекции профессора Кузы, работы профессора Паулеску, лекции о национальном воспитании профессора Гаванескула.

Все работы профессора Кузы были три-четыре раза прочитаны и изучены, особенно его курсы политической экономии, что блестяще трактовали, с высоты профессорской кафедры, еврейский вопрос, призывая румын к пониманию их самой тяжёлой нынешней проблемы. Эти курсы были для нас ежеминутным проводником в наших стараниях понять суть проблемы. Нашей, а значит и всех румын, самой большой удачей был профессор Куза, один из самых выдающихся знатоков еврейской проблемы в мире, ему мы обязаны нашей способностью ориентироваться во всех еврейских ухищрениях.

Его высоконаучные курсы были изучены студентами с особым вниманием. Амфитеатр Юридического Факультета был всегда тесноват. Ещё долгое время Ясский Университет не будет иметь профессора, проповеди по национализму которого вызывали бы такой интерес.

В это время жизнь многих из нас начинает находить единственную цель, поверх всех других интересов, – цель борьбы за свой народ, существование которого находится под угрозой.

Визит в Черновицкий Университет

В других университетах, между тем, стояла тишина. В Черновцах ещё с весны 1921 года начались движения на тему румынизации театра. Ожесточённая борьба, что длилась несколько дней, завершилась победой студентов. Сейчас, весной 1922 года, мы через Общество студентов-юристов организовали визит яссцев в Черновцы. Профессора и студенты приняли нас хорошо. Мы, все сто человек делегации, за все три дня, что находились там, не делали ничего другого, как делились с черновицкими коллегами нашей новой верой, что проникла нам в душу.

Это было легко, потому что Черновцы, как и Яссы, а может и больше, целыми улицами, со своей торговлей, со своими забытыми церквями, со своей землёй и со своими румынами, стонали под еврейской оккупацией. Короче говоря, между нами установилась тесная душевная связь, основанная на желании и общей мечте увидеть, наконец, свой народ пробуждённым, с сознанием достоинства, с его силой и правами, как хозяина своей судьбы и своей страны. Эта связь окрепла после ответного визита черновитцев через месяц. Сейчас мы познакомились с Тудосе Попеску, с этим замечательным образчиком молодого борца, с внешностью пандура, который позже стал одним из руководителей студенческого движения, и который сегодня покоится на бедном кладбище под жалким забытым крестом.

Журнал «Национальная Оборона»

Первого апреля 1922 года выходит двухнедельный журнал «Национальная Оборона» под началом профессоров Кузы и Н.К. Паулеску. Каждый может себе представить, что значило для нас, среди наших мыслей и исканий, появление этого журнала.

В нём мы находили всё, – и исчерпывающие ответы на наши вопросы, и оружие для борьбы. Статьи профессоров Кузы и Паулеску прочитывались с религиозным пылом всей молодёжью и имели повсюду среди студентов большой резонанс, и в Бухаресте, и в Клуже. Первое и пятнадцатое число каждого месяца были для нас триумфом. Номера журнала были настоящими транспорантами с аргументацией, с помощью которой мы побеждали аргументы еврейской прессы.

Считаю уместным привести пример нескольких статей профессоров Кузы и Паулеску, напечатанных в то время:

«Священный дух правды в веках защитит человечество».

В резюме: Талмуд – политико-религиозное законодательство евреев – вместо того,

чтобы, как Евангелие, бороться с жадной наживы и господством, напротив, выводит эти пороки на небывалые высоты, для того, чтобы реализовать мечты Иуды быть одновременно и собственником всей земли и хозяином всего человечества.

Но, в то время, когда христианские апостолы проповедовали свой идеал перед лицом небес, Талмуд прячется. Но есть два его аппендикса, Кагал и Франкмасонство, более явные, чем он сам.

Все они, для того, чтобы оставаться в тени, используют омерзительный и проклятый метод – ложь.

Следовательно, ложь – это основа еврейской системы, которую можно назвать так: «Говоришь, значит лжёшь».

Но у лжи есть смертельный враг, а именно: правда.

Правда – отличительная черта христианства. Христос сказал: «Я есть правда», и поэтому его доктрина омерзительна для Израиля.

Тогда как ложь, напротив, характеризует то, что называется «райским духом» или дьяволом. Таким образом, Иисус, обращаясь к евреям, говорит:

«Вы произошли от вашего отца, дьявола, и его желания исполнить хотите. Он же изначально губителем людей был и в правде не жил, потому как нет в нём правды».

Когда говорит ложь, она о своём говорит, потому что лжив и её отец.

Покидая мир, Христос послал своим ученикам непобедимое оружие: Святой Дух. Святой Дух правды, что вечно будет защитой человечеству перед дьявольским духом лжи.

Преклоняюсь перед Духом Правды и кричу из глубины души: Верую в Святой Дух!».

(Проф. Док. Н.К. Паулеску, из «Философская физиология. Талмуд, Кагал, Франкмасонство», том II, Бух. 1913 год, стр. 300-301).

Наука антисемитизма

Вот ещё одно ужасное словосочетание: наука антисемитизма. Как может антисемитизм быть наукой, – будут возмущённо спрашивать учёные с «породой», с «ископаемыми», с «иксами», с «суффиксами», учёные с их мнимыми «идеями» о культуре?

Антисемит? Для этих учёных это дикость: слепое проявление грубых инстинктов, остатки доисторической эпохи, позор посреди нашей цивилизации, осуждаемый одинаково и наукой, и просветлённым сознанием человека, свободного от предрассудков и страстей.

Это есть «атмосфера», созданная по большей части евреями, которую поддерживают евреи вокруг антисемитизма, дурача наивных или эксплуатируя наивность дураков с претензией: они, мол, тоже «на высоте современной цивилизации». А кто же там не хочет быть?

К примеру, интересный случай одного оживленного, он и сам наполовину еврей, который говорил несколькими годами ранее с апломбом страстного учёного о нашем антисемитизме, но который был тогда тем, кем он остался и сейчас, неизменно.

И вот что говорит нам этот автор, *poen-odiosum* – тогда предатель национального мышления, потом, во время войны, ставший предателем национального движения – в журнале «Вяца Ромыняскэ», год II, №11, ноябрь 1907 года (стр. 204-207):

«Хочу поговорить о еврейском вопросе... абсолютно денатурированной вульгарной и жестокой иудефобии наших антисемитов, которые этим... компрометируют нас в глазах цивилизованного мира...

С ржавым оружием, извлечённым из арсенала средневековых гонений, с пропагандой ненависти и страстным подстрекательством к эксцессам, с возбуждением в народных массах животных инстинктов – можно лишь скомпрометировать правое дело, которое не является всегда лишь делом антисемитизма...

Но представить этот конфликт... в ложном свете, преследование одной расы, религиозного преследования, одним словом, антисемитизма, может служить лишь делу противников, которые рады эксплуатировать бредни нескольких маньяков... скандалистов-антисемитов, делать внесение сего вопроса в повестку дня преждевременно...

Ни один народ, тем паче наш, не может бесконечно и безнаказанно отгораживаться от современных идей и внешних политических реалий... (Многоточие. Многоточие в конце принадлежит автору. Оно не отсрочивающее, а угрожающее и, кажется, что содержит страшное политическое предвидение – прим. автора).

Следовательно, поставить наш вопрос в ракурсе антисемитизма, межрасовой ненависти, значит придти к фатальному и постыдному для нас поражению... Азиатские замашки... яростная демагогия, нездоровая агитация... попытка спекулировать на тёмных страстях...» (Многоточие. Многоточие в конце снова принадлежит автору и содержит ту же угрозу за такие страшные преступления нашего антисемитизма – прим. автора).

Я передал эту типичную еврейскую концепцию. И видно, к чему она сводится: к клише («цивилизованный мир», «современные идеи»), но особенно к оскорблениям («вульгарная иудефобия», «ржавое оружие», «звериные инстинкты», «бредни нескольких маньяков», «антисемитские скандалисты», «азиатские замашки», «тёмные страсти»).

Подобные «оценки» мы находим у вульгарных евреев, но иногда и у некоторых видных представителей культуры в др. областях. Таким образом, к примеру, отличный юрисконсульт, профессор университета, оратор, политик, экс-министр, господин К. Арион, по причине моего антисемитизма во время заседания депутатов высказал мне порицание – надо признать замечательное, так как оно исходит от такого человека – назвав меня «пещерным человеком».

Что касается евреев, их объяснения антисемитизма ещё более характерно. Помимо обычных клише с их дикостью и ненавистью – разумеется, немотивированными, им не выгодно обсуждать мотивы – антисемитизм является, по их мнению: сумасшествием, интеллектуальным дегенированием, душевной болезнью. Таким образом рассуждает один из видных современных еврейских «интеллектуалов», док. К. Липпе, имеющий блестящее происхождение, как правнук известного средневекового комментатора Талмуда – Расса, того, кому принадлежит следующий пассаж: «тоб себегоим харог» – «убей самого лучшего из гоев».

Врач, док. К. Липпе, попавший к нам из Галиции, проживающий в Яссах, где был заключён за то, что убил через аборт христианку, опубликовал даже специальную работу под названием: «Симптомы антисемитской болезни мозга» («Simptome der Antisemitischen Geistes Krankheit», Iassy, 1887).

Итак, доказательством того, что аргументы, которые используют еврей-паразиты против антисемитов, несут на себе печать крайней убогости, как и такие же аргументы ожидавленных, является, например, недавнее высказывание «Израильского Курьера», официального органа Объединённого Еврейского землячества. В редакционной статье своего номера от пятницы, 15 сентября 1922 года, под оскорбительным для нас, тех, кто пишет в «Национальной Обороне», заголовком, называющим нас «бандой подлецов»:

«У антисемитов наблюдается состояние интеллектуальной дегенерации, дошедшей до извращения чувств, какой-то мозговой садизм, от которого заболевшие впадают в ложь и клевету».

Как видите, объяснение насколько простое, настолько и наивное: всё, что говорится против евреев, является ложью и клеветой по причине некоторых специфических интеллектуальных дегенераций. Определение антисемитизма, данное евреями и ожидавленными, сводится, следовательно, к этим двум словам: дикость и безумие, разумеется, у антисемитов. Что касается евреев, как социального феномена, они даже не входят в данное определение. Как будто их и не существует.

«Дикость» и «безумие» сделали так, чтобы все народы всех времён: египтяне, персы, греки, римляне, арабы, также, как и современные народы, до последнего времени, считали евреев национальной опасностью и предпринимали меры против них.

«Дикость» и «безумие» затемнили понимание самых блестящих представителей всех наций, таких как: Цицерон, Сенека, Тацит, Магомет, Мартин Лютер, Джордано Бруно, Фридрих Великий, Вольтер, Наполеон I, Гёте, Гердер, Иммануил Кант, Фихте, Шопенгауэр, Чарльз Фурнье, Людвиг Фейербах, Рихард Вагнер, Бисмарк, Рудольф Вирхов, Теодор Бильрот, Евгений Дюринг и многие другие в разных областях, когда они высказались против евреев.

«Дикость» и «безумие», в конце концов, объясняет антисемитизм самых избранных представителей нашей культуры, таких как: Симеон Барнут, Б.П. Хаждэу, В. Александри, В. Конта и М. Еминеску.

Дикие и безумные – все они? Цивилизованные и тихие – евреи. Опять несуществующие евреи.

Подобные нелепости распадаются сами собой. Но, тем не менее, для конфуза масс их производят постоянно. Вот по этой причине и потому, что подобная «теория», достойная еврейской головы, еврейской глупости и продажности – неспособна понять антисемитизм как социальный феномен, мы назовём её «теория антисемитизма».

Согласно этой нашей теории, в составе антисемитизма надо различать три составляющие: инстинкт, сознание, науку.

Инстинкт всегда делал так, что массы, озабоченные в первую очередь своими каждодневными материальными интересами, сопротивлялись паразитизму евреев путём народных движений, часто кровавых и всеобщих, каким было, помимо многих других, страшное казацкое движение на Украине под началом Б. Хмельницкого, когда погибло более 250 тысяч евреев в 1649 году.

Сознание еврейской угрозы просыпается постепенно, сначала в просвещённых слоях общества, затем распространяясь на всё большее количество людей. Объединяясь, всё общество поддерживает эти настроения, которые становятся сознательными.

Наука начинается с частичных исследований, пока не доходит – только в наши дни – к определению своего предмета, исследуя иудаизм как социальный феномен, отличный от среды, с которой он хочет слиться, и приходит к выводу, что он есть проблема человечества, и самая большая, чьё решение нужно найти.

Частичные исследования, через выводы к которым она приходит, можно сказать, формируют антисемитизм науки. Эта база, которую всё же не надо путать с наукой ан-

тисемитизма. То, что их разделяет, – это их разные предметы. Вот определение, через выявление предмета этой науки, и, видно, что это настоящая наука, со своей собственной областью: «Наука антисемитизма имеет предметом иудаизм как социальную проблему, будучи, таким образом, в обязательном порядке синтезом всех наук, что могут способствовать её решению».

Каковы эти науки, которые своими частичными исследованиями способствуют пониманию иудаизма, мы видели. И вот каким образом наука антисемитизма пользуется их результатами в решении своей задачи.

История: устанавливает, что евреи изначально являются скитающимися между другими народами, кочевниками без родины. Наука антисемитизма констатирует, что это кочевничество чуждо природе осёдлых сельскохозяйственных народов и не может быть терпимо.

Антропология: устанавливает, что евреи – помесь разных рас, не связанных между собой, таких как: семиты, арии, негры, монголы. Наука антисемитизма объясняет стерильность еврейской нации в области культуры как эффект этой гибридности, и что этот гибрид не может ничем послужить культурам других наций, он их лишь фальсифицирует, искажая их характер.

Теология: устанавливает, что еврейская религия – это партикулярная религия, основанная на особом соглашении, заключённом между евреями и их богом Яхве, и считающая евреев избранным народом, святым народом (в чём я сомневаюсь), отличным от других народов.

Наука антисемитизма выводит с твёрдостью, что подобная концепция исключает любое мирное сотрудничество и любую ассимиляцию с евреями.

Политика: устанавливает, что везде в среде других наций евреи организовали свою особую социальную организацию, являющуюся государством в государстве. Наука антисемитизма приходит к выводу, что евреи – это анархический элемент, угрожающий существованию всех государств.

Политическая экономия: устанавливает, что евреи во все времена, даже в Палестине, жили как народ, поставивший себя выше других наций, эксплуатируя их труд, не будучи сами прямыми производителями. Наука антисемитизма гласит, что любая нация в праве защищать свой продуктивный труд от эксплуатации евреев, которым нельзя позволить жить как паразитам, компрометируя существование народов.

Философия: устанавливает, что иудейская концепция о жизни есть анахронизм, противный человеческому преуспеваю. Наука антисемитизма вменяет, как долг пе-

ред цивилизацией, чтобы эта культурная противоестественность была ликвидирована объединённым научным потенциалом всех наций.

На объективных установках различных наук, отличных от себя, наука антисемитизма и основывает свои выводы, что с неизбежностью ведёт к одному: исключить евреев из среды других наций, положить конец их неестественному и паразитарному существованию, обязанному архаичным концепциям против цивилизации и покоя всех наций, которую они не могут больше терпеть.

Эта антисемитская теория отличается, как видим, от теории евреев и ожидавленных, что сводит объяснение антисемитизма к двум индивидуальным душевным проявлениям и, как только проявляются массово, сами становятся социальной проблемой: дикость и ненависть. И объясняет только это.

Инстинкт антисемитизма может иногда сопровождаться дикостью и ненавистью. На то он и инстинкт, он слеп, хотя он обладает уверенностью, защищая жизнь.

Сознание антисемитизма дополняет инстинкт, утверждает его порывы, какими бы дикими они не были. Для того, чтобы быть цивилизованным, нужно сначала существовать. Наука антисемитизма должна объяснить феномен, просвещая сознание толпы, и полностью удовлетворяя её инстинкт с его жестокими вспышками, которые она легитимизирует, раскрывая их причину в паразитизме евреев. Таким образом, она даёт нам формулу научного решения проблемы иудаизма – и нам остаётся только применить её на практике и довести до конца.

Современный антисемитизм вобрал в себя все энергии: энергию инстинкта, энергию сознания, энергию науки, энергию полностью доказанной правды, сформировав прекрасную социальную силу, разумеется, способную решить самую большую проблему современной цивилизации – еврейскую. И чем защищаются евреи и ожидавленные от этой огромной силы, ища возможность продлить приговорённое существование своего паразитизма? Мы уже видели: клише, оскорблениями, капризами.

«Вульгарная и свирепая иудеяфобия наших антисемитов... компрометирует нас перед цивилизованным миром... ржавое оружие, извлечённое из арсенала средневековых гонений... Пробуждение в народных массах животных инстинктов... азиатские замашки... Сумасшествие... Ментальный садизм...»

Это всё «аргументы» – других нет – противопоставляемые нашему антисемитизму, думая, что его можно убрать с помощью глупостей.

Тогда как в груди всех наций, возмущённых против паразитизма кочующего иуды, бушуют энергии мести...

А. К. Куза, «Национальная Оборона», № 16, 15, Ноябрь 1922 года.

Создание Ассоциации Студентов-Христиан

20 мая 1922 года, на собрании, в узком кругу, я объявил распущенным Студенческий Центр Ясс, что ещё находился в руках остатков наших врагов, поддерживаемых ректоратом, и мы учредили Ассоциацию Студентов-Христиан, которая существует и сегодня. Мы начинали как маленькая группа, создали студенческий кружок, потом появилось Общество студентов-юристов, и вот теперь из наших трудов нарождался истинный студенческий центр, в чью сторону были направлены все помыслы всего ясского студенчества, отличного от студенчества 1919 года.

Сейчас я приближался, с некоторой меланхолией в душе, после трёх лет борьбы и дорогих связей, закалённых в огне стольких испытаний, к дню моего расставания с Университетом, с жизнью студента, с товарищами по борьбе. Оставался месяц до выпускного экзамена, и я не мог свыкнуться с мыслью, что должен буду уйти, как и другие из набора 1919 года, так тесно спаянные душевно, что мы уйдём, рассеявшись, каждый кто-куда знает, в какой уголок страны.

Поэтому, назначив своим преемником на факультете Савву Мэрджиняну, а в Ассоциации Студентов-Христиан Илью Гырлята, я поклялся вместе с 26-ю товарищами, что сблизилась особенно, что, где бы мы ни были, мы будем бороться во имя тех идеалов, что нас связали на студенческой скамье. Эту клятву мы все подписали, поместили в бутылку и закопали в землю.

После выпускного экзамена я дал вторую клятву с другой группой, более поздней в нашей борьбе, численностью в 46 человек.

Они были моими гостями в Хуше, где мы четыре дня проводили заседания, проясняя самые мелкие детали нашей будущей деятельности. Здесь мой отец неоднократно говорил с моими товарищами, призывая их к борьбе.

После этого мы расстались, унося в душе мечту о лучших и справедливых днях для нашего народа.

Почётное Обязательство

Мы, нижеподписавшиеся студенты Ясского Университета, видя тяжёлое положение, в котором находится румынский народ, существованию которого угрожает чужая

нация, что захватила нашу вотчину и пытается прибрать к рукам руководство страны; чтобы наши потомки не скитались в чужих странах, гонимые нищетой и нуждой из своей страны, и чтобы наш народ не истекал кровью под тиранией чужого народа, мы уверенно встали вокруг нового и святого идеала защиты нашей Родины против еврейского порабощения.

В поддержку этого идеала мы создали в Ясском Университете Ассоциацию Румынских Студентов-Христиан. С этим идеалом в душе мы покидаем студенческую скамью. Мы считаем нашим первым почётным обязательством бороться, где бы мы ни были, за нашу правду, за жизнь нашего народа, находящуюся под угрозой.

Поэтому, собравшись сегодня, в субботу, 22 мая 1922 года, мы берём на себя коллективное обязательство, что, рассеявшись во все уголки страны, мы будем носить с собой частицу того огня, что вдохновлял нас во времена нашей молодости, и зажигать в несчастных душах огонёк правды, права на свободную жизнь нашего народа на этой земле.

Мы будем поддерживать самую тесную связь с Ассоциацией, которую сегодня покидаем, но в которой остаёмся, как поддерживающие члены, она останется центральным пунктом, что будет нас постоянно связывать в нашей борьбе. Мы встретимся через 8 лет, то есть в 1930 году, 1/14 мая в Ясском Университете. Комитет Ассоциации позаботится известить всех членов за два месяца до этого и подготовить их встречу. Мы передаём наше слово будущим поколениям студентов, что пройдут через эту Ассоциацию, и которые придут к решению пожертвовать свой труд на алтарь Родины, встретиться в том же году в тот же день с нами в Ясском Университете.

27 мая 1922 года

Корнелиу Зеля Кодряну, Хуш

Н. Надежде, ул. Университэций, 21, Яссы

Гр. Гика, ул. Карол, 23, Яссы

И. Сырбу, Офис Отаки, с. Рудь, жуд. Сороки

Григорьев Еусевье, Офис Ивановка-Руса, жуд. Белая Церковь

Илие Гырнята, ул. Музелор, 40, Яссы

А.П. Хажуи, Кетрешть, Васлуй

Иоанн Бланару, ул. Тэбэкарь, 35, Хуш

Константин К. Зотта, Майор Телеман, 13, Хуш

А. Ибраиляну, ул. Гика Водэ, 3, Галац

М. Бертхет, ком. Пуркарь, жуд. Белая Церковь

Якоб И. Филипеску, м. Фалчиу, жуд. Фалчиу

Леонид Бондак, Сороки, ул. Елиаде Рэдулеску, 5
К. Мадаржак, ул. Апостол, 71, Галац
И. Миклеску, Портулуй, 165, Галац
Ионел И. Теодореску, Музелор, Галац
Ласку Николае, Кишинёв, ул. Синадино, 22
Бобов Михаил, Кишинёв, ул. Подольская, 85
Михаил В. Сырбул, с. Машкауцы, жуд. Оргеев
Николае Б. Ионеску, Р. Сэрат, ул. К. Брынковяну, 59
Павел Епуре, Белая Церковь, Катедрала
Г. Бока, Балачанка, жуд. Сучава, Буковина
Василе Николау, ул. Л. Катаржиу, 61, Хуш
Андроник Захария, Партештий де Сус, Буковина
Василе Н. Попа, с. Пэунешты, Путна
Василе Корничук, Путрэуць, Сучава, Буковина
Николае Н. Аурите, Теремблеча, Сирете, Буковина
Гр. Михута, Скея, Сучава, Буковина
Чобану Штефан, Сучава, ул. Стурза, 9, Буковина
Еужен Кырдейю, ком. Былка, жуд. Рэдэуць, Буковина
Еуж. Н. Манойлеску, Епурень, Фалчиу
Владимир Фриму, ком. Калмацуй, жуд. Кахул
Г. Заросяну, Яссы, ул. Музелор, 40
Прелипчану Тит. Василе, Хородникул де Жос, жуд. Рэдэуць
Прелипчану Гр. Василе, Хородникул де Жос, жуд. Рэдэуць
Константин Дарие, Хородникул де Сус, жуд. Рэдэуць
Паскару Иоанн Штефан, Теремблеча, жуд. Сирет
Михаил И. Бабор, Балачана, Сучава, Буковина
Савва Марджиняну, Строешьт, Сучава, Буковина
Царану Траян, Строешьт, Сучава, Буковина
Ал. Пистуга, ком. Тарнаука, жуд. Дорохой
Драгомир Лазареску, ком. Тарнаука, жуд. Дорохой
Константин К. Кымпяну, Скея, жуд. Сучава, Буковина
Д. Пороснику, Гурмезоая, Фалчиу
Н. Г. Урсу, Малуштьень, Ковурлуй
К. Гика, ул. Карол, 23, Яссы

В конце студенческой учёбы

Оставшись дома, я вспоминал те три года, проведённых в Университете, и спрашивал себя: как смогли мы преодолеть столько препятствий, как смогли переломить менталитет, волю тысяч людей, как победили университетские сенаты, и как прибавили смелости вражеской прессе? Имели ли мы деньги оплачивать наёмников, выпускать листовки, ездить в командировки, вести эту настоящую войну? Мы не имели ничего.

Когда я ринулся в свой первый бой, я это сделал не по чьему-то призыву. И не после какого-то совещания, или предварительного решения, исполнение которого мне поручили. И даже не под влиянием большого и длительного внутреннего терзания или глубокого размышления, в котором я рассматривал эту проблему.

Ничего подобного. Я не смог бы объяснить, как вступил в борьбу. Может, как человек, идущий по улице со своими заботами, печалью и мыслями, вдруг видит горящий дом, скидывает с себя одежду и бросается на помощь тем, кто попал в огонь.

Я, с умом девятнадцатилетнего юноши, из всего, что видел, понял лишь то, что мы теперь теряем свою страну, что у нас не будет страны, что с невольной помощью наших бедных румынских рабочих, бедных и эксплуатируемых, на нашу голову придёт господствующая и уничтожительная еврейская орда.

Я пошёл по зову сердца, из инстинкта самозащиты, свойственного даже червю, но не из инстинкта личного сохранения, а из инстинкта защиты моей нации.

Поэтому всё время меня преследовало ощущение, что за мной стоит весь мой народ, с виноградниками, с траурными процессиями тех, кто погиб за свою страну, со всем его будущим, что народ борется и говорит через нас, что толпы врагов перед этой исторической сущностью не более чем пригоршня людских крошек, которую мы рассеем и победим.

Поэтому все они проиграли, во главе с неразумными университетскими сенатами, которые, думая, что борются с нами, горсткой сумасшедших юношей, в реальности воевали с собственным народом.

Существует закон сущности, который ставит каждого на своё место; взбунтовавшиеся против естества, от Люцифера и до наших дней, все эти бунтари, часто очень умные, но всегда лишённые мудрости, пали, поражённые Молнией.

В рамках этого закона естества, этого мудрого положения вещей, каждый может бороться, имеет право, обязан бороться за лучшее. Вне или против или поверх этого положения никто не может безнаказанно действовать и не быть побеждённым.

Кровяные тельца должны остаться в человеческом организме и служить ему.

Было бы бунтом, если бы они поднялись против организма, и более того: если бы сами себе служили, сами себя удовлетворяли, если бы кроме себя у них не было другой цели и других идеалов, когда бы стали сами себе Богом.

Индивидуум в составе и на службе у своего народа.

Народ в составе и на службе у Бога и Божественных законов.

Кто это поймёт, тот победит, даже если он один. Кто не поймёт, будет побеждён. Под императивом этих мыслей я заканчивал первый студенческий год.

С точки зрения организованности мы приняли за основу принципы субординации и дисциплины. Демократия была исключена, не из расчётов и не из уверенности, рождённой теоретическим путем.

В антидемократии мы жили с первого дня. Я руководил постоянно. Один раз за все три года я был избран: председателем Общества студентов-юристов. Всё остальное время не меня избирали шефом бойцы, а я их выбирал.

Никогда у нас не было комитетов, и мы не ставили на голосование наши предложения. Тем не менее, всегда, когда я чувствовал необходимость, я со всеми советовался, но решения принимал всегда сам, под свою ответственность. Поэтому наша маленькая группа была несгибаемой единицей. У нас не существовало разных партий с различными мнениями большинства и меньшинства, что сталкивались между собой в вопросах практики и теории.

У всех остальных было наоборот. Поэтому они и были побеждены.

Великая вера, что как факел горела в наших сердцах и освещала нам путь, большая и незабываемая дружба между нами, железная дисциплина, решимость во время борьбы и взвешенный план борьбы, благословения Родины и Бога обеспечили наши победы в эти три года.

Лето 1922 года

Лето 1922 года не прошло в тишине. На сценах национальных румынских театров и на сценах муниципальных театров молдавских городов начинают играть на идише еврейские пьесы в исполнении труппы Капароф. Наша молодежь расценила это как угрозу, так как увидела в этом начало отчуждения этого социального института, предназначен-

ного проводить национальное и моральное воспитание румынского народа. Исключённые из торговли, из индустрии, из недр земли и самой земли, из прессы, в один день мы увидим себя изгнанными и со сцен национальных театров. Театр, наравне со школой и церковью, может поднять захудалый народ на высоту сознания своих прав исторической миссии. Он может подготовить и поднять на освободительную борьбу целый народ. Отныне у нас отберут и этот редут. Наши театры, поднятые румынским трудом и деньгами, будут служить евреям для подготовки и усиления своих сил в борьбе против нас, а с другой стороны, с этих румынских сцен они нам будут подавать как духовную пищу, нам румынам, всё, что будет способствовать нашей национальной моральной деморализации и упадку.

Было долгом других: правительства, любой власти, профессоров – занять определённую позицию перед лицом этого нового антирумынского выступления. Но – полное отсутствие позиции. Лишь молодёжь, рискуя попасть под удары, прикрываясь от бесчисленных оскорблений и не находя нигде никакой поддержки, реагировала как могла.

Эта борьба была продолжена во всех городах: Хуше, Васлуе, Бырладе, Ботошане, Рышкане и др. группой яссских студентов, которым повсеместно помогали ученики лицеев. Они проникали в залы, полные евреев, и кидали в артистов сатаны всем, что попадалось под руку, вынуждая их убраться с румынской сцены.

Может, одни скажут, что это нецивилизованно. Может, – скажу и я. Но цивилизованно ли, чтобы чужая нация раз за разом лишала меня всех благ моей страны? Цивилизованно ли, чтобы та же нация отравляла мою культуру, а потом преподносила мне её сцены для моей же гибели?

Цивилизованны ли методы, используемые евреями в России? Цивилизованно ли погубить миллионы людей без суда? Цивилизованно ли поджигать церкви или превращать их в кабаре?

Я в своей бедности и слабыми силами защищаюсь как могу. Прессой, если имею. Властью, если она ещё румынская. Словом, если меня кто-то слушает. Силой, если больше нет ничего, и если все молчат. Трус и недостойный тот, кто за деньги или из трусости не защищает свою страну и никак не реагирует.

Как бы там ни было, но эта борьба была протестом, это был единственный протест посреди трусливой и страшной тишины. На второй день возвращались товарищи, все в ранах и побоях, потому что непросто группе из пятнадцати юношей войти в театр, где находится три-четыре тысячи евреев, и особенно возвращаться под градом ругани и издевательств со стороны наших румын. Я часто себя спрашиваю: что поддерживало нашу

маленькую группу перед лицом стольких ударов, ругани, идущей со всех сторон? Мы не нашли поддержки нигде. В этой борьбе со всем миром поддержка была в нас самих. В нашей вере, что мы находимся на великой линии нашей национальной истории, рядом со всеми теми, кто боролся, страдал и умер как мученик за нашу землю и народ.

В Германии

Осенью 1922 года я возвратился в Яссы. Там я поделился с товарищами своей старой мечтой поехать в Германию, чтобы продолжить изучение политической экономии и одновременно попробовать реализовать хоть немного стремление донести наши идеи и верования до зарубежья. Мы хорошо понимали из наших исследований, что еврейская проблема имеет международный характер, и что реакция должна быть также на международном уровне; что тотальное решение этой проблемы не может быть достигнуто кроме как совместными действиями всех христианских народов, пробуждённых к осознанию еврейской угрозы.

Но у меня не было ни одежды, ни денег. Товарищи приобрели мне одежду и одолжили у инженера Г. Беан сумму в восемь тысяч лей, которую должны были возвращать ежемесячно, каждый по мере своих возможностей. С этой суммой я поехал в Берлин, провожаемый на вокзале всеми теми, с кем расставался, и кто оставался дома продолжать борьбу.

По приезду в Берлин мне очень помогли два друга, студенты Балан и К. Зотта. Я записался в Университет.

В день записи я оделся в национальный костюм и прибыл на это красивое торжество, когда ректор по старинному обычаю пожимает руку каждому новичку. В залах Университета я был объектом всеобщего любопытства, по причине моего национального костюма.

Читателя этих строк особенно заинтересовали бы два вопроса о Германии 1922 года – взгляд на общее положение и в какой стадии находилось антисемитское движение.

Раны, оставленные недавней войной и поражением, кровоточили. Материальная убогость накрыла одинаково и Берлин, и всю стану. В последнее время была оккупирована и долина Рура, важный источник богатства. Я присутствовал при стремительном и ка-

тастрофическом падении марки. Недостаток хлеба, продуктов, безработица в рабочих кварталах. Сотни детей приставали к прохожим на улице, прося помощи. Падение марки ввергло в эту пропасть и немецкую аристократию. Люди, у которых были деньги, за считанные дни становились нищими. Те, кто продал землю или недвижимость, польстившись на высокие цены, в течение нескольких недель становились бедняками. Еврейский капитал в стране и за рубежом проворачивал грандиозные сделки. Те, кто имел твёрдую валюту, за 200 долларов становились собственниками огромных зданий по 50 квартир. Маклеры сновали по всем улицам, срывая большой куш.

Участником этой великой нищеты был и я, так как не имел никаких денег. Те восемь тысяч лей, с которыми я приехал, закончились. Тогда начался голод. Но посреди всеобщего страдания и тебе страдает легче. Будучи человеком, что не сгибается перед трудностями, я не подчинился нужде, а попробовал с ней бороться. Я изучил все возможности и решил заняться торговлей. Мне нужна была небольшая сумма, чтобы купить продукты в провинции и перепродать их в берлинских ресторанах. Этот факт побудил меня в канун праздников переехать в Йёну, где жизнь была дешевле. Там, среди всеобщей нищеты, в которой бился немецкий народ, меня поразили его чувство дисциплины, его способность к труду, чувство долга, корректность, сила сопротивления и вера в лучшие времена. Это был здоровый народ, и я видел, что он не позволит себя свалить, что он возродится с небывалыми силами из под глыб трудностей, что на него давили.

Антисемитское движение. В Германии существовало несколько политических и доктринарных антисемитских организаций с печатными листками, с манифестами, со значками, но все они были шаткими. Студенчество Берлина и Йёны было разделено на общества и насчитывало мало антисемитов. Студенческая масса была слабо знакома с проблемой. О проведении антисемитской акции или хотя бы о доктринарном ориентировании, как в Яссах, не могло быть и речи. Я провёл много бесед с берлинскими студентами в 1922 году, которые сегодня, разумеется, стали гитлеровцами, и сомневаюсь, что я был их профессором по антисемитизму, принеся им реалии, выученные в Яссах.

Про А. Гитлера я впервые услышал в октябре 1922 года. Я отправился в северный Берлин к одному рабочему, изготавливавшему свастики, с которым у меня завязались хорошие отношения. Его звали Штрумф, и жил он на Salzwedeler Strasse 3. Он мне сказал: «...слышно об антисемитском движении, начатом в Мюнхене молодым художником тридцати шести лет, Гитлером. Мне кажется, он тот, кого мы, немцы, ждём». Предвидение этого рабочего исполнилось. Я остался восхищён силой его интуиции, благодаря которой он сумел антеннами души выделить из десятков людей, без того, чтобы его

знать, за десять лет до того, кто победит в 1933 году, объединив под одной сильной рукой весь немецкий народ.

Там же, в Берлине, примерно в то же время, я услышал эхо мощного фашистского взрыва, – марш на Рим и Победу Муссолини. Я радовался этому как за победу своей страны. Существует связь и симпатия между всеми теми, кто в разных частях света служит своему народу, также как существуют связи и симпатии между теми, кто трудится над уничтожением народов.

Муссолини, витязь, поправший голову дракона, был из нашего мира, поэтому все головы дракона нападали на него, обещая ему смерть. Для нас он будет ясной путеводной звездой, что дарует нам надежду, будет нам живым доказательством, что гидра может быть побеждена, доказательством наших возможностей победить.

Но Муссолини не антисемит. «Зря вы радуетесь», – шептала нам на ухо еврейская пресса.

Но речь не о том, чему радуемся мы, а о том, от чего злитесь вы его победе, если он не антисемит. В чём смысл вселенской атаки еврейской прессы против него?

В Италии столько евреев, как в Румынии чангаев в долине Сирета. Антисемитское движение в Италии было бы то же самое, как если бы мы в Румынии начали движение против чангаев. Но если бы Муссолини жил в Румынии, он бы не мог быть ни кем иным, как антисемитом, потому что фашизм значит в первую очередь защиту своей нации от опасностей, которые её подстерегают. Значит, устранение этих опасностей и открытие свободной дороги к жизни и величию для твоей нации.

В Румынии фашизм не мог значить ничего, кроме устранения опасностей, что угрожали румынскому народу, то есть устранение еврейской опасности и открытия свободной дороги к жизни и величию, на которые имеют право надеяться румыны.

Иудаизм пришёл к власти в мире путем масонства и в России через коммунизм. Муссолини у себя дома отсек эти две иудейские головы, что угрожали Италии смертью: коммунизм и масонство. Там иудаизм был упразднён тем, что он имел. У нас он должен быть упразднён тем, что он имеет: жида, коммунисты и масоны. В общем, эти мысли мы, молодые румыны, противопоставляли иудейским попыткам омрачить нашу радость от победы Муссолини.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

10 декабря 1922 года

Я ещё находился в Йене, когда в один из дней меня настигло известие о том, что всё румынское студенчество из всех университетов поднялось на борьбу. Это не ожидаемая никем коллективная манифестация румынской молодёжи была вулканическим извержением из глубин нации. В начале она проявилась в Клуже, в сердце той Трансильвании, что занимала яркую позицию каждый раз, когда народ находился в тупике. Затем, почти одновременно, движение прорвалось во всех остальных университетских центрах.

И действительно, 3-4 декабря в Бухаресте, Яссах, Черновцах проводятся массовые уличные демонстрации. Поднялось всё румынское студенчество, как в час великого выбора. В тысячный раз раса этой земли, которой столько раз угрожали на протяжении веков, кидает свою молодёжь в лицо опасности, чтобы спасти своё существование. Великий момент коллективной электризации, без предварительной подготовки, без споров за и против, без решений, принятых в комитетах, без того, чтобы по меньшей мере, те из Клуж были знакомы с теми из Ясс, Черновиц и Бухареста. Великий момент коллективного просветления, как свет молнии среди тёмной ночи, в котором вся молодёжь увидела линию жизни, свою и своего народа.

Эта линия проходит ярким светом через всю нашу национальную историю и виртуально продолжается в нашем румынском будущем, указывая путь к жизни и чести, которому должны следовать мы и наши правнуки, если хотим спасти жизнь и честь для нашего народа.

Поколения могут следовать этой линии, могут приближаться или отдаляться от неё. У них, следовательно, есть возможность дать народу максимум жизни и чести или максимум стыда и бесчестия.

Иногда по этой линии идут только изолированные индивидуумы, покинутые своими поколениями. В такие моменты они и есть нация. Они говорят от её имени. С ними все миллионы погибших и мучеников прошлого и завтрашний день нации.

Здесь не имеет значение большинство и его мнение, будь оно хоть девяностодевятитипроцентным.

Не мнение большинства определяет эту линию жизни народа. Оно, большинство, может лишь приблизиться или отдалиться относительно этой линии, исходя из состояния его сознания и доблести или бессознательности и упадка.

Наш народ не жил на спине миллионов рабов, что подставили свои шеи под ярмо чужаков, а жил такими героями как Хория, Авраам Янку, Тудор, Янку Жиану, всеми гайдуками, что перед лицом иноземного не подчинились, а, покинув кров, направились по горным тропам, неся с собой честь и искру свободы. Через них тогда говорил наш народ, а не через трусливое и «правильное» «большинство». Они побеждают или погибают: без разницы. Потому что когда они погибают, весь народ живёт их гибелью и возвеличивается от их доблести. Они горят в истории как золотые образы, что на высотах отражают лучи заходящего солнца, тогда как в самых низинах, будь они сколь угодно большие и многочисленные, стелется тьма забвения и смерти. Принадлежит национальной истории не тот, кто выживет или победит, жертвуя линией жизни народа, а тот, кто независимо от того, победит или нет, удержится на этой линии.

Она определяющая в мудрости Господа; её увидели румынские студенты 10 декабря. И в этом значимость того дня: румынская молодёжь увидела свет.

10 декабря делегации из всех центров собрались в Бухаресте и зафиксировали в десяти пунктах то, что посчитали сутью своего движения. Объявляется всеобщая забастовка во всех университетах с требованием выполнения этих пунктов. Не стал 10 декабря великим значимостью формулировок: сколько смогли, столько сформулировали делегаты из сути правды, что гложит душу румынского студенчества. Он велик чудом пробуждения этой молодёжи к свету, что увидела её душа. Он значим как день решения. Решения действовать, объявления священной войны, что потребует у этой румынской молодёжи столько душевной стойкости, столько героизма, столько зрелости, столько известных и неизвестных жертв, столько могил! 10 декабря 1922 года зовёт молодёжь этой земли на великий экзамен.

Ни те из Бухареста, ни я, который был далеко, ни другие, которые тогда ещё были детьми-лицеистами, и которые сегодня прозябают далеко в тюрьмах, или спят под землёй, не думали, что этот день поведёт нас через столько опасностей, подвергнет нас стольким ударам и причинит столько ран в борьбе за защиту нашей Родины.

В Бухаресте, Клуже, Яссах и Черновцах потрясающие взрывы студенческих масс, ведомые силой своей интуиции, подчёркиваю: не руководителями – направляются на врага. Это, в первую очередь, еврейская пресса: «Адевэрул», «Диминяца», «Мынтуирия», «Опиния», «Лумя», очаги моральной инфекции, отравления и оболванивания румын.

Они направляются, чтобы их уничтожить, но и для того, чтобы показать румынскому народу опасность вражеской первой линии, по отношению к которой он должен быть бдителен. Манифестации против прессы значат объявление её врагом национальных интересов, и этим привлекают внимание румын и не позволяют их одурачить, сделать слепыми или идти на поводу у еврейской или ожидавленной прессы.

Эта пресса нападает на религиозные чувства румын, тем самым ослабляя их моральное сопротивление и порывая их контакт с Богом.

Эта пресса распространяет антинациональные теории, ослабевая веру в нацию, и отрывая её от родной земли, от любви к ней, земле, что всегда была призывом к борьбе и самопожертвованию.

Эта пресса искажает наши румынские интересы, дезориентирует румын и направляет их по пути, несовместимому с нашими национальными интересами.

Эта пресса поддерживает посредственность и людей, склонных к коррупции для того, чтобы иноземец мог удовлетворить свои интересы, и шельмует моральные ценности, что не оказывают услуги иудаизму и его интересам.

Эта пресса отравляет душу народа, публикуя каждодневно и систематически информацию о сенсационных преступлениях, аморальных связях, абортах, похождениях.

Эта пресса убивает правду и служит лжи с дьявольским рвением, использует клевету как оружие уничтожения румынских борцов.

Поэтому румын должен быть внимателен, читая еврейские листовки, быть начеку по отношению к каждому слову, что не случайно там появилось и расшифровать иудейский план, для которого оно написано. К этим вопросам хочет привлечь внимание всех румын студенческое движение, когда направляется к еврейским редакциям, объявляя их враждебными румынскому народу.

Я подчеркнул, что потрясающие взрывы студенческих масс были ведомы силой их интуиции, а не руководителями. Это легко, когда кто-то направляет несколько типов к чьему-то дому для враждебных действий. Когда же большие массы направляются с враждебностью, ведомые своим инстинктом, к кому-либо, тот приговорён, без права обжалования, как национальный враг.

Numerus Clausus

Во время студенческих боёв передаётся из уст в уста формула "Numerus Clausus". Но не как спасительная формула, – массы не дают формул, – а как указатель опасности.

“Numerus Clausus” значит, что большая еврейская опасность состоит в числе, особенно в числе, которое мы не можем больше терпеть ни в школах, ни в торговле, ни в индустрии, ни в свободных профессиях. «Внимание к числу», хочет сказать “Numerus Clausus”, потому что оно превышает наши силы национального сопротивления, и если мы не примем мер, то исчезнем как народ.

Столько значения имеет эта формула, или, если хотите, спасительная мера, которая имеет значение неотложной формулы, первой необходимой помощи, но совершенно недостаточной для излечения болезни. “Numerus Clausus” собственно значит ограничение числа евреев в школах, свободных профессиях и прочее. До какого числа ограничить? До соотношения евреев и румын в пропорции всей страны. То есть, если в Румынии проживают 15 миллионов румын и 3 миллиона евреев, пропорция составляет 20%. По формуле “Numerus Clausus” евреи должны быть допущены в школы, бюро и прочее в пропорции 20%.

“Numerus Clausus” означает ограничение числа евреев до пропорции между их числом и общего числа румын.

“Numerus Clausus” это всего лишь формула распределения евреев внутри наций, но это не формула решения проблемы.

Эта формула не решает почти ничего, так как она занимается соблюдением пропорций, но не борется собственно с пропорцией. Если евреев 3 миллиона, их оставляют 3 миллиона, особенно не занимаясь причиной этой пропорции и не указывая возможности уменьшения этой пропорции, то есть “Numerus Clausus” не содержит в себе способы решения еврейской проблемы.

Еврейская Проблема. Численность евреев

Большое число евреев поднимает серию проблем:

1. Проблема румынской земли
2. Проблема городов
3. Проблема румынской школы и высшего общества
4. Проблема национальной культуры

Всё это безупречно изложено профессором А.К. Кузой в его работах: «Население», «Национальность в искусстве», «Статьи», «Парламентские речи», «Курс политической экономики». То, что я утверждаю ниже, принадлежит по сути своей мыслям профессора Кузы.

Число евреев в Румынии точно не известно, потому что попытки провести статистику были осуществлены с полным отсутствием интереса со стороны румынских политиков, которые хотели скрыть дело национального предательства, и потому что евреи повсеместно избегают правды статистики. Одна поговорка гласит: «Еврей живёт ложью и умирает, прикоснувшись к правде». Впрочем, уже долгое время Директором Государственной Статистики при Министерстве Финансов был Леон Колеску = Леон Колер.

И они правы, с их точки зрения, потому что румыны, узнав точное количество еврейского населения поняли бы, что находятся перед лицом национальной угрозы и поднялись бы на защиту страны. Следовательно, перед лицом статистической правды, иудейская сила угасает, умирает. Она не может жить, кроме как скрывая правду, фальсификациями, ложью.

Мы считаем, что в Румынии проживает 2-2,5 миллиона евреев. Но если бы их было, как они утверждают, только миллион, румынский народ всё равно стоял бы перед лицом смертельной угрозы. Потому что важно не только число, количество, но и качество тех, кто представлен, и особенно интересны позиции, что занимают евреи в функциональной структуре государства во всех формах жизнедеятельности нации.

Наша земля была землёй, в которую постоянно врываются захватчики. Но ещё ни одна армия, за всю историю, не достигла нынешнего количества евреев. Нашествия проходили через нас и шли дальше, нынешние захватчики никак не уйдут. Они остаются здесь на нашей земле, в количестве, неслыханном до сих пор, и цепляются, как зараза, к телу земли и нации.

Когда начинается нашествие евреев? В 1800 году на территории Молдовы их проживало едва ли несколько тысяч. В 1821 году, в Бухаресте, насчитывалось сто двадцать семей.

Эта поздняя оседлость на нашей земле объясняется тем, что евреи испокон веков занимались торговлей. Но коммерция, для своего развития, нуждается в свободе и безопасности.

На румынской земле эти два условия отсутствуют, отсутствует свобода эксплуатации румынской земли, следовательно, перспективы более крупной торговли, и особенно отсутствует безопасность. Румынская земля была самая небезопасная в мире. Не было у румынского крестьянина безопасности своего дома, своего скота, труда, урожая за год. Это место нашествий, битв, войн век за веком, а после, зачастую, иноземного господства с кровавой данью. Что искать евреям на этой земле? Биться с гуннами, татарами, турками?

Еврейское нашествие началось 100 лет назад. После Адрианопольского Мира в 1829 году разрешается свободная торговля и одновременно прорисовывается перспектива спокойной жизни.

Отныне начинается и увеличивающееся год от года нашествие на нашу голову, – румын и особенно молдаван, – истощая наше благосостояние, уничтожая нас духовно и угрожая нам истреблением.

В 1848 году молдавские коммерсанты и промышленники предъявляют жалобу господарю М. Стурзе, прося принять меры против торгашей-евреев и нелояльной конкуренции, которую они практикуют.

С тех пор нашествие всё увеличивается. Но может неправильно говорить «нашествие», так как это предполагает идею насилия, физической и духовной отваги? Иудейская инфильтрация – это самый удачный термин, так как лучше передаёт процесс незаметного просачивания, трусливого и коварного. Потому что недостаточно похитить землю и достояние одного народа без того, чтобы оправдать это завоевание борьбой, преодолением риска, большой жертвой.

Они шаг за шагом захватили мелкую торговлю, мелкую индустрию, затем, теми же махинациями, большую торговлю и индустрию, и, таким образом, взяли под контроль города на севере страны.

Атака на румынский средний класс была произведена с точностью, которая встречается лишь у некоторых хищных насекомых, которые для того, чтобы парализовать противника, вводят им жало с ядом в позвоночник.

Нельзя было найти лучшее место.

Удачно атаковать средний класс – значит разорвать на две части румынское общество.

Это единственный класс, имеющий двойной контакт: внизу – с крестьянством, над которым он располагается, влияя на него силой авторитета, через более хорошее экономическое положение и культурный уровень; сверху – с высшим обществом, которое он держит на своих плечах.

Успешная атака на средний класс, то есть его уничтожение, влечёт за собой, как фатальное следствие, без усилия со стороны атакующего:

- а) Обрушение высшего общества или руководящего класса (этот руководящий класс закончит своим падением);
- б) Невозможность его восстановления;
- в) Растерянность и оболванивание, поражение и закабаление крестьянства.

В конечном счёте, иудейская атака на румынский средний класс стремится к следующему: смерть, уничтожение румынского народа не значит смерть последнего румына, как думают некоторые. Его смерть значит жизнь в рабстве. Ограничение до состояния жизни раба нескольких миллионов румынских крестьян, которые будут работать на евреев.

Вот констатации профессора Н. Йорги относительно числа евреев и даты их поселения у нас. Профессор Йорга в «Истории евреев в наших странах», в докладе, сделанном в Румынской Академии на заседании от 13 сентября 1913 года, излагая этот вопрос, между прочим, уточняет:

«В Няме несколько евреев поселяются рядом на монастырских землях между 1764-1766 годами» (стр. 18);

«В Ботошанах ни один господарский акт, как тот, что от 1757 года, даже не упоминает евреев среди прочих жителей города» (стр. 17);

«Иногда появляется еврей в Сучаве, как корчмарь на месте Митрополии и другие, как мелкие торговцы, в Окна, Хырлэу, Сирете, Галаце, Бырладе (было время, когда про бырладян-христиан можно было написать, что они занимаются торговлей более, чем другими занятиями) (стр. 10), затем в Романе, где в 1741 году не знали никого, кроме молдаван и армян, в Тыргу-Фрумосе, где в 1755 году упоминаются две корчмы и еврейский шинок, находящихся там» (стр. 17-18);

В Буковине в период аннексии 1775 года:

«В этих краях Черновиц и Кымпулунг, к которым добавились части Хотина и Сучавы (во всех этих краях) не насчитывалось более 206 еврейских семей до вхождения их в Империю.

К 1775 году, как следствие исхода из Галиции, их число достигло 780-800 семей. Первый губернатор края, генерал Enzenberg констатирует, что они занимаются, в первую очередь, корчмарством, вином, водкой и пивом.

«Они, – говорит генерал, – самый испорченный народ, склонный к безделью и питающийся без зазрения совести трудом и потом рабочих-христиан».

Комиссия, работавшая в 1781 году, показывает, что:

«Здесь в стране евреи имеют обыкновение покупать цыплёнка ещё в яйце, мёд ещё в цветке и ягнёнка в утробе матери за мизерную цену, и через это ростовщичество высасывать полностью силы из жителей и доводить их до нищеты; крестьяне, обременённые долгами уже на будущее не видят другого выхода, как бежать из страны».

Видим на троне этой страны (Молдовы) господарей, особенно Константина Морузи, которые отчаянно защищались от них.

... как кагалы предлагают Enzenberg-у в письменном виде пять тысяч золотых в год, чтобы всё осталось по прежнему, пытаются подкупить и господаря, но он предпочитает отвергнуть деньги, чем обречь страну на полную гибель (стр. 20).

И позже, в 1840-1848 годах, вот что констатирует профессор Йорга: «Десятками исчисляются эти заведения эксплуатации и безнравственности, корчма возле корчмы, с бутылками картофельной водки и другими отравками, на всём протяжении Молдовы, истощая целую расу для питания цивилизованных пороков господствующего класса» (стр. 34).

И далее пишет профессор Йорга:

«И всё же внешние интервенции, оплаченные еврейским элементом изнутри, не прекратились. В 1878 году они поставили условия признания независимости, добытой кровавыми жертвами и подвергли независимую Румынию, которая не могла покончить с собой, унижениям, отдавая политически половину себя под власть молдавских евреев... И как Когэлничану защищал сёла от еврейского алкоголя и ростовщичества, г-н Майореску защищал достоинство Румынии от оскорбления принятия чужих волей чужих» (стр. 39).

Я привёл здесь эти выдержки для того, чтобы с помощью большого, признанного и несомненного научного авторитета показать начало поселения евреев на румынской земле.

Проблема Румынской Земли

Не может быть, чтобы какой-нибудь народ в мире, будь хоть это племя дикарей, не ставил перед собой, с невыносимой болью, проблему своей земли перед лицом чужого нашествия. Все народы в мире, с начала истории и до наших дней, защищали земли Родины. История всех народов, как и нашего, полна борьбы за свою землю. Может ли это быть аномалией, каким-то нашим болезненным состоянием румынской молодёжи, тот факт, что мы поднялись на защиту своей земли? Или аномально не защищать её, когда она в опасности? Аномально не защищаться, то есть не делать то, что делали и делают все народы. Аномалия и болезненное состояние противопоставить себя всему свету и своей истории.

Интересно, почему всегда все народы боролись, борются и будут бороться за свою землю?

Земля – база существования нации. Нация стоит как дерево, корнями уходя в землю своей страны, откуда черпает пищу и жизнь. Не существует народа, могущего прожить без земли, так же как не существует дерева, подвешенного в воздухе. Нация, не имеющая земли, не может существовать, если только она не осядет на земле другой нации или на её теле, высасывая её жизнь.

Существуют божественные законы, определяющие жизнь народов. Один из этих законов – это закон территории. Господь выделил определённые территории каждому народу, чтобы он на ней жил, рос, развивался и созидал собственную культуру.

Еврейская проблема в Румынии, как и в других местах, состоит в нарушении евреями этого природного закона территории. Они нарушили нашу территорию. Они разрушители, а не мы; румынский народ должен терпеть последствия их преступления. Элементарная логика подсказывает: преступник должен ответить за последствия своего правонарушения. Пострадает ли он? Пускай страдает. Все преступники страдают. Ни одна логика в мире не скажет мне, что я должен умереть за чужое преступление.

Следовательно, еврейская проблема не происходит из «расовой ненависти». Она происходит из преступлений, совершённых евреями против естественных законов и порядка, в котором живут все народы мира.

Каково же решение еврейской проблемы?

Вот оно: возвращение преступников в этот универсальный, естественный закон и соблюдение природной легальности.

Но и законы страны противоречат еврейской экспансии. Ст. 3 Конституции гласит: «Территория Румынии не может быть колонизированной чужеродными народами».

Что это, если не колонизация – факт поселения двух миллионов евреев на румынской территории?

Но эта территория является неотчуждаемой и неотъемлемой собственностью румынского народа. И, как писал кто-то, румынский народ не только после 50 лет, не только после 100 лет, но и после тысячи лет будет оспаривать право на эту землю, так, как мы отвоевали землю Трансильвании после её столетней оккупации мадьярами.

Мы и наша земля

Все народы, нас окружающие, откуда-то пришли и поселились на земле, на которой

живут. История даёт точные данные о приходе болгар, турок, мадьяр и прочих. Один народ ниоткуда не пришёл. Это наш народ. Мы родились во тьме веков на этой земле вместе с её дубами и елями. С ней мы связаны не только хлебом и существованием, которое она нам даёт, обрабатывая её тяжёлым трудом, но и костями наших предков, что спят в этой земле. Все наши родители здесь. Вся наша память, вся наша военная слава, вся наша история здесь, в этой земле.

Здесь Sarmisegetusa с прахом короля Децебала Бессмертного, ибо кто может умереть как он, становится бессмертным.

Здесь покоятся Мушатины и Бессарабы, здесь, у Высокого Моста, в Разбоенах, в Сучаве, в Байе, в Хотине, в Сороках, в Тигине, в Белой Церкви, в Килии спят румыны, павшие в битвах, бояре и крестьяне, и много их, как звёзд на небе.

В Посаде, в Кэлугэренах, на Олте, на Жиу, на Черна, на Турде, в горах несчастных и забытых моцев из Видры, аж до Хуедина и до Алба Юилия, места пытки Хории и его братьев по оружию, – только следы битв и могил витязей.

Во всех Карпатах, в Олтянских горах, в Драгославе и Предале, от Ойтуза до Ватра Дорней, на пиках и в глухих долинах, везде реками текла румынская кровь.

Глухой ночью, в тяжёлый для народа час, мы слышали голос родной земли, что зовёт нас на бой.

Спрашиваю и жду ответа: по какому праву хотят евреи забрать у нас эту землю?

На каком историческом факте они основывают свои претензии и, особенно, наглость, с которой они идут на нас, румын, здесь, у нас дома? Мы связаны с этой землёй миллионами могил и миллионами невидимых нитей, которые только наша душа чувствует, и горе тому, кто попытает нас вытеснить с неё!

Проблема городов

Но на этой румынской земле евреи не осели везде случайно. Они расположились в городах, сформировав в них настоящие острова компактного еврейского проживания.

Вначале они вторглись и оккупировали города на севере Молдовы: Черновцы, Хотин, Сучава, Дорохой, Ботошаны, Сороки, Бурдюжаны, Исканы, Бричаны, Секурены и др.

С их приходом исчезли румынские торговцы и ремесленники. Сегодня улица, завтра другая, послезавтра квартал, менее чем за 10 лет исторические румынские центры полностью потеряли румынский характер, приняв вид настоящих еврейских крепостей. Скоро пали и остальные молдавские города: Роман, Пьятра, Фэлтичены, Бакэу,

Васлуй, Бырлад, Хуш, Текуч, Галац и Яссы, вторая столица Молдовы, после чего первая, прославленная наша Сучава, была просто превращена в грязное еврейское гнездо, что окружало нечастные руины прославленной крепости Стефана Великого.

В Яссах на протяжении целых улиц и кварталов не встретишь ни одного румына, ни одного румынского дома, ни одного румынского магазина. Проходят люди мимо обветшалых и обедневших великих церквей: церковь Талпаларь, воздвигнутая цехом подмётчиков, церковь Куреларь, воздвигнутая цехом шорников. Всё ветшает. Не осталось в Яссах ни подмётчиков, ни шорников. Церковь Святого Николая Ницего, воздвигнутая старым молдавским боярством, разрушилась до основания, а на могилы, что её окружают, еврейские закусочные кидают и сегодня отходы, мусор и грязь.

Церковь в Пятра Маре, где самое большое скопление людей, закрыта по причине отсутствия верующих. Скопление составляет только еврейское население.

На улице Лэпушняну стонет от боли дворец Куза-Водэ, превращённый в еврейский банк. В его бывшем саду возвышается еврейский театр в палестинском стиле. Иноземец топчет ногами всё наше самое святое.

Сердце в груди стонет от боли. Мы, дети, спрашивали себя, раздираемые душевной болью: откуда взялись румыны, что ведут себя так враждебно по отношению к своему народу? Откуда взялось столько предателей? Почему их не поставили к стенке или не сожгли их живьём в момент их предательства? Почему все бездействуют? Это проблемы сознания, что давят на нас, что беспокоят нашу душу, тревожат нашу жизнь. Знаем, что никаким иным путём мы не найдём покоя, кроме как в борьбе, страдании или смерти. Наше молчание покрывает нас трусостью, и каждый миг промедления подобен смерти.

Не говорим даже о городах и весях Бессарабии, что как открытые раны на измученном и истощённом теле страны.

Не говорим даже о Марамуреше, где румыны дошли до состояния рабов и мрут каждый день. Нет слов, чтобы описать великую трагедию Марамуреша.

Но болезнь распространилась как раковая опухоль; она затронула Рымнику-Сэрат, Бузэу, Плоешти и проникла в столицу.

В течение 15 лет пали Вэкэрешты, старинный румынский квартал, полностью пали Дудешты, пали румынские коммерсанты с Каля Гривицей. Умирают заменяемые евреями знаменитые торговцы из Обор, пала Каля Викторией. Сегодня это не более чем улица румынского «поражения», потому что собственность на Каля Викторией принадлежит евреям. Десять лет как евреи проникли в Олтению и вошли в Крайова Михаила Отважного, вошли в Рымнику Вылча, в Северин, под протекцией румынских политиков, кото-

рые, хорошо оплачиваемые, заявляют, что не существует еврейской проблемы. Этим политикам, чьё предательство перед народом ужасно, если они живы, народ должен выколоть глаза, если мертвы, – надо их вытащить из могил и сжечь их кости на площадях. Их детей и внуков народ должен наказать имущественно, подвергнув конфискации и заклеить эпитетом «дети предателей».

Потеря наших румынских городов имеет для нас уничтожительные последствия, потому что города – экономические центры страны. В них накапливается богатство страны. Таким образом, кто хозяин городов, тот хозяин средств к существованию, богатства нации.

Неужели нам, румынам, всё равно, кто хозяин наших богатств? Мы или евреи? Ни одному народу в мире это не может быть безразлично. Потому что народ растёт и развивается в пределах средств к существованию, которыми располагает. Чем этих средств меньше, тем меньшими будут возможности этого народа расти и развиваться, и наоборот (эти истины были исследованы всеми экономистами и блестяще сформулированы профессором Кузой).

Переход богатств из рук румын в руки евреев не значит только экономическое подчинение румын, и не только политическое подчинение – потому что, кто не имеет экономической свободы, тот не имеет и политической свободы – это значит намного больше: национальная опасность, которая перемальвает саму нашу силу – численность. По мере исчезновения средств к существованию в той же мере мы, румыны, будем исчезать с лица земли, оставляя наше место в руках еврейского населения, чья численность растёт с каждым днём и по внешним притокам и по мере захвата наших средств, наших богатств.

Во вторую очередь, города – это культурные центры нации (А.К. Куза «Национальная оборона», №3, 1 мая 1922 года). В городах расположены школы, библиотеки, театры, конференц-залы, всё под рукой горожан. Еврейская семья легко может обучить 5-6 своих детей. Семья крестьянина, из Бог его знает какой глубинки, далёкой от города, редко может себе позволить обучить до конца хоть одного ребенка. И в этом случае его семья полностью истощает свои силы и достаток, ставя под угрозу существование других 4-5 детей. Следовательно, тот, кто владеет городом, владеет возможностью приобщиться к культуре.

Но не только это; в городах и школах нация выполняет свою культурную миссию на земле. Как могут румыны выполнить свою культурную миссию еврейскими голосами, сердцами, умами, еврейским пером?

И, в конце концов, города, – это политические центры нации. Национальностью руководят из городов. Кто владеет городом, прямо или косвенно, руководит национальностью.

Что остаётся от страны кроме городов? Толпа в несколько миллионов крестьян, без средств на человеческое существование, без культуры, отравленная алкоголем и руководимая разбогатевшими евреями, ставшими хозяевами румынских городов, или румынами (префектами, мэрами, полицейскими, жандармами, министрами), что руководят формально, потому что они являются ни кем иным, чем умильными исполнителями еврейских планов. Этими иудейская экономическая сила поддерживает, подхалимничает перед ними, делает им подарки, вводит их в административные советы, платит им ежемесячно (Иуде заплатили один раз, здесь платят ежемесячно), возбуждает в них алчность, подталкивая их к роскоши и пороку, а когда они не подчиняются еврейским директивам и взглядам, их просто увольняют, пусть даже они – министры, им урезают субсидии и выплаты, делают публичными их воровство и сомнительные дела, провоцируемые вместе с ними, чтобы их скомпрометировать. Вот что осталось от этой румынской Родины в тот момент, когда мы потеряли города: бесчестный руководящий класс, нация крестьян без свободы и все румынские дети без страны и будущего.

Проблема румынской школы

Кто владеет городом, владеет школой, кто владеет школой, завтра будет владеть страной.

Вот некоторая статистика 1920 года:

Ситуация в Черновицком Университете.

Философский факультет, летний семестр:

Румыны – 174,

Евреи – 574

Факультет права, в том же городе, летний семестр:

По вероисповеданию:

Православные – 237

Католики – 98

Лютеране – 26

Другие – 31

Иудеи – 506

(Из «Демографической ситуации Румынии» Эм. Василиу – Клуж, стр. 84)

В Бессарабии

Сельское начальное образование:

Румыны: мальчики – 72 289, девочки – 27 555;

Инородные христиане: мальчики – 1 974, девочки – 1 302;

Евреи: мальчики – 1 281, девочки – 2 147.

Городское начальное образование:

Румыны: мальчики – 6 385, девочки – 5 501;

Инородные христиане: мальчики – 2 435, девочки – 2 435;

Евреи: мальчики – 1 351, девочки – 2 492.

Средние и профессиональные школы:

Православные – 1 535

Иудеи – 302

Смешанные средние школы:

Православные – 690

Иудеи – 1 341

(уп. раб. стр. 84-85)

В Старом Королевстве

Лицей, Бакэу: румыны – 363, евреи – 198;

Лицей, Ботошаны: румыны – 229, евреи – 127;

Женский лицей, Ботошаны: румыны – 155, евреи – 173;

Лицей, Дорохой: румыны – 177, евреи – 167;

Лицей, Фэлтичень: румыны – 152, евреи – 100;

Национальный лицей, Яссы: румыны – 292, евреи – 201;

Гимназия «Александрю чел Бун», Яссы: румыны – 93, евреи – 215;

Лицей «Стефан Великий», Яссы: румыны – 94, евреи – 120;

Лицей, Роман: румыны – 256, евреи – 157;

Лицей, Пятра Няц: румыны – 347, евреи – 179.

Частные школы

Бухарест: румыны – 441, евреи – 781;

Яссы: румыны – 37, евреи – 108;

Галац: румыны – 190, евреи – 199.

Ситуация в Ясском Университете

Медицинский факультет: румыны – 546, евреи – 831;

Фармацевтический факультет: румыны – 97, евреи – 299;

Филологический факультет: румыны – 351, евреи – 100;

Факультет точных наук: румыны – 722, евреи – 321;

Факультет права: румыны – 1 743, евреи – 370.

(уп. раб. стр. 87-88)

Румынская школа, разрушенная таким образом большим числом евреев, породила две серьёзные проблемы:

1. проблему румынского руководящего класса, потому что школа готовит завтрашних руководителей, не только политических, но всех руководителей во всех областях.

2. проблему национальной культуры, потому что школа – это лаборатория, в которой готовят культуру народа.

Чтобы подчеркнуть трагедию румынской школы, подавленную евреями, считаю особенно важным ниже процитировать скорбные констатации, сделанные одним из самых блестящих педагогов нашей нации, профессором И. Гаванескулом из Ясского Университета:

«Мы не хотим больше видеть спектакль, представляемый Яским Национальным Лицеом, где абсолютное большинство учеников составляет еврейский элемент. Мало-численные ученики-румыны чувствуют себя чужими: в перерывах между занятиями они стоят в стороне, смущённые и изолированные. Они – терпимое меньшинство.

Большинство живёт отдельно, между собой говорят о своих интересах, о своих играх, о своих обществах Масаву, Насоах, Масоах и пр., о своих посиделках и конференциях, о своём спорте, о своих планах работы и отдыха. И когда хотят избежать любопытства румын, миноритарное большинство начинает между собой шептаться или напрямую говорить на идише...

Бедные румынские профессора перед подобными душами учеников! Невольно вспоминаем курицу, высидевшую утиное яйцо. Гляди, как она испуганно кудахчет на берегу озера, как отчаянно зовёт птенцов, птенцов другой породы, что прыгнув в воду и скользя что есть мочи, хотят добраться до другого берега, где она их не сможет увидеть.

О какой национальной школе может идти речь с такой аудиторией? Ты можешь говорить с такой аудиторией, если чувствуешь в себе пламя патриотизма, о румынских мечтах и идеалах? Можешь хотя бы рот открыть? Сводит скулы и слова замерзают на зубах.

Великий Когэлничану перед таким классом учеников-иностранцев... смог бы он произнести своё знаменитое введение к курсу «История Румын», которое он произнёс как раз в этих местах, где сегодня Национальный Румынский Лицей стал «Национальным» еврейским лицеем?

У него пропало бы вдохновение, которое питается из симпатии блестящих верой и пониманием глаз».

(И. Гаванескул «Императив исторического момента», стр. 67).

И далее:

«Где ещё видано в Англии, Франции, Италии, чтобы в школе любого уровня, ограничимся одной стороной жизни нации, подавляющее число учеников принадлежало другому народу, нежели тому, что составляет коренное население страны, и который основал соответствующее Национальное Государство?

Можно ли вообразить, к примеру, что на юридическом факультете в каком-нибудь Английском университете училось бы 547 евреев и 234 англичанина, – пропорция между евреями и румынами на юридическом факультете Черновицкого Университета в 1920 году?

Или на философском факультете в Италии училось бы 574 еврея и 174 итальянца, – пропорция между евреями и румынами в том же университете?

Разве эти соотношения естественны? Разве это не противоестественность этнической биологии, недопустимое и невообразимое? Разве это не показатель преступного непонимания со стороны руководящего класса, ответственного за румынский народ?»

(И. Гаванескул, уп. раб.)

Проблема румынского высшего общества (руководящего класса)

Но кем являются сегодняшние студенты и ученики? Сегодняшние студенты и ученики, – это завтрашние профессора, врачи, инженеры, магистраты, адвокаты, префекты, депутаты, министры, одним словом, завтрашние руководители народа во всех сферах деятельности.

Если сегодняшние ученики на 50%, 60%, 70% евреи, то завтра, логично предположить, мы будем иметь 50%, 60%, 70% руководителей-евреев для румынского народа.

Можно ли ещё ставить вопрос о том, имеет ли право какой-нибудь народ ограничивать в своих университетах число студентов-иностранцев?

Вот что отвечает на этот вопрос, в бюллетене Гарвардского Университета, цитиро-

ванном профессором Кузой в “Numerus Clausus”, стр. 11, Morris Gray, бывший студент этого Университета (выпускник 1906 года), изучая у себя еврейскую проблему:

М. Грау начинает с формулировки проблемы в принципе, задавая вопросом:

«Для начала, в чём функция университета? В чём его обязанности?»

Если его обязанности – это обязанности перед индивидуумом, то зачисление должно очевидно и чистосердечно основываться на демократическом принципе: любой кандидат должен быть зачислен с условием сдачи вступительных экзаменов и оплаты первого срока обучения. И это без серьёзного анкетирования личности кандидата, его латентных возможностей прогресса, исключительности, о пользе для него самого и для других.

Но если его обязанности – это обязанности перед нацией, его отношение к зачислению студентов должно явным образом основываться на особом принципе.

По моему мнению, обязанность университета состоит в формировании людей для разных областей человеческой мысли, таким образом, чтобы хоть часть из них смогла стать руководителями в соответствующих областях и приносила пользу нации».

Вот значит чётко установленный принцип, – добавляет профессор Куза.

«Обязанность университетов перед их нацией, для которой они должны готовить руководителей во всех областях, и которые не могут быть другими, кроме как национальными.

Ведь недопустимо, чтобы нация готовила для себя в своих университетах руководителей-иностранцев».

Из вышесказанного можно выделить серьёзную проблему завтрашнего руководящего класса.

Остаётся лишь одна несомненная истина: Румыния должна быть руководима румынами.

Есть ли кто-нибудь утверждающий, что Румыния должна быть руководима евреями?

Если нет, то надо признать, что румынское студенчество право, и что все кампании, все оскорбления, все подлости, все подстрекательства, все происки, все несправедливости, что бросаются и будут бросаться в эту румынскую молодёжь, находят своё оправдание в войне, что ведут евреи для истребления румын и их лучших борцов.

Проблема национальной культуры

Народ, ставя перед собой такую проблему, сравним с плодоносящим деревом, что видит проблему своих плодов.

Когда дерево увидит, что поедено гусеницами, и из-за этого не может выполнить своё предназначение на земле, – не может плодоносить, – оно столкнётся с самой грустной проблемой, большей, чем проблема самой жизни, потому что потерять цель в жизни хуже, чем расстаться с самой жизнью.

Чудовищно! Чтобы мы, румынский народ, не смогли давать наши плоды? Чтобы мы не имели румынской культуры, своей, народа нашей крови, которая бы блистала в мире рядом с другими плодами других народов? Или мы обречены на то, чтобы предстать перед всем миром с продуктом иудейского происхождения?

Сегодня, в последний момент, когда мир ждёт, что румынский народ представит плоды своей крови и своего национального гения, неужели мы предстанем перед ним с инфекцией иудейской культурной карикатуры?

Со сжатым от боли сердцем мы рассматриваем эту проблему, и нет румына, что, увидев всю свою историю, подвергнутую опасности, не взялся бы за оружие для её защиты.

Цитирую из «Императива исторического момента» профессора Гаванескула эти бессмертные строки: «Забота о руководящей роли румынского народа такая же значимая для его естества, как и физическое сохранение, и состоит в его утверждении в сфере идеальной жизни человечества».

Создание культуры с истинно румынским характером.

Не может румынская культура вырасти из какой-нибудь школы, политической или экономической организации иноземного характера.

Институт как функция жизни нации носит румынский характер тогда, когда человеческий фактор, его составляющий, является румынским.

Перед лицом ужасной ситуации, перед лицом числа захватчиков, что нас подавляют, профессор Гаванескул с беспокойством спрашивает себя о национальной школе и культуре:

«Куда сбежать румынским душам? Где они могут избавиться от ужасного и навязчивого впечатления ссылки в их собственной стране?»

Кроме церкви, куда ходит народ, чтобы в тишине собраться с мыслями, под защитой спасительного креста, единственным его убежищем остаётся школа.

Школа – это идеальное гнездо, в котором национальный гений собирает своих птенцов, чтобы их вскормить, вырастить и научить летать, показать путь к высотам, которые только она знает, чтобы они долетели туда, куда только им дано долететь.

Школа – это прибежище, где настраивают струны и органы души народа, для исполнения новой симфонии, невиданной нигде в мире, его первой симфонии.

Школа – это святилище, где совершается великое таинство жизни народа, где этническая душа дистиллирует в каплях света свою бессмертную душу, чтобы отлить её в идеальную форму, предназначенную ему, и только ему, созидательной мыслью миров.

Не могут музыкальные инструменты других этнических душ гармонично участвовать в симфонии нашей культуры. Они не знают, исходя из своей конструкции, и не могут играть других нот, кроме нот своего народа.

Какую румынскую симфонию сыграешь на них?

Не может сущность национального гения других этнических душ кристаллизироваться в другие формы, кроме тех, что предназначены только им, извлечь образ румынского народа из еврейской, немецкой или мадьярской национальной сути».

И. Гаванескул, «Императив исторического момента», стр. 64-88.

Но евреи не только не смогут создать румынскую культуру, но сфальсифицируют и ту, что мы имеем, чтобы подать нам её отравленной.

Имея национальную школу, искромсанную таким образом, мы находимся в ситуации, когда вынуждены отказаться от своего предназначения как народа, отказаться от создания румынской культуры и умереть отравленными.

Возвращение на Родину

Всё это мы, яские студенты, в отличии от наших коллег из других университетских центров, знали ещё до начала студенческого движения, с кафедры профессора Кузы, из работ профессоров Паулеску и Гаванескула, из исследований, проведённых нами в Обществе студентов-юристов и из того, что мы видели собственными глазами и чувствовали в своей душе.

Это была большая проблема для сознания, о которой умалчивалось. Каждый день приносил нам ещё одно доказательство: мы видели коварство еврейской прессы, видели её вероломство во всех обстоятельствах, видели её подстрекательство во всём, что было антирумынским, видели, как она подхалимничает и превозносит политиков, чиновников, власть, писателей, священников, что соглашались служить еврейским интересам,

видели глумление над теми, кто придерживался румынской позиции, корректной, достойной, или теми, кто разоблачал еврейскую угрозу. Видели неприличие, с которым к нам обращались, с нами, в нашей стране, как будто они были здесь хозяевами уже тысячу лет, видели с возрастающим возмущением беспардонное вмешательство этих незваных гостей в самые сокровенные вопросы румынской жизни: религию, культуру, искусство, политику. Они пытались провести линии, по которым должна двигаться судьба нашего народа.

Меня с моим разумением юноши, почти ребёнка, долгое время мучили эти мысли в поисках решений.

Элементами, что произвели на меня большее впечатление, и которые определили моё желание бороться, что утешали и укрепляли меня в тяжёлый час, были:

- 1) сознание смертельной угрозы для нашего народа и его будущего;
- 2) любовь к земле и милость к каждому священному и славному месту, что сегодня подвергаются еврейскому издевательствам и профанации;
- 3) почтение перед прахом тех, что погибли за страну;
- 4) чувство возмущения перед оскорблением, издевательствам и топтанием ногами нашего достоинства людей и румын.

Поэтому, когда в декабре 1922 года я услышал великую весть о вулканическом взрыве студенческого движения, я решил вернуться на родину, чтобы бороться рядом с моими товарищами.

Скоро поезд вёз меня домой. Из Кракова я телеграфировал студентам в Черновцы, и они ждали меня на вокзале. Здесь я пробыл два дня. Университет был закрыт. Студенты, что его охраняли, были похожи на солдат на службе своей Родины, с душой, озарённой Господом. Их прекрасный и святой порыв не был затемнён ни тенью личного интереса. Дело, ради которого они побратались и боролись, как одно целое, было намного выше их, выше их нескончаемых нужд и забот.

Передовыми борцами в Черновцах были: Тудосе Попеску, сын престарелого священника из Мирчешт, Дымбовица, студент третьего курса теологического факультета, затем Даниляну, Павелеску, Кырштяну и др.

Я поинтересовался их планами борьбы. Планом была всеобщая забастовка до полной победы, то есть до того, пока правительство не решит то, что изложено в пунктах резолюции от 10 декабря во главе с "Numerus Clausus".

Он не показался мне хорошим.

В моей голове созрел следующий план:

- а) Студенческое движение должно распространяться на весь румынский народ. Студенческое движение, ограниченное рамками Университета, должно стать общенациональным движением румын, потому что, с одной стороны, еврейская проблема не есть только проблема Университета, а всей румынской нации, а с другой стороны, сам Университет не может её решить.
- б) Это общенациональное движение должно принять форму организации под единым началом.
- в) Целью этой организации должна быть борьба за приход к власти национального движения, что решит и «Numerus Clausus» и все остальные проблемы, так как ни одно правительство политических партий, не входящих в это движение, не решит национальной проблемы.
- г) Для этих целей студенчество должно подготовить великое национальное собрание всех румын из всех слоёв общества, которое будет означать и начало новой организации.
- д) Для проведения собрания каждый университет должен изготовить столько флагов, сколько жудецев (judet – (уезд) – административно-территориальная единица в Румынии – прим. переводчика), имеет соответствующая провинция. Полотнища этих флагов должны быть привезены и сданы делегацией студентов одному известному националисту, которого делегация посчитает самым подходящим для этого дела. Этот человек соберёт вокруг себя группу активистов из города и всего жудеца, и по получении телеграммы, сообщающей за неделю время и место собрания, он должен, с полотнищами флагов и со своими людьми, направиться к указанному месту.
- е) Чтобы Правительство не смогло помешать проведению собрания, все приготовления будут производиться в тишине, с сохранением даты в тайне.

Я изложил этот план в одном зале студенческого общежития перед лицом пятидесяти борцов.

Они посчитали его хорошим. Тогда собрали деньги, купили нужную ткань, и на месте, в том же зале, студентки изготовили знамёна для всех жудецев Буковины.

В Яссах

В Яссах я встретился со своими товарищами.

Изложил им свой план. И здесь, в первый же день, руками студенток были изготовлены флаги для всех городов Молдовы и Бассарабии.

Профессора Кузу я не застал. Он уехал в Бухарест с профессором Шумуляну и с моим отцом для участия в одном собрании в столице.

В Бухаресте

На второй день я поехал в Бухарест. Здесь я встретился с профессором Кузой, профессором Шумуляну и моим отцом, которые четверть века вместе боролись против еврейской угрозы, подвергаясь оскорблениям, ударам и ранениям, и которые сегодня переживали большое удовлетворение, видя всю просвещённую молодежь страны, числом более тридцати тысяч, поднимающую знамя борьбы за веру, которой они служили всю свою жизнь.

Но в Бухаресте мои мысли не были встречены с тем же энтузиазмом. Для начала я встретил некоторое сопротивление со стороны профессора Кузы. Излагая ему план, согласно которому мы должны были создать организацию национального движения и провозгласить его руководителем этого движения на собрании, что должно было состояться, профессор Куза нашёл план плохим, потому что, как он говорил :

– Нам не нужна организация, наше движение основывается на замечательном порыве масс.

Я настаивал, сравнивая массовое движение с нефтяной скважиной, которая, если её не укротить соответствующим образом, даже если она прорывается, остаётся бесполезной, потому что нефть разбрызгивается во все стороны. Но я ушёл, так ничего и не добившись. На второй день профессор Шумуляну и мой отец убедили профессора.

Но я столкнулся с трудностью, которую не ожидал. Было начало февраля. Большая масса студентов находилась в приподнятом настроении. Хотя для студентов были закрыты все столовые, хотя перед ними были закрыты двери всех общежитий и они остались на улице без еды и крова, посреди зимы, тем не менее, это не убавило в них настроения благодаря замечательной помощи румын из столицы, которые на второй день широко открыли двери своих домов, приняв и предоставив стол и кров более чем восьми тысячам борцам-студентам. В этом было одобрение, призыв к борьбе, солидарность, утешение для тех, кто получал раны.

У меня же не было никакой связи с этой массой. Я не знал никого. Через студента Фэникэ Анастасеску, который был администратором журнала «Национальная Оборона», я начал кое с кем знакомиться. У меня сложилось впечатление, что руководство студенческого движения в Бухаресте не было достаточно ориентировано, потому что, хоть они и были элитными элементами с особыми интеллектуальными способностями, это не умаляет тот факт, отчасти подтверждённый, что они неожиданно для себя оказались во главе движения, о котором прежде не думали. Впрочем, их было много, и у каждого было особое мнение. Среди значимых элементов в руководстве можно в пер-

вую очередь выделить: Крецу, Данилеску, Симонеску, Рэпяну, Ровента и др. Масса была воинственна, но часть руководства считала, что будет разумнее утихомирить эмоции.

С другой стороны, отсутствие у них опыта в этом направлении и ошибочный контакт с политиками заставил попробовать, по крайней мере, часть из них, переместить движение в материальную плоскость, что было, по моему мнению, недопустимо. Это выглядело бы так, как будто кто-то сказал:

- 1) боремся, чтобы вырвать страну из еврейских рук;
- 2) боремся за кусок белого хлеба к столу;
- 3) боремся за первое и второе блюдо;
- 4) боремся за мягкую кровать;
- 5) боремся за оборудование для лабораторий, медицинский инструмент и прочее;
- 6) боремся за общежитие,

чтобы потом власти сказали громким голосом:

– Требования студентов были удовлетворены, Правительство признало плачевное положение студенчества и его крайнюю бедность и т.д. Из шести пунктов студенческих требований пять были приняты, а именно: аппараты для вскрытия, оборудование для лабораторий, два белых хлеба на каждый день, два блюда, три общежития с хорошими кроватями и т.д.

Что касается первого пункта: спасение страны из еврейских рук, о нём нужно умолчать, мотивируя тем, что были удовлетворены пять пунктов из шести.

С начала студенческого движения еврейская пресса пыталась его перевести в эту плоскость.

Целью движения должен был стать хлеб, для того, чтобы настоящая цель – жид – осталась незамеченной. Впрочем, кто перечитает публикации, сможет заметить, что и румынские политики ставили вопрос таким же образом: студентам нужно дать общежития, еду и прочее.

Как я уже сказал, часть бухарестского руководства склонялось к этому пути, и если бы студенчество пошло бы по нему, оно отклонилось бы от выполнения реальных задач.

Моё мнение всегда было против любого вмешательства материального плана в требования студентов.

Потому что, говорил я тогда, говорю и сегодня, не личные заботы и лишения подвигли студентов к великому движению, но, наоборот, отодвигая на второй план все личные заботы, лишения, какие-то интересы, личные и даже семейные страдания, забыли о них и всецело отдались заботам, проблемам и стремлениям своей нации. Это, и только это, заставило их глаза светиться святым светом.

Студенческое движение не было движением материальных требований. Оно выше нужд одного поколения и переплетается с великими путями народа.

С другой стороны, здесь, в Бухаресте, доминирует идея: студенческое движение должно оставаться в рамках Университета, оставаться академическим движением и не превращаться в движение с политическим характером. Это мнение было абсолютно ошибочным, так как совпадало с интересами евреев и политических партий, которые были полностью заинтересованы в локализации вопроса в рамках Университета, и там, каким-нибудь образом, его погасить.

Наше мнение было таким: мы не делаем движение ради движения, а движение ради победы. Но студенческих сил не хватит для победы. Нам нужны студенческие силы, соединённые с силами всех румын.

Бухарестское руководство было также против прокламаций профессора Кузы, председателя возможной организации. Они утверждали, что профессор Куза недостаточно хорош для подобной работы. Я утверждал, что мы должны ему помогать такому, какой он есть.

И, в конце концов, бухарестцы и ко мне относились с большой долей сомнения. Мне было больно, потому что я пришёл к ним со всем, что есть у человека самого чистого и святого в его сердце, с искренним желанием плодотворного сотрудничества на благо страны. Может, они, не зная меня, имели право сомневаться.

По этим причинам я встретил в Бухаресте сопротивление. Я начал работать вне комитета и сделал всего три-четыре флага.

В Клуже

В Клуж я поехал с А. Гикой, одним из трёх детей г-жи К. Гики из Ясс, правнуками господаря Молдовы. На всём протяжении студенческого движения они вели себя безукоризненно.

Председателем студенческого центра в Клуже был Алекса, взвешенный и хороший человек. Он встретил меня с теми же аргументами и в том, что касается ориентации студенчества, и в том, что касается кандидатуры профессора Кузы на пост председателя нового движения. Студенческая масса была отважна и полна решимости. Тогда же я познакомился с Мотой, талантливым и смыслённым молодым человеком. Он был того же мнения, что и Алекса. Я попробовал его переубедить, но безрезультатно. Мне было очень тяжело, я не знал никого. Всё-таки я нашёл несколько студентов: Корнелия

Жеоржеску, студента с фармацевтического, Исаака Мокану с филологического, Крышмару с медицинского и др. Мы сделали флаг, и в доме капитана Шианку, что с первого момента с радостью присоединился к нашему движению, все вместе на нём поклялись.

Собрание в Яссах 4 марта 1923 года.

Учреждение Лиги Национально-Христианской Защиты

Возвратившись в Яссы, я имел перед собой две задачи, которые должен был решить параллельно:

- 1) подготовка собрания, для которого были сделаны флаги во всех университетах;
- 2) продолжение студенческого движения, поддержание всеобщей забастовки.

По первому пункту самой большой трудностью была не нехватка людей, не отсутствие организованности, не меры правительства. На этот раз самая большая трудность была не в неприятии это плана, а в отсутствии энтузиазма по отношению к нему со стороны профессора Кузы.

Профессор Куза не был полностью убеждён в необходимости учреждения организации и, с другой стороны, в возможности успешного проведения собрания.

По второму пункту у меня были серьёзные трудности с руководством студенческих центров в Бухаресте и Клуже, трудности, которые мешали существованию общей точки зрения на план борьбы, на основе которого можно было реализовать совершенное единство этого нового мира, что поднялся со всеми силами для победы над врагом и своими прошлыми грехами.

Ни руководители, ни массы этих центров:

- а) не знали еврейской проблемы, не знали евреев. Не знали иудейской силы, её образа мыслей и методов действия. Пошли на войну, не зная врага;
- б) считали, что либеральное правительство того времени или любое другое, что придёт следом, и которому мы пообещаем поддержку, выполнит наши пожелания.

Поэтому они больше рассчитывали на дипломатию. Считали, что, в конце концов, они смогут убедить политиков в истинности студенческого дела. Думаю, нет ничего более тягостного, чем обсуждать проблему с людьми, которые не знакомы даже с её элементарными аспектами. По отношению к этой ситуации из второго пункта я принял следующие меры:

1. Несколько хороших делегатов из Ясского Центра должны регулярно принимать участие в заседаниях центрального комитета в Бухаресте (заседания этого комитета про-

водились регулярно 2-3 раза в неделю. Они начинались в девять вечера и продолжались до 3-х, 4-х, 5-ти и даже 7 утра, с ведением противоречивых дискуссий. Для многих участников тех событий единственными воспоминаниями о студенческом движении остались эти заседания и риторическая борьба внутри комитета.

2. Создание в Бухаресте и Клуже по одной группе из самых лучших борцов из студенческой массы, которые будут работать поверх директив соответствующего центра.

В Клуже и Бухаресте эти группы сформировались очень быстро. В Бухаресте они даже вошли в состав комитета, где на каждом заседании руководство сталкивалось с решительной оппозицией. В Бухаресте И. Брэильяну, делегат Ясс, приносил реальную пользу. Такое же стойкое отношение Симонеску, руководителя студентов-медиков, удержало студентов на правильном пути.

По вопросу подготовки собрания, исходя из сообщений, полученных из Ясс, ситуация была следующей.

За две недели было распределено более сорока флагов в сорока жудецах среди надёжных людей. Было естественным, что через два месяца студенческого движения, всеобщей забастовки во всех университетах, душа румын кипела и они повсеместно поднимались, ожидая слова приказа. Флаги и известие о собрании пришли вовремя.

Профессор Куза хотел назначить дату собрания на май, так как весной могло придти больше людей.

Моё же мнение было другим – нужно было провести собрание как можно быстрее, исходя из следующих соображений:

1. Все люди, поднявшиеся вместе со студенческим движением, ждали сигнала к действию, чтобы объединиться, разобраться в ситуации и действовать по чёткому плану;
2. Я опасался, что евреи и масоны, поняв ситуацию, выйдут с инициативой создания псевдонационалистической организации, для втягивания в неё людей, и этим направляя движение по мёртвой линии. В любом случае, это родило бы конфуз в головах румын, что было бы нежелательно;
3. Было необходимо поддержать само студенческое движение, так как войну вести было нелегко: следовали удары со стороны правительства, удары со стороны властей, удары со стороны родителей, со стороны профессоров, бедности, голода, холода. Подъём румынской массы поддержал бы их дело, послал бы им слово добра, призыва, мужества, взбодрил бы весь фронт этого движения;
4. И последнее, – потому что тысячи студентов стояли и не знали, что делать, – провели две-три манифестации, два-три собрания... Но прошло уже два месяца. Все эти

люди должны чем-то заняться. Создание новой организации для всех этих людей, дошедших до истощения средств к действию, откроет широкую перспективу к деятельности.

На второй же день им будет чем заняться, направляясь к сёлам для их организации и вдохновения новой веры.

4 марта 1923 года

Профессор Куза устанавливает время: воскресенье, 4 марта. Место собрания: Яссы.

Я был приглашён за стол к профессору. Там был поставлен вопрос о названии будущей организации. Капитан Лефтер сказал: Партия Национальной Защиты, как во Франции. Мне показалось красиво.

Профессор Куза добавил:

– Не партия, лига – «Лига Национальной Христианской Защиты».

Так и осталось.

Тогда я послал телеграммы в Черновцы и Клуж со следующим содержанием: «Свадьба в Яссах, 4 марта».

Затем я занялся подготовлением собрания во всех мельчайших деталях. План составил профессор Куза и согласовал с профессором Шумуляну и моим отцом: в Митрополии – молебен, в Университете – выражение признательности Симиону Барнуциу и Г. Мырзеску, в зале Бежан – публичное собрание.

Были изготовлены афиши, которые сообщали о великом национальном собрании. Весть о великом румынском собрании в Яссах с целью создания новой боевой организации, как молния распространилась среди студентов всех четырёх университетов и оттуда – в массу румын.

До утра прибыли сорок две группы с сорока двумя знаменосцами. Полотнища флагов были чёрными в знак траура, в середине – круглое белое поле, символизирующее наши надежды, окружённые тьмой, которую они должны будут победить, в середине поля – свастика, – знак антисемитской борьбы во всём мире, а по периметру флага румынский триколор. Профессор Куза одобрил в Бухаресте форму этих флагов. Сейчас мы надели полотнища на древки, завернули их в газеты, и все вместе направились в Митрополию, где в присутствии свыше десяти тысяч человек прошёл молебен.

В момент, когда должно было быть освящение, перед алтарём развернули сорок два чёрных флага. После обряда освящения они разойдутся во все уголки страны и вокруг

каждого флага поднимутся настоящие крепости из румынских душ. Эти флаги, отправленные в каждый жудец, станут тем стержнем, что соберёт воедино всех людей одной мысли и одного чувства. С их праздничной святостью, впечатляющим видом и установлением в каждом жудеце большая проблема организации и народного ориентирования будет решена.

От Митрополии тысячи людей с развёрнутыми флагами направлялись через Площадь Объединения, ул. Лэпушняну и Карла к Университету. Здесь были возложены венки почтения и признательности Михаилу Когэлничану, С. Барнуциу, Г. Мырзеску (последний был защитником седьмой статьи Конституции от 1879 года и отцом министра-либерала Ж. Мырзеску, защитника евреев).

Здесь, в аудитории Университета, был подписан акт о создании Лиги Национальной Христианской Защиты.

После полудня прошло собрание в зале Бежан, под председательством генерала И. Тарноски. Много людей, что не уместилось в зале, ждали на улице. С большим воодушевлением профессор Куза был провозглашён председателем Лиги Национальной Христианской Защиты. Взяли слово: профессор Куза, профессор Шумуляну, генерал Тарноски, мой отец, представители всех жудецев, студенческих центров: Тудосе Попеску, Прелипчану, А. Вентоник.

Другие антисемитские и националистические организации

Маленькие антисемитские организации политического или экономического характера существовали и до 1900 года, и после. Это были слабые попытки проникательных людей, любящих свою страну, противостоять возрастающему иудейскому нашествию. Самой серьёзной антисемитской организацией была, однако, Национал-Демократическая партия, основанная 23 апреля 1910 года, под руководством профессоров Н. Йорги и А.К. Кузы. У этой партии был готовый план правления. В ст. 45 давалось решение еврейской проблемы.

«Решение еврейской проблемы через устранение евреев, развивая производственные силы румын и протекционируя их предприятия».

В конце этих программных пунктов находится торжественное заявление: «Эту программу мы сохраним, распространим и защитим со всей нашей силой и со всем нашим постоянством, и будем относиться к этому как к своему первейшему долгу чести».

А.К. Куза и Н. Йорга

Эта организация вобрала в себя всех борцов, что сформировались на протяжении времени с 1900 года и затем тех, кого она вырастила, начиная с 1910 года. Среди лидеров числились: профессор университета Шумуляну, профессор Ион Зея Кодряну, Бу-туряну в Дорохое, Тони в Галаце, К.Н. Ифрим и, позднее, Штефан Петрович, К.К. Ко-рою и др.

Все они в 1914 году были во главе движения, что требовало вступления Румынии в войну за освобождение Трансильвании, а в 1916 году большинство были на передо-вой, блестяще выполнив свой долг.

Ещё начиная с 1910-1911 годов, когда Дорохой был под руководством адвоката Бу-туряну, Яссы – под руководством профессора Кузы и Сучава под руководством моего отца, эти города стали крепостями национального возрождения.

В 1912 году течение в этих жудецах было таким сильным, что правительство не смогло избежать поражения, кроме как применив террор. В этих обстоятельствах мой отец был тяжело ранен.

Сразу после войны, когда крестьянство возвращалось домой с фронта решимостью и с желанием перемен к лучшему, на первых выборах вошли в Парламент профессор Куза от Ясс и мой отец от Сучавы. Здесь они дали яростный парламентский бой под аплодисменты всей страны. Основная борьба велась против мира, который нам пытались навязать немцы, чьи войска вторглись в нашу страну.

Отзвук этой борьбы, по настоящему красивой, объединил вокруг Национальной Де-мократической Партии надежды всей страны, и таким образом на последующих выбо-рах можно было наблюдать действительно великолепные победы. В Сучаве победа была несравненная. Из семи мест правительство получило одно, другие партии ничего, а список моего отца получил шесть. В Дорохое, в Яссах положение было похожим. По-езда везли в Бухарест тридцать четыре депутата-националиста.

Но к несчастью румынского народа, всё это войско, что поднималось во всех угол-ках страны, закончило большим поражением. Оно было для румын как гром среди яс-ного неба. Иудео-масонским силам удаётся разъединить двух руководителей партии, профессора Н. Йоргу и профессора А.К. Кузу. Н. Йорга не противостоит договору, что на-вязывал нам «клаузулу меньшинств» и выступает за его подписание. Профессор Куза с

другой баррикады доказывает, что эта клаузула меньшинств является пренебрежением по отношению к крови, пролитой румынами, непозволительным вмешательством в наши внутренние дела и началом несчастья для нас. Нам навязывали предоставление политических прав еврейской массе.

С какого-то времени Н. Йорга больше не антисемит.

Разумеется, разрыв был окончательным.

И этот несчастный народ вновь похоронил в своих сердцах надежду на спасение. Большинство членов и парламентариев приняли сторону профессора Н. Йорга, считая, что позиция профессора Кузы отдаляет их от перспектив власти. С профессором Кузой не остался никто, кроме профессора Шумуляну и моего отца.

Национальная Румынская Фасция и Румынское Дело

В 1923 году, во время студенческого движения, под влиянием националистического течения, в Бухаресте появляется Национальная Румынская Фасция под руководством профессоров университета г-д Вифора, Лунгулеску, Бачулеску, а в Клуже – Румынское Дело под руководством профессора университета Кэтуняну, Чорти, Ю. Хатиечана, адвоката М. Василиу-Клужа и группой студентов во главе с И. Мотой.

Первые выпускают еженедельный листок «Фасции», хорошо написанный, с душой. Но они, однако, не были знакомы с еврейской проблемой. Вторые выпускают двухнедельный журнал «Румынское Дело» и, затем, – «Румынское Братство», также хорошо написанный, но ограничиваются только этим. Они не могут определить действие и не могут основать крепкую организацию.

В это время студент И. Мота переводит с французского «Протоколы» с комментариями профессора Кэтуняну и М. Василиу-Клужа, выпущенные однотомником. В то же время М. Василиу-Клуж публикует свою работу «Демографическая ситуация в Румынии», в которой, путём статистических данных, показывает ужасающее положение румынских городов.

Эти две организации не имеют ни силы действия, ни организованности, ни доктрины Лиги Национальной Защиты, и закончат тем, что в 1925 году сольются с ней.

После учреждения Лиги Национальной Христианской Защиты моя деятельность

развивалась в двух направлениях: первое – это студенческое движение, что оставалось отдельной единицей, с её организацией по центрам, с её ближайшими целями, с собственной проблемой и борьбой, в которую она вступила три месяца назад, и второе – это Лига Национальной Христианской Защиты, в которой я получил функцию организатора под руководством профессора Кузы. По линии студенчества я боролся за:

- а) Удержание позиции на линии всеобщей забастовки, в которой румынское студенчество участвовало со всей честью, трудное дело перед лицом всех атак, ударов, давления, заманивания, что падали на головы студентов со всех сторон. Сверх того были группы студентов-пораженцев, сторонников веры в поражение, которых нужно было держать на почтительном расстоянии;
- б) Систематическое использование свободных студенческих элементов для расширения движения во всех румынских массах и её организации в единую партию Лига Национальной Христианской Защиты.

По линии Лиги Национальной Христианской Защиты я имел руководителей и флаги более чем в сорока жудецах. Нам нужно было:

1. их появление в остальных жудецах;
2. самое тесное сотрудничество с этими руководителями;
3. самое скорое издание точных норм ориентирования в организационной области, которых не было, и которых просили все руководители в жудецах, не зная как работать.

В резюме: оборона по студенческой линии, наступление по линии Лиги Национальной Христианской Защиты.

Большая масса студентов шла, ведомая здоровым расовым инстинктом и тенями погибших. Шла по линии славы, преодолевая бесчисленные трудности.

С Лигой дела обстояли сложнее.

Руководство в жудецах просило объяснения и норм организации. Людей, поднятых течением, нужно было утвердить в вере, дать им доктрину, дать исчерпывающие объяснения об организации и целях, которые они должны достигнуть в своей борьбе. Они должны были пройти школу дисциплины и доверия своему руководителю.

Мы не начинали новое движение, а имели уже готовое, но которое нужно было поместить в определённые рамки, дисциплинировать, идеологизировать и возглавить в борьбе.

Когда я шёл к профессору Кузе с пришедшими письмами и просьбами, он становился растерянным, так как оказывался в чуждом ему мире. Блестящий как солнце и непобедимый на высотах теории, оказавшись на земле, на поле боя он становился беспомощным.

– Нам не нужен никакой регламент. Пускай организуются сами.

Или:

– Нам не нужна дисциплина, мы не в казарме, – говорил он нам часто.

Тогда я сам взялся за составление регламента во всех подробностях. Но, поняв, что для моего возраста это тяжёлая работа, я пошёл с ней к моему отцу и за несколько дней работы принёс ему необходимые изменения по форме и содержанию.

Система организации была простой, но отличной от систем политических партий. Отличие состояло в том, что помимо собственно политической организации, основанной на комитетах в жудецах и сёлах, и членов организации, мы создали корпус молодёжи, отдельно организованный в декурии и центурии. Этого не было до сих пор в румынских политических организациях. Позднее они его переняли под формой либеральной молодёжи, цэрэнистской и т.д.

Когда я его представлял профессору Кузе, вопрос принял характер настоящей войны. Он даже не хотел об этом слышать. Тогда вспыхнула неприятная дискуссия, длившаяся несколько часов, между профессором Кузой и моим отцом, дискуссия, которая заставила меня обомлеть, и, опасаясь, что она приведёт опять к какому-нибудь несчастному конфликту, я сожалел, что спровоцировал её. Мой отец, человек порывистый и суровый, взял регламент и ушёл в типографию, чтобы его напечатать, без согласия профессора Кузы.

Но профессор Куза с большим тактом, более сдержанный, насколько упрямый в некоторых вопросах, на столько же гибкий в таких ситуациях, сумел уладить вопрос. Он позвал отца назад и сказал:

– Ну ладно, напечатаем. Но я тоже должен его изучить.

Он его подправил, переделал форму, добавил доктринальную часть, воззвания, манифесты и вновь отдал всё это в печать. Он составил «Руководство Доброго Румына», а затем в Лиге Национальной Христианской Защиты базовую книгу Лиги на всё время до 1935 года.

Я остался доволен тем, что мы смогли сделать что-то хорошее и абсолютно необходимое, но в душе говорил себе: «Тяжело пойдут дела, если для подобных элементарных вопросов нужно столько дискуссий. В организации неприемлемы ни неясности шефа, ни дискуссии».

Изменение 7-ой статьи Конституции.

Март 1923 года. Предоставление политических прав евреям

Уже долгое время ходили слухи, что либеральный Парламент, который является Конституционным Собранием, и, следовательно, выполняет задачу изменения 7-й ст. Конституции, для того, чтобы предоставить «гражданство и политические права всем евреям, находящимся в Румынии».

До сих пор эта статья из старой Конституции запрещала предоставлять гражданство иностранцам и этим была защищающим щитом против нашествия и вмешательства евреев в руководство наших собственных румынских судов. Предоставление этого права вмешательства в общественные дела Румынии двум миллионам евреев, предоставление равных прав еврею, недавно здесь осевшему у румына, тысячелетия непоколебимо стоящему на этой земле, было одновременно и взывающей к небесам несправедливостью и большой национальной угрозой, что не могла не взволновать и не потрясти любого румына, который любит свою страну.

Профессор Куза перед лицом этой ситуации написал серию бессмертных статей, показывая опасность, подстерегающую будущее этой нации, а Лига распространяла по всей стране подписные листы, чтобы их подписали румыны, в которых требовалось сохранение 7-й статьи Конституции. Листы были покрыты сотнями тысяч подписей и представлены Конституционному Собранию.

Во время обсуждения этого серьёзного вопроса я подумал, чтобы мы, студенты, отправились из всех центров в Бухарест для того, чтобы там, вместе с бухарестским студенчеством и населением манифестировать и остановить эту атаку, что имеет целью закабалить наше будущее. Я отправился в Черновцы, Клуж и Бухарест.

Студенты приняли это предложение и начали подготовку к отъезду. Для этого момента я должен был отправить условную телеграмму.

Но план провалился, потому что мы ожидали, что прения по этому вопросу продлятся минимум три дня, и за это время мы бы приехали в Бухарест.

Но 26 марта прения длились менее получаса. Либеральное правительство, как и Собрание, кажется, осознавая, какой акт великого стыда они совершают, постарались его скрыть, проводя его как можно незаметнее и быстрее.

На второй день после этого большого акта национального предательства, так называемая румынская пресса, как и еврейская, умалчивала этот гнусный факт. «Диминяца», «Лупта», «Адевэрул» публиковали каждый день целые полосы с огромными заголовками о конфликте собственников и съёмщиков в Бухаресте и где-то в углу поместили

несколько слов, которые сообщали просто и подло: 7-я статья из старой Конституции была заменена на 133-ю статью.

Таким образом, в 1923 году Либеральная партия и подлое Собрание положили и укрепили надгробный камень на будущее этого народа.

Ни одного проклятия детей, матерей, стариков и всех румын, что страдают на этой земле, сейчас и во веки веков, не будет достаточно, чтобы отплатить этим предателям нации.

Таким образом, молчаливо, в атмосфере всеобщей трусости, проходил великий акт национального предательства.

Только голос профессора Кузы, личности, что преобладает сейчас над румынской нацией, был сейчас слышен:

– «Румыны,

Конституция от 28 марта 1923 года должна быть немедленно аннулирована. Протестуйте против её принятия. Требуйте свободных выборов. Организуйтесь, чтобы обеспечить себе победу. Новая Конституция должна гарантировать первичность прав румынской нации, как доминирующей нации в государстве».

Когда я это услышал в Яссах, мне на глаза навернулись слёзы. Я сказал себе:

– Не может быть! По крайней мере, должно быть известно, что мы протестовали. Народ, которому надевают такое ярмо на шею, а он даже не протестует, это народ кретин.

Тогда я составил манифест к яссцам, призывая всех румын на собрание протеста в Университете. Весть о предоставлении прав евреям распространилась как молния по всем домам. Город бурлил.

Власти по приказу правительства вывели на улицы армию жандармов, полицию, начались провокации и запрет на передвижение. Тогда план изменился. Собрание стали проводить не в Университете, а в четырнадцати точках города. Здесь начались манифестации и столкновения, которые длились всю ночь.

Власти, армия и силы полиции были полностью сбиты с толку внезапным изменением плана, местом встречи и беготнёй из одного конца города в другой, как только были информированы своими агентами о появлении манифестантов, что появлялись каждые полчаса в различных местах.

Группа под моей командой собралась в самом трудном месте: Красный Мост (Сокола) и Тыргул Кукулуй, там, где евреи нагло утверждали, что ни один манифестант-антисемит никогда не сможет войти, не наказанный смертью.

Там не живёт ни одного румына. Тысячи евреев проснулись и сновали, как потревоженное змеиное гнездо. Когда нас встретили выстрелами, мы ответили тем же.

Мы выполнили свой долг, опрокинув всех на своём пути и показав евреям, что Яссы, древняя столица Молдовы, всё ещё остаётся румынской и что там наша сила господствует, что мы позволяем или нет, что в нашей власти мир или война, что мы наказываем или милуем.

На второй день в Яссы, в помощь двум армейским батальонам, полиции, жандармам и евреям прибыла кавалерия из Бырлада, а столичные газеты вышли специальным выпуском: «Яссы прожили одну ночь и один день революции».

Столько смогли мы сделать тогда, в сущности, дети. Настолько хватило нам понимания в момент, когда нам надели ярмо. Мы не приняли его безмятежно, с покорностью крепостного, с трусостью. Мы сделали это, и также дали святую клятву на всю жизнь скинуть это ярмо, каких бы битв и жертв это не потребовало.

На второй день я направился в Префектуру Полиции отнести еду арестованным. Там как раз допрашивали Юлиана Сырбу, которого обвиняли в том, что он был автором манифеста. Увидев это, я представился следователю и сказал:

– Не он автор манифеста, а я.

Мой первый арест

В полиции мне сказали:

– Г-н Кодряну, вам следует идти в трибунал вместе с агентом.

– Почему с агентом? – я возразил, – Я пойду один.

Это был первый случай, когда поставили под сомнение моё слово. Я чувствовал себя оскорблённым.

– Нет. Я с агентом не пойду. Он может идти в двадцати метрах позади меня. Я пойду один. Моё слово стоит больше двадцати полицейских агентов.

Прихожу в Трибунал. Агент входит и подводит меня к судебному следователю Катики. Г-н следователь мне говорит:

– Ты арестован, и я должен отправить тебя в тюрьму.

Когда я это услышал, у меня в глазах потемнело. В то время «арестован» было нечто постыдное. Никто из яссцев не был арестован, и не было слышно, чтобы кто-нибудь из студентов-националистов был арестован. А я, с моим прошлым борца!

Я подошёл к столу судебного следователя и сказал:

– Господин следователь, я не приемлю быть арестованным, и никто не сможет меня забрать и отвести в тюрьму.

Бедный человек, чтобы не продолжать дискуссии, он приказал агенту отвести меня в тюрьму и посоветовал мне не сопротивляться. Затем он ушёл. Агент попытался меня увести. Я сказал ему:

– Иди домой, человек, и оставь меня, Бога ради, не сможешь ты увести меня отсюда. Пришли и другие. Я оставался там с одиннадцати дня до восьми вечера. Все попытки вывести меня оттуда были тщетными.

Я думал:

– Я ни в чем не виновен. Я выполнил долг перед своим народом. Если кто-то и виновен и должен быть арестован, то это Парламент, что предоставил политические права евреям.

И вот ушли все чиновники Трибунала, один за другим, даже швейцары. Я остался один в компании агентов.

Около восьми прибыли три офицера.

– Г-н Кодряну, у нас приказ эвакуировать этот Трибунал.

– Хорошо, господа офицеры, я выйду.

Я спустился по лестнице и вышел. К своему удивлению, вижу компанию жандармов, стоящих полукругом, прокуроров, судей и полицейских.

Тогда я иду прямо вперёд и сажусь на землю посреди двора. Подходят представители власти и говорят:

– Ты должен идти в тюрьму.

– Не пойду.

Они подняли меня на ноги, посадили в экипаж и отвезли в тюрьму под конвоем жандармов. В последний момент, когда я входил в ворота, ребята кинулись меня выручать, но револьверы агентов остановили их.

Был ли это протест против закона? Нет. Это был протест против ига несправедливостей.

Кажется, что этот мой протест, нежелание пойти путём арестов было предчувствием того, сколько страданий мне придётся перенести, однажды вступив на этот путь, в холодных тюремных стенах.

Я пробыл там неделю, до Пасхи. Первые дни в тюрьме! Я очень трудно перенёс их

морально, так как не мог понять, как может кто-то быть арестован, когда борется за свой народ, и по приказу тех, кто борется против своей нации.

Выйдя, я пошёл домой. Много румын подходили ко мне на вокзалах, проявляя свою симпатию ко мне и призывая продолжить борьбу, потому что эта борьба народная, и народ, в конце концов, выиграет.

Весь народ, во всём, что было в нём лучшего, от крестьянина до интеллектуала, принял с глубокой скорбью весть об изменении 7-й статьи, но не мог ничего сделать, так как был предан и продан своими руководителями. Какое проклятие на нашу голову и какие грехи обрекли нас, румын, иметь таких каналов руководителей?

Вот, лицом к лицу, сошлись два исторических момента, две разные Румынии с двумя типами людей и с одной и той же проблемой.

Конституционное Собрание 1879 года в Маленькой Румынии, совсем маленькой, но которая имела смелость выдержать давление Европы и Конституционное Собрание 1923 года в Большой Румынии, воздвигнутой на нашей жертвенной крови, и которая из заинтересованного лакейства, под давлением той же Европы, не колеблясь нас унизила и подвергла угрозе жизнь целой нации.

Василе Конта, Василе Александри, Михаил Когэлничану, Михаил Еминеску, Ион Элиаде Рэдулеску, Б.П. Хаждэу, Костаки Негри, А.Д. Ксенопол.

На следующих страницах читатели этой книги встретят, с некоторым удивлением, несколько выдержек из произведений вершин мысли, чувства и характера нашего народа, которые в 1879 году с упорством боролись за право на жизнь румынского народа, безболезненно встречая угрожающие молнии целой Европы.

Хотя включение этих фрагментов усложняет естественный план изложения этого тома, нарушает правила, принятые в этой области, воспроизвожу эти цитаты, не из желания использовать их как исторические аргументы, но из желания ещё раз показать в свете дня эти перлы мышления и выразительности выдающихся предшественников,

которых оккультная иудео-масонская конспирация преследовала, закрывая на тяжёлые замки, под плитами забвения, именно потому, что они писали, думали и боролись, как настоящие гиганты Румынизма.

Наше поколение, перешагнув через пятьдесят лет отказа, практикуемого политиками перед лицом еврейской угрозы, находится на той же линии веры, чувства и характера с теми из 1879 года, и в момент этой святой встречи с ними кланяётся с благодарностью и трепетом пред их великими тенями.

Василе Конта

Вот позиция, которой придерживался в Парламенте в 1879 году великий В. Конта.

За пятьдесят лет до нас румынский философ доказывал, используя серьёзные научные аргументы, с безупречной системной логикой, основательность позиции расы, что должна быть основанием государства. Теорию, принятую через пятьдесят лет тем же Берлином, который в 1879 году настаивал на предоставлении прав евреям.

Из этого видна шаткость аргументов тех, кто нападает на националистическое движение, обвиняя его в том, что оно инспирировано новой германской идеологией, тогда как в реальности, после стольких десятилетий, это Берлин вступает на путь, указанный В. Контой, М. Еминеску и др.

«Если мы не будем бороться против еврейского элемента, то исчезнем как нация. Общепринято, даже теми, кто нас сегодня атакует, что первейшим условием для жизнедеятельности и развития государства является тот факт, что граждане одного государства должны быть одной расы, одной крови и это легко понять. Во-первых, индивидуумы той же расы женятся обычно между собой, потому что только через эти браки сохраняется единство расы этих индивидуумов. Затем брак порождает сентименты семьи, самые сильные и долговечные связи, что связывают индивидуумов между собой, и если учесть, что эти связи тянутся от индивидуума к индивидууму, пока не связывают воедино весь народ одного государства, мы видим, что все граждане, что составляют государство, связаны между собой общим чувством привязанности и любви, тем, что называется расовой симпатией. Более того, если учесть, что та же кровь течёт по венам всех представителей одного народа, то мы понимаем, что все эти люди через эффект наследственности будут испытывать примерно те же чувства, иметь те же цели и даже примерно те же идеи, а это значит, что в тяжёлый час, по особым случаям у них у всех сердца будут стучать в унисон, мозг примет то же решение, их действия будут преследовать ту же цель, другими словами, нация, в основе которой одна раса, будет иметь один центр

тяжести, и государство, состоящее из такой нации, оно, и только оно, будет твёрдо стоять на ногах, будет крепким и с перспективой развития. Следовательно, согласно требованиям самого естества, первейшим условием существования государства является то, чтобы его народ был одной расы. Ну что же, эта истина, на которой основан принцип национальностей, столь обсуждаемый в цивилизованном мире. Этот принцип, разумеется, касается только расы и никак тех, что называются подданными одного государства, без расовых различий, ведь тогда принцип не имел бы никакой применимости. Этот принцип сегодня настолько укоренился в сознании всех людей, будь то государственных чиновников или простых граждан, что сегодня в цивилизованном мире ни одно государственное образование или преобразование не делается кроме как по принципу национальностей. Тогда пусть не говорят публицисты-евреи или евреефилы, что основа государства это только лишь обций простой материальный интерес граждан, потому что, напротив, мы видим, что именно наш век дал жизнь принципу национальностей, именно этот принцип сегодня всё больше превалирует...

Правда и то, что это не препятствует предоставлению гражданства иноземцам, но с одним условием: чтобы эти чужеземцы были ассимилированы господствующей нацией, другими словами, перемешаться полностью так, чтобы, в конце концов, в государстве осталась одна и та же кровь.

Это единственные научные принципы натурализации. Таким образом, чтобы натурализация была полезной, рациональной и научной, она должна быть предоставлена лишь тем иноземцам, что ассимилировались, тем, что предрасположены к этому, путём смешанных браков. Иначе, как вы сами понимаете, если предоставить гражданство индивидуумам, которые не имеют желания, и не могут его иметь, слиться с господствующей расой, то это означает подвергнуть эту страну вечной борьбе противоположных стремлений.

Я не говорю, что разные расы в одном государстве не могут иногда иметь общие интересы, чтобы наследственные стремления одной были благоприятными также, как и наследственные стремления другой, в одних и тех же условиях. И на время, пока длится такая ситуация, коренное и укоренившееся население наверняка будут жить в мире. Но обстоятельства меняются, и вместе с ними могут поменяться и интересы разных рас, и если не сегодня, то завтра, если не завтра, то послезавтра стремления укоренившегося населения войдут в противоречие со стремлениями коренного, и тогда интересы одних не уживутся с интересами других и не смогут быть удовлетворены без ущерба интересам других, и тогда начнётся война за выживание, будут ожесточённые битвы, которые

закончатся лишь тогда, когда исчезнет само государство, или когда одна из рас будет полностью уничтожена и вновь останется лишь одна доминирующая раса в государстве. Ну что же, наша национальная история и каждодневный опыт доказывали и доказывают, что из всех иноземцев, что к нам приходят – турки и, особенно, евреи, никогда не вступают в смешанные браки, тогда как другие: русские, греки, итальянцы, немцы вступают в такие браки и сливаются с нами, если не в первом поколении, то во втором или в третьем, и приходит время, когда уже нет никакой разницы между ними и нами, ни по крови, ни в любви к Родине. Не так обстоят дела с евреями...

Как бы ни ставился вопрос, как бы ни интерпретировался, мы, если не будем бороться против еврейского элемента, исчезнем как нация».

(Из речи против пересмотра 7-й статьи Конституции, произнесённой в Камере Депутатов экстренного созыва, заседание от 4 сентября 1879 года и опубликованной в «Мониторул Официал» № 201 от 5 (17) сентября 1879 года).

Василе Александри

В то время, когда В. Конта произносил вышеуказанную речь в Камере Депутатов, в Сенате поэт Объединения В. Александри выражал чувства румын следующим образом:

«Сегодня Румыния предстаёт перед нами вместе с книгой своей истории, чтобы мы написали на её страницах либо об унижении и гибели народа, либо о его достоинстве и спасении...

Перед лицом этой ситуации, беспрецедентной в анналах человеческой истории, мы должны суметь подняться сердцем и разумом на высоту нашего долга, без страстей, без насилия, но со спокойной душой, с просветлённым патриотизмом и с благодарной отвагой, что требуются от людей, призванных решать судьбу их страны...

Что это за новая напасть? Что за новое нашествие? Кто захватчики, откуда идут, чего хотят? Кто новый Моисей, что ведёт их к земле обетованной, расположенной, на этот раз, на берегу Дуная?

Что есть захватчики? Это народ активный, умный, неустанно выполняющий свою миссию, сторонник самого слепого религиозного фанатизма, самый экспансионистский из всех народов, живущих на земле, самый неассимилируемый...

Чего они хотят от нас?

Они хотят стать хозяевами земли нашего народа, а из прежних хозяев сделать рабов, какими стали крестьяне в Галиции и части Буковины.

Наша страна красива, богата, есть большие города, железные дороги, развитые учреждения, и народ настолько непредусмотрительный, как и все народы латинского

происхождения... Что может быть легче, чем заменить население страны и сделать из неё израильскую собственность?

Если это план сегодняшних захватчиков, а всё на это указывает, он ещё раз подвергает испытанию дух предприимчивости израильского народа, не заслуживающий сам по себе порицания, он по природе своей заслуживает похвалу и восхищение практичных людей.

Осуждать следовало бы нас, если по причине нашего безразличия или применяя какие-то фатальные и абсурдные гуманистические теории, мы бы приложили руку к реализации этого плана. Осуждение пало бы на нашу голову, если обманутые теми же теориями, понятиями наоборот, или терзаемые вымышленным страхом под влиянием вымышленных угроз, мы бы забыли, что румынская родина это священная кладовая, доверенная нам нашими родителями для того, чтобы мы в свою очередь передали её целой и невредимой нашим детям...

Что скажет вся страна, если мы создадим подобную ситуацию в истории? Что скажет румын, что весело бился за независимость вотчины прадедов?

Страна с болью отвела бы глаза от нас.

Румын скажет: отныне не просите моей крови, если эта пролитая кровь служит им для кромсания страны и унижения национального достоинства.

Из этих соображений, когда сегодня Румыния приходит с книгой своей истории, чтобы мы своей рукой на её страницах написали наше вето, лично я вырываю страницу, предназначенную унижению страны, а на другой странице пишу своим сердцем: её достоинство и спасение!»

(Из речи против пересмотра 7-й статьи Конституции, произнесённой в Румынском Сенате экстренного созыва от 10 октября 1879 года, опубликованной в «Мониторул Официал» № 230, четверг 11/23 октября 1879 года).

Михаил Когэлничану

Вот позиция гордой национальной осанки, которую счёл нужным принять по отношению к еврейской проблеме и внешнему давлению министр внутренних дел М. Когэлничану, глава того же ведомства, что ныне стало местом, откуда исходят приказы пытаться тех, что ещё борется за свободу народа.

«Все, кому не безразлична их страна, были озабочены тем, чтобы остановить эксплуатацию народа евреями.

В Румынии еврейский вопрос не есть религиозный, это вопрос национальный и одновременно экономический.

В Румынии евреи не составляют лишь особенную религиозную общину, они составляют в полном смысле слова национальность, чуждую румынам по происхождению, языку, одежде, обычаям и даже чувствам.

Следовательно, речь не идёт о религиозном гонении, – если бы это было так, израильтяне столкнулись бы с запретами и ограничениями в отправлении своего культа, а этого нет. Их синагоги не стояли бы свободно рядом с христианскими церквями. Их религиозное обучение, религиозная литература также были бы под запретом.

Все, кто посетил княжества и особенно Молдову, ужаснулись грустному внешнему виду, если не сказать больше, польских евреев, что населяют наши города. Когда они глубже изучили торговлю, индустрию и среду проживания этой толпы, эти путешественники ужаснулись ещё больше, так как увидели, что евреи есть потребители, не будучи производителями. И что их большая, и могу сказать, единственная индустрия, – это давать выпивку...

Я не выгнал из дома ни одного еврея по той простой причине, что по законам страны израильтяне в Румынии не могут селиться в сёлах, также как и в Сербии.

Я ограничил на будущее аренду трактиров израильтянами и особенно тем, кто называется галичане и подоляне. Эта мера основана на регламенте и на законе, принятом генеральным собранием и санкционированным господарем М. Стурзой, и которого ни один последующий закон не отменил до сих пор, наоборот, все министры внутренних дел до и после поддерживали его. Доказательством служат приказы их предшественников, а именно: от 17 и 28 июня 1861 года во времена министра Коста Фору, от 5 февраля 1866 года, подписанные генералом Флореску, от 11 марта и 11 апреля 1866 года для Префектуры Рымнику-Сэрат, подписанный князем Дмитрием Гикой и др.

В этой ситуации ни один министр, а было десять министров, сменивших друг друга у власти, не смог бы поступить иначе, как поступили я и мои предшественники.

Мы, министры Румынии, в конституционном государстве не можем править кроме как волей народа.

Мы обязаны учитывать её потребности, её шаги, и в некоторой степени её предубеждения...

Это доказывает большое раздражение со стороны румынского населения, проистекающее из тяжёлых страданий и законной озабоченности, ведь речь идёт о нации, что чувствует угрозу своей национальности и своим экономическим интересам. Этот голос не могут заглушить чужие, но не позволительно ни одному румынскому министру, какой бы партии он не принадлежал, не прислушиваться к нему.

Поэтому не только сегодня, а всегда, во все времена и при всех режимах, все господа, все государственные мужи Румынии, все те, кому дороги интересы своей страны, были озабочены проблемой эксплуатации румынского народа другим народом, чуждым ему, – евреями!»

(Из сообщения Министерства Внутренних Дел, июнь 1869 года, касательно еврейского вопроса. Опубликовано в «Своде законов старой и новой Румынии, что были приняты до конца 1870 года», под редакцией М. Бужоряну, Бухарест, 1873 год. Новая типография румынских лаборантов, часть Ф, Титул, диспозиции и циркуляры, параграф X, стр. 813-816).

Михаил Еминеску

«Если уже сегодня, не имея полноты гражданских и политических прав, они взяли в свои руки всю мелкую торговлю и индустрию в Молдове, если сегодня они ужасающе распространились по румынской равнине, если сегодня они проникают в дома трудолюбивых олтян, что же будет завтра, когда у них будут равные права, когда они смогут называть себя румынами, когда законодательно у них будет право называть эту страну своей Родиной наравне с нами?!».

(Полное собрание сочинений, «Еврейский вопрос», стр. 489, румынское издательство Ионеску-Жеоржеску, 1914, Цит. Alex Naum)

«Каким трудом или какими жертвами они заслужили право надеяться на равенство с гражданами румынами? Они воевали с турками, татарами, поляками и венграми? Им турки, когда нарушали старые договора, сносили головы? Их трудом взошла звезда этой страны, возродился из пелены прошлого этот язык? Кем-нибудь из них румынский народ добился места под солнцем?» (Цит. пр. стр. 481).

Ион Элиаде Рэдулеску

«Разве вы не видите, что хлыщизмы из Англии и Франции не просят прав гражданства в Румынии, а просят привилегий, верховенства, они учредят аристократию денег, золотого тельца.

Они просят то, что мы никак не можем дать.

Неужели хлыщизмы из Англии и Франции думают, неужели думаете и вы вместе с ними,

что румыны будут смотреть сквозь пальцы на то, что в их сердце найдётся место самой алчной и гнусной, самой нахальной из аристократий, господство Мамоны фатов, евреев, русских?

Но честное слово, по какому праву сможет установиться подобное мерзкое господство перед атриумом, перед воротами в XX век, где всё человечество, кроме сынов тьмы, предстанет как невеста перед чудесным женихом?

Приходят хлыщи из Англии и Франции с правами человека, основанных на равенстве, и претендуют на привилегии и верховенство только для себя?

И потому, что не могут сослаться на это право, они осмеливаются, как им стукнул в голову парадокс румына израильского вероисповедания, выдвигать свою, ещё более израильскую дерзость, угрожая именем европейских владык.

Чем нас покорят евреи? Величием, числом, силой?

Во имя добра, что мы им желали и желаем, во имя регенерации народов и самих евреев на земле Палестины, мы их оплакиваем с пиететом и даём христианские советы ревнивого к спасению всего человечества, ранами Христа, что с высоты креста простил своих палачей, чтобы не пытались даже это сделать, и даже не смели об этом думать, не то что претендовать на что-то, в эту эпоху агитации, спровоцированную ангелами сатаны, что ввели их во искушение, чтобы не пытались это сделать, ведь Бог его знает до чего дойдут румыны в своём законном и самом святом бедствии, защищая свои права как и любая нация с инстинктом самосохранения.

(Из «Равновесия антитез или душа и материя» Ион Элиаде Рэдулеску, Бухарест, напечатано с 1859 по 1869 годы, часть 3, Титул «Израильтяне и евреи», параграф X, стр. 380-383).

Богдан Петричейку Хаджеу

«Таким образом, Талмуд предусматривает для евреев в отношении нас два образца поведения.

Если вы сильнее христиан, уничтожьте их.

Если вы слабее их, льстите им...

Но если человек слабее меня, то для того, чтобы стать сильнее чем я, он должен сначала пройти промежуточную ступень, когда он будет равным мне.

Теперь вы понимаете, что значит предоставить евреям так называемые политические права?»

(Из «Исследования иудаизма. Талмуд как профессиональная вера израильского

народа», Б. П. Хаждэу, Директор «Румынского Исторического Архива», председатель отделения моральных и политических наук Румынского Атенея, Бухарест, типография Теодора Вайдеску, Каса Боссел, № 34, 1866 год).

Костаке Негри

«Евреи, то есть 1/7 часть всего нашего населения, – это самая гнусная проказа, на которую нас осудили наши слабость, недалёковидность и продажность».

(Из письма к Лупашку, написанного в Окне 12 февраля 1869 года и опубликованного в книгах К. Негри «Стихи, проза, письма», исследование его жизни и творчества под редакцией Е. Гырляну, издательство «Минерва», пл. Академии, 3, Бухарест, 1909 год, стр. 116).

А.Д. Ксенопол

Мы позволим себе ввести в этот сборник цитат мнение того, кто был великим историком, А.Д. Ксенопола, профессора Ясского Университета, что является доказательством несомненного научного авторитета учёного, что жил и видел собственными глазами удручающие реалии, которые констатировал.

«Если румын решится открыть лавку, ни один еврей не переступит её порога, тем самым румын лишится многочисленных клиентов, тогда как румыны покупают у евреев. Понятно, что даже без учёта цен, сопротивление румынского торговца и ремесленника может быть сломлено. Никогда еврей не примет на работу румына, если тот сможет чему-нибудь научиться, ведь румын берут в еврейские дома только в качестве слуг и грузчиков. Эта система эксклюзивизма сохраняется со всем упорством. Не найдётся в бесчисленных еврейских мастерских или лавках, что опутали Молдову от одного края до другого, ни одного христианина или румына-ученика, рабочего, старшего мастера, бухгалтеря, кассира, продавца. Евреи, следовательно, практикуют самый суровый экономический эксклюзивизм и не могут от него отказаться, потому что он им предписан их религией».

(Из “La question Israelite en Roumanie” par A. D. Xenopol, исследование, вышедшее в “La renaissance latine”, Rue Boissy-d’Anglas 25, Paris, 1902, ст. 17).

Всеобщая забастовка студентов продолжается

После Пасхи борьба возобновляется.

На фронте Лиги Национальной Христианской Защиты профессор Куза продолжал борьбу через прессу, а мы, все остальные, занимались организационными вопросами. Начиналась серия собраний в городах и сёлах.

На студенческом фронте изменение 7-й статьи Конституции принесло перемены. Руководители Бухареста и Клужа, которые считали, что студенческое движение вынудит, в конце концов, Правительство признать правдивые требования студентов, увидев, что оно не только ничего не признаёт, но и предоставляет политические права евреям, удручённо разочаровываются и начинают всё сильнее манипулировать идеями капитуляции.

В Клуже сам председатель созывает совещание, где выдвигает предложение возобновить занятия. Студенческая масса отклоняет предложение и объявляет, что она борется за честь, и что борьбу нужно вести до последней возможности сопротивления. Сторонниками этой идеи являются И. Мота, К. Жеоржеску, И. Мокану, вместе со всей нашей группой.

Алекса подаёт в отставку и вместо него председателем студенческого центра «Петру Майор» избран И. Мота и вместе с ним новый комитет.

Штурм Правительства с целью заставить студентов возобновить занятия провалился и в этот раз, но пришлось принести в жертву руководителей. И. Мота и ещё шестеро навсегда исключены из всех университетов за свою стойкую позицию.

В Бухаресте группа во главе с Симонеску и Данилеску заменяет всё более нерешительное руководство. И здесь Правительству не удалось вернуть студентов на занятия после Пасхи.

Июнь 1923 года

Прошло ещё два месяца героического сопротивления, нищеты, давления. Студенчество было истощено. В Бухаресте назначают открытие Университета в связи с началом экзаменов, пусть только для студентов-евреев и ренегатов. В день открытия Университета туда ввели войска. Слабые стычки перед Университетом не смогли помешать его открытию. Правительство планировало открыть их поочередно, оставляя Яссы напоследок и ставя его перед фактом открытия трёх университетов. Через неделю в Клуже и ещё через неделю в Черновцах университеты открываются в тех же условиях, что и в Бухаресте. И ещё через неделю настал тяжёлый час для Ясс, что остался изолированным, благодаря мерам Правительства и с силами на исходе.

Накануне открытия, зная, что на второй день в Университет войдут войска, мы составили план, по которому мы сами хотели его занять в течение ночи.

Днём мы послали надёжного студента, что вошёл в зал Потерянных Шагов и открыл задвижки на двух больших окнах, но чтобы этого не было видно, и таким образом, чтобы стоило их лишь толкнуть снаружи, и они открылись бы. Для того, чтобы не раскрыть план, мы собрали к девяти часам в зале Бежан сотню студентов. В десять часов Университет был занят нами. На его фронто́не мы подняли флаг со свастикой.

Вскоре прибыл ректор Университета профессор Симионеску, которому мы открыли. Он говорил с нами, призывая покинуть Университет. Мы ему ответили, объясняя нашу позицию. Через несколько часов он ушёл. Мы организовали охрану и остались там на всю ночь.

На второй день студенты в большом количестве пришли в Университет. Бодрые, мы решили единогласно продолжать борьбу.

Еврейская пресса яростно атаковала нас.

Через два дня Клуж пытается с боем вырвать Университет из рук жандармов. Ещё через два дня Бухарест и Черновцы. Эти бои вновь приводят к поднятию студенчества и к закрытию Университета. Школьный год закончился. Румынская молодёжь сдала единый экзамен сопротивления, характера и солидарности.

Честь и слава студенчеству, что своей верой, превозмогая столько ударов, дало пример коллективной воли беспрецедентной в истории университетов во всём мире. Ни в одной стране не было случая, чтобы студенчество в едином порыве, принимая на себя всю ответственность и все риски, поддерживало в течение года всеобщую забастовку для того, чтобы заставить принять свои верования, добиваясь пробуждения сознания всей нации перед лицом самой тяжёлой проблемы своего существования.

Это прекрасная и героическая страница, написанная страданием этой молодёжи в книге румынского народа.

Планы иудаизма

Кто воображает, что евреи – бедные и несчастные люди, пришедшие сюда случайно, гонимые ветром, приведённые судьбой и т.д., ошибаются. Все евреи на земле составляют сообщество, объединённое узами крови и талмудистской религией. Они организованы в настоящее государство, очень строгое, с законами, планами и руководителями, что разрабатывают эти планы и ведут их. Основой является Кагал. Так что мы находимся не перед отдельными евреями, а перед состоявшейся силой, еврейским сообществом.

В каждом городе или местечке, где собирается определённое число евреев, сразу же возникает кагал, или еврейская община. Этот кагал имеет своего руководителя, отдельные законы, налоги и т.д. и держит крепко спаянным вокруг себя всё еврейское население этой местности.

Здесь, в этом мелком кагале, в городском или местечковом, составляются все планы: как заманить местных политиков, местную власть, как проникнуть в различные круги, где есть свои интересы, как, например, в среду судейского сословия, офицерства, старшего чиновничества, какие планы применить, чтобы прибрать к рукам отрасль торговли, принадлежащую румыну, как расправиться с местным антисемитом, как известить корректного представителя власти, если он воспротивится иудейским интересам, какие планы применить, когда доведённое до нищеты местное население возмущается и взрывается в антисемитском движении.

Не будем углубляться в эти планы. В целом в них используются следующие схемы:

1. для заманивания местных политиков:

- а) подарки;
- б) личные услуги;
- с) финансирование пропаганды политической организации, печатание манифестов, передвижение на автомобилях и т.д. Если в данной местности есть несколько банкиров или богатых евреев, они распределяют между собой политические организации.

2. для заманивания представителей власти:

- а) коррупция, взятки. Полицейский из самого захудалого города в Молдове, помимо жалования, получаемого от государства, имеет ещё одно или два дополнительно. Получив взятку, он становится рабом евреев, ибо в противном случае используется второе оружие;
- б) шантаж (если он не подчиняется, то оглашают факт взяточничества);
- с) третье оружие – уничтожение. Если видят, что не могут тебя уговорить и подчинить, тогда попытаются тебя уничтожить, изучив хорошо твои слабости: если пьёшь, – попробуют скомпрометировать тебя через это; если бабник, – тебе пошлют женщину, которая тебя скомпрометирует или ударит в сердце, уничтожив семью; если ты буйного нрава, – к тебе подошлют такого же, который тебя убьёт, или ты его убьёшь и попадёшь в тюрьму. Если у тебя нет этих недостатков, они используют: ложь, клевету через прессу или распускают слухи, шлют доносы твоему начальству.

В местечках и городах, что заполнили евреи, не существует другой власти, кроме как коррумпированной, под шантажом или в стадии уничтожения.

3. Для проникновения в определённые круги или в окружение видных деятелей они используют:

- а) подхалимаж;
- б) административные советы;
- в) личные услуги низменного характера;
- г) лакейство.

Таким образом, все политики имеют секретарей евреев, потому что они: ходят на рынок, чистят обувь, качают детей, несут портфель и т.д., подхалимничают, незаметно проникают.

Румын не будет так хорош, он не так утончён, не коварен, пришёл от сохи и в особенностях потому, что хочет быть верным солдатом, достойным чести, а не слугой.

4. Планы для уничтожения коммерсанта румына:

- а) фланкирование румына с торговцем-евреем или помещение его между двумя еврейскими торгашами.
- б) продажа по заниженным ценам (убыток покрывает специальная сумма, выданная кагалом).

На сегодняшний день румынские коммерсанты пали один за другим.

Если к этому добавить:

- а) коммерческое превосходство еврея, проистекающее из много более длительной практики, чем у румына;
- б) превосходство еврея, что воюет под протекцией кагала, румын же не имеет никакой протекции со стороны румынского государства, лишь грязь со стороны коррумпированных евреями чиновников. Румын борется не с евреем-соседом, а со всем кагалом, и поэтому понятно, что индивид в борьбе с коалицией проиграет. У румына нет никого, нет отеческого государства, что его взрастит, ему подскажет, его поддержит. Он брошен один, на произвол судьбы, перед лицом еврейской коалиции.

Легко повторять формулу всех политиков категории г-на Михалаке: «Румын да станет коммерсантом!» Но пусть эти политики покажут хоть одного румынского коммерсанта, которому помогло бы государство, хоть одну школу, созданную им, где бы готовили коммерсантов, а не служащих банков и офисов. Нет ни одного учреждения, созданного им, что смогло бы помочь начальным капиталом и дельным советом молодому выпускнику коммерческой школы.

Не румын дезертировал из торговли, а эти политики дезертировали от своего долга руководителей и попечителей нации.

Румын, брошенный своими руководителями, остался один перед лицом организованной еврейской коалиции, преступных афер и нелояльной конкуренции, и пал побеждённый. Но настанет час, когда эти руководители должны будут ответить.

Большие планы иудаизма по отношению к румынской земле и румынскому народу

Следовательно, мы ещё раз имеем дело не с бедными индивидуумами, пришедшими случайно, по своей воле, ища укрытия здесь у нас.

Мы имеем дело с иудейским государством, армией, что пришла к нам, вооружённая планами захвата. Движение еврейского населения в Румынию осуществляется по хорошо продуманному плану. Возможно, большое иудейское государство стремится создать новую Палестину на части земли, что начинается у Балтийского моря, охватывает часть Чехословакии и Польши, половину Румынии до Чёрного Моря, откуда оно легко морским путём сможет связаться с другой Палестиной. Кто настолько наивен, чтобы думать, будто движение еврейских масс хаотично?

Они приходят с планом, но у них нет мужества поднять оружие, идти на встречу опасности, пролить кровь, чтобы хоть это дало им право претендовать на эту землю.

Откуда нам известны эти планы? Мы их знаем наверняка, изучив повадки противника. Любой командир подразделения, внимательно следя за действиями противника, поймёт, какие планы он преследует. Это элементарно. Существует ли военный руководитель, на всём протяжении военной истории, что знал планы врага потому, что присутствовал при их составлении? Нет! Он их хорошо знал из движений своего противника.

Для того, чтобы румынский народ потерял всю силу сопротивления, евреи применяют уникальный и действительно дьявольский план.

1. Стараются разорвать душевные узы народа с небом и землёй. Для разрыва связей с небом они широко будут использовать атеистические теории, чтобы сделать из румынского народа или хотя бы из его руководителей народ, разлучённый с Богом, и не только

с Богом, но и с теми, кто ушёл в Небытие, для того, чтобы убить его не мечом, а отрезав корни духовной жизни. Для разрыва связей с землёй, источником материального существования народа, они атакуют национализм, как «устаревшую» идею и всё, что связано с идеей Родины и земли, чтобы разорвать нить любви, что связывает румынский народ с его вотчиной.

2. Чтобы добиться в этом успеха, они стараются прибрать к рукам прессу.
3. Они используют любой предлог для того, чтобы в румынском лагере царили разлад, непонимание и ругань и, если будет возможно, они стараются разделить этот лагерь на несколько противоборствующих лагерей.
4. Они стараются захватить как можно больше средств к существованию румын.
5. Они систематически направляют румын по пути разврата, уничтожая семью и мораль.
6. Они отравляют и одурманивают их всевозможными отравками и выпивкой.

Каждый, кто захочет победить и уничтожить народ, сможет это сделать, используя эту систему: разрыв связей с верой и корнями, провокация с целью пробуждения разлада и ссор, введение аморальности и разврата, материальное ущемление путём максимального лимитирования средств к существованию, физическое отравление, пьянство. Всё это уничтожает нацию эффективнее, чем тысяча орудий или самолётов.

Румынам надо оглянуться назад и посмотреть, применялась или нет против них, с упорством и точностью, эта система.

Пусть румыны откроют глаза и прочитают прессу за последние сорок лет, с тех пор как она находится под еврейским руководством. Пусть перечитают «Адевэрул», «Диминьяца», «Лупта», «Опиния», «Лумя» и т.д. и увидят, что с каждой их страницы непрестанно брызжет этот план.

Пусть румыны откроют глаза и посмотрят на разобщённую румынскую общественную жизнь, откроют и посмотрят внимательно.

Но эти планы похожи на отравляющие газы. Используй их против врага, но сам к ним не прикасайся. Они проповедуют атеизм для румын, но сами они не атеисты, напротив, они с фанатизмом придерживаются самых мелких религиозных заповедей. Они хотят освободить румын от любви к своей земле, а сами захватывают землю. Они поднимаются против национальной идеи, а сами остаются национальными шовинистами.

Планы иудаизма по отношению к студенческому движению

Кто думает, что иудейские силы остались без плана по отношению к студенческому движению, ошибается.

На время евреи, получившие удар по своим директивам, остаются растерянными. Они пытаются противопоставить студентам рабочих из коммунистического движения, то есть тех же румын, но безрезультатно, потому что с одной стороны рабочие были на грани своих сил, а с другой стороны они тоже начали видеть, что мы боремся и страдаем за их права и права народа. Многие из них мысленно были с нами.

Видя, что ничего не получается с рабочими, они поднимают против студенчества правительство и всё политиканство.

Какими средствами?

Партии нуждаются в деньгах, во внешних займах, когда в оппозиции, когда у власти – в голосах и хороших отзывах в прессе.

Евреи пригрозят урезанием необходимых сумм для предвыборной пропаганды соответствующей партии. Пригрозят международными еврейскими финансами и непредоставлением займов. Будут спекулировать в игре с большой массой голосов, что могут привести в демократической системе к победе или поражению теперь, когда у них есть политические права. Будут угрожать прессой, которую почти полностью контролируют и без которой партия или правительство может проиграть.

Деньги, пресса и голоса избирателей определяют жизнь или смерть в демократии. Евреи владеют всем этим и поэтому румынские политические партии становятся простыми орудиями в руках иудейской силы.

Таким образом, мы, те, кто начали борьбу с евреями, вдруг видим, что боремся с правительством, партиями, властью, армией, а евреи спокойно стоят в стороне.

Еврейские аргументы и поведение

Что скажут в мире об антисемитском движении в Румынии, что скатилось к варварству? Что скажут учёные, что скажет цивилизация?

Наши политики будут нам повторять на каждом шагу еврейский аргумент, ежедневно печатаемый во всех газетах. Когда, наконец, после восьми лет Германия со всей своей культурой и цивилизацией поднимается против евреев и побеждает гидру через Адольфа Гитлера, аргумент отпадает. Тогда появляется другой: «Вы на службе у Германии, оплаченные немцами, чтобы продвигать антисемитизм. Откуда у вас фонды?»

И опять политики остаются марионетками без характера и чести, повторяя за еврейской прессой: «Откуда деньги? Вам платит Германия!»

В 1919-м, 20-м, 21-м годах вся еврейская пресса штурмовала румынское государство, везде провоцируя беспорядок и призывая к насилию против режима, метода правления, церкви, румынского порядка, национальной идеи, патриотизма.

Сейчас, каким-то чудом, та же пресса, руководимая теми же людьми, превратилась в защитницу государственного порядка, законов, заявляет себя противником насилия, а мы стали «врагами Родины», «правыми экстремистами», «на службе и содержании врагов Румынизма» и т.д. В конце концов, мы услышали даже это: нас финансируют именно евреи.

Когда же наступит тот день, когда каждый румын поймёт лживость и низость еврейских аргументов и отвергнет их, как что-то сатанинского происхождения? Когда наступит момент понимания грязной духовной конструкции этой нации?

Вот пример того, как обращались с тремя румынскими профессорами университета: А.К. Кузой, Паулеску и Шумуляну.

«Израильский курьер», орган еврейского землячества от 23 апреля 1922 года, печатает в редакционной статье под названием «Вурдалаки» следующее:

«Шайка клоунов и общественных оскорбителей собрались в банду злоумышленников. И к стыду нашей страны в этой шайке находятся три профессора наших университетов.

И эти индивидуумы, эти запоздалые вурдалаки хотят оживить антисемитизм... и они в этом преуспеют, эти паяцы из вчерашнего дня. И это сейчас, когда официальный антисемитизм исчезает и когда всеобщее избирательное право неизбежно повлечёт за собой демократизацию нашей общественной и социальной жизни. Нет! Напрасный труд, вурдалаки не остановят человечество в его движении вперёд. Нет даже необходимости вбить кол им в грудь, их концом станет ничтожность их подлости...

Мы занялись изучением данной акции, начатой так называемым «Национал-Христианским Союзом», в составе примерно пяти с половиной шутов, для того, чтобы зафиксировать их один раз в их гнусном качестве, и для того, чтобы привлечь внимание евреев к тому, что есть ещё злоумышленники, от которых надо защищаться».

Следовательно: шайка клоунов, общественных оскорбителей, банда злоумышленников, индивидуумы, запоздалые вурдалаки, подлость, дикая акция, гнусное качество, – вот что представляют собой профессора Румынизма: Куза, Паулеску и Шумуляну, и вот что представляет собой их акция по спасению народа.

Мы получаем по лицу и душе, издевательство за издевательством, удар за ударом до той ситуации, когда увидим себя в «замечательной» ситуации: евреи – защитники Румынизма. Укрывшись от любых невзгод, они живут в тишине и достатке, а мы, румыны, «враги Румынизма», живём под угрозой нашей жизни и свободе, преследуемые как бешенные собаки всеми румынскими властями.

Я это видел собственными глазами и пережил подобные мгновения, удручённый до глубины души. Начать борьбу за свою страну, с чистой душой и честным взглядом, бороться год за годом в нищете и голоде, скрытыми для других, но раздирающими тебя на части, чтобы в один миг увидеть себя объявленным врагом народа, преследуемым румынами, и когда тебе говорят, что ты борешься за деньги извне, а рядом видишь всё еврейство, что владеет твоей страной, нарядившись в одежды защитника Румынизма и румынского государства, которому ты, молодёжь страны, угрожаешь, – это ужасно.

Ночи напролёт нас мучили эти мысли, и были моменты, когда нас переполняли сверх меры горечь и стыд, нами овладевала скорбь и мы думали: не лучше ли будет уехать куда-нибудь или спровоцировать месть, в которой мы все найдём свою смерть – и мы, и те из румын, что стали подлецами, и головы иудейской гидры?

Конгресс руководителей студенческого движения.

Яссы, 22-25 августа 1923 года

В сокращённом комитете в Бухаресте решается проведение первого конгресса руководителей и делегатов студенческого движения после года борьбы.

Этот конгресс планировалось провести в Клуже с 22 по 25 апреля 1923 года. Мота, председатель кружка «Петру Майор» сообщал нам через верного человека, что власти ознакомили его с приказом о запрещении проведения этого конгресса. Мы, Яссы, ответили Клужу, как и остальным студенческим центрам, что берём на себя ответственность за проведение этого конгресса в Яссах, даже если правительство захочет его запретить. Центры дали своё согласие, а мы выполнили свои обязанности по размещению сорока заявленных делегатов.

Утром 22-го мы по очереди встречали на вокзале делегации Клужа во главе с И. Мотой, Черновиц во главе с Т. Попеску и Кырштяну, Бухареста во главе с Н. Крецу, Симионеску и Рыляну.

В десять часов все вместе мы направились в Митрополию, чтобы заказать молебен и панихиду в память студентов, погибших на войне, среди которых был и Штефан Петрович, бывший председатель студенческого центра Ясс.

К нашему великому огорчению, мы нашли ворота Митрополии закрытыми на цепи и охраняемые жандармами.

Между тем, прибывает и престарелый профессор Гаванескул. Тогда все вместе мы преклоняем колени, прямо посреди улицы, и творим молитву, перед церковью, которую даже турки не закрывали для тех, кто хотел молиться. Случайно подошедший священник Штюбей, увидев нас преклонёнными, приблизился к нам и прочитал молитву.

Затем, с непокрытыми головами, молчаливые и наполненные болью, мы пошли дорогой к Университету, идя посреди улицы, под взглядами евреев, что казались нам стрелами, брошенными из дверей и окон их лавок.

На ступенях Университета нас встретили власти, поддерживаемые многочисленными силами полиции, и сообщили нам, что Министерство Внутренних Дел запретило конгресс. Прокурор нас остановил, призывая разойтись. Разозлённый, я сказал:

– Господин прокурор, насколько я знаю, мы находимся в правовом государстве. Конституция нам гарантирует свободу собрания, и вы знаете лучше меня, что министр не может отменить права, гарантируемые Конституцией. Поэтому, во имя закона, который не мы, а вы нарушаете, призываю отойти в сторону.

Ожесточённые святотатством, допущенным часом ранее, когда нам цепями закрыли ворота храма, похитив у нас право молиться, и видя сейчас перед собой вторую несправедливую попытку, провокационную и унижительную, закрыть перед нами вход в наш собственный дом, Университет, и понимая, что эти меры – наглое нарушение закона, мы опрокинули всё и вся, что стояло у нас на пути и вследствие борьбы силой заняли Университет.

Тринадцатый полк, появившийся чуть позже, окружил Университет. Мы забаррикадировались, защищая входы. У каждого окна стояло по три солдата с прижатыми к оружию штыками.

В этой ситуации, в давящей атмосфере, в двенадцать часов в амфитеатре юридического факультета открывается собрание. Участники конгресса, бледные от пережитого и молчаливые от боли происходящего в Митрополии и здесь, распространили вокруг пустого зала атмосферу глубокой грусти. Над всеми довлеет опасение, что армия перейдёт в атаку, войдёт в Университет, прямо на нас, и о последствиях, что последуют.

Мы не произносим речей, но конгресс понимает трагичность ситуации и предчувствует, что грядут серьёзные события.

Для первого дня избрали председателем меня. Начинаем с осуждения того, что произошло. Несколько человек просят слово и протестуют. Затем начинаются дискуссии о нашем движении.

Какую позицию мы выбираем для наступающего года? Капитулируем? Тяжело! Год безрезультатной борьбы. Напротив, мы остались опозоренными, униженными, битыми. Идём дальше? Опять тяжело! Студенты дошли до конца своих сил, они не могут начать второй год борьбы.

Всё же Мота, Т. Попеску, Симионеску и я поддерживаем идею дальнейшей борьбы. Ради жертвы. Из нашей капитуляции не выйдет ничего кроме стыда и унижения. Из нашей жертвы не может не родиться что-то хорошее для нашего народа.

К восьми часам начало темнеть. Слышим с улицы сигнал тревоги и шум. К. Панку, ветеран борьбы 1919 года, окружённый студентами, что остались снаружи, с большим числом граждан собрались в Тулии, с зажжёнными факелами в руках и пытались пойти вверх к Университету, чтобы принести нам несколько мешков с хлебом.

Мы все побежали к окнам смотреть. Манифестанты прорвали кордон у Туфли и бегом поднялись в гору. Второй кордон напротив улицы Корою прорвали после тяжёлого боя. Слышим взрывы приветственных криков. Третий кордон также прорван. Мы приготовились штурмовать изнутри, выйти, но четвёртый кордон наши пройти не смогли. Слышен голос Панку, что стоял с мешком хлеба у ног:

– Это наши дети!

В девять часов начинаются переговоры между нами и властями через Н. Крецу. Они обещают немедленное освобождение всех студентов, окружённых в Университете, с условием, что они сдадут меня. Студенты отказываются. Около одиннадцати они сообщают, что разрешается выход группами по три человека. Разумеется, с целью поймать меня на выходе. Мы соглашаемся.

Каждые пять минут выходят группы по три человека. У дверей за нами внимательно наблюдают четыре комиссара и агента. Я быстро снимаю с себя свою одежду в национальном стиле и отдаю её своему товарищу, а он даёт мне свою. Выхожу с Симонеску и ещё с одним. Открывая дверь, роняю из кармана несколько лей. На их звук все комиссары смотрят вниз и спрашивают:

– Что вы потеряли, господа?

Мы все, с опущенными головами, ища вместе с ними, отвечаем:

– Деньги.

Симонеску ещё остаётся поговорить с ними, ища и зажигая спички, а я спасаюсь.

В большом секрете мы решаем продолжение конгресса на второй день, за городом, в Монастыре Четэцуя.

Я пробираюсь туда одетый кочегаром, даже товарищи меня не узнали. Председательствует И. Мота. С наблюдателями, расположенными в удачных местах, мы работаем спокойно, с вершины холма видно всё на расстоянии двух километров. Работаем до позднего вечера. Делаются предложения, принимаются решения. На этом же заседании 10 декабря объявляется национальным днём румынского студенчества.

На третий день конгресс продолжается в лесу на холме Галата. Большинство решается продолжать борьбу. Избирается комитет пяти, что будет давать директивы к действию всему студенческому движению из всех университетов. Комитет состоит из: И. Мота (Клуж), Т. Попеску (Черновцы), И. Гырнята (Яссы), Симонеску (Бухарест) и меня.

С созданием этого комитета старое студенческое руководство в Бухаресте, недостаточно ориентированное и решительное, окончательно пало. Оно остаётся как форма, но уже ничего не решает.

Сейчас решаются официально, в первый раз, новые направления: борьба с политическими партиями, признанными отошедшими от народа и веры и за новое румынское движение, которому студенчество должно официально помочь, чтобы победить – Лиге Национальной Христианской Защиты.

На четвёртый день конгресс заканчивает свою работу в доме г-жи Гика на ул. Карол.

Вечером студенты разъезжаются по своим центрам, а я отправляюсь в Кымпулунг, чтобы организовать конгресс Лиги Национальной Христианской Защиты в Буковине, в котором примет участие профессор Куза со всеми передовиками движения. Я с трудом пробираюсь, так как на меня выписан ордер на арест.

По дороге я радовался решениям конгресса, что были в духе наших взглядов, но более всего я радовался, что мы сделаем своим единоверцем И. Моту, председателя кружка «Петру Майор» в Клуже.

Конгресс Лиги Национальной Христианской Защиты в Кымпулунге

Конгресс в Кымпулунге состоялся 17 сентября 1923 года.

Мы смогли провести его лишь после тяжёлой борьбы, так как правительство запретило его и послало войска из Черновиц под командованием какого-то полковника. На всех въездах в город поставили сильные кордоны.

Мы сосредоточили все усилия на входе в город со стороны запада, Садова, Пожорыта. Там мы прорвали кордон благодаря стрелкам из Ватра Дорней, Кындрени, обеспечив в течении часа проход всего конвоя, состоящего из нескольких сотен повозок.

Конгресс состоялся во дворе городской церкви. Брала слово профессор Куза, мой отец, Др. Кэтэлин, председатель Буковины, Т. Попеску, братья Октав и Валериан Дэниляну, которые с душой, полной веры, вместе с Др. Кэтэлином организовали этот внушительный конгресс.

Эти гордые крестьяне гор, с длинными волосами, в белых рубашках и зипунах, собрались на звуки бучума, в свой город, многочисленные и неистовые как никогда.

Они думали, что настал час, которого ждали так долго, когда румын раздавит гиду и вступит в права хозяина страны, гор, вод и своих городов.

Они вынесли все тяготы войны. Их жертвенная кровь на всех фронтах создала Великую Румынию. Но к их великому разочарованию и боли Великая Румыния не оправдала их надежд. Великая Румыния отказалась разорвать оковы еврейского рабства, что мучили их столько времени.

Великая Румыния отдала их в дальнейшую эксплуатацию евреям и добавила им политиканство, что будет бить их кнутом и сажать в тюрьмы, когда они попытаются вернуть свои украденные исторические права.

Все леса Буковины, все эти горы, поросшие елями, что принадлежат Православной церкви, что тоже стала политиканизированной и отчуждённой, были отданы на откуп еврею Анхауху за неслыханную цену в десять лей за кубический метр, в то время, когда румынский крестьянин платил 350 лей.

Падают леса с гор под безжалостной еврейской секирой, остаются лишь голые скалы. Горе и бедность накрыли румынские сёла. И тащат за границу непрерывно, без отдыха, чемоданы, полные золота, Анхаух и вся его родня.

Из этого баснословного барыша перепадает и румынскому политику – товарищу еврею в эксплуатации тысяч нищих крестьян.

Собрание делегирует тридцать человек из видных крестьян, которые поедут в Бухарест, под руководством Др. Кэтэлина и В. Дэнилеску, чтобы явиться к премьер-министру и попросить принять меры для защиты лесов, отменив контракт Анхаух-Церковный Фонд, а с другой стороны, попросить о «Numerus Clausus» в школах, чтобы таким образом показать любовь и признательность по отношению к молодёжи, пробудившейся к борьбе.

Собрание выбрало и нас – Т. Попеску и меня, чтобы поехать в Бухарест вместе с остальными в качестве их представителей.

Я уехал раньше для того, чтобы эти крестьяне, что в первый раз приезжали в столицу своей страны, с такой чистотой в душе, с такой болью и такими надеждами, были хорошо приняты румынским студенчеством. Они ехали и ради нас, студентов, идя на огромные для себя затраты.

В день приезда, на перроне Бухарестского вокзала студенчество встретило их по королевски, этих королей румынской земли во все времена, а они выходили из вагонов со слезами на глазах в своей святой столице. За вокзалом ждал прокурор Рышкану, комиссары полиции и кордоны жандармов, что перекрыли движение. Жандармам и комиссарам приказывают бить. Ружейные приклады и резиновые дубинки, одни за другим стелятся по седым кудрям крестьян, по их блаженным лицам. Мы, студенты, спрятали в центре стариков и прорвали первый кордон. У Политехнического прорвали второй, затем третий и избавились от них на площади Матаке Мэчелару. Крестьяне плачут. Один, в порыве возмущения, что прорвалось наружу, рвёт на себе рубаху.

На второй день все вместе идём на приём к премьер-министру, к зданию правительства на ул. Г. Кантакузино. Встречу переносят на второй день, наконец, нам сообщают, что примут на третий день. Приходим.

Входим в один зал и ждём. Ждём примерно час, молчаливые, говорим вполголоса и ходим на цыпочках. Входит секретарь:

– Господа, уходите, г-н премьер-министр не может вас принять. Он сейчас на заседании кабинета.

– Но мы издалека, – пытаемся мы объяснить. Дверь закрывают.

Думаю: «Каждый человек потратил 1000 лей только на билет. Вернуться назад без результата? Они не могут больше ждать!»

Берусь обеими руками за дверь и что есть сил начинаю её трясти и кричу как можно громче:

– Впустите, или я взломаю дверь и войду силой!

Бью дверь ногой. Крестьяне начинают кричать и подставляют плечо. Открывается дверь и появляется десяток испуганных субъектов со всклокоченными волосами и жёлтыми лицами. Наверное, газетчики.

– Чего вы хотите, господа? – спрашивают они.

– Скажите премьеру, что если он не впустит нас, мы сломаем здесь всё и войдём силой!

Через несколько минут двери широко открываются и мы входим. Поднимаемся наверх по лестнице. Там, в зале, стоит, высокий и прямой, как струна, Ион Брэтиану. За его спиной министры Ангелеску, Флореску, Константинеску, Винтилэ, Брэтиану и др.

– Чего вам надо, люди хорошие? – спрашивают они.

Мы ещё были во власти возмущения и хотели казаться более решительными, давая адекватную оценку душевному состоянию, но крестьяне, ступая в лаптях по мраморным лестницам и дорогим коврам, смягчались.

– Ваша Светлость, г-н премьер-министр, целуем ваши руки и смиренно припадаем к стопам Вашей Светлости! Чего нам хотеть? Хотим справедливости, ибо одолели нас жида. Они возят лес сотнями вагонов, а у нас прохудились крыши домов, так как мы не имеем даже дранки, чтобы их залатать.

– Не можем отдать своих детей в школы, ибо они заполнили и школы, а наши дети станут их слугами.

Говорили и другие крестьяне.

И. Брэтиану слушал, не вспомнив ни разу о предшествующем аудиенции казусе, и в конце, после слов крестьян: «Просим и для студентов, наших детей, сделать, как они просят, “Numerus Clausus”», он сказал:

– Идите домой и запаситесь терпением, я распоряжусь расследовать вопрос с лесами. В том, что касается «Numerus Clausus», это невозможно. Покажите мне хоть одно государство в Европе, где ввели эту меру, и я сделаю то же самое.

Но Европа пробудится лишь через десять лет, и введёт «Numerus Clausus», признавая правоту нашей веры, но И. Брэтиану уже не станет, и он не сможет сдержать слово, а его наследники превратятся в рядовых слуг иудаизма, что поднимут кулак, чтобы нас ударить, и будут убивать нас по приказу иноземных господ.

Мы все ушли без надежды. Ничего не изменится.

Как немедленное следствие аудиенции был арест Др. Кэтэлина, шефа делегации и В. Дэниляну.

Группа студентов вечером провела манифестацию протеста перед домом министра внутренних дел.

Был пойман студент В. Фриму и помещён в Вэкэрешты.

Затем мы уехали в Кымпулунг.

Студенческий заговор октября 1923 года.

Попытка мести, что послужит примером будущим векам

В Кымпулунг приехал Мота, чтобы посетить скит Петра Рареша на Рарэу, гору, что мне дорога особенно. Поднимаясь на Рарэу, Мота начинает рассказывать о своих душевных переживаниях:

– Студенты не смогут устоять до осени, и чем позорная капитуляция всех нас, после года борьбы, лучше призвать их возобновить занятия, а мы, те, что вели их, закончим движение красиво, пожертвовав собой. Но сделать это надо так, чтобы вместе с нами пали и все те, кого мы посчитаем предателями румынских интересов. Приобретём револьверы и будем стрелять в них, давая ужасный пример, что останется в нашей румынской истории. Что станет с нами после этого, умрём ли мы или будем пожизненно сидеть в тюрьме, – мне безразлично.

Я согласился с тем, что финальный акт нашей борьбы должен быть, даже ценой нашей гибели, актом возмездия тем пигмеям, что дезертировали с ответственных постов, которые они занимали, унижая и подвергая всем опасностям румынскую нацию.

И в этот момент я почувствовал, как кипит в нас кровь, требуя мщения за несправедливости в длинной цепи унижений, вынесенных нашим народом. Вскоре после этого мы встретились в Яссах, в доме г-на Бутнару по улице Савеску, 12, в следующем составе: И. Мота, К. Жеоржеску, И. Верникеску из Клужа, И. Гырнята, Р. Миронович, Л. Бандак и я из Ясс, Т. Попеску из Черновиц. Первой стояла проблема: с кого начать? Кто более виновен в трагичной ситуации, в которой бьётся страна: румыны или евреи? Мы все единодушно согласились, что самая большая вина лежит на тех подлых румынах, что ради серебряников иуды предали свой народ. Евреи нам враги, и в этом качестве они нас ненавидят, отравляют, истребляют. Румынские руководители, что занимают ту

же линию, что и они, являются более чем врагами – они предатели. Самое первое и суровое наказание следует понести предателям, и лишь затем врагу.

Если бы у меня был лишь один патрон, а перед собой я одновременно видел предателя и врага, пулю я пустил бы в предателя. Мы согласились с кандидатурами нескольких элементов, что оказались на линии предательства, и выбрали шесть министров во главе с Г. Мырзеску. Наконец настал тот час, когда те, кто проявили себя как каналы, кто никогда не думали о том, что придётся отвечать за свои деяния в стране, где они считали себя абсолютными хозяевами, а наш народ считали неспособным на какую-либо реакцию, расплатятся своими жизнями.

На этот раз нация посылала через невидимые нити своей души мстителей.

Затем мы перешли ко второй категории: евреи. Кого из двух миллионов взять с собой?

Мы посидели, подумали, подискутировали и, наконец, пришли к выводу, что истинными командирами иудейской атаки на Румынию являются раввины, все раввины из всех местечек и городов. Они ведут в атаку еврейскую массу и везде, где пал румын, он пал не случайно. Он падает под прицелом соответствующего раввина. За спиной каждого продажного политика существует голова раввина, что изучила его и приказала кагалу или соответствующему еврею-банкиру заплатить. В тени каждой еврейской газеты и каждого метода: клеветы, лжи, подстрекательства, – существует план раввина.

Но нас было мало, и мы решили взять только самых главных в Бухаресте. Если бы нам позволила численность, мы бы взяли абсолютно всех.

Затем взялись за банкиров: Аристида и Мориса Бланка, которые коррумпировали все партии и всех политиков в стране, введя их в административные советы и задаривая деньгами, Берковича, который финансирует Либеральную партию (Бланк взял на себя национал-крестьян, но чувствовал в себе силы купить и либералов).

Затем евреев из прессы, самых бесстыжих отравителей душ: Розенталя, Фильдермана, Хонигмана (Фагуре), директоров газет: «Диминьяца», «Адевэрул», «Лупта», всех этих врагов румынизма.

Мы отправились в Бухарест группами, навсегда прощаясь с Яссами. Я оставил письмо студентам, в котором объяснял наш жест, прощался с ними и призывал возобновить занятия, но сохранить нетронутой веру до победного конца. Каждый из нас оставил письма родителям и товарищам по борьбе.

В Бухаресте мы встретились вновь. Пошли к Данилеску, которого мы уже знали какое-то время и который произвёл хорошее впечатление. Он не входил в эту команду, но мы его попросили приютить нас, что он сделал с большой готовностью. От Данилеску около восьми часов мы пошли домой к Драгошу, на улице

13 декабря, 41, где надо было уточнить некоторые детали и установить дату, когда следовало начать акцию.

Мы едва собрались, когда вошёл бледный Драгош и сказал:

– Братья, полиция окружила дом!

Был вечер 8 октября 1923 года, около 9 часов.

Минута замешательства, мы не успели даже сказать и пары слов. Мы скрестили взгляды, глядя друг другу в глаза. Через секунду я вышел в зал и через окно двери увидел фигуру генерала Николяну и комиссаров, что выдавливали дверь. На третью секунду двери открылись и дом наполнился комиссарами. Генерал Николяну кричал:

– Руки вверх!

Но мы не успели этого сделать, так как каждого из нас схватили по два комиссара и поставили в линию: на правом фланге был я, затем Мота, К. Жеоржеску, Т. Попеску, Р. Миронович, Верникеску, Драгош.

– Вынимайте револьверы!

– У нас их нет, – ответили мы. Только у Моты и Верникеску были Browning 6.35.

Затем нас одного за другим вывели из дома, под руки нас держали по два комиссара, и каждого посадили в отдельную машину, что ждала на улице. Из дома был слышен плач престарелой матери Драгоша.

Машины трогаются. Куда нас везут? Не произносим ни слова, не спрашиваем ничего тех, для кого мы пленники. И они нас не спрашивают. Проехали несколько улиц и въехали в префектуру полиции. Нас высаживают и затем помещают в какой-то комнате. Там нас обыскивают. Отбирают всё, что находят, плюс воротнички и галстуки. Этот обыск в наших карманах, снятие воротничков, это отношение как к карманникам унижает нас невыразимо. Но мы только в начале этого пути унижения. Поставленные затем лицом к стене, без права повернуть голову и, стоя таким образом длительное время, мы думали: «Люди, несколько часов тому назад свободные, гордые и полные решимости разорвать оковы, что держат наш народ, вот до чего мы дошли: беспомощные бедняги, стоим неподвижно лицом к стене, по приказу каких-то несчастных агентов полиции, обыскиваемые по карманам как жулики, со снятыми воротничками, галстуками, платками, кольцами».

Отныне придёт наше большое страдание, что шаг за шагом разорвёт сердце. Оно начиналось с нашего унижения.

Думаю, нет большего страдания для борца, что живёт гордостью и честью, чем его разоружение, а затем унижение. Смерть всегда слаще, чем это. Затем нас завели в ком-

нату с лавками и посадили на расстоянии пяти метров одного от другого с рядом агентами, без разрешения смотреть друг на друга. Так мы просидели много часов, пока нас не начали вызывать на допрос. Участниками этого длинного, давящего ожидания были: Мота, Т. Попеску, Р. Миронович, К. Жеоржеску, Верникеску, Драгош и я.

Через некоторое время нас по очереди стали вызывать на допрос. Он проводился в большой комнате в присутствии прокурора, судебного следователя, генерала Николяну и некоторых представителей министров. Моя очередь подошла к утру. Там мне предъявили несколько моих писем и две корзины со всеми нашими револьверами, которые мы спрятали в надёжном месте. Я не понимал, как они здесь оказались. Я понимал: нас поймали, но кто сказал, где револьверы?

Начался мой допрос. Я не знал, что сказали остальные, и не было предварительной договорённости, так как мы не предполагали, что окажемся в такой ситуации. Поэтому я осмыслил ситуацию сам и после минуты выбора принял решение, которое казалось мне хорошим.

Когда мне задали первый вопрос, хотя прошло три минуты, как я вошёл. Я ещё не закончил осмысление ситуации, в которой находился и не мог принять решение. Я был смертельно уставший и душевно страдал.

Поэтому, когда у меня потребовали ответа, я сказал:

– Господа! Прошу дать мне минуту на размышление прежде, чем ответить.

Ставился вопрос: отрицать или нет? В ту минуту я напряг все силы ума и души и пришёл к выводу – не отрицать. Утверждать правду. И не робко и с сожалением, а браво вировать ею.

– Да, это наши револьверы. Ими мы хотели убить министров, раввинов и крупных банкиров-жидов.

Меня спросили их имена.

Когда я начал перечислять имена, начиная с А. Константинеску и заканчивая банкирами Бланком, Фильдерманом, Берковичем, Хонигманом, все присутствующие в ужасе тарасили на меня глаза. Поэтому я заподозрил, что остальные товарищи до меня всё отрицали.

– Но за что, господин, их убивать?

Во-первых, за то, что продали Родину, во-вторых, за то, что враги и коррупционеры.

– И не сожалеете?

– Не сожалеем... Если пали мы, ничего страшного, за нами идут десятки тысяч единоверцев!

Сказав это, я будто освободился от камня унижения, что давил бы на меня ещё больше, прими я тактику отрицания. Теперь я стоял на своей вере, что привела меня сюда, и с гордостью пренебрегал тяжёлой участью, что ждала меня от тех, что казались хозяевами моей жизни и смерти.

Займи я позицию отрицания, я оказался бы в обороне, защищаясь от обвинений, прося индульгенцию, ища их благосклонности. На процессе, что за этим последует, на основании письменных фактов, которыми они располагали, нам надо было бы пройти через постыдную и болезненную ситуацию, отрицая собственный почерк и нашу веру, отрицая правду, что противоречило нашему сознанию и чести всего нашего движения. Представители великого студенческого движения, неужели у нас нет смелости отвечать за наши поступки и наши верования?

Сверх того, наши и страна не узнали бы наших помыслов, а единственным результатом наших страданий, какими бы длинными они не были, было бы следующее: чтобы страна, находящаяся в неведении, хотя бы знала своих врагов.

Затем меня заставили написать эти заявления своей рукой. Я написал. Но в конце я добавил: дата не была установлена. Нас взяли во время дискуссии, я предлагал установить дату через неделю или две, тогда следователи остановились, настаивая всё больше, чтобы я отказался от этого уточнения. Позже я понял, почему они настаивали. Потому что последняя фраза перечёркивала юридическую ценность всего обвинения и создавала нашу точку защиты, так как заговор предусматривает четыре составляющие: 1) ассоциирование с этой целью, 2) определение людей, 3) наличие оружия, 4) установление даты акции. Мы не имели установленной даты и находились в фазе дискуссии.

Время имело решающее значение, ведь за две недели могло случится много чего: заолеем мы, умрут люди, выбранные нами, или падёт правительство и т.д.

Вся наша защита будет основана на этом.

После этой декларации я был препровождён агентами в подвал, помещён в камеру один и закрыт снаружи на замок. Я понял, что в соседних камерах мои товарищи. Я ударил кулаком по стене и спросил, кто ещё есть. Я услышал сквозь стену: Мота. Я сел на доски, чтобы поспать, так как был убит усталостью, но, не имея пальто, я начал дрожать от холода. Затем меня начали кусать блохи. Их были десятки. Я перевернул доски, они поднялись обратно, я проделал несколько раз эту операцию, пока не понял, что наступил день.

Я услышал шум у двери. Дверь открылась, и нас вывели наружу, затем нас раздельно провели и посадили в машины. Каждого сопровождали два жандарма и два комиссара. Машины трогались одна за другой. И тот же вопрос: «Куда едем?»

Мы проехали несколько незнакомых улиц с любопытными, что смотрели нам вслед. Выезжаем из города, машины останавливаются перед большими воротами, над которыми написано: «Тюрьма Вэкэрешты».

Нас высаживают, и, в окружении штыков, расставляют на расстоянии десяти метров друг от друга. Слышен лязг замков и цепей, и большие ворота открываются. Один за другим мы осеняем себя крестом и входим. Нас проводят наверх в дирекцию и выдают мандат на арест. Мы поняли, что арестованы за заговор против безопасности государства с предусмотренным наказанием: принудительные работы.

Нас вывели в другой двор, посреди которого возвышалась высокая церковь. Вокруг стены, а возле них камеры и помещения. Меня поместили в дальней камере шириной в один метр, длиной в два метра и закрыли снаружи на замок. Внутри была лишь кровать из досок, возле двери – зарешёченное окошко. Спрашиваю себя, где остальные, затем ложусь головой на доски и засыпаю. Через два часа просыпаюсь, дрожа. В камере было холодно, и туда не проникал даже солнечный луч. Смотрю ошалело вокруг себя, и не могу поверить, куда я попал. Смотрю внимательно и вижу грязь, что меня окружает. Говорю себе: «В тяжёлое положение ты попал». Волна боли проникает мне в сердце. Но сам себя утешаю:

– Это за наш народ.

Затем начинаю делать гимнастические упражнения на руках, чтобы согреться.

Около одиннадцати слышу шаги. Охранник открывает дверь. Смотрю на него. Может, когда встречал его. Чужой угрюмый человек. Смотрит на меня злыми глазами. Даёт мне чёрный хлеб и тарелку борща. Спрашиваю его:

– Господин охранник, у вас случайно нет сигареты?

– Нет!

Он вновь закрывает меня на замок и уходит. Я отрываю кусок чёрного хлеба и ем несколько ложек борща. Затем кладу еду на цементный пол и собираюсь с мыслями. Я не мог понять, как нас поймала полиция. Кто-то из нас случайно проболтался? Нас предали? Как они нашли револьверы?

Вновь слышу шаги. Священник и несколько господ приблизились к двери и начинают говорить:

– Господа, разве можно чтобы Вы, воспитанные молодые люди, делали подобное?

– Если румынский народ может погибнуть от жидовского нашествия, от продажности, развращённости и издевательства его руководителей, то нам позволено сделать то, что мы хотели сделать!

– Но есть столько законных путей!

– Мы пробовали пройти по всем легальным путям до того, как дойти сюда. И если бы хоть одна дверь нам открылась, может быть, мы не попали бы в эти камеры.

– И теперь вам лучше? Вам предстоит пострадать за свои поступки!

– Может, из наших страданий выйдет что-то хорошее для нашего народа.

Они ушли.

Около четырёх пришёл охранник и принёс одеяло, изъеденное временем, и матрац, набитый соломой. Всё это я уложил как можно удобнее.

Съел немного хлеба и лёг.

Я думал о разговоре со священником и сам себе говорил:

– Из развлечений и тихой жизни своих сынов народ никогда ничего не выигрывал. Из страданий всегда выходило что-то полезное.

Мне удалось найти смысл нашим страданиям и одновременно моральную поддержку в эти тяжёлые часы.

Тогда я встал с кровати, преклонил колени и стал молиться:

– Господи! Принимаем на себя все грехи народа этого. Прими наши страдания. Сделай так, чтобы из этих страданий родился более светлый для него день.

Затем я подумал о своей маме и о домашних, что, может быть, слышали о моей судьбе и думают обо мне. Я помолился и за них и лёг спать.

Хотя я лёг одетый и накрылся одеялом, мне было холодно, из-за соломенного матраца я плохо спал. Я проснулся в восемь часов, когда охранник открыл дверь, спрашивая, не хочу ли я выйти на прогулку. Я вышел и стал делать гимнастику, чтобы согреться.

Мой ряд камер был наверху, и я видел весь двор. В один момент я увидел кого-то, одетого в национальный костюм и прогуливающегося среди воров. Это был мой отец. Я не верил своим глазам. Что он здесь ищет? Арестовали и его! Я сделал несколько жестов и он меня увидел. Охранник меня остановил.

– Господин, вы не можете делать знаки.

– Это мой отец, – отвечаю я.

– Может быть, но знаки делать нельзя.

Смотрю на него и говорю:

– Товарищ, оставь нас на милость Божью, со страданием, что Он нам дал, не добавляй и ты сверху.

И вошёл в камеру.

После обеда меня вывели вновь. Взяли под штыки и вывели из тюрьмы. Там на дороге были выстроены все, на расстоянии десяти метров между собой и под охраной двух штыков каждый. Первым стоял мой отец, между двумя солдатами с примкнутыми к ружьям штыками. Появились ещё несколько: Т. Бразу из Клужа, Л. Бандак из Ясс, Данилеску. Нам не разрешалось повернуть голову или делать друг другу знаки. Лишь на секунду мне удалось разглядеть исхудавшие лица моих бедных товарищей по несчастью. Но что гложило мне сердце, так это несправедливая ситуация, в которую попал мой отец. Он был абсолютно невиновен. Борец по жизни за этот народ, профессор лица, майор, бывший командир батальона на передовой в период всей войны, неоднократно избранный в депутаты, и не какой-нибудь незаметный депутат, – сейчас его вели под штыки по улицам столицы.

Так, колонной нас повели в трибунал. Румыны смотрели на нас с безразличием. Когда же дошли до еврейского квартала, все евреи вышли к дверям и окнам. Одни смотрели с издёвкой и смеялись, другие комментировали громким голосом, третьи плевали в нашу сторону.

Мы опустили головы, и так шли всю дорогу, с сердцем, переполненным болью.

Трибунал подтвердил мандаты на наш арест. Защищал нас г-н адвокат П. Илиеску, который первым предложил свои услуги.

Нас отправили назад тем же строем и той же дорогой. В киосках я видел объявления в «Диминяца» и других еврейских газетах, написанные крупными буквами: «Студенческий заговор», «Арест заговорщиков».

И вот я снова в своей камере. Две недели я просидел там в холоде, не зная ничего о других и не имея вестей извне.

После двух недель, длинных как два века, нас вывели из одиночек и поместили в камеры, где были печи, по три человека в каждую. Нам разрешили готовить и коллективно принимать пищу.

Когда мы вновь встретились, это был настоящий праздник.

Меня поместили в ту же камеру, что и Драгоша и Данилеску. Между тем сдался властям и Гырнята, председатель Ассоциации Студентов-Христиан из Ясс. Таким образом, наше число выросло до тринадцати. Мой отец, ни в чём виновный, Мота, Гырнята, Т. Попеску, К. Жеоржеску, Р. Миронович, Л. Бандак, Верникеску, Т. Бразу и я –

обвинённые в заговоре; Драгош и Данилеску – задержанные, так как принимали нас у себя дома. Кроме того, был и В. Фриму, которого я нашёл здесь после ареста во время манифестации у дома министра внутренних дел. Нам выдали примус и мы начали сами готовить из продуктов, что нам передавали родные и знакомые. Еда, которую выдавали заключённым, была действительно ужасна, а нищета, в которой они жили – неопишущей.

Мой отец добился от Дирекции разрешения, чтобы мы в семь часов каждого утра посещали церковь во дворе тюрьмы для молитвы. Мы все становились на колени перед алтарём и читали «Отче Наш», а Тудосе Попеску пел «Святую Богородицу».

Там мы находили утешение в нашей грустной тюремной жизни и надежду на завтрашний день.

Затем каждый из нас составил план работы. Мота занимался процессом, Данилеску готовился к экзаменам на медицинском факультете. Я работал над планом организации молодёжи в условиях национальной борьбы: организации студенческих центров, юношей в деревнях и учеников в лицеях. Над планом я работал до Рождества, и составил его до мельчайших подробностей, с тем, чтобы, выйдя из тюрьмы, применить его на практике, а если нет, то найти кого-то на воле, кто сможет начать организацию. Это следовало сделать в рамках Лиги. Лига должна быть политической организацией, а наше образование – организацией воспитания и борьбы молодёжи.

В день Святых Архангелов Михаила и Гавриила, восьмого ноября, мы обсуждали какое имя дать этой организации молодёжи. Я сказал: «Архангел Михаил».

Мой отец ответил:

– Есть в церкви икона Святого Михаила на дверях слева от алтаря.

– Пойдём, посмотрим.

Со мной пошли Мота, Гырнята, К. Жеоржеску, Р. Миронович и Тудосе.

Смотрим и остаёмся изумлёнными. Икона показалась нам красоты необыкновенной. Я никогда не был заморожен какой-либо иконой. Сейчас же я чувствовал, что связан с этой иконой всей душой, а Святой Архангел казался живым. Отныне я полюбил икону.

Каждый раз, когда мне встречалась открытая церковь, я входил и кланялся образам. Душа наполнялась радостью и покоем.

Начинается дорога мучений в Трибунал. Пешком, между штыками, по грязи, с рваной обувью и мокрыми ногами.

Каких-то маклеров-жидов, что обокрали государство на несколько сот миллионов, везли на машинах, а мы шли пешком. Часто передвижения были напрасными, лишь

для того, чтобы нас мучить. Меня судебный следователь вызывал двадцать пять раз, но допрашивал всего два раза. Мы ничего не изменили в наших первоначальных заявлениях.

Одна мысль терзала нас постоянно: кто нас предал? Ночи напролёт мы пытались разгадать эту тайну. Дошли до того, что стали подозревать друг друга.

Одним утром я пошёл в церковь и помолился у иконы, прося помочь выявить предателя. Вечером того же дня, садясь со всеми за стол, я обратился к товарищам.

– Я вынужден сообщить вам грустную новость. Предатель обнаружен. Он среди нас и сидит с нами за столом.

Все посмотрели друг на друга. Я и Мота следили за лицом каждого, стараясь уловить жест, что дал бы нам хоть малейшую подсказку. Я положил руку на нагрудный карман и сказал:

– Сейчас я вам покажу документы.

В этот момент Верникеску встал, постоял мгновение в нерешительности, затем отдал ключ от ящика с провизией Бандаку и сказал:

– Я ухожу.

Нам показался любопытным уход Верникеску, но мы продолжили разговор на тему документов, которые я отказывался показать, так как их у меня не было.

Когда мы встали из-за стола, я нашёл Верникеску одного. Он сказал нам:

– Кодряну подозревает меня.

Я ответил, что не подозреваю никого, и мы помирились.

Прошли многие недели, и наша жизнь протекала в тюрьме с трудом. На стене, напротив кровати, карандашом, я отмечал чёрточкой каждый прошедший день. Жизнь в тюрьме тяжела и мучительна для человека, рождённого свободным и живущего гордо. Ужасно чувствовать себя зарешённым, в высоких и враждебных стенах, далеко от своих, о которых ты не знаешь ничего. И даже в этих стенах ты не свободен, две трети времени ты под замком в камере. Каждый вечер жуткий звук закрывающихся замков на твоих дверях погружает тебя в атмосферу грусти. Снаружи враги этого народа, сво-

бодные, в чести, пользующиеся всеми благами, а мы, помимо моральной грязи, часто ложимся спать голодными и дрожим от холода всю ночь на деревянных кроватях, покрытых соломой.

Но вот пришли и дни радости. После двух месяцев тюрьмы приходит весть о приказе, что предписывает освобождение отца и Данилеску.

Большая радость для нас. Мы помогаем им собрать вещи, и вскоре их уводят от нас. Мы смотрим, как они уходят, следя взглядом до того момента, как они выходят за первые ворота. Я попросил отца передать маме и всем домашним, чтобы не волновались за меня.

Любое освобождение – это повод для радости тем, кто остаётся. Все радуются. Возможно, через освобождение одного каждый утверждает в надежде собственного освобождения.

Вскоре были освобождены Драгош, Бандак, Врязу и Верникеску. Их, как и моего отца и Данилеску, вывели из процесса. Нас осталось шестеро, обвинённых в «заговоре против безопасности государства».

Через несколько дней Драгош передал весть о том, что Верникеску нас выдал. Он даже переписал его заявление, что находилось в деле. Я принял эту весть с душой, полной горечи. Наш народ всегда страдал от предателей.

Снаружи

Во всех университетах студенты возобновили занятия. Кажется, мы находимся в ситуации растерянности. Два месяца они живут под террором еврейской прессы. Она непрестанно преувеличивает тяжесть нашей попытки отомстить и её «катастрофические» последствия для страны. Она кричит, что мы потеряли всякое доверие в глазах «цивилизованного мира», что мы «балканская страна». Она непрестанно спрашивает себя: «Что скажет Берлин, что скажет Вена, что скажет Париж?» Став защитниками «постоянных интересов государства» таким образом, евреи каждодневно призывают руководителей принять радикальные меры против национального движения, что должно быть подавлено с «крайней жестокостью».

Год назад, когда Макс Голдштейн подложил бомбу в Сенат и полиция арестовывала евреев-коммунистов, та же пресса кричала:

«Государство не может утвердиться путём насилия над волей народа. Где Конституция? Где законы? Где права, гарантированные Конституцией? Что скажут за рубежом о

государстве, применяющем подобные запретительные меры? Не может государство удержаться на арестах, тюрьмах, штыках, терроре. Потому что на насилие государства массы или отдельные индивидуумы ответят тоже насилием. На силу силой. На террор террором. И виноватыми будут не они, а государство, что их спровоцировало».

А теперь, с бесстыдством, которого не видят лишь слепые, та же пресса пишет:

«Недостаточно, что этих террористов арестовали. Их надо осудить так, чтобы это послужило примером. И даже этого недостаточно: нужно арестовать всех тех, кто манипулирует подобными антисемитскими идеями, что приносят столько зла нашей стране. Этот антисемитский сорняк нужно выдернуть с корнем. И нужно это сделать беспощадно, без жалости».

Этой вражеской лавине национальная пресса противостоит со стойким сопротивлением. Кроме газеты «Универсул», что всегда отличалась корректностью по отношению к проявлениям национального сознания, националистическое движение располагало тогда следующими изданиями:

«Студенческое слово» – издание бухарестского студенчества, которое лишь сейчас попало под руководство наших неумолимых товарищей на воле: Симионеску, Рыляну, Ф. Анастасеску, Данулеску и других, имена которых я позабыл;

«Новая Дакия» – орган студентов из Клузы, под руководством Суяга, Мокану, поэта Ю. Илиешу, автора «Студенческого гимна» и т.д.;

«Ясское слово» – орган ясского студенчества;

«Пробудись, Румын!» – орган черновицкого студенчества, недавно перемещённый в Кымпулунг, под руководством Др. Кэтэлина и Дэниляну;

«Национальная Оборона» – орган Лиги Национальной Христианской Защиты, Бухарест, со священными статьями профессора Паулеску, из которых привожу следующие выдержки:

«...Применили принуждение холодом, голодом, террором, успешно применяемые жидобольшевиками.

Кто мог предположить, что наступит время, когда наши дети, гордость румынской нации, будут вынуждены праздновать соединение всех румын в подвалах темниц или будут выгнаны в метель без крова и пищи!

Возможно, вы не отдаёте себе отчёта, что воюете против всей румынской нации».

«Униря» – орган Лиги Национальной Христианской Защиты, Яссы, под руководством профессора Кузы, со статьями с безупречной логикой;

«Национализм» – народный орган Лиги Национальной Христианской Защиты, Яссы;

«Свобода» – очень популярный в Орэштие листок, под руководством отца Моты, что освещает наш поступок в его верном свете. Он первым, без сомнения, разрушил стену молчания, что окружала нас в первые моменты.

Студенты понимают нашу жертву. Поэтому студенческое движение всё больше будет собираться вокруг этих стен тюрьмы «Вэкэрешты», где каждый студенческий центр имеет своих представителей.

Крестьяне начинают заботиться о нас. Они нам присылают деньги и молятся за нас в церквях, особенно в горах Буковины и Трансильвании, куда доходила «Свобода».

Вот маленький пример:

«Лепта моцев для студентов из «Вэкэрешт» («Студенческое Слово», № 7, год II от 4 марта 1924 года):

«Среди денежной помощи, которую получили студенты, заключённые в Вэкэрешты, от крестьян из многих сёл, на всём протяжении страны, находится один дар, более блистательный и ценный чем другие. Это дар от моцев из Западных Гор. По два, по три, по пять лей наскребли они где-то на дне сундука или в платке и отправили в долину, по тропам, протоптанным Янку, отправили вместе с частичкой своей души, далеко-далече, аж до Вэкэрешт, через горы, где, как они слышали, заключены в тюрьму их сыновья, что хотели избавить их от беды и несправедливости, нищеты и обиды. Из самого бедного уголка страны, о котором поётся в песне с такой скорбью и печалью:

Наши горы полны золота,

А мы просим милостыню из ворот в ворота.

Студентам из Вэкэрешт прислали самый ценный дар: горсть монет и частицу души нищего, голодного и раздетого, без крыши над головой, души, что прячет под лохмотьями самый дорогой клад: здоровье, неиссякаемый источник силы, из которого в тяжёлый час берёт начало Спасение Народа!

Моцы думают о студентах! Их душа начинает понимать, шевелиться, создавать новый идеал. Это самый хороший и выразительный знак!

Услышьте несколько их имён:

Из риска, что возле Бая де Криш, прислали: Николае Опря – 2 лея; Николае Флоря – 3 лея, Н. Харачус, Арон Греку, Циган Адам, А. Хентиу, Н. Булг, Ион Асилеу, Ал. Влад, Н. Богза, Н. Леучиан, Антоние Флоря, А. Леучиан – все по пять лей; Н Киску, А. Рис-

кута, Ион Анку, Салий Фаур – по 10 лей; Н. Флоря, священник, и Н. Русу – по 15 лей; Н. Байа, нотариус, и Дуту Рискута – по 20 лей. Всего 210 лей».

Крестьяне вскоре поймут нас, привяжутся к нам, своей сильной и столь терпеливой душой, в ожидании торжества справедливости.

Мысли о новой жизни

Приближается Рождество. Мы, оставшись там одни, думали о своих домашних, и длинными ночами, когда сон не шёл, нас одолевали думы. Когда наши победят? Когда мы выйдем отсюда? Если нас осудят на 10-15 лет, сможем ли мы выдержать до конца, или страдания и заботы перемелют наше здоровье, день за днём, и мы умрём в тюрьме?

Мы блуждали в неизвестности. Это состояние неуверенности нас изводило. Мы желали, чтобы, наконец, определили день процесса и узнать, что с нами, и какая судьба нас ждёт.

Страдания и общая судьба, что нас ждала, всё больше нас сближали, а разговоры о бесчисленных проблемах, что мы ставили перед собой, вели нас к одинаковым выводам, формировали день за днём единый образ мыслей. Самые незначительные вопросы национального движения рассматривались нами целыми часами и днями. Там мы научились мыслить вглубь, исследовать проблему до мельчайших деталей. Мы вновь занялись еврейской проблемой, её причинами, возможностями решения. Мы разработали планы по организации и действию. Через некоторое время мы закончили дискуссии. Мы дошли до законов, бесспорных истин, аксиом.

Мы видели блуждания тех, что пытались заняться национальным вопросом, создавая либо новую газету, либо пародию на организацию, ложные выводы, к которым они приходили по доктринарной линии, слабости в организационном плане, отсутствие концепции в практической области.

Вследствие глубоких размышлений мы стали ещё лучше понимать, что:

1. Еврейская проблема – это не утопия, а серьёзный вопрос жизни и смерти румынского народа. Руководители страны, объединённые в политические партии, становятся всё больше игрушкой в руках иудейской силы;

2. Это политиканство через свою жизненную концепцию, свою мораль, свою демократическую систему, из которой оно вышло, является настоящим проклятием, павшим на голову нашей страны;

3. Румынский народ не сможет решить еврейскую проблему раньше, чем решит проблему своего политиканства.

Первым делом, румынскому народу надо добиться разрушения иудейской силы, что давила его и душила. Должно произойти разрушение этого политиканства. Страна имеет евреев и руководителей, которых заслуживает. Так же как комары не могут обосноваться и жить, кроме как в болоте, так же и эти не могут жить иначе, как обосновавшись в болоте наших румынских грехов. Значит, чтобы победить, нам придётся сперва известить наши собственные грехи. Проблема даже более глубока, чем её обозначил профессор Куза. Ведение этой борьбы доверено румынской молодёжи, которая, если хочет соответствовать этой исторической миссии, если хочет жить, если хочет иметь Родину, должна готовиться и собрать все силы, чтобы вести борьбу и победить. Мы решили, что тогда, когда выйдем отсюда, если Бог поможет, больше не расставаться, остаться сплочёнными и посвятить свои жизни этой цели.

Но до того, как заняться недостатками народа, решили заняться собственными грехами. Мы проводили многочасовые собрания, и каждый рассказывал другому о недостатках, которые заметил. И мы прилагали силы, чтобы их исправить. Это была деликатная задача, ведь человек устроен так, что ему не легко слышать о собственных недостатках. Каждый думает или хочет думать, что он совершенен. Но мы говорили: «В начале узнаем и исправим собственные грехи, а затем посмотрим, имеем ли мы право заниматься и грехами других».

Так прошли праздники, а за ними и зима. Настала весна. О нашей судьбе мы не знали ничего, лишь то, что снаружи определилось большое народное движение, для нас и нашего дела, несмотря на все отчаянные попытки еврейской прессы поставить ему заслон. Это движение постоянно росло среди студентов, горожан, крестьян, одинаково мощно в Трансильвании, в Бессарабии, в Буковине и старом Королевстве. Сейчас мы получали отовсюду письма поддержки и призывы.

Весна принесла наконец большую радость. Процесс назначен на 29 марта в Суде присяжных в Ильфове. Начинаем готовиться. Но как готовиться? Мы сделали все заявления. Сказали всё, что хотели сказать. Адвокаты записываются, чтобы нас посетить. Они обращают наше внимание на то, что по причине наших заявлений ситуация наша тяжёлая, и что было бы хорошо от них отказаться, от них и от нашего нынешнего отношения, что было бы разумнее принять тактику полного отрицания. Мы

категорически отказываемся делать это и просим, если они могут, защищать нас в рамках наших заявлений, которые мы не хотим и не будем менять, каким бы ни был результат процесса.

Если случайно нас оправдают, как же мы расстанемся с нашей иконой, перед которой мы молились каждое утро?

Мы искали среди всех заключённых, и нашли художника. Я поговорил с ним, и в течение трёх недель он написал нам большую икону, более чем два метра длиной, точную копию той, что была в церкви, и одну маленькую, что я ношу с собой, и одну среднюю, чтобы отдать моей маме. Мота тоже сделал одну для своих родителей.

Затем мы прикинули, что за наши заявления мы почти наверняка получим минимум пять лет. Иногда мы молимся перед иконой:

– Господи! Мы все считаем потерянными эти пять лет. Даём обет, если получим избавление, употребить это время в борьбе.

Также решили, что если нас оправдают, перебраться всем в Яссы, и там создать свой центр деятельности. Оттуда начать, по уже готовым планам, организацию всей молодёжи страны, включая старшеклассников лицеев и даже тех из младших классов, с обычных школ, ремесленных училищ, семинарий, коммерческих школ и молодёжь из сёл. Затем следовала реорганизация студенческих центров. Все они должны были расти в духе веры, что вдохновляла нас, таким образом, чтобы до совершеннолетия все они были втянуты в политику, где решится судьба нашей борьбы, ряд за рядом, как штормовые волны, что идут друг за другом без конца.

Изоляция политиканства

Политиканство заражает нашу национальную жизнь. Организация этой молодёжи, помимо необходимости самовоспитания, также предусматривает защиту и изоляцию молодёжи от политиканства и его инфекции. Проникновение инфекции в среду румынской молодёжи означает нашу гибель и полную победу Израиля.

Более того! Эта организация молодёжи решит саму проблему политиканства, которое, не получая молодые элементы, будет обречено на смерть от истощения из-за отсутствия подпитки. Лозунг всего поколения должен быть: ни один молодой че-

ловец не переступит порога какой-либо политической партии. Тот, кто пойдёт туда, есть предатель своего поколения и народа. Потому что он своим присутствием, своим именем, своими деньгами, своим трудом способствует возвышению силы политиков. Тот юноша предатель, как есть предатель тот, кто уходит с фронта своих братьев и переходит на позицию врага. Хотя, он может и не выстрелит из своего оружия, но даже если он принесёт воды, чтобы утолить жажду тех, кто стреляет, – он соучастник убийства тех, кто падёт из рядов товарищей и, следовательно, предатель их дела.

Та теория, что призывает нас всех вступить в партии, чтобы сделать их лучше, если говорят, что они плохи, – ложная и гнусная. Так же как от начала времён течёт, день и ночь, тысячами рек и речушек сладкая вода в Чёрное Море и не может сделать сладкой его воду, а, напротив, и сладкая вода становится солёной, также и мы, в клоаке политических партий, не только не исправим их, но испортимся сами.

С этими мыслями и решениями мы начинаем, в случае, если нас оправдают. Система организации была готова. План действий установлен до мельчайших деталей. Предназначение каждого зафиксировано. Газета, что должна была выходить, будет называться «Новое Поколение», а вся наша организация будет называться «Архангел Михаил». Все знамёна должны нести на себе лик Святого Архангела Михаила с иконы церкви в Вэкэрештах.

Эта организация, как мы её видели, – организация всего румынского молодого поколения, должна была стать молодёжным крылом политической организации Лиги Национальной Христианской Защиты, с воспитательной целью.

Для нас эта концепция, созданная в стенах тюрьмы «Вэкэрешты» была началом новой жизни. Это было что-то новое, завершённое, и как мысль, и как организованность, и как план действия, отличное от всего, что мы думали ранее. Это было началом нового мира. Фундаментом, на котором мы отныне будем возводить здание много лет.

Выйдя из тюрьмы, мы должны были посетить все университетские центры и поделиться со студентами нашими решениями, показав им, что уличные манифестации и стычки не имеют никакого смысла перед лицом нового плана. Мы принимаем на себя манифестации прошлого, не отрицаем, что они были нашим творением, не стыдимся этого, но их время прошло. Нам всем вместе нужно приступить к созданию большой организации, что принесёт нам победу.

Наказание измены и процесс

Моту я видел задумчивым. Он нам постоянно говорил, что если выйдем отсюда, мы не сможем сделать ни шага вперёд без наказания предателя. Предательство перемалывало все силы нашего народа. Мы, румыны, никогда не воевали с ним, поэтому оно пустило корни, поэтому предатели размножились по всем дорогам, поэтому вся наша государственная жизнь – это сплошное предательство своего народа. Если мы не решим проблемы предательства, наша работа будет скомпрометирована.

Завтра утром состоится процесс. Мы его ждали с волнением. Наконец решится наша судьба.

Мы находимся в канцелярии и ждём свидания со своими семьями. Были родители Корнелия Жеоржеску, приехавшие из Пояна Сибиулуй. Вдруг входит и Верникеску. Мота берёт его под руку, будто хочет что-то сказать, и уводит в соседнюю комнату, где находились офисы служащих.

Через несколько минут слышим крики, семь револьверных выстрелов. Выходим в коридор. Мота выстрелил в Верникеску, чтобы наказать за измену.

Я кинулся, чтобы защитить его, так как он был окружён охранниками и служащими, которые ему угрожали. Нервничавшие люди успокоились. Нас сразу схватили и поместили в одиночные камеры. Через окошко я видел, как из медицинского пункта на носилках вынесли Верникеску и увезли в больницу. Мы начинаем насвистывать из своих камер наш боевой гимн «Студенты-Христиане Великой Румынии», и сопровождаем его этой песней, пока его не выносят за ворота тюрьмы.

Через два часа прибыл судебный следователь Пападопол. Вызывает по очереди к себе. Мы все солидаризируемся с Мотой.

На второй день, после ночи, проведённой на голом цементе, нас отвели в Трибунал. Наша ситуация стала очень тяжёлой. Мы же, во время ареста, в подвале Трибунала всё время пели наши боевые песни.

Процесс начинается в час дня. Начиная ещё с десяти часов тысячи студентов и граждан собираются вокруг Трибунала. Около двенадцати вывели из казарм все полки столицы, чтобы можно было поддерживать порядок.

В час дня нас ввели в Зал Присяжных. Председателем суда был г-н Давидоглу, прокурором – г-н Раковическу. На скамье защитников находились: профессор Паулеску, П. Илиеску, Н. Ионеску, Теодореску, Д. Маня, Т. Поликрат, Наум и др. Выбираются присяжные. Нам зачитывается финальное постановление, в абсолютной тишине. Мы слушаем. Понимаем, что решается наша судьба. Приходит наша очередь говорить. На-

чинается допрос. Мы всё признаём, кроме того, что было принято окончательное решение. Мы не установили дату, но показали мотивы, толкнувшие нас на этот путь. Мы показали опасность еврейской проблемы и обвинили политиков в предательстве народа и коррупции.

Со всеми остановками председательствующего, мы продолжили наши признания до конца.

Следует суровый, во многих местах несправедный и ехидный допрос прокурора. Чувствую, что весы склонились в его сторону. Но успех обвинения не длится долго, так как профессор Паулеску читает своё заявление в церковной атмосфере, что создалась благодаря его большому престижу и облику святого. Заявление было коротким, но не оставило камня на камне от допроса прокурора, что вернулся на своё место смущённый и как будто пытался стать незаметнее.

Объявили перерыв. Было восемь вечера. На улице ждала толпа, что ещё больше увеличилась. Произнесли блестящие речи Н. Ионеску, Т. Поликрат, и т.д. и в конце П. Илиеску. Было пять утра. Прокурор путём нового допроса пытается отвоевать потерянные позиции и перетянуть на свою сторону присяжных. Ему отвечают. В шесть часов нам предоставили последнее слово. Затем нас вывели. Присяжные приступают к обсуждению. Мы ждём более получаса, что показались нам полугодием. Вскоре слышим радостные крики. Офицер приносит известие:

– Вас оправдали.

Нас сразу же ввели в зал, где нам был зачитан оправдательный приговор. Люди снаружи всё ещё ждали. Узнав о решении суда, они разразились криками и песнями.

Нас погрузили в автомобиль и неизвестными улицами привезли в «Вэкэрешты» для выполнения формальностей по освобождению.

Мы берём свой багаж и иконы, собираясь выйти из этого склепа с его длинными ночами тоски и страданий. Но бедный Мота остаётся и дальше, и кто знает, сколько ему мучиться отныне одному? Нам надо с ним попрощаться. Мы обнимаемся со слезами на глазах и с болью в сердце. Мы выходим, а он возвращается в одиночную камеру. Сколько недель предстоит ему там просидеть одному на цементе!

Мы пошли к Данилеску и Драгошу попросить прощения у их семей за причинённое беспокойство и поблагодарить за заботу, которую они проявили, пока мы были закрыты.

Затем мы разъехались по домам, где каждого встречала мать и вся семья со слезами радости на глазах.

В Яссах

В Яссах меня ждали с нетерпением мои самые молодые товарищи. Из моих одноклассников я не нашёл уже никого. С этой осени и до сих пор они разбрелись по своим городам.

Я отнёс икону в церковь Святого Спиридона и поместил её в алтаре.

По очереди я встретился со всеми товарищами и со студентами, радуясь нашей встрече. Но наша радость длилась недолго, так как, прогуливаясь по улице Лэпушняну со своими двумя сёстрами и с десятью студентами, мы подверглись нападению со стороны полиции без какого-либо мотива. Они начали избивать нас резиновыми дубинками и ружейными прикладами.

Так провоцировать и избить меня без вины в Яссах, в которых я столько боролся? В Яссах, где я победил иудео-коммунизм в Университете в 1919-м, 20-м, 22-м годах? В Яссах, где я приучил к уважению и держал на расстоянии годы подряд евреев и их прессу? Быть битым у себя в доме?

Тогда я развернулся, чтобы ответить. Возмущение придало мне силу льва, и я был в состоянии бороться со всей полицией. Но студенты и студентки, что были со мной, схватили меня за руки и за ноги. В этом положении я получил несколько ударов прикладом. Люди, оказавшиеся поблизости, стали освистывать полицию и кричать. Я ушёл домой грустный и сердитый на тех, что меня держали. Они же мне говорили:

– У них приказ тебя провоцировать, а если будешь сопротивляться, – стрелять, чтобы избавиться от тебя.

После обеда я вместе с Гырнятой и Р. Мироновичем направился в одно общежитие, где в одной большой комнате собрались лидеры студенчества. Они начали рассказывать, как боролись, и что пришлось вынести за эти полгода, что меня не было. Как они возобновили занятия и как поступили, чтобы не быть униженными. Как первого ноября, в день открытия, всё студенчество собралось в аудитории, провели Богослужение и что сказал по этому случаю студент Лазаряну:

– Мы возобновим занятия, но не сейчас. В начале мы составим меморандум нашим профессорам и Сенату Университета, и будем ждать благосклонного ответа.

Затем рассказали, как представили меморандум и как университетские профессора, во главе с проректором Бакалоглу, постарались учесть большую его часть. 6 ноября студенты возобновили занятия. Профессорам хватило такта обойти несправедное унижение студентов, что боролись целый год за свои идеалы.

Далее рассказали, как министр Мырзеску привёл своего человека на должность

префекта полиции с заданием уничтожить студенческое и национальное движение в Яссах и как тот со всей полицией взялся за преследование движения.

Но так как студенты возобновили занятия и стало тихо то, не зная каким образом стяжать лавры и заработать денег, префект начал провокации.

Далее рассказали, как 10 декабря студенток, что шли к Митрополии, встретили пьяные полицейские, начали их избивать дубинками, таскать за волосы на виду у профессоров Университета, валять в грязи. Как раз за разом студентов избивали. Как 10 декабря студент Г. Манолиу, руководитель хора, был избит дубинками по голени, а затем арестован, как он содержался в полиции в страшной грязи, заболел желтухой и умер в больнице.

Ясские студенты за эти полгода прошли через тяжёлые испытания.

Мы, в свою очередь, рассказали, через что пришлось пройти нам. Напомнили, что на нас лежит долг вытащить из тюрьмы Моту.

В конце мы изложили наши планы на будущее, как надо будет организовать всё наше поколение, вырастить и воспитать его в героическом духе, как изолировать политиканство, чтобы ни один юноша не попал в его ряды, как оно будет побеждено, и тогда к власти придёт Лига Национальной Христианской Защиты во главе с профессором Кузой, что только через националистическое правительство, выражение сознания, силы и нашего румынского здоровья, можно будет решить еврейскую проблему, применяя законные методы протекции румынского элемента и торможения захватнической деятельности евреев, что в создании этого сознания, этой силы и этого здоровья нашему поколению отводится большая и священная миссия. Что мы, Вэкэрешты, решили все вместе обосноваться в Яссах, чтобы здесь организовать центр этой акции, что будет проводиться под покровительством Святого Архангела Михаила.

Наши товарищи выслушали и с большой радостью одобрили наши планы на будущее.

Затем мы нанесли визит профессорам Кузе, Гаванескулу, Шумуляну и т.д., поделившись с ними нашими мыслями.

ГОД БОЛЬШИХ ИСПЫТАНИЙ. МАЙ 1924 – МАЙ 1925

Христианский Дом культуры

Наши заседания по реализации установленного плана по причине отсутствия помещения проводились с трудом. Мы все были бедными и не могли позволить себе арендовать хотя бы две комнаты для начала организации молодёжи. Заседания мы проводили в деревянном бараке, что со времён войны находился во дворе госпожи Гики. В один день мы решили сами построить дом в несколько комнат. Но как?

Шестого мая 1924 года мы собрали примерно 60 юношей-студентов и учащихся (членов первого христианского братства, основанного в Яссах). Вот что я им сказал:

– Дорогие друзья! Сколько времени мы ещё будем мучиться, проводя наши собрания в этом бараке? До сих пор румынское студенчество могло собираться в своём Университете. Мы были из него изгнаны. До вчерашнего дня мы имели право собираться в общежитии. Мы были изгнаны. Сегодня мы дошли до обшарпанных деревянных барачков, в которых на нас льётся дождь. Во всех городах студенчеству помогают в его благородных начинаниях. Здесь некому нам помочь, потому что окружающий мир состоит из враждебного еврейского населения и их политиков с бесплодной душой. наших румын выжили на окраины, где они живут в чёрной нищете. Мы одни. Силу самим сотворить свою судьбу, сейчас, как и завтра, мы найдём только в себе. Мы должны привыкнуть к этой идее, потому что кроме Бога и нас нет никого, кто бы нам помог.

Поэтому нет другого решения, как самим, своими руками построить дом, в котором мы нуждаемся. Разумеется, никто из нас до этого не строил домов и не делал кирпичей. Понимаю, что нам, в первую очередь, нужна смелость изменить свой менталитет, в котором мы растём. Менталитет, что заставляет молодого интеллектуала стыдиться на второй день, как он стал студентом, нести в руке пакет, идя по улице. Нам нужны смелость и воля, чтобы начать с нуля. Воля, чтобы преодолеть преграды и одолеть трудности.

Олимпиу Ласкар, мелкий предприниматель с большой душой, что имел дом в Унгенах, утвердил меня в моих намерениях, сказав:

– Господа, я предлагаю вам поехать и сделать кирпичи в Унгенах, на берегу Прута. У меня есть участок, и я вам его уступаю. Предоставляю дом в ваше распоряжение.

Мы приняли предложение, но у нас не было денег, чтобы поехать в Унгены. Нам нужны были примерно 300 лей для 20 человек. Эти деньги нам дал тот же О. Ласкар.

Первый трудовой лагерь.

8 мая 1924 года

8 мая мы отправились, – одни на поезде, другие пешком. Всего двадцать шесть.

Мы не имели ничего: ни мотыги, никакого инструмента, ни денег, ни еды. Мы зашли к Ласкару, который ждал нас с радостью.

– Добро пожаловать, господа! Ведь городок Унгены полон жидами, как улей. Может, увидев вас, у них поубавится наглости. Мы, горсть христиан, находимся под их террором.

Наконец сформировались несколько делегаций, что должны были пройтись по домам христиан и попросить на время мотыги, лопаты и другие необходимые инструменты. На второй день мы пошли в указанное место на берегу Прута. Сельский священник прочитал молитву. Больше недели мы все работали, чтобы дойти до чистой земли, так как, к нашему невезению, в этом месте весь городок пятьдесят лет выкидывал мусор, что дошёл в некоторых местах до двух метров толщины. С помощью нескольких профессиональных кирпичников, из которых я с теплотой вспоминаю старика Киروشку, мы начали месить глину и делать кирпичи. Мы были разделены на команды по 5 человек, каждая делала по 600 кирпичей, всего 3000 в день. Самой большой проблемой была еда. Вначале нам помогли люди в Унгенах, позже пришли продукты и из Ясс. Старики – профессор Куза и профессор Шумуляну, – с недоверием смотрели на нашу попытку, считали, что это детская забава, что мы ничего не добьёмся. Но по прошествии времени они оценили наши труды и стали нам помогать.

Когда приехал в Яссы К. Жеоржеску, уйдя из Университета в Клуже, где он год проучился на фармакологии, мы совместным решением отдали на производство кирпича те 17 000 лей, что собрали из пожертвований, пока сидели в Вэкэрештах.

Всё же проблема еды оставалась тяжёлой, поэтому в Яссах мы взяли у госпожи Гики огород в один га для его засева с другими отрядами студентов зеленью и всем необходимым для питания в Унгенах. Таким образом, наша работа была поделена на две части: часть студентов работала в Унгенах, другая часть в Яссах на огороде. Студенты работали по сменам, три-четыре дня.

Наш первый трудовой лагерь имел эффект начала революции в нынешнем мента-

литете. Все люди вокруг – крестьяне, рабочие и в не меньшей степени интеллигенты собирались, полные любопытства, поглядеть на нас. Эти люди привыкли видеть студентов элегантными, прогуливающимися по улице Лэпушняну и поющими весёлые песни вокруг стола в пивных, в свободное время. Сейчас они видели, как студенты месили глину ногами, до пояса в грязи, как носили вёдрами воду из Прута, как склонялись над мотыгой под палящим солнцем. Люди присутствовали при конце менталитета, что господствовал до тех пор: стыдно интеллектуалу заниматься физическим трудом, особенно тяжёлым, тем, что ранее предназначался лишь рабам и низшим классам.

Первыми, кто понял значимость лагеря, с этой точки зрения, были именно люди из этих низших классов.

Крестьяне и рабочие, отделённые душевно от остальных категорий и стеснительные, потому что их труд не ценился, просветлели лицом, увидев в этом знак, что их труд, да и они сами, наконец-то оценены по достоинству.

Они почувствовали себя уважаемыми людьми, и, возможно, увидели в будущем лучшие дни для себя и своих детей.

Поэтому из своей бедности они еженежно приносили нам еду.

Студенческая жизнь протекала в тишине. Не было больше ни манифестаций, ни инцидентов. Мы работали с радостью, с надеждой, с мыслью о том, что вскоре у нас будет свой дом.

Новый удар

В один из дней в Яссы приехал мой отец, и я пошёл его навестить.

Около десяти вечера я возвращался домой. В одном из ресторанов на Площади Соединения слышу скандал. Остановливаюсь узнать, в чём дело. Два студента, братья Тутовяну, из Бурлада, имели конфликт с профессором КонстантINESКУ из Ясс. На место прибыл префект полиции, надел на них наручники и вёл их в участок, по дороге избивая. Я безмолвно взирал на эту картину, охваченный болью.

Замечаю, что ко мне приближается комиссар КЛОСС в сопровождении трёх-четырёх полицейских. Подойдя на два шага, он мне кричит:

– Что ты делаешь на улице в это время, бездельник?

Стою и смотрю на него в недоумении, потому что он знал меня много лет. Я и представить себе не мог, что он когда-нибудь сможет ко мне так обратиться. Я подумал, что он меня с кем-то спутал. Но меня толкают за горло и толкают назад. И снова:

– Ты ещё смотришь на меня, бродяга?! Мошенник!

Я не сказал ничего, но остался на месте, глядя на него. Тогда, ударив, в сопровождении четырёх полицейских меня протащили около тридцати метров до угла у Смирнова. Здесь я снял шляпу с головы, поприветствовал их и сказал:

– Спасибо, господа.

Раненный в душу, переполненный болью и стыдом, я ушёл домой и промучился всю ночь. Меня ударили второй раз за всю жизнь и это за один месяц. Я взял себя в руки. Но вы, угнетатели во всём мире, не рассчитывайте на самообладание человека, потому что тот, кто даёт себя в руки, в конце концов, взорвётся.

На второй день я рассказал отцу о своём происшествии.

– Оставь его, – сказал он мне. – Не делай ничего. Дать две пощёчины подобному индивиду, значит запачкать свои руки. Придёт время и его суда. Наверное, им приказали вас провоцировать, но ты должен держать себя в руках и стараться не ходить один.

Я последовал его совету. Но человек, которого ударили, кажется, перестаёт быть человеком. Он чувствует себя пристыженным, обесчещенным. Я нёс это оскорбление как камень на сердце.

Но через несколько дней стало ещё хуже.

Подавленный ударами

Мы закончили копать огород. Приехали из Унген, чтобы посадить помидоры. Утром, 31 мая, в пять часов, пятьдесят студентов стояли, готовые к работе. Я провёл переключку. Не успел закончить, когда заметил на задворках огорода несколько солдат. Затем более двухсот солдат вваливаются во двор, заряжая ружья, и окружают нас. Я говорю ребятам:

– Все стоят на месте и ничего не делают!

В этот момент вижу, как со стороны ворот, подобно чёрной туче, около сорока человек идут быстрым шагом с револьверами в руках, крича и ругаясь. Это был префект Манчиу и вся полиция. Вскоре они были возле нас. Два комиссара полиции приставили три револьвера к моему лбу. Смотрят на меня с перекошенными лицами и ругаются.

Манчиу кричит:

– Свяжите ему руки за спиной.

Бьёт меня. Двое других кидаются ко мне. Силой снимают с меня пояс и связывают мне руки за спиной, как можно крепче. Затем чувствую, как сзади меня бьют в челюсть с правой стороны. Другой, В. Войнч, приближается и шепчет мне на ухо:

– До вечера мы тебя убьём. Не успеешь ты выгнать жидов!

Выругался и ударил ногой. Последовали удары по лицу, после чего некоторые плюнули мне в лицо. Все ребята, стоявшие под прицелом ружей и револьверов, были неподвижны и смотрели на меня, не будучи в силах мне помочь. Сверху спустилась госпожа Гика, спрашивая:

– Что это такое, господин префект?!

Тот ответил:

– Я арестую и вас!

Несколько в стороне я увидел и прокурора Бузю, что присутствовал при происходящем.

Затем, с револьверами в руках, полицейские обыскали студентов. Кто шевелился, был бит и повален на землю.

Затем меня вывели вперёд на 10 метров под конвоем восьми жандармов с примкнутыми к ружьям штыками. Остальные тоже были под конвоем двухсот жандармов. И нас повели. Я шёл впереди, связанный по рукам и с оплётанным лицом, остальные шли за мной. Так нас провели по всей улице Карол, перед Университетом, по улице Лэпушнью, Площади Соединения и Куза-Водэ до Префектуры Полиции.

Префект и полицейские шли по тротуару, потирая руки. Евреи выходили из своих лавок, преисполненные благодарности и почтительно их приветствовали. Я от гнева почти ничего не видел. Чувствовал, что отныне всё кончено. Несколько учеников-старшеклассников, проходя мимо, остановились и приветствовали меня. Их сразу же схватили, избили и присоединили к остальным.

Потом нас провели почти два километра по центру города и перед еврейским населением, в этом состоянии страшного унижения. Нас завели в префектуру полиции. Меня, связанного, кинули в какое-то смрадное помещение, остальных держали во дворе.

Наверху, в кабинете префекта

Туда, наверх, в кабинет префекта, юные пленники со двора вызывались на допрос по одному. Префект сидел за столом, остальные тридцать – на стульях вокруг него.

– Что вам сказал Кодряну?

– Ничего не сказал, господин префект, – отвечал студент или ученик.

Допрашиваемого разували и привязывали к ногам цепь. Между ног просовывали ружьё, затем его поднимали ногами вверх, при этом ружьё держали на плечах два солдата. Манчю, в одной рубашке, начинал бить их по пяткам плетью из бычьей жилы. Бедные дети, висевшие вниз головой и получая удары по пяткам, не могли более терпеть боль и начинали кричать.

Видя перед собой палачей-комиссаров, что с аппетитом ухмылялись при виде страшной картины, в которой детей румынского народа пытали какие-то каналы на содержании врага, вдали от сердец, что могли им помочь, они кричали:

– Помогите!

Тогда комиссар Василиу опускал их головы в ведро с водой, чтобы с улицы не были слышны их крики боли и отчаяния.

Когда же боль доходила до предела и они чувствовали, что не могут больше выносить удары, они кричали, что всё расскажут.

Префект садился за стол в ожидании признаний, а они, освобождённые от цепей, смотрели вокруг одурманенным взглядом. Затем начинали плакать, падали на колени перед префектом:

– Простите нас, господин, но мы не знаем, что говорить.

– Нет? Не знаешь? Поднимите его ещё раз, – кричал он комиссарам и жандармам.

И бедный ребёнок с замиранием сердца смотрел, как его снова готовят к пытке.

Их снова поднимали на ружьё, головой вниз и ногами вверх, снова били по ногам, они снова чувствовали, как на их пятки падает плеть безжалостного префекта. Пятки становились чёрными от крови как эбеновые, ноги вспухали так, что они не могли обуться. Среди истязаемых были: сын нынешнего прокурора Ильфова, Димитриу, сын майора Амброзие, у которого лопнула перепонка, и который ныне стал комиссаром в той же префектуре и др.

Избитых таким образом, их относили в отдельную секретную комнату. Около девяти вызвали меня. Со связанными и затёкшими руками меня ввели наверх два жандарма. Там за столом сидел префект, а вокруг него на стульях более тридцати человек: комиссары, подкомиссары и агенты.

Я посмотрел им в глаза. Может из всех, хоть в одних, я увижу сострадание? Ничего! Полная удовлетворённость. Улыбались: шеф Сигуранца Ботез, директор префектуры, Димитриу, комиссар Василиу, Клосс и остальные.

Префект берёт лист бумаги. Пишет мою фамилию. Затем:

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Корнелиу Кодряну, я студент юридической аспирантуры и адвокат в том же бюро, что и вы.

– Положите его на пол.

Трое с лакейским усердием кинулись и опрокинули меня на пол.

– Разуйте его.

Двое меня разувают. Один снимает одну туфлю, другой – другую.

– Наденьте на него цепь.

Мне связывают ноги цепью.

Я им говорю:

– Господин префект! Сегодня вы сильнее, вы хозяин жизни и смерти. Но завтра, когда я выйду отсюда, я отомщу вам и тому господину, что меня оскорбил.

В этот момент слышу шум и голоса в соседнем зале. Пришли профессор Куза, профессор Шумуляну и родители детей, полковник Надежде, майор Димитриу, Бутнариу, майор Амброзие и другие с прокурором и судебным врачом, профессором университета Богданом.

Префект и остальные вскочили со своих стульев и вышли в зал.

Слышу префекта:

– Что вы здесь ищите? Прошу вас выйти!

Слышу голос профессора Кузы:

– Кого вы выгоняете? Мы пришли к вам не в гости! Мы пришли с прокурором подать иск против вас.

– Жандармы, вышпроводить их!

Профессор Шумуляну встал напротив двери, где находились избитые и сказал:

– Господин прокурор, мы не уйдём, пока нам не откроют эту комнату!

Несколько комиссаров:

– Там никого нет! Она пустая.

Профессор Шумуляну:

– Открыть немедленно эту комнату!

После вмешательства прокурора комнату открывают и оттуда на руках родителей выносят шестерых юношей и относят их в кабинет префекта. Судебный врач, профессор Богдан обследовал всех и выписал медицинское свидетельство. Через несколько часов освободили остальных со двора. Меня же задержали на два дня, после чего направили к судебному следователю. Он меня отпустил. Я сказал ему:

– Господин судебный следователь, если вы не восстановите справедливость, я восстановлю её сам.

И ушёл домой. Туда пришёл профессор Куза и Ливиу Садовяну.

– Я слышал, ты хочешь сам добиться справедливости. Не делай этого. Мы доложим в министерство и потребуем расследования. Не может быть, чтобы нам отказали.

Я был душевно измотан. Все мои планы пошли прахом. Я оставил на произвол судьбы производство кирпича и первым поездом поехал в Буковину, в Кымцулунг. Оттуда, по зелёным тропам я медленно поднялся на гору, неся в душе груз, боль вчерашних унижений и страдания неясности завтрашнего дня.

Казалось, у меня не осталось на всём свете ни одного друга, кроме этой горы: Рарэу со скитом на ней. Наверху, на высоте 1500 метров, я остановился. Гляжу через горы и долины на сотни километров вокруг, но ни один вид не может изгнать из моих глаз картину гнусности и унижения, которым подвергли меня рядом с моими молодыми товарищами. Их плач я слышал и сейчас, и это причиняло мне боль.

Вечерело.

Ни души. Только деревья и орлы, что кричат на кругах.

Со мной лишь сермяга и один хлеб. Ем немного хлеба и запиваю водой из ручья, что бежит меж камней.

Собираю ветку за веткой и сооружаю себе укрытие, шалаш. Здесь, в этом жилище, я провёл полтора месяца. Крохи еды, что мне была нужна, приносили чабаны из сыроварни дядьки Питикару.

Я размышлял, и мне было стыдно спуститься вниз, к людям. В чём я согрешил, что Бог послал мне на голову это несчастье, именно тогда, когда я хотел начать осуществление столь великого и красивого плана?

Пишу Моте: «Не знаю, что со мной: как будто я и не я уже! Удача покинула меня. Шаг за шагом в последнее время меня преследует неудача. За что ни берусь, всё валится из рук. И когда в борьбе тебе не сопутствует успех, от тебя начинают отворачиваться все вокруг. Нужны тридцать побед, чтобы их собрать и достаточно одного поражения, чтобы они ушли».

Мою душу пронизывали сомнения. Я был на распутье. Мы боролись за страну, а с нами обращались как с врагами народа. Нас безжалостно били и правительство, и полиция, и жандармы, и армия.

Применить силу и нам? Они – Государство: их десятки, сотни тысяч. Нас – горсть юношей, с телами, истощёнными от невзгод, голода, холода, тюрем. Какую силу мы из

себя представляем, чтобы иметь хоть малейший шанс на победу? Если мы попытаемся, то падём раздавленные. И потом Страна, сбитая с толку еврейской прессой, скажет, что мы были сумасшедшими.

Не использовать силу и ярость, как используют их они? Они провоцируют, калеча твоих людей, рассеивая и убивая!

Позволить убить себя? Но в нашем возрасте мы не успели ничего написать и люди даже не узнают, за что нас убили!

Лучше всем уехать из страны. Уехать и проклясть. Скитаться по белому свету. Лучше просить милостыню на чужбине, чем быть униженными здесь, на своей земле, до последнего выражения изумления.

Или спуститься отсюда с оружием в руках и самому добиться справедливости.

Убрать зверя, что встал поперёк дороги и жизни одного народа. Но что станет после этого с нашими планами? Тогда я умру на месте, или в тюрьме, так как больше я не могу вынести жизнь в тюрьме. Мне нравится свобода. Если я не свободен, я умру. А с Мотой что делать? Ведь такая попытка означает пожертвовать собой и пожертвовать Мотой, чьи шансы быть оправданными упадут до нуля. Вся наша группа будет раздавлена. Напрасны все наши мысли, наши планы организации: всё кончается здесь.

Полтора месяца сидения на вершине горы меня мучили эти мысли и я не мог на них ответить. От забот и печали у меня стало болеть в груди и я чувствовал, как убывают мои силы.

Я был неистовым человеком, перед которым никто не мог устоять. Я был уверен в своих силах. Куда бы я ни шёл, я побеждал. Теперь меня согнула тяжесть времени!

Спускаюсь. Оставляю всё на произвол судьбы, пусть будет, как будет. Но отныне я хожу с револьвером. И при первой, самой незначительной провокации, – стреляю. Это моё твёрдое решение. Направляюсь на наш маленький кирпичный завод. Там Г. Гика, оставшись за старшего, образцово выполнил свои обязанности. Число кирпичей значительно выросло. Построили две печи по 40 000 кирпичей каждая. Было 15 июля. Ребята меня встретили тепло. На стройке не случилось ничего значительного.

В Яссах я нашёл изменения. Комиссары, что ходили до недавнего времени босыми, теперь были одеты с иголки. Одеты евреями. У префектуры стоял автомобиль, предоставленный евреями. Эти чувствовали себя полными хозяевами. Они вели себя с беспардонностью, которую я не встречал с 1919 года, со времён коммунистического движения, когда они считали себя в преддверье революции, и каждый еврей, за Прутом или в Яссах, ходил с видом народного комиссара.

Попытка уничтожения нашего блока

Иудейско-либеральная сила прослышала о нашем блоке и о клятве, что мы дали в «Вэкэрештах». Она отдавала себе отчёт, что вокруг этого блока поднимется объединённое студенчество. Ничто не пугало евреев так, как совершенное единство: студенческий блок одного движения, одного народа. Поэтому они всегда будут за «демократию», у которой одно преимущество, и то на руку врагам нации. Потому что демократия разобьёт единство и душевный блок одного народа и перед лицом совершенного единства и солидарности иудаизма в стране и во всём мире нация, разделённая на демократические партии, предстанет разобщённой и будет побеждена.

То же самое и в студенческом движении: не будучи совершенным объединением, до сих пор евреи находили в нём фракции или руководителей, которых убеждали по-масонски. То есть, внушали им определённые идеи, что не имели другой цели, кроме разобщения.

Наша же группа представляла собой незыблемую единицу с возможностью собрать вокруг себя всё студенческое движение.

И тогда мы сталкиваемся с бесконечной серией обманов и интриг, сплетённых тщательно, с целью оторвать Моту от меня и остальных друг от друга.

Евреи находили среди студенчества слабые элементы, которые они использовали – без того, чтобы они это понимали – как инструменты. Притворившись, что доверяют большие секреты, они запускали интриги. Они дошли даже до родителей, некоторые из которых стали яростными сторонниками разрыва связей их сыновей с этой группой.

Как мы смогли выстоять? Только благодаря нашим предвидениям в «Вэкэрештах». Мы с первого момента осознали, что подвергнемся этой классической атаке из арсенала масонства и иудаизма. Мы были на стороже. Поэтому, в момент, когда она подтвердилась, мы выстояли даже против близких родственников. Сразу, как вычислялась интрига, мы собирались и сообщали о ней всей группе.

В этой связи даю совет всем организациям, обращая их внимание на эту систему, что используется часто и везде. Для отражения атаки:

1. Никогда не доверять информации, откуда бы она ни исходила;
2. Сразу же сообщить о попытке интриги соответствующей группе, заинтересованным лицам и руководителям.

Таким образом, атака будет отбита.

Обручение

На нашем кирпичном производстве в Унгенах, 10 августа 1924 года среди своих товарищей и родителей произошло обручение между мной и девицей Еленой Илиною, дочерью г-на К. Илиною, контролёра на железной дороге, человека большой доброты и душевной деликатности. После этого я поселился в их доме, где они меня приняли с распростёртыми объятиями, помимо тех пяти детей, что у них были. Эта семья была для меня постоянной опорой в моей борьбе, через заботу и содержание, что они мне всегда обеспечивали.

Тринадцатого сентября я поехал домой, в Хуш, где отметил в родительском доме день рождения и тезоименинство.

Мне исполнилось 25 лет.

Процесс Мота-Влад

На 26 сентября 1924 года было назначено судебное разбирательство по процессу Моты и студента Л. Влада, что приобрёл револьвер. Он сдался через несколько дней и всё время оставался под арестом вместе с Мотой.

Я поехал в Бухарест. Там начались прения в Суде Присяжных. Мота стойко стоял на том, что измена должна быть наказана. Общественное мнение, сытое предателями, с живым интересом и энтузиазмом следило за развитием процесса. Оно видело в жесте Моты начало акции против предателей и доказательство наличия морального здоровья. Его жест был как луч света среди румынской жизни, в которой век за веком народные борцы гибли от предательства.

Всё студенчество из всех Университетов провело большие манифестации в поддержку его оправдания. В Бухаресте, вокруг Трибунала, снова стояли тысячи людей, что желали новой жизни для своей страны, и требовали освобождения Моты.

Утром народная юстиция вынесла оправдательный вердикт, воспринятый всей страной с большим энтузиазмом.

Мота после свидания с родителями уехал из Клужа в Яссы, как мы поклялись.

Вокруг того, что произошло в саду

Беззакония 31 мая уничтожили нас морально через избияния, унижения и позор, которым мы подверглись. Открытая рана, что становилась всё глубже, вытягивала из нас жизненные силы и как будто тянула к могиле.

Унижение, что испытываешь, подвергаясь бесчестию, ты и все твои, придаёт чувство глубокой боли, заставляя избегать людей по причине стыда от встречи с ними. Будто чувствуешь, что люди презирают тебя, смеясь тебе в лицо от того, что ты был не в состоянии защитить свою честь, что ты подвергаешь опасности всё общество, позволяя думать из-за своей трусости, что жандарм может тебя унижить или ударить по своему хотению.

Эта боль росла по мере того, как наши попытки получить удовлетворение законным путём с цинизмом отклонялись, что вело к отчаянию. На процессах, возбуждённых пострадавшими, последние снова рисковали быть битыми полицией, на этот раз в помещении суда и прямо на глазах у судей, и в конце выходили осужденными истцы.

То, что произошло 31 мая, не осталось незамеченным. Привожу выдержки из румынских газет, что были эхом этих событий в румынском обществе и одновременно его попытками получить удовлетворение.

«Универсул» от 8 июня 1924 года, печатает под заголовком:

«Полиция в Яссах. Студенты были избиты самим префектом полиции».

«Мы представляем себе г-на Манчиу, префекта ясской полиции, как одного из самых блестящих полицейских столетия, проявившегося насилием и грубостью.

Г-н префект Манчиу, хотя стал полицейским в 24-ом году и в таком преосвящённом городе, как Яссы, инаугурировал свою систему анахроничного полицейского насилия в прошлом году на конгрессе профессоров Университета. Он был в состоянии удерживать на месте конгресс, преподавателей Университета, потому что так ему диктовали его полицейские импульсы.

Зря потом протестовали, ведь г-н префект полиции имел на это существенные политические основания против оскорбления, нанесённого самой избранной категорией интеллектуалов.

И с тех пор г-н Манчиу продолжал с рвением применять полицейские методы, которые он особенно хорошо продемонстрировал прошедшими днями, когда избил, избил с наслаждением, избил старательно, со злобой, студентов, затем приказал своим подчинённым последовать своему примеру с тем же рвением и грубостью.

Что бы ни сделали студенты в Яссах, даже если бы они были убийцами, не надо было их избивать.

Вначале нужно провести расследование, сообщить в прокуратуру, арестовать, заковать в кандалы, но не избивать до полусмерти.

Г-н префект Манчиу, разумеется, обязан на своей должности выполнять некоторые распоряжения в том, что касается защиты животных. Думаем, он их даже выполняет.

Следовательно, сей господин следит за тем, чтобы не били лошадей, не пытали свиней.

И всё же г-н Манчиу, что учился на юридическом факультете, изучал уголовное право и читал что-нибудь из литературы по этой тематике, литературы, что, возможно, была ему рекомендована самым выдающимся специалистом по уголовному праву, г-ном Ю. Теодореску, который проповедует искоренение грубости даже в тюрьмах, лично избивал и пытал студентов.

Но если избитые студенты окажутся невиновными во всех тех абсурдных вещах, что пытаются им навязать?

Тогда что? Битьё возвращается?

Разумеется, необходимо судебное расследование.

Но ещё необходимо решение, что не позволит г-ну Манчиу впредь развивать мускулатуру, упражняясь на головах студентов».

Б. Чекропиде

«Универсул» от 9 июня 1924 года продолжает под заголовком:

«Они были спровоцированы полицией и замучены без вины. Драчливый префект полиции Манчиу должен быть снят с должности».

«В одном из предшествующих номеров мы писали о бандитизме, совершённом г-ном Манчиу, префектом полиции в Яссах, против студентов.

Сегодня мы приведём несколько пассажей из меморандума, представленного студентами министру внутренних дел.

Студенты-каменщики.

В меморандуме говорится.

Студенты-христиане из Университета в Яссах ещё месяц назад приняли решение построить собственным трудом Дом культуры...

Провокация префекта полиции.

Едва собравшись, мы увидели себя окружёнными ротой жандармов и всем полицейским аппаратом во главе с префектом Манчиу.

В то время, когда мы спокойно стояли, они с оружием наперевес кинулись на нас, стараясь как можно грубее ударить и обругать. Думая, что у нас есть оружие, они нас обыскали, но ничего не нашли. Во время обыска они пытались подсунуть нашему товарищу К.З. Кодряну револьвер и какие-то бумаги, против чего он протестовал. За это он был избит полицаем Манчиу, инспектором Клоссом, комиссаром Василиу и остальными агентами и жандармами, затем его связали как последнего жулика.

Тоже самое случилось и с большинством из нас. Нас объявили арестованными и под конвоем солдат препроводили в префектуру полиции.

На улице были избиты и дети.

По дороге мы встретили многих учеников из разных лицеев, что шли в спортивный парк для игры в войну, по приглашению директоров соответствующих лицеев. Всех их арестовали и вместе с нами, студентами, отвели в полицию, разумеется, после того, как их на виду у всех избил полицейский Манчиу и его подручные. В полиции нас держали весь день. Часть из нас избил до потери сознания и отпустили. Другая часть, под угрозой, написала «признание», остальных отпустили без всяких признаний».

И в заключении «Универсул» добавляет:

«Вышеизложенные деяния не могут остаться безнаказанными. Префект полиции Манчиу, проявивший себя как агент-provocateur, виновный в пытках студентов в Яссах, должен заплатить за свои злодеяния».

Среди прочего «Универсул» от 10 июня 1924 года печатает под заголовком: «Яссы под террором префекта полиции».

«...ввергнутые в подвалы полиции, эти студенты были подвергнуты самым страшным пыткам.

Некоторых из них подвесили вниз головой и били по пяткам бычьей кишкой. Студент К. Кодряну был связан и пытаем самим префектом полиции. Его здоровье пошатнулось. Остальные студенты получили тяжкие телесные повреждения.

Триста студентов подали жалобу генеральному прокурору, прося, чтобы судебно-медицинский эксперт обследовал состояние их товарищей».

Слово г-на профессора А.К. Кузы:

В специальном выпуске газеты «Униря» от 1 июля 1924 года г-н профессор А.К. Куза публикует рассудительную статью, из которой я привожу следующее:

«Но перед лицом этих бесконечных грубостей и бесчисленных самоуправств без причины, допущенных именно для того, чтобы путём террора заботиться о христианском студенчестве, решительно встают два вопроса:

Чего хочет правительство, поддерживая такого полицейского во главе такого города, как Яссы?

Чего хочет сам полицейский?

Хотят ли они сами, чтобы эта обстановка постоянного нервного состояния породила необдуманные реакции, которые, кажется, они сами каждодневно провоцируют?

Эта провокация тем более недостойна и раздражительна, что в это же время полицейский Манчиу посещает собрание еврейского общества Макаби и встаёт во главе этих спор-

тивных макобеев, с которыми открыто ходит на экскурсии, как за награду за своё отношение против христианского студенчества.

Каждодневно видим его развалившегося в автомобиле – не в том, в котором он на днях ездил в Чуря, а в другом, новом, который, кажется, был ему обещан на общественных началах еврейским сообществом Ясс, поддерживающего его и в прессе, по любому поводу, во враждебном отношении к христианскому студенчеству.

Со всем возмущением протестуя против этой акции постоянной провокации, просим, чтобы вышестоящие инстанции вмешались и положили конец недостойной и опасной ситуации, которую Яссы и его студунчество не могут больше терпеть».

А.К. Куза

Собрание протеста против Манчиу с 3 по 5 июня

Были посланы следующие телеграммы.

Его Величеству Королю:

«При желании собраться против беззакония полиция Манчиу по отношению к студентам и нашим детям, которых ежедневно бьют и оскорбляют, нам помешала полиция и жандармы, не смотря на то, что прокурор разрешил проведение этого собрания.

Смиренно подаём нашу жалобу Вашему Величеству и просим нас защитить» (следует 1 200 подписей).

Министру внутренних дел:

«Наших детей хватает на улице и жестоко избивает префект полиции Манчиу, в связи с чем просим немедленного расследования с последующими суровыми санкциями.

Ущемлённые в наших родительских чувствах и потеряв всякое терпение, ждём незамедлительной справедливости».

Подписали: майор И. Димитриу, майор Амброзиэ, Д. Бутнару, Е. Олэнеску, капитан Оарза, Георгиу, и др.

«Румынское Дело», год первый, № 2, от 15 ноября 1924 года.

За подписью известного публициста док. И. Истрати, который пишет:

«8 июля 24-го года в зале Бежан прошла гражданская манифестация публичного протеста под почётным председательством г-на генерала Тарновски. Обличили методы Манчиу: профессор университета А.К. Куза, студент Григореску от имени студентов христиан, мастеровой Артур Рус, металлург К. Панку, профессор университета К. Шу-муляну от медицинского факультета, что передал впечатляющую картину того, что он

видел в полиции: лопнувшие перепонки, опухшие уши, окровавленные глаза, поломанные руки и ноги, синие от ударов бичом, нанесённых дикарями Манчиу.

Он заявляет, что если бы у него был ребёнок, покалеченный варваром, что стоит во главе полиции, он ни минуты не задумываясь, вышиб бы каналье мозги. Затем слово берёт г-н майор И. Димитриу, который заканчивает словами: я верю, что юстиция страны даст нам справедливость, иначе, клянусь здесь, перед вами, я сумею сдержать клятву, я сам добьюсь справедливости.

Слово берут адвокат Бакалогулу, мастеровой Крестя, адвокат Н. Ионеску и профессор И.З. Кодряну. В конце проголосовали за резолюцию протеста, в которой требовали: у юстиции – удовлетворения, у правительства – снятия с должности Манчиу».

Напрасное предупреждение

В «Цара Ноастр» № 24 от 15 июня 24-го года известный писатель А.О. Теодоряну печатает статью, из которой мы приводим следующие строки:

«Юстиция, что должна сказать слово, объявляет всех студентов невиновными и отдаёт распоряжение об их немедленном освобождении.

Студент Зеля Кодряну, тем не менее, остаётся под арестом и отдаётся под суд полицейским Манчиу, который является и адвокатом за заговор.

Самые элементарные учебники по праву и здравый смысл говорят, что в женитьбе, дуэле или заговоре не может фигурировать лишь один человек.

Для того, чтобы квалифицировать вышесказанное, нужно предположить, что тот, от которого исходят такие решения, находится в элементарном состоянии опьянения, что позволяет ему видеть происходящее минимум в двойном свете.

Следовательно, с ним мы не можем говорить.

Но всё же необходимо, во имя оскорблённого румынского народа, из которого мы выбираем его представителей в парламенте и прессе, спросить правительство, считает ли оно нужным оставить наказание (неизбежное) на усмотрение пострадавших или оно считает уместным вмешаться.

Поддержанные решающим словом юстиции, мы, не задумываясь, квалифицируем «заговор» в Яссах как подлую инсценировку...».

А.О. Теодоряну

Приступают к административному расследованию.

Меморандум г-на Амброзиэ

Вследствие случившегося к расследованию был привлечён административный инспектор Варару. Вот меморандум, представленный инспектору г-ном майором Амброзиэ.

«Г-н инспектор,

Ясное дело, что г-н министр внутренних дел послал вас, желая узнать истинную правду о том, о чём мы ему телеграфировали, о пытках наших детей, и, так как мы думаем, что вы намерены пролить свет на произошедшее, нами написан этот меморандум, где изложены известные вам факты.

События произошли следующим образом: директорам школ и родителям учащихся было известно, что те производят кирпич в Унгенах, для постройки собственного дома в Яссах, и что они трудятся в огороде, предоставленном для них г-жой Гикой, по улице Карол. Часть студентов и учеников собирались раз в неделю, под руководством Зея Кодряну, когда делалось распределение на работу, то есть: 40 человек ехали в Унгены на производство кирпича, а 20-25 человек оставались на поливку огорода.

О вышеуказанном узнал и префект полиции. Почему бы ему не придумать что-нибудь необычное в Яссах, например, заговор, тем более, что журналы в Яссах считаются как его собственность и будут ему подпевать. Сказано – сделано. 31 мая 1924 года в 4.30-5.30 утра, когда было известно, что во дворе дома г-жи Гики собрались 65 студентов и учеников, на них навалились всем полицейским аппаратом и солдатами, в соответствии с воображаемой тяжестью происходящего.

Человеческий мозг отказывается понимать, что произошло тогда, когда студенты и ученики были окружены, как самые обычные преступники, тут же избиты агентами, солдатами и самим полицаем Манчиу.

Через полчаса все вместе, во главе со студентом Зея Кодряну, строем и под конвоем, шли вниз по главной улице к зданию полиции. По пути они встретили другую группу учеников, что по указанию профессора шли в Копоу на игру в войну. Они, за то, что позволили себе удовольствие приветствовать тех, что были закованы в железо, были немедленно арестованы, избиты и отведены в полицию, как сообщники первых.

Дойдя до полиции, префект без того чтобы, согласно тяжести содеянного, сообщить в прокуратуру, сам приступил к допросам. Студентов и учеников стали бить, мучить, пытаться, чтобы они признались, что участвовали в заговоре и рассказали о том, что знают. Но что они могли сказать, если не знали ничего? Почти всех их избили. Но более серьёзным было:

1. Мой сын Цезарь Амброзиэ, ученик восьмого класса педагогической семинарии, которого префект собственноручно бил бычьей кишкой по голове, в конце, потому что он не ответил так, как хотел префект, получил сильный удар кулаком по левому уху, вследствие чего лопнула перепонка;

2. Ученик Димитриу Спринти, сын майора Димитриу, был закован в цепи за обе ноги и поднят вверх, головой вниз, с просунутым между ногами ружьём (ружьё держали сержант Кожокару и капрал Теодорю), после чего его бил плетью по пяткам лично префект, до тех пор, пока тот не потерял сознание;

3. Ученик школы Гургута Г. был связан по рукам и ногам, положен на пол головой вниз и бит плетью, а для того, чтобы его крики не были слышны, напротив рта положили таз с водой, и один агент следил за тем, чтобы его голову опускать в воду, если тот кричал особенно громко.

При всех этих мучениях присутствовали и два жандармских офицера: капитан Велчиу и лейтенант Томида, которых, я думаю, воинское достоинство заставит говорить правду, хотя не было противно их достоинству находиться там, используя своих подчинённых для мучения других и воинское оружие для пыток, когда известно, какое у него предназначение.

Со слов студентов и учеников, в то время, когда полицай Манчиу развлекался подобным образом, в его кабинет зашли г-да прокуроры Кулиану и Бузя. Думаю, что они расскажут правду.

Истязания и избивание закончились позже, лишь тогда, когда г-н первый прокурор Катики пришёл в полицию по требованию комиссии в составе: профессора Кузы, Шумуляну, адвоката Бакалоглу, полковника Надежде и судебного врача Богдана, который констатировал то, что показано в копии, согласно прилагаемому акту и даже в самом помещении префектуры.

Как видите, г-н Инспектор, мы до сих пор поступали легально, то есть:

1. мы пригласили г-на первого прокурора и судебного врача прямо в префектуру, где констатировали избивание студентов и учеников;

2. подали в суд второго округа на истязателей;

3. мы сообщили в прокуратуру, куда послали и акт судебной медицинской экспертизы, дело было поручено судебному следователю Ешану;

4. как люди чести и офицеры, мы могли бы потребовать сатисфакции у г-на Манчиу путём оружия, но он дисквалифицирован после отказа биться на дуэли с капитаном Чулей.

Истинным образом, это правда.

Доносим до вашего сведения, что среди всех оскорблённых родителей находимся и мы, два старших офицера, и потому мы поступили законно. Сейчас мы находимся в щекотливом положении, так как никто не дал нам сатисфакции. Мы верим, что г-н министр внутренних дел даст нам полную сатисфакцию, отправив под суд префекта Манчиу за его деяния, и обратится в министерство обороны, так как префект Манчиу, являясь офицером запаса (младший лейтенант Манчиу, десятый егерский полк, а в случае мобилизации у него броня в ремонтном ателье третьей армии) сознательно истязал детей своего товарища, старшего по званию.

Майор Амброзиэ»

Результаты расследования следующие:

1. префект Манчиу был награждён «Звездой Румынии» в звании командора;
2. все комиссары, что нас истязали, были повышены по службе;
3. поощрённые этими мерами, они развернули новую кампанию преследования против нас, на этот раз на всей территории Молдовы. Любой комиссар, чтобы получить деньги от евреев или повышение по службе, брал за шиворот студента, избивал его до крови на улице или в полиции, без ответа за свои поступки.

Роковой день, 25 октября 1924 года

В этом душевном состоянии я собственно и пришёл в суд второго округа Ясс, в субботу утром, как адвокат, вместе с коллегой Думбравой, в процессе коллеги Комырзана, которого истязал Манчиу.

Префект прибыл со всей полицией, и во время заседания, в присутствии адвокатов и судьи Спиридоняну, что председательствовал, обрушился на нас. В этих обстоятельствах, с риском быть уничтоженным двадцатью вооружёнными полицейскими, я вынул револьвер и выстрелил.

Я целился в того, кто приближался ко мне.

Первым упал Манчиу, вторым инспектор Клосс, третьим – человек намного менее виноватый, комиссар Хусану.

Остальные исчезли.

Через несколько минут перед Судом собралось несколько тысяч евреев, что стояли с поднятыми руками и со сведёнными от ненависти пальцами, и ждали, когда я выйду, чтобы растерзать меня.

Я взял в правую руку пистолет, в котором было ещё пять патронов, а левой взял под руку г-на В. Климеску, адвоката в Яссах, прося его сопровождать меня до прокуратуры.

Таким образом мы вышли и прошли сквозь ряды евреев, что вопили, но были достаточно благоразумны, чтобы отступить перед револьвером.

По дороге меня поймали жандармы, разлучили с г-ном Климеску и отвели во двор префектуры полиции. Здесь комиссары кинулись ко мне, чтобы отобрать револьвер. Это был мой единственный друг среди этого несчастья. Я мобилизовал все силы, и пять минут сопротивлялся, чтобы не выпустить его из рук. Но в конце я сдался. Мне надели наручники за спиной и поставили между четырёх солдат со штыками на ружьях.

Вскоре меня вывели из помещения, где я находился, и отвели к дальнему концу двора, поставив возле высокой стены. Жандармы ушли, оставив меня там одного. Я подумал, что меня хотят расстрелять. Так я простоял много часов, до вечера, ожидая расстрела. Это ожидание не вызвало во мне никаких эмоций.

Весть о трагической мести распространилась как молния. В общежитиях эта весть вызвала настоящий взрыв. Из всех столовых общежитий студенты и студентки поднялись и бегом кинулись по улицам, спускаясь к Площади Объединения. Здесь они долгое время манифестировали с пением песен, затем попытались направиться к префектуре полиции. Но армия, которая между тем уже прибыла, с большим трудом их остановила. Я услышал песню студентов и, хотя был в цепях, радовался их освобождению.

Поздно вечером меня вызвали наверх, в тот же кабинет пыток, где за столом на этот раз сидел судебный следователь Ешану, тот, которому я пожаловался четыре месяца назад, прося о справедливости. Он допросил меня в общих чертах, после чего выписал ордер на мой арест.

Меня погрузили в «воронок» и отвезли в Галату, на вершину холма, над Яссами, во круг монастыря, воздвигнутого Петром Хромым, господарем Молдовы.

Меня завели в камеру, где были ещё 10 арестованных. Там с меня сняли кандалы. Арестанты угостили меня чаем, и я лёг спать. На второй день меня поместили в одиночку. Один, в камере с цементным полом, с кроватью из досок, без одеяла, без подушки и закрытый на замок. Камера имела два окошка, снаружи покрашенные известью. Я ничего не видел. Одна стена была настолько влажной, что по ней стекала вода. В первый день охранник, дед Матей, принёс мне чёрный хлеб, открыл дверь и протянул его мне, так как даже он не мог ко мне входить. Я совершенно не хотел есть. Ночью я лёг на доски и накрылся зипуном. Под голову положить было нечего. Мне было холодно.

Утром меня вывели на две минуты и закрыли обратно. В течение дня студент

М. Попович, который тоже был арестован, смог подойти к окошку, протёр его пальцем, и я смог увидеть, что происходит снаружи. Затем он отошёл на 20 метров, и с большой осторожностью стал подавать мне знаки. Я понял, что это азбука Морзе. Так я смог узнать, что арестовали всех, кто был в Вэкэрештах: Моту, Гырняту, Т. Попеску, Р. Мирановича, кроме К. Жеожеску, которого не поймали. Их привезли в ту же тюрьму и поместили в одну камеру. Я узнал, что привели и моего отца. Вторую ночь я провёл хуже. Мне было очень холодно, и я не смог сомкнуть глаз. Почти всю ночь я ходил по камере.

Утром меня вновь вывели на две минуты и опять закрыли. Дед Матей принёс мне хлеба. В 12 часов на меня надели кандалы. Погрузили в «воронок» и отвезли в Трибунал для подтверждения мандата на арест. После подтверждения меня привезли обратно, и я вновь оказался в той же тёмной камере. На улице началась непогода. В отсутствии огня меня охватил холод. Я попробовал заснуть на досках. Я вздремнул полчаса, но болели кости. От холода, что шёл от цементного пола, у меня стали болеть почки. Видя, что теряю силы, я прибёг к силе воли и к гимнастике. Всю ночь, из часа в час я вставал, делал 10 минут гимнастику и с упорством старался сохранить силы.

На следующий день я не чувствовал себя хорошо. Я слабел на глазах, не смотря на всю борьбу, что я вёл с помощью силы воли и упрямства. На следующую ночь холод усилился, силы воли не осталось, я сдался. У меня потемнело перед глазами, и я упал. Пока хватало воли, я не беспокоился. Теперь я понял, что дело плохо. Меня охватила дрожь, и я не мог остановиться. Как тяжелы были те бесконечные ночи!

На следующий день пришёл прокурор и зашёл ко мне в камеру. Я постарался скрыть состояние, в котором находился.

- Как поживаем здесь?
- Очень хорошо, господин прокурор.
- Жалоб нет?
- Нет.

Так я оставался в течение тринадцати дней. Затем дали чуть-чуть тепла. Мне дали что постелить и на стены повесили рогожины. Один час в день мне позволили проводить на улице. В один из дней я увидел Моту и Тудосе, далеко в глубине двора, я сделал им знак. Тогда же я узнал, что моего отца освободили. Также освободили г-на Л. Садовяну, И. Саву и ещё одного студента.

Две статьи по делу Манчиу

На второй день после случая в Тыргул Кукулуе, в «Кувынтул Яшулуй» от 27 октября 1924 года появилась статья под авторством Н. Ионеску, адвоката, бывшего председателя Общества студентов-юристов, из которой я привожу выдержку:

«Комментарии, сделанные либеральной еврейской прессой вокруг смерти К. Манчиу необъективны и заинтересованы, они исходят из грубых фальсификаций фактов, чтобы любой ценой сделать героем того, кто на самом деле был не более чем инструментом, и свалить на пресловутые фашистско-антисемитские заговоры то, что было неизбежным следствием режима беззакония и злоупотреблений.

Студентам силой помешали войти и помолиться в Митрополи, запретили коллективно пойти в ресторан, с ними обращались в грубой форме и не разрешали свободно передвигаться по улице, запрещали собираться в Университете, запрещали собираться в помещении своего общества, запрещали обрабатывать свой огород, избивали на улице, в застенках полиции и в общественных местах от самого последнего охранника до того, кто недавно ещё был префектом полиции этого города.

Студенты со сдержанностью, достойной похвалы и с верой в юстицию, что делает им честь, возбудили несколько процессов против префекта Манчиу и его подручных за тяжкие удары, злоупотребление властью и покушение на личную свободу с верой в решение юстиции.

Этот жест студенчества не был понят. И, говорим это с сожалением, юстиция не оправдала надежд, которые вся молодёжь, воодушевлённая самым искренним сентиментом легальности, на неё возложила.

Студентку С. Теодореску Манчиу ударил ногой в спину посреди улицы Карол, 11 декабря 1923 года, напротив дома полковника Весла – факт, подтверждённый под присягой многочисленными свидетелями. Она не только не смогла добиться осуждения Манчиу в Суде Второго Округа, но истица (!) была осуждена за нанесение оскорбления официальному лицу, так как суд установил, что она, в то время как её били, высказалась неподобающе в адрес Манчиу. Это дикость!

Вечером, 14 декабря 1923 года, студент права Лефтер, из Галаца, в то время когда он заходил в гостиницу Бежан, где жил, без причины был окружён бандой полицейских и жандармов, которые, во главе с Манчиу и по его приказу избивали студента ножнами, палками, ружейными прикладами, ногами и кулаками до тех пор, пока он не упал без сознания, после чего его выволокли на пустынную улицу и бросили без помощи.

Студент Лефтер подал в суд на Манчиу, и Манчиу был оправдан без надобности привести хоть одного свидетеля в свою защиту.

А варварство и дикость этого лета против тех, кто работал в огороде дома г-жи Гики! Двадцать пять студентов целый день били по пяткам как воров, – факт, установленный первым прокурором и судебным врачом Трибунала, за воображаемые проступки, которые не могли быть мотивированы элементарным расследованием.

Но не только это. Студенты просили провести административное расследование. Оно было проведено этим летом г-ном Дл. Варару, что был крайне возмущён допущенными злоупотреблениями, но соответствующее министерство ответило на его рапорт приказом о награждении г-на Манчиу.

Вот человек, который умер. О мёртвых говорят только хорошее, но это не мешает сказать нам правду. Манчиу отменял собрания, Манчиу не позволял заходить в Митрополию, Манчиу бил на улице, в полиции и на Площади, оскорбляя тех, кто подавал в суд, угрожал их адвокатам, Манчиу бил с жестокостью одержимого под прикрытием кордонов агентов, тогда, когда студенты, связанные по рукам и ногам, не могли бросать, сквозь дождь плевков и ударов его бессовестных подчинённых, ничего, кроме презрительных взглядов и временного смирения.

Вот человек долга, и какой порядок он наводил!

Общественное мнение поддерживает К. Кодряну. Ему нравятся решительные жесты и, цена высокую мотивацию этого жеста, что предупреждает режим и служит идее, освобождает его от обычных мотивировок, что инкриминируют подобные деяния, оправдывает его в целом и одобряет в частности.

Лично я приветствую героический поступок К.З. Кодряну, который и на этот раз остаётся непреклонным в вопросах чести и решительным, когда речь идёт о достоинстве».

Через несколько дней в газете «Униря», от ... октября 1924 года, появляется статья профессора Кузы:

«Смерть префекта Манчиу, фатальная Система и её последствия».

«Ясская полиция уже целый год переживает настоящую трагедию с финальным актом, что нам известен, благодаря фатальному стечению обстоятельств, чьими жертвами стали:

Префект Манчиу, инспектор Клосс, подкомиссар Хусану и, не менее, студент-аспирант К.З. Кодряну

Префект Манчиу умер, подкомиссар Хусану борется со смертью, комиссар Клосс получил тяжёлое ранение, К.З. Кодряну сидит в тюрьме.

Что есть эта трагедия, повлёкшая столько жертв? Каким образом мы можем говорить о фатальном стечении обстоятельств? Кто виноват?

Манчиу был префектом полиции г-на Г.Г. Мырзеску.

Только в этом качестве его привели и держали до конца, не смотря на все эксцессы, что произошли по его вине в префектуре полиции. То, что с избытком доказывает, что он был одобрен, работал по согласованному плану, по прямому указанию Г.Г. Мырзеску, который его поддерживал, – его награды, его заслуги на службе и продвижение его персонала.

Фатальной системой, внедрённой Манчиу, был террор христианского студенчества, для того чтобы удовлетворить евреев и доказать, что порядок может быть поддержан энергичными мерами.

Фатальную систему несчастный Манчиу, не имевший специальных навыков, применил на практике с особой грубостью, даже по отношению к профессорам Университета, дебютировав в своей карьере по случаю общего собрания Ассоциации профессоров университетов Румынии, что проходило в Яссах, под руководством нашего выдающегося коллеги г-на Профессора Гаванескула 23-го, 24-го, 25 сентября 1923 года.

Префект Манчиу оскорбил университеты, расправился и арестовал студентов без всякой вины, что повлекло к протестам со стороны их профессоров, требовавших сатисфакции.

Комиссия четырёх университетов, в составе г-од профессоров: Док. Хурмузеску (Бухарест), Док. Шумуляну (Яссы), М. Штефанеску (Клуж) и Хакмана (Черновцы), на своём заседании сразу же отредактировала следующую телеграмму по трём адресам:

1. Г-ну председателю Кабинета Министров;
2. Г-ну Министру Внутренних Дел;
3. Г-ну Министру Общественного Порядка за подписью г-на И. Гаванескула.

«Всеобщая Ассоциация профессоров университетов Румынии осуждает вмешательство полиции Ясс на своём заседании открытия и, тесно сплочённая вокруг Председателя, просит вышестоящие инстанции провести необходимое расследование и получить полную сатисфакцию.

Председатель Ассоциации И. Гаванескул».

Та же комиссия редактирует и направляет мэру Ясс следующее:

«Г-н мэр!

Всеобщая Ассоциация профессоров университетов Румынии на своём заседании открытия, видя оскорбительные меры г-на префекта полиции по отношению к нашему конгрессу, сожалеет, что в том душевном состоянии, в котором тот находится, не может принять участия в банкете, организованном мэрией города и благодарит Вас за ваши добрые намерения.

Председатель Ассоциации И. Гаванескул».

Поддерживаемый повелительным мандатом по терроризированию студенчества, Манчиу работал в соответствии с преследуемыми целями и по установленному плану, идя по фатальному пути. Коротко перечислим произошедшие события и пронумеруем их:

1. Ввод полиции и армии в Университет 10 декабря 1925 года.

По случаю последующих студенческих манифестаций среди прочих был настолько жестоко избит студент Г. Манолиу, что заболел желтухой и через несколько дней умер.

2. Грубое поведение на вокзале по случаю прибытия профессора И.З. Кодряну в Яссы после своего освобождения из тюрьмы. Префект Манчиу ещё раз бросился без всякого мотива с полицией и армией на граждан и студентов, что пришли на встречу, оскорбляя и гоняя их по улицам как злоумышленников.

3. Визит принца Карла. По случаю этого визита Манчиу инсценировал другие скандалы, что заставило студентов подать жалобу Его Высочеству.

4. Скандал в театре Сидоли. Румынские артисты, ушедшие из Оперы, приехали в Яссы, где студенты провели для них манифестацию симпатии. Эта абсолютно мирная манифестация дала повод префекту Манчиу инсценировать ещё один скандал против студентов, что были избиты и рассеяны с одиозной грубостью.

5. Заговор на улице Карол. По доброте душевной г-жи Гики в её огороде по улице Карол студенты засадили кусок земли зеленью для своего пропитания. В день 31 мая этого года, когда студенты собрались на работу, появился префект Манчиу со всей полицией и жандармами с примкнутыми штыками и арестовали студентов. К.З. Кодряну был распоясан и связан собственным поясом, и со связанными за спиной руками препровождён по улицам вместе с другими 25-ю студентами и учениками в полицию, где их жестоко избili.

К.З. Кодряну, офицер запаса, аспирант права, был бит по лицу и тривиально оскорблён в самых низких выражениях.

Ученик Амброзие, сын майора ветерана Амброзие, был избит руками по лицу, пока у него не лопнула перепонка, – факт, констатированный справкой судебного врача профессора доктора Г. Богдана.

Остальных студентов и учеников били по пяткам бычьей жилой, подвесив за ноги и опуская головой в ведро, чтобы не кричали.

Родители избитых детей: г-н майор Амброзие, Димитриу, Бутнару подали жалобу на префекта Манчиу в министерство. Затем они подали на него в суд, в котором он вёл себя возмутительно.

Префекта Манчиу не только поддерживали, но и вознаграждали, чтобы он и дальше применял свою фатальную систему.

Еврейская пресса ежедневно восхваляет его, славя как спасителя порядка и верховного человека. Правительство, имея своим представителем в Яссах Г.Г. Мырзеску, вместо того, чтобы дать ход выводам инспектора Варару, награждает Манчиу «Короной Румынии» и повышает по службе персонал, которым он пользовался для совершения своих беззаконий. Так, комиссар Клосс, один из самых виноватых, был повышен до инспектора.

Юстиция, имея министром того же Мырзеску, покровителя Манчиу, вместо того, чтобы быстро и энергично вмешаться против допущенных злоупотреблений, осудила их жертвы.

Евреи в Яссах, удовлетворённые, подарили префекту автомобиль, который Манчиу принял в оскорбление всех румын, тем самым ещё больше провоцируя неприязнь, особенно у студентов, видящих, как Манчиу бросает им вызов из еврейского автомобиля, на котором он важно разъезжает по улицам.

Таким образом, оберегаемый, поддерживаемый и подбадриваемый префект Манчиу, через свой импульсивный темперамент в отсутствии всякого внутреннего тормоза, вообразил, что достиг высот славы, применяя свою систему.

Фатальное стечение обстоятельств привело префекта Манчиу к последнему акту трагедии.

К.З. Кодряну законно оборонялся.

Ответственность за смерть префекта Манчиу несёт в первую очередь тот, кто его назначил и поддерживал во главе полиции, – министр юстиции Г.Г. Мырзеску.

Ответственность несёт еврейская пресса и все те, кто его призывал, подбадривал, поздравляя с применением фатальной системы».

Голодовка протеста

За десять дней до Рождества Мота, Гырнята, Тудосе и Р. Миронович объявили голодовку протеста, будучи арестованными уже 60 дней без всякой вины. Они говорили: «Свобода или смерть!»

Попытки различных властей поговорить с ними не привели ни к чему, потому что они забаррикадировались изнутри в своей камере, не позволяя никому войти.

Эти юноши уже давно стали иконой румынского студенчества, символом. Когда снаружи узнали об их голодовке, студенты и граждане поняли всю важность поступка, зная твёрдость их характера. Чтобы эти юноши погибли в стенах Галата? В Яссах и

Клуже страсти накалились настолько, что последовала бы массовая расправа над теми, кого толпа посчитала бы виновными. Не только студенты, но и пожилые состоятельные люди кричали во весь голос: «Если эти дети там умрут, мы все будем стрелять из револьверов!» Правительство начало понимать, что находится перед лицом решимости и всеобщей напряжённости, что у этой нации появилась своя воля и своё достоинство.

Мой отец выпустил тогда в Яссах манифест, из которого привожу:

Призыв

«Братья румыны!

Студенты И.И. Мота, И. Гырнята, Т. Попеску и Р. Миронович уже два месяца томящиеся в тюрьме Галата, объявили во вторник в тринадцать часов голодовку протеста.

Они приняли это тяжёлое решение, потому что абсолютно невиновны, потому что невиновными сидели за стенами «Вэкэрешт» и потому что увидели, что некоторые политики хотят через несправедливые тюрьмы постепенно лишить их здоровья и жизни.

Этих молодых героев, надежду на наше будущее, Господь, между прочим, наделил железной волей. Следовательно, их решение умереть от голода и жажды – как протест против несправедливости, что им причинили и против закабаления нашего народа евреями при помощи некоторых политиков – это не шутка, а серьёзное решение.

Или освобождение, или смерть!

Братья румыны!

Разве мы будем ждать, чтобы увидеть, как через два-три дня в четырёх гробах пронесут тела этих героев?

Старики и юноши, подумайте: в тех четырёх гробах будут лежать не тела четырёх студентов, в них будут лежать тела ваших собственных детей.

Наш общий долг принять экстренные меры протеста против этого правительства и путём легального и мирного протеста, но энергичного и непобедимого, остановить беззаконие, остановить убийство наших детей!»

На Рождественские праздники после одиннадцати дней голодовки и протеста их освободили. Но они так ослабли, что из тюрьмы их вынесли на носилках и отвезли в больницу. Некоторые вышли из тяжкой тюрьмы всего несколько месяцев назад, а Мота вообще лишь месяц как освободелся после года несправедливой тюрьмы, поэтому их сил больше не осталось.

Последствия этой забастовки они испытывают и сегодня спустя десять лет, а бедный Тудосе унёс их с собой в могилу.

Один в Галате

В той же камере, влажной и тёмной, сидя на жёстком краю кровати со скрещенными на груди руками и с опущенной от тяжести мыслей головой, провожу время, минута за минутой.

Одиночество ужасно!

С сожалением думаю о тех строках:

Gaudeamus igitur

Юvenes dum sumus

Так возрадуемся, пока мы молоды! Строки, что согревали, радовали, венчали венцом веселья молодость всех поколений студентов. Это право юности веселиться, развлекаться до того как придёт возраст, что начнёт грузом тяжести и забот, всё больших, давить на жизнь человека.

Мне не предоставили это право. У меня не было времени для развлечений. Университетскую жизнь, когда все развлекаются и поют, я закончил. Даже не заметил, как она прошла. На мою юность навалились раньше времени заботы, тяжести и удары и разорвали её на части. То, что от неё осталось, перемальвают эти четыре стены, мрачные и холодные. Сейчас у меня отобрали и солнце. Прошло уже столько недель, с тех пор, как я сижу в этой темноте, где я могу радоваться солнцу только час в день.

Колени у меня постоянно мёрзнут. Чувствую, как холод от цементного пола поднимается вверх по костям.

Часы проходят с трудом. В полдень и вечером что-то ем, не могу больше. Ночью начинаются настоящие мучения: не могу заснуть раньше двух-трёх часов. На улице метёт. Здесь, на вершине холма, метель особенно сильна. Через щели в дверях ветер толкает снег, что становится всё толще, занимая треть пространства камеры. К утру нахожу всегда толстый слой снега. Тягостная тишина ночи нарушается лишь уханьем сов, что живут в башнях церкви, и время от времени слышу голос часовых, что нас охраняют, как они кричат, что есть мочи:

– Номер один!

– Хорошо.

– Номер два!

– Хорошо.

Сижу и спрашиваю себя, мучаюсь и не могу понять: Месяц? Два? Год, два? Сколько? Всю жизнь? Всю жизнь, что мне отпущена? Да, ордер на арест сулит мне принудительные работы на всю жизнь. Состоится ли процесс? Конечно, но это будет тяжёлый процесс. Против меня объединились три силы:

Правительство, что постарается сделать из моего наказания пример, тем более, что это первый случай, когда кто-то противостоит полицейскому с револьвером в руках, тогда, когда тот пытается растоптать человеческое достоинство, оскорбить честь и рвать на человеке мясо от имени государственной власти;

Еврейская сила в государстве, которая сделает всё возможное, чтобы не выпустить меня из рук;

Еврейская сила за рубежом с её деньгами, займами и давлением.

Все эти три силы заинтересованы в том, чтобы я не вышел отсюда живым. Против них поднимается студенчество и румынское национальное движение. Кто победит? Понимаю, что мой процесс – это противоборство сил. Сколь бы правым я ни был, но если вражеская сила будет хоть на грамм больше, они, не задумываясь ни на секунду, уничтожат меня. Они столько лет пытаются меня поймать, потому что я стоял поперёк всем их планам. Они применяют всю силу, лишь бы я не спасся.

Дома моя мама год за годом получала удар за ударом в сердце, слыша столько страшных для неё вестей от прокуроров, что вламывались ночью в дом, и грубых комиссаров, проводивших обыски.

С мыслью о моей столь тяжкой доле она прислала мне Акафист Божьей Матери с просьбой, чтобы я его читал в каждую полночь, сорок две ночи подряд. Я его регулярно читал, и чем больше было число прошедших ночей, казалось, что наши набирались сил, противник отступал, и опасности исчезали.

Перенос процесса в Фокшаны

В январе мне сообщили, что процесс перенесли в фокшанский офис. Фокшаны были самой сильной либеральной цитаделью в стране. Из этого города вышли три министра в правительстве: генерал Ватояну, Н.Н. Совяну и Киркулеску. Это было единственное место в стране, где национальное движение не пустило корни. Наши попытки изменить ситуацию провалились. Там у меня никого не было. Была лишь госпожа Тита Павелеску, старая националистка, выпускавшая газету «Часовой», которую сеяла в пустыне. Ясские студенты, узнав об этом переносе, остались крайне озабоченными.

Бесчисленные команды ждали на ясских вокзалах отправления каждого поезда, чтобы сопровождать меня до Фокшан, так как прошёл слух, будто охранники попытаются убить меня якобы при попытке к бегству.

После почти двух недель ожидания пришёл Ботез – шеф Сигуранца, с несколькими

агентами, и увели меня. Мы ехали в машине под эскортом другой. Мы выехали из Ясс через заставу Пэжура и приехали на вокзал Кукуцены.

Там мы нашли команду студентов, а с подходящим поездом приехала ещё одна. Я не смог поговорить ни с кем из них. В то время, как полиция сажала меня в тюремный вагон, они провели манифестацию поддержки. Я ехал поездом всю ночь к Фокшанам, я подъезжал уверенный, что меня осудят.

На вокзале меня ждала полиция и директор тюрьмы. Они отвезли меня и поместили в камеру.

Вначале у меня был более суровый режим, чем в Яссах. Префект жудеца Гаврилеску, что казался злым человеком, без всякого на то права – так как префект не может вмешиваться в тюремный режим – хотел применить ко мне строгий режим. Он приходил ко мне в камеру, где у нас состоялась не самая приятная беседа.

Чудо, которого не ждал ни я, ни те, кто привёз меня сюда, было в том, что на третий день после моего приезда всё население, без политических различий и наперекор всем попыткам властей сделать его враждебным, спонтанно перешло на мою сторону.

Либеральных политиков покинули не только сторонники, но и их семьи. Так, например, барышни Киркулеску, ученицы старших классов лицея, прислали мне еду и вместе с другими девушками сшили мне национальную рубашку. Я слышал, что они даже отказались обедать за одним столом с их отцом.

Тогда я познакомился с генералом Макридеску, самым значимым лицом в Фокшанах, с Христаке Соломоном, не очень богатым собственником, но человеком большого морального авторитета, перед которым открывались даже враги, с господином Г. Никулеску, полковником Блезу, который через свою дочь, Флутураш, прислал мне еду, Василаке, Штефаном и Никушором Грауром, семьёй Олтяну, Чудиным, Монтану, Соном, майором Кристополом, Карасом, Гурицей, Штефаниу, Николае, Тудорончесу и т.д. Все они, как и другие, заботились обо мне более чем по-родительски. Всё же здоровье оставляло желать лучшего. У меня болели почки, грудь и колени.

Процесс назначили на 14 марта 1925 года.

К его началу в университетских центрах и даже в других городах начали печатать манифесты. В Клуже капитан Белеуцэ напечатал и распространил по всей стране десятки тысяч манифестов. Его дом, открытый для борцов-националистов день и ночь, превратился в настоящий генеральный штаб. В Орэштие у отца Моты напечатали десятки тысяч брошюр с народными стихами и сотни тысяч манифестов. Здесь же товарищи напечатали несколько писем, которые я написал в тюрьме Вэкэрешт. Они появились в брошюре под названием «Студенческие письма из тюрьмы».

Правительство напечатало свои манифесты и брошюры, распространяя их с размахом, но они не имели успеха, так как вал национального движения поднимался внушительно и неумолимо. За два дня до начала процесса начинают пребывать сотни людей из всей страны и студенты из всех университетов. Только из Ясс приехали триста человек, заняв целый поезд.

Меня власти посадили на извозчика и повезли в национальный театр, где должен был состояться процесс, но его по приказу отсрочили, после чего выбрали присяжных. Меня снова отвезли в тюрьму. На улице неоправданная отсрочка процесса привела к всеобщему возмущению, что переросло в огромную уличную манифестацию, она длилась до поздней ночи.

Попытки армии утихомирить страсти были напрасными. Манифестация была направлена против евреев и правительства. Евреи тогда поняли, что всё их давление в этом процессе поворачивается и будет поворачиваться против них. Эта манифестация оказала решающее действие на процесс. Она вывела евреев из борьбы. Они поняли, что осуждение могло иметь катастрофические для них последствия, и если даже они не отступили полностью, их давление значительно ослабло. Между тем, ко мне стали поступать советы написать прошение об освобождении с заверениями, что меня освободят. Я отказался.

Настала Пасха. Я отпраздновал Воскресение один в моей камере, и когда стали звонить колокола во всех церквях, я опустился на колени и помолился за себя и свою наречённую, за маму и домашних, за души усопших и за тех, кто борется на воле, чтобы Господь благословил их, укрепил и даровал им победу над врагами.

В Турну Северине

Одной ночью около двух я проснулся оттого, что кто-то пытался открыть замок. За мной пришли власти, так как неожиданно мой процесс перенесли в Турну Северин, на другую окраину Румынии. Я быстро собрал свои немногочисленные вещи, и затем, под конвоем, меня погрузили в пролётку и отвезли на окраину Фокшан возле железной дороги. Вскоре возле нас остановился поезд, и меня поместили в арестантский вагон.

Таким образом, я покинул этот город, что в один момент неистово поднялся перед лицом гигантского давления, что на него оказывали, и чьи люди порвали все связи либо с партиями, либо даже с семьями, для того чтобы предстать в превосходном и непоколебимом единстве чувств.

По дороге я думал: что же будет в Турну Северине? Я никогда не был в этом городе и никого в нём не знал.

На вокзалах я слышал говор людей, их смех, как они поднимались или выходили из вагонов, но ничего не мог видеть, так как мой вагон был без окон. Два сантиметра стены отделяли меня от мира, от свободы. Может, среди тех, кто прогуливался на этих вокзалах, были мои друзья или знакомые. Но они не знали, что я здесь.

Каждый куда-то идёт. Только я не знаю куда. Все идут легко и резво, а я ношу в душе тяжелее, чем мельничный жернов, груз забот этой огромной неизвестности, перед которой нахожусь. Меня осудят пожизненно? На меньший срок? Выйду ли я из уродливых и чёрных стен тюрьмы или мне суждено здесь умереть? Я хорошо понимаю, что процесс не является более проблемой права, он стал проблемой силы. Какая из двух сил победит, та и будет права. Будет ли сильнее наше течение или иудео-правительственное давление? Но не может быть. Кто прав, тот и будет сильнее, и, значит, сможет добиться справедливости силой.

И чем дальше ехал поезд, тем больше болела моя душа. Душа моя казалась связанной с каждым камнем в Молдове и, чем дальше я уезжал, тем острее чувствовал, как что-то отрывается от неё.

Так я ехал целый день, один во всём вагоне. К вечеру мы прибыли на какую-то станцию, кажется, Балота. Жандармский офицер в сопровождении агентов вошёл в вагон и попросил меня выйти.

Затем меня отвели к тыльной стороне вокзала, погрузили в машины и мы поехали. Мне они показались хорошими людьми. Они пытались разговорить меня, шутили, но, унесённому другими мыслями, мне было не до разговоров. Я им отвечал благодушно, но коротко.

Мы выехали в Турну Северин. Мы проехали несколько улиц, и я почувствовал настоящую радость для души и отраду для глаз, видя, как люди гуляют по улице.

Мы остановились у ворот тюрьмы. Не знаю в который раз, вновь открылись ворота с замками, чтобы закрыться за моей спиной.

Директор и служащие встретили меня как дорогого гостя. Дали мне хорошую камеру, что не имела, как до сих пор, цементный пол, а была застелена досками. И здесь арестанты, как и в других тюрьмах, подошли ко мне с симпатией, а я помог им впоследствии в их нескончаемой материальной и моральной нищете. На второй день я вышел во двор. Было одно место, откуда была видна улица. Около полудня я увидел, как перед тюрьмой собралось более двухсот детей между шестью и семью годами, которые,

увидев меня проходящим, начали делать мне знаки ручонками, некоторые платками, другие кепками. Это были дети начальных школ, которые услышали, что я нахожусь в Турну Северине, в тюрьме. Отныне эти дети будут ежедневно приходить сюда. Они будут ждать, когда я буду приходить, чтобы приветствовать меня своими маленькими ручонками, тем самым выражая свою симпатию ко мне.

Меня отвезли в трибунал, где председатель Варлам, человек большой доброты, повёл себя по отношению ко мне весьма корректно. Не так корректно вёл себя прокурор Константинеску, о котором люди говорили, что он и префект Ворворяну обещали меня осудить. Я же не верил. Вначале они были более суровыми. За этой суровостью я угадывал и некоторую злобу. Но постепенно вал общественного мнения, энтузиазм, исходящий начиная от детей и заканчивая стариками, смягчил их. Сейчас все чувствовали по-румынски и видели в нашей борьбе святую цель – будущее этой страны. Они знали о моих несчастьях и видели в моём акте жест возмущения человеческого достоинства. Жест естественный для любого свободного человека.

Люди из страны Янку Жиану и господаря Тудора, чьи пистолеты выстрелили для народа и его достоинства против всякого унижения, легко поняли то, что произошло в Яссах.

Никакие аргументы не могли сдержать их. Зря кричали прокуроры и префекты. В тюрьме меня окружали любовь и забота всех семей города, даже тех, что выполняли официальные роли, как семья мэра К. Рэдулеску, по отношению к которой я сохранил большое почтение. Но более всего, как нигде прежде, я был окружён любовью детей, их пониманием моих страданий. Они организовали первую в Турну Северине манифестацию в мою поддержку. Я с нежностью вспоминаю, как малыши из предместий, которые ещё толком ходить не научились, видя старших детей, что регулярно собирались у тюрьмы и махали руками, начали приходить тоже. В точный час я видел, как они стекаются со всех сторон как на работу, которую им надо выполнить. Все были молчаливы и послушны. Не игрались, не пели. Они лишь глядели, ожидая, чтобы я прошёл по открытому месту, для того, чтобы подать мне руками знак, и затем шли домой. Они понимали, что есть что-то грустное в этой тюрьме и их здравый смысл подсказывал им, что это не место для смеха. В один из дней их стали прогонять жандармы. На следующий день я их не видел. Поставили часовых, что помешали им придти.

Процесс

Процесс назначили на 20 мая.

Председатель трибунала получил заявки от 19 300 адвокатов. За два дня стали прибывать целые поезда студентов. Прибыли 300 яссцев. Также в большом количестве прибыли бухарестцы, клужане, черновитцы. Среди прибывших была и делегация из Фокшан во главе с бывшим старшим присяжным от 14 марта, Н. Карасом, что записался как защитник от имени присяжных из Фокшан. Прибыли и свидетели обвинения – полицейские из Ясс. Прения по процессу открылись в помещении Национального театра под председательством г-на советника Варлама. На скамье подсудимых рядом со мной находились: Мота, Тудосе, Попеску, Гырнята, К. Жержеску, Р. Миронович. На скамье защитников: профессор Куза, профессор Гаванескул, П. Илиеску, профессор Шумуляну, Ем. Василиу-Клуж, Н. Граур, всё адвокатское бюро Турну Северина и т.д.

Зал был забит битком, а на улице ждали десять тысяч человек.

Выбрали присяжных. Вышли следующие: Н. Паля, Г.Н. Григореску, Ж. Калуда, И. Преотяса, Г.Н. Грическу, Д.И. Бора, В.Б. Жужеску, К. Вартягу, К. Сурдулеску, А. Пейтайн, П.И. Захария, Г.Н. Воянжиу, И. Мунтяну и Г.Н. Испас. Принесли присягу и с важным видом заняли свои места. Прочли обвинительный акт. Последовали допросы. Я рассказал, как всё было. Остальные тоже прошли через допросы, рассказывая правду: что они не замешаны ни коим образом в событиях, которые являются предметом суда.

Свидетелями обвинения были: один еврей и яссские полицейские. На суде они всё отрицали. Всё было ложью. Все издевательства и пытки были вымыслом. Они отрицали даже медицинские справки, выданные профессором Богданом, судебным врачом.

Это отношение, после того как они поклялись на кресте говорить правду и только правду, спровоцировало возмущение всего зала.

Один из свидетелей, комиссар Василиу Спанчиу, который сейчас превратился в кроткую овечку, ничего не видел и не делал. Поднявшись с разрешения председателя, я громко и с возмущением спросил:

– Не ты ли ударил меня кулаком по лицу в огороде г-жи Гики?

– Не я.

– Не ты ли опускал студентов головой в ведро с водой, когда их, подвешенных за ноги, били по пяткам?

– Меня там даже не было. Я тогда был в городе.

По его лицу, жестам, по всему его поведению было видно, что он лжёт, поклялся на кресте и лжёт. Люди в зале кипели от негодования. Вдруг, как выражение этого коллек-

тивного возмущения, один господин вышел из толпы, схватил комиссара на руки и верхом вынес его из зала.

Это был г-н Тиликэ Иоанид. Слышим, как он толкает комиссара на задней лестнице.

– Каналья, уходи отсюда, мы не гарантируем тебе жизнь!

Затем, обращаясь ко всем яским комиссарам:

– Вы варварски истязали, своими руками, этих детей. Если бы вы это сделали в Турну Северине, люди бы вас изувечили прямо на улице. Ваше присутствие поганит этот город. Уезжайте первым поездом, иначе горе вам.

Это был своевременный жест, так как у людей души были переполнены. Он позволил снизить напряжение в зале.

Остальные были унижены и ходили, умильно здороваясь и заискивая перед самым незначительным носителем повязки с триколором.

– Разве мы не добрые румыны? Но что мы можем сделать? Нам приказали.

– Нет, канальи! У вас нет души родителей румына. У вас нет человеческой чести. У вас нет почтения перед законом. Вам приказали? Нет! У вас души предателей!

Так им говорили люди на улице.

Затем в течении двух дней мы слушали показания свидетелей защиты, среди которых был старый профессор И. Гаванескул из университета Ясс, который сам подвергся грубости Манчиу по случаю конгресса профессоров университетов, чьим председателем он был, офицеры, бывшие командиры и мои преподаватели в Военном Лицее и Пехотном Училище.

Выходят по очереди истерзанные дети и их родители, чтобы воссоздать для суда, почти плача, сцены боли и унижения, в которых им пришлось участвовать.

Гражданская часть была представлена господином Коста-Фору, шефом масонской ложи из столицы.

Защитники выступали в следующем порядке: г-да П. Илиеску, Т. Поликрат, В. Роман, В. Поп, С. Бакалогу, Ем. Василиу-Клуж, Каканау, Д. Маня, Митулеску, В. Нета, Н. Негрилешть, Г. Гаврилеску, профессор доктор Шумуляну, профессор И. Гаванескул, профессор А.К. Куза.

Следует серия коротких заявлений, сделанных господами: М. Карасом, полковником В. Ласкаром, престарелым священником Думитреску из Бухареста, полковником Кэту-няну, студентом И. Саввой от имени ясских студентов, док. Истрати от имени клужских студентов, студентом И. Робом от имени черновицких студентов, Драгошем от имени столичного студенчества. Студент Каменица от Турну Северина, студент И. Бланару от Фалчиу, командор Манолеску, А. Вентоник от имени коммерсантов-христиан из Ясс, К. Унгряну, П. Василиу, Греча, капитан инвалид Петей-Плоешть, М. Негру-Кишинэу.

Последнее слово предоставили мне. Я сказал:

– Г-да присяжные, мы боролись, и всё, что мы сделали, мы сделали из веры и любви к стране. Мы обязуемся бороться до конца. Это моё последнее слово.

Был шестой день процесса, после полудня, 26 мая 1925 года.

Нас всех шестерых завели в камеру. Ждали результата. С меньшими эмоциями, но всё же с эмоциями. Через несколько минут слышим из большого зала аплодисменты, крики, приветствия. Мы не успели обдумать, что произошло, так как двери открылись, толпа взяла нас и отнесла в зал суда. Когда нас на плечах внесли в зал, все встали, приветствуя нас и размахивая платками.

Председатель Варлам тоже был охвачен валом энтузиазма, которому не смог противиться. Присяжные были на своих местах, и у всех на груди красовался триколорный бант со свастикой.

Мне зачитали оправдательный вердикт, затем на руках вынесли на улицу, где находилось более десяти тысяч человек. Мы все сформировали кортеж, и нас на руках понесли по улицам города, в то время как люди, стоящие на тротуарах, бросали цветы. Меня провели на балкон г-на Т. Иоанида, откуда я в нескольких словах поблагодарил всех румын из Турну Северина за их большую любовь, что они проявили ко мне в связи с этим процессом.

К Яссам

После того как я поблагодарил северинцев, нанеся несколько визитов, за то, как они повели себя со мной, я на второй день специальным поездом уехал в Яссы.

На вокзале были тысячи людей с цветами, что пришли проводить нас и украсить вагоны. Специальный поезд был не для меня. Он принадлежал тем трёмстам яссцам, что приехали на процесс, к которым присоединились вагоны тех, что приехали из Фокшан, Бырлада, Васлуя.

Мы поехали. На перроне остались люди, что махали платками, проявляя свою любовь и желание бороться. Приветствия, от которых сотрясаясь воздух. Стоя у окна, я смотрел назад на толпу людей, которых я раньше никого не знал, и которые сейчас прощались с нами со слезами на глазах, как будто мы были знакомы десять лет. Я мысленно прочитал молитву, поблагодарив Господа за ниспосланную победу.

Только сейчас, переходя из вагона в вагон, я смог снова увидеть старых товарищей, поговорить с каждым в отдельности, вместе радуясь, что Господь сделал нас победителями и спас от той опасности, о которой все наши враги думали, что я не спасусь.

В отдельном купе ехали профессор Куза и профессор Шумуляну с женой. Ехали радостные, окружённые нашей любовью.

Все купе были на свой лад красиво украшены цветами и зеленью, тем более, что на следующей после Турну Северина станции последовал новый вал цветов, которые, к нашей неожиданности, принесли крестьяне со своими священниками, учителя и ученики, все одетые в национальные костюмы. На всех вокзалах множество людей ждало прибытия поезда. Это не были холодные официальные встречи. Людей привели не долг, не боязнь, не интерес. У края толпы я видел стариков, которые плакали. Почему? Они не знали никого, кто ехал в поезде, как будто кто-то незнакомый толкал их, таинственно шепча:

– Приходите на вокзал, потому что из всех проходящих поездов есть один, что едет сегодня по пути румынской судьбы. Все поезда едут ведомые интересом тех, кто в них едет. Этот же едет по национальному пути, ради нации.

Толпы людей иногда соприкасаются с народной душой. Минута просветления. Толпа видит народ, с теми, кого уже нет, со всем его прошлым. Она чувствует все моменты его славы, как и моменты поражений. Чувствует, как кипит будущее. Этот контакт с народом полон лихорадочности, содрогания. Тогда толпы плачут.

Это есть национальная мистика, которую некоторые критикуют, потому что не могут её понять, и которую другие не могут определить, так как им не дано её пережить.

Если христианская мистика, с её финалом – экстазом, есть контакт человека с Богом, через «прыжок от человеческой природы к природе божественной» (Крайник), национальная мистика есть ни что иное, как контакт человека или толпы с душой его

народа, через прыжок, что он делает из мира личных интересов в вечный мир существования народа. Не разумом, – это удел истории, – а существом, своей душой.

Когда поезд, украшенный флагами и цветами, вошёл в Крайову, на перроне находилось более 10 000 человек, которые на руках понесли нас к тыльной стороне вокзала, где кто-то поздравил нас с приездом и победой. Произнёс речь профессор Куза, сказал несколько слов и я.

Также нас встретили на всех малых и больших вокзалах, но особенно в Пятра Олте, Слатине, Питеште. В большинстве этих населённых пунктов, расположенных вдоль железной дороги, не было националистических организаций, никто не проводил манифестаций, призывая людей на вокзал, и всё же перроны были полны людей.

В Бухарест мы прибыли около восьми вечера. Нас подняли на руки и вынесли за вокзал. Там, по всему пространству, было море голов, что тянулось по Каля Гривицей до Политехнической Школы. Думаю, было более 50 000 человек, охваченных энтузиазмом, которому ничто не могло противостоять. Говорил профессор Куза. Говорил и я.

Впрочем, во всей стране наблюдалось столь мощное националистическое течение, что могло привести Лигу Национальной Защиты к власти.

В те дни расходовались впустую важнейшие тактические политические моменты, с которыми она никогда больше не встретится. Профессор Куза не сумел использовать большой тактический шанс, который так нечасто выпадает политическим движениям.

Для любого объективного наблюдателя, знатока политической борьбы, с того момента участь Лиги была предрешена.

Мы уехали. Всю ночь на вокзалах нас встречали люди. В Фокшанах на вокзале их было более тысячи. Было три часа ночи. Они ждали нас с четырёх часов вечера. Хотели, чтобы мы хоть день у них погостили. Но мы поехали дальше.

В поезд вошла делегация с Х. Соломоном, А. Георгиу, Г. Никулеску и др.

Они мне сказали:

– Если нас обошла радость проведения здесь процесса, ты должен сыграть здесь свадьбу. 14 июня утром ты должен приехать в Фокшаны. Всё будет готово.

Делегация покинула нас в Мэрэшештах, после чего я пообещал, что 14 июня я приеду в Фокшаны.

Утром, очень уставший, я приехал в Яссы. Студенчество и горожане были на вокзале. Нас подняли на руки и понесли по городу до университета. Там стояли кордоны жан-

дармов. Толпа прорвала кордоны и на руках понесла нас в аудиторию. Здесь говорил профессор Куза. После этого люди разошлись в порядке. Каждый пошёл к себе домой. Я с нежностью вновь увидел домик по улице Флорилор, с которым я расстался восемь месяцев назад. На второй день я поехал в Хуш, где мама, плача, ждала меня на пороге дома.

Несколько дней спустя мы провели гражданское обручение в мэрии этого города.

ИЮНЬ 1925 – ИЮНЬ 1927

Свадьба

13 июня я вместе с родителями, братьями, сёстрами, невестой и её родителями поехал в Фокшаны. Там мы остановились у генерала Макридеску.

Туда же вечером пришёл свадебный организационный комитет и сообщил, что всё готово, и что из других городов приехали свыше 30 000 человек, что всех их разместили, и что в течение ночи приедут ещё люди. Население Фокшан с радостью принимает у себя гостей.

На второй день утром мне привели лошадь – так было задумано – после чего я верхом проехал мимо дома невесты, во главе колонны выехал из города в сторону Крынг. Вдоль шоссе стояли люди, на деревьях сидели дети, а зади, на украшенных повозках ехали посажённый отец, профессор Куза, генерал Мокридеску, Х. Соломон, полковник Блезу, полковник Камбуряну, Тидоронческу, Г. Никулеску, майор Багудеску и др. Затем следовал воз с невестой, запряжённый шестью волами и украшенный цветами. Затем другие возы с приглашёнными. Всего 2 300 возов, экипажей, автомобилей, все в цветах, едущие сидели в национальных костюмах. Я проехал 7 км до Крынг, а хвост колонны ещё не вышел из Фокшан.

В Крынге, на специально построенной для этого деревянной эстраде, прошла церемония бракосочетания. Присутствовали от 80 000 до 100 000 человек. После церковной церемонии начались танцы и веселье. Затем гостей пригласили за стол, накрытый под открытым небом. Каждый принёс с собой еду, а фокшанцы позаботились и о приезжих.

Всё это действие с национальными костюмами, румынскими возами, энтузиазмом, было заснято.

Через несколько недель фильм показали в Бухаресте. Но лишь два раза, так как министерство внутренних дел конфисковало и фильм и копию, и сожгло их.

К вечеру свадьба закончилась всеобщим братанием и воодушевлением. В ту же ночь я с женой и несколькими друзьями поехал в Геркулесовы Бани, где мы остановились на две недели у семьи старых знакомых.

Мота уехал в Яссы, где приступил к возведению фундамента под Христианский Дом культуры, на участке, подаренном инженером Г. Бежаном.

Чиорэштские крестины

10 августа в Чиорэштах, возле Фокшан, мы крестили 100 детей, что родились в это время в жудеце Ритна и окрестностях.

Крестины должны были состояться в Фокшанах, но правительство, чтобы помешать этому, объявило в городе осадное положение. Тогда мы отправились в Чиорэшты и с большими трудностями, под штыками, в конце концов смогли окрестить детей.

После года возобновляется работа

Затем я возвратился в Яссы, чтобы рядом с остальными товарищами участвовать в возведении дома. Мы следовали старому плану здания, а также занимались организацией молодёжи, планами, что были отложены судьбой на целый год.

Начали поступать дотации. Семья Моружи из Дорохой пожертвовала 100 000 лей, генерал Кантакузино – тремя вагонами цемента, румыны в Америке через газету «Либертатя» – 400 000 лей. Крестьяне из самых отдалённых сёл Трансильвании, Буковины, Бессарабии способствовали из своей бедности чем могли для «Дома в Яссах».

Дотации поступали по причине большой симпатии, которой стало пользоваться наше движение во всех слоях общества. Особенный энтузиазм вызывали фотографии, на которых студенты и студентки сами строили свой дом. Это было что-то новое и для нас и для зарубежья. Этот факт вызвал такую симпатию в Яссах, что служащие, покидая свои бюро, приходили на стройку, снимали одежду и брали в руки лопаты, кирки или носилки с бетоном. На этой работе встретились студенты из Клужа, Бессарабии, Буковины, Бухареста. Под руководством Моты во многих городах появились побратимы, так что к нам со всех сторон приходили ученики и работали, уходя затем воспитанные и организованные.

Два года студенческой борьбы, общих волнений и страданий всей молодёжи произвели настоящее чудо: восстановление единого душевного блока народа, которому угрожала неспособность к солидарности и слиянию в единое национальное общество.

Теперь молодёжь, собравшаяся со всех сторон, консолидировала и освещала это душевное единение, своими объединёнными усилиями, в школу труда на благо страны.

Опасности, подстерегающие политические движения

Течение в стране было великолепным. Не думаю, что на румынской земле часто

встречалось столь единодушное народное движение, как это. Но дела в Лиге шли не так хорошо – отсутствовали организованность, план действий. К этому добавилось, как следствие великого течения, опасность проникновения в состав движения компрометирующих и опасных элементов. Движение никогда не погибает из-за внешних факторов. Оно погибает из-за внутренних причин. Как любой человеческий организм. Из-за внешних причин погибает один из миллиона (раздавленный поездом, автомобилем, застреленный, утонувший). Человек умирает из-за внутренних токсинов. Умирает интоксцированный.

А вследствие процессов в Вэкэрште, Фокшанах, Северине в движение пришли те, кто хотел. Некоторые пришли для мошенничества: инкассация абонементов, продажа брошюр, займы и т.д., так что везде, где такие появлялись, они компрометировали движение, другие пришли, чтобы сделать политический капитал, и начали внутреннюю борьбу между собой, используя клевету и другие грязные методы для получения тёплого места и т.д. Другие были порядочными людьми, но не были дисциплинированными, не понимали необходимость подчинения начальникам и директивам, а считали уместным обсуждать до бесконечности любое распоряжение и работать, как вздумается. Другие, тоже достойные люди, но неспособные интегрироваться.

Есть очень хорошие элементы, но с такой душевной структурой, что не могут интегрироваться, а если и интегрируются, то всё портят. Часть из них – прирождённые интриганы. Всюду, куда они входят, через систему говорить о другом на ухо они ломают гармонию в организации, уничтожают её.

Другая категория, это те, у кого идея фикс: они искренне полагают, что нашли панацею от всех бед, пытаюсь убедить тебя в своей значимости. Другие страдают от газетной болезни. Они хотят любой ценой стать директорами газет или как минимум видеть свою фамилию в конце статьи. Другие ведут себя в обществе так, что везде, где появляются, компрометируют всю борьбу и подрывают доверие к организации. И в итоге, возникало ощущение, что интриговать, шпионить и компрометировать – благородное начинание движения.

Следовательно, сколько внимания должен уделять руководитель движения вопросу приёма новых элементов? Сколько времени он должен уделять их воспитанию и как бдительно он должен за ними наблюдать? Без этого движение будет безвозвратно скомпрометировано. Профессор Куза был абсолютно далёк от этих вопросов: «В Лигу входит кто хочет и остаётся, кто может». Но такой принцип приведёт к катастрофе.

В организацию входит не тот, «кто хочет», а тот, кто должен остаться, кто является

корректным, трудолюбивым, дисциплинированным и преданным человеком. Не прошло и нескольких месяцев, и бедная Лига стала котлом интриг, настоящим адом.

Моим кредо, в которое я верю и сегодня, было и является:

Если в организации появляются эти признаки гангрены, они должны быть немедленно локализованы и уничтожены со всей энергией. Если они не могут быть локализованы и распространяются как рак по всему организму движения, дело проиграно. Будущее и миссия организации дискредитированы. Она погибнет или будет влачить существование между жизнью и смертью, не будучи в состоянии что-то сделать.

Наши попытки пробудить профессора Кузу, исправить ситуацию, провалились, так как, с одной стороны, он был чужд этим элементарным принципам руководства движением, а, с другой стороны, интриги изолировали и нас самих, парализуя наши возможности к вмешательству.

Мы, Вэкэрештская группа, видя всё это, видя также отчаянные атаки, волны интриг, что ударялись о нас, между нами и профессором Кузой, пошли к нему домой, снова поклялись ему в верности и попросили его верить нам, так как мы постараемся сделать всё возможное, чтобы исправить ситуацию.

Попытка оказалась напрасной, потому что он нам заметил, что мы видим ситуацию совсем иначе, и как организацию, и как действие, и даже как идеологический фундамент движения. Мы отталкивались от идеи, что человек – это моральная ценность, а не численное, электоральное или демократическое значение.

Он же думал, что мы утверждаем это, потому что стали жертвами интриг.

Критика руководителя

Кто виноват в этом положении вещей?

Причина этих несчастных обстоятельств – руководитель.

Подобное движение нуждалось в великом руководителе, а не в великом доктринёре, которого вынесла наверх волна движения. Он должен был доминировать над этим движением, руководить им. Не каждому это под силу. Нужен профессионал, человек с врождёнными качествами, знаток законов организации, развития и борьбы народного движения.

Здесь нам нужны лодочники или капитаны корабля, что поведут нас по волнам, которые будут знать законы и им будут ведомы секреты этого руководства, которые знают опасные места с подводными скалами, которые, в конце концов, были бы хозяевами своих рукавов.

Недостаточно лишь того, чтобы кто-то доказал, что Трансильвания принадлежит Румынии, для того, чтобы встать во главе войска, идущего освободить Трансильванию. Также как недостаточно того, чтобы кто-то, кто доказал теоретически существование еврейской угрозы, стал во главе национального политического движения, призванного решить эту проблему.

Мы находимся на двух, совершенно разных плоскостях деятельности, плоскостях, что требуют от личности совершенно различных знаний и способностей.

Первую плоскость мы можем себе представить на высоте 1 000 метров. Мир теории. Абстрактное поле законов. Там человек с определёнными способностями занимается исследованием истины и её теоретической формулировкой. Он начинает снизу, от конкретных реалий и поднимается вверх до законов. Там, на этой плоскости, его место творчества.

Другая плоскость находится на земле. Здесь человек с другими способностями занимается искусством признания истины, путём игры сил. Он поднимается наверх, чтобы согласовать свои действия с законами, но его место творчества находится здесь, внизу, на поле борьбы, в поле тактики и стратегии.

Первая определяет цели, сажает идеалы, вторая достигает их, приводит в исполнение.

По причине существования принципа натурального разделения труда крайне редки случаи, когда в одном человеке сочетаются качества и способности, необходимые в обеих плоскостях.

Место профессора Кузы в первой плоскости. Здесь он сияет как солнце. Творчество профессора Кузы состоит в следующем:

1. Исследование и формулировка истинности законной нации;
2. Выявление и идентификация врага нации: еврея;
3. Определение решений еврейской проблемы.

И всё! Но это же колоссально! Потому что, хотя вся наука на его стороне, все учёные против него. Они нападают со всех сторон и пытаются ниспровергнуть его истины. Он выдерживает.

Эта первая плоскость не требует использования людей, людскую силу. Напротив, человек первой плоскости избегает людей.

Вторая плоскость нуждается в первую очередь в людях. Но – простых людях? Нет! Людей, являющихся человеческой силой.

Это значит:

1. Организация (по всем законам);
2. Техническое и героическое воспитание для увеличения силы, то есть для превращения человека в человеческую силу;
3. Руководство этими силами, организованными и воспитанными на стратегическом и тактическом поле в борьбе с другими человеческими силами или природой.

Если от идеолога требуется владение наукой исследования и формулировки истины, от руководителя движения требуется владение наукой и искусством организации, наукой и искусством воспитания, наукой и искусством руководства.

Профессор Куза, блестящий и непобедимый в первом случае, во втором становится незнающим и неумелым, наивным как ребёнок, неспособным воспитать, неспособным руководить.

На второй плоскости победитель первой не сможет одержать ни одной победы. Он будет побеждённым или, в лучшем случае, удовлетворится маленькими успехами, которых добьются для него те, кто его окружает.

Каковы душевные качества руководителя политического движения? По-моему мнению они следующие:

1. Внутренняя сила притяжения. В мире не существует свободных людей (самостоятельных). Подобно тому, как в солнечной системе каждая планета находится на определённой орбите, по которой движется вокруг более сильной силы притяжения, так же и люди, особенно в сфере политической деятельности, гравитируют вокруг сил притяжения. Тоже самое в мире мышления. Во вне остаются, разумеется те, кто не хочет ни двигаться, ни думать. Руководитель должен обладать подобной силой притяжения. Некоторым её хватает на 10 человек, некоторым на целое село, некоторым на жудец, некоторым на провинцию, другим на страну, а некоторые превосходят границы одной страны. Шефство руководителя лимитируется рамками его внутренней силы притяжения. Это разновидность магической силы, которую если не имеешь, не можешь быть руководителем;
2. Способность любить. Руководитель должен любить своих товарищей по борьбе. Флюид любви должен пронизывать всё движение;
3. Наука и чувство организованности. Люди, вовлечённые в орбиту движения, должны быть организованы;
4. Знание людей. В организации нужно учитывать принцип разделения труда, используя каждого на своём месте. По способностям каждого, и не принимать тех, у кого их нет вообще;

5. Сила воспитания и внушения героизмом;

6. Знание законов руководства. Руководитель, имеющий организованную и воспитанную команду, должен уметь ею руководить на поле политической борьбы в конкуренции с другими силами;

7. Чувство битвы. Шеф должен обладать специфическим чувством, что подскажет ему, когда нужно дать сражение. Это что-то внутреннее, что говорит: «Сейчас, в этот момент, не раньше, не позже».

8. Смелость. Шеф, услышав этот внутренний приказ, должен иметь смелость вынуть меч;

9. Сознание правильности и моральности цели и лояльных средств. Не существует победы, что удержится вне этих критериев.

И в конце руководитель должен обладать всеми качествами борца: жертвенностью, преданностью и др.

Процесс совести

Не было вины профессора Кузы в том, что Лига находилась в таком состоянии. Думаю, что профессор Куза тогда, когда был против организации, ясно отдавал себе отчёт в своей неспособности работать во второй плоскости. Мы все виноваты, и особенно в том, что подталкивали его, против его воли, пойти по пути, где он не чувствовал себя сильным. Впрочем, он не участвовал ни в одном значимом событии в течение тех двух лет. Все битвы, что сотрясали страну и подняли румынские массы, были даны без предварительного участия профессора Кузы. Он во всех событиях принёс большую пользу, но всегда он был ведом, никогда инициатива не исходила от него.

Я ошибся, и так как нет ошибки, что со временем не обернётся против тех, кто её совершил, так и эта вскоре обернётся против нас. Но обернётся она и против движения. И это начнется с того момента, когда профессор Куза, не будучи в состоянии с нами договориться, начнёт работать один, без нашей поддержки.

Этот год был тяжёлым для него.

После 30 лет апостольства в Ясском Университете, правительство допустило неслыханное беззаконие, удалив его с кафедры.

На проведённом общем расследовании, обвинённый в том, что он занимается подстрекательством, профессор Куза ответил:

– Я подстрекатель национальной энергии!

Целая жизнь, посвящённая борьбе и блестящему преподаванию, на благо румынской нации, заканчивается этой благодарностью со стороны народа, руководимого румынским иудео-политиканством.

К этому добавляется и тот факт, что, будучи один на улице, он был спровоцирован и бит по лицу кулаком одним евреем. Когда узнали об этой неслыханной дерзости, студенты прошлись по всем заведениям и отплатили той же монетой всем евреям, встреченным на пути. Вследствие этой манифестации были арестованы 10 студентов, во главе с Мотой, Ю. Сырбу и др. и приговорены к одному месяцу тюрьмы, который они провели в Галате. Студент Урзичану несколько раз выстрелил из револьвера, но безрезультатно, в того, кто считался вдохновителем совершённой агрессии.

Во Францию на учёбу

После этого, 13 сентября 1925 года, мы заложили первый камень в фундамент нашего дома, после того, как стены поднялись на один метр, а движению я отдал всё что мог в моём возрасте, я подумал, что было бы хорошо вновь уехать за границу для продолжения учёбы. Тем более, что и здоровье оставляло желать лучшего, после всего, через что мне пришлось пройти. К этому меня подтолкнуло и то, что в своих взглядах на движение и борьбу я чувствовал себя несколько изолированно. Я себе говорил: возможно, я ошибаюсь и будет лучше, если я не буду мешать линии, что всё-таки окажется правильной. Тем более, в последнее время Лига получила новые силы после объединения с Румынским Делом профессора Кэтуняну, в котором было немалое число значимых интеллектуалов Трансильвании во главе с Валером Попи, священником Т. Малаем, а также после объединения с Национальной Фасцией, маленькой, но здоровой организацией. Незначительные дефекты в руководстве может быть исправятся сейчас, в присутствии стольких представителей элиты, среди которых были: наш адвокат Г. Илиеску из Бухареста, вместе с внушительной группой интеллектуалов, генерал Макридеску с такой же группой из Фокшан, замечательный профессор социологии Траян Брэиляну из Черновицкого Уиверститета, старый националист и выдающийся профессор и педагог И. Гаванескул из Ясского Университета. Он пока не участвовал в движении, хотя всю жизнь проповедовал на кафедре педагогики национальную идею.

Не говоря уже о том, что в Бухаресте придавал блеск и озарял светом национальное движение учёный, профессор физиологии Н. Паулеску, непревзойденный знаток иудео-масонских махинаций.

К этим фигурам, что облагораживали движение и придавали ему огромный престиж, можно добавить и ценную поддержку газеты «Либертатя», самого распространённого и читаемого народного издания в Румынии, под редакцией отца Моты.

Мота, который был исключён из Клужского Университета, и который был всего на втором курсе, тоже решился ехать, чтобы закончить образование.

Мы решили ехать во Францию, в небольшой город. Выбрали Гренобль. У меня после свадьбы и от продаж брошюры «Студенческие письма из тюрьмы» накопилось 60 000 лей. Мота располагал ежемесячной помощью из дома. После поездок домой к родителям мы попрощались с профессором Кузой и с товарищами. Посетили скит на Радэу, чтобы поклониться, и уехали. Вначале я с женой, а через две недели и Мота.

В Гренобле

После долгого путешествия через Чехословакию и Германию, после нескольких дней задержки в Берлине и Женеве, мы въехали во Францию и остановились в Страсбурге. Что меня впечатлило больше всего, так это тот факт, что вопреки всем моим ожиданиям, я увидел город, превращённый в рассадник еврейской инфекции. Сходя с поезда, я ожидал увидеть представителя галльской расы, что освещал века истории своей непревзойдённой отвагой.

Но передо мной появился крючковатый, жадный до наживы тип еврея, который тянул меня за рукав, приглашая зайти в лавку или ресторан. Большинство привокзальных ресторанов принадлежало евреям. Во Франции ассимилированных евреев всё было кошерным. Я ходил из ресторана в ресторан, пытаюсь найти хоть один христианский. Но везде находил табличку, написанную на идише: «Кошерный ресторан». С большим трудом, наконец, я нашёл французский ресторан, где и пообедал.

Между евреями из Тырнул-Кукулуй и теми, из Страсбурга, я не нашёл никакой разницы: тот же вид, те же манеры, тот же жаргон, те же сатанинские глаза, в которых читал и открывал, под услужливым взглядом, желание тебя ограбить. После ещё одной ночи пути, утром, мы прибыли в Гренобль. Что за чудо открылось передо мной, какой вид! Город, построенный во тьме веков на склонах Альп. Огромная скала, выдвинутая к центру города, будто хочет разрезать его надвое. Серая, суровая и дерзкая, она возвышается над домами, которые, хоть и многоэтажные, смотрелись на её фоне как бедные муравьиные домики.

Далее, но тоже возле города, другая гора, полная древних укреплений и траншей,

парапетов, была превращена в огромный форт. Совсем в глубине, над всем этим, белый как честь, блестя от снега, летом и зимой, возвышается внушительный массив Альп.

Удивлённый увиденным, идя как в волшебном замке, я говорил себе: это город храбрости.

Идя дальше, я убедился в своей правоте, потому что, остановившись перед одной статуей, я прочитал: «Bayard chevalier sans peur et sans reproche».

Великий эпический герой XV века, который после жизни, проведённой в битвах, старый, умирал раненый в битве, держа в руках меч, рукоять которого превратилась в крест, и от которой старый витязь принимал последнее благословение.

Мы сняли комнату в Старом Городе. Существует и Новый Город, современный. Но мне больше понравился старый.

Вскоре приехал Мота. Мы записались в Университет. Он на лицензиат, я в экономическую аспирантуру. Мы посещали лекции I и II курса, но не понимали абсолютно ничего. Это были первые уроки. Я понимал лишь отдельные слова. Старательно посещая лекции, ближе к Рождеству я начал неплохо их понимать. На аспирантуре нас было восемь человек, поэтому лекции носили семейный характер, в тесной взаимосвязи между студентами и профессорами. Профессора, очень хорошие, они занимались лишь своим делом и не лезли в депутаты. Еду готовила моя жена, для меня и для Моты.

В праздничные дни я начал совершать небольшие экскурсии вокруг города. Меня впечатляли руины старых замков и башен. Кто же здесь жил когда-то? О них уже все забыли. Ходил нанести им визит. Я входил в руины и стоял там около часа, в полной тишине, беседуя с горами.

На одной из окраин я посетил древнюю церквушку IV века, Св. Лаврентия, и к своему великому изумлению увидел на её синем куполе более 50 позолоченных свастик.

В городской префектуре, Дворце Юстиции и других учреждениях была масонская звезда – символ полной власти этой еврейской гидры над Францией. Поэтому я приехал в древний Гренобль, там, где находились их церкви и кресты, почерневшие от времени и забытые. Я отказывался от современного синематографа, театров, кафе, находя место для отдыха возле руин, где, как я подозревал, жил некогда Bayard. Я погружался в прошлое и там, к моему великому душевному удовлетворению, я жил в исторической Франции, в христианской Франции. Во Франции Байярда! Не во Франции Леона Блома!

Площадь «Marche de puces», как её называли французы, была полна евреев, отсюда и произошло её название.

Впрочем, и сам Университет был ими полон. Только из Румынии здесь учились 60 студентов-евреев, помимо пяти студентов-румын.

Я посетил также старинный монастырь «Grande Chatreuse», из которого атеистическое государство изгнало 1 000 монахов. На разных иконах я видел следы камней, которыми толпа во время революции избивала Бога.

Через некоторое время напомнили о себе материальные заботы. Мои деньги заканчивались. Я не надеялся получить денег из дома, а того, что получал Мота, не могло хватить на нас троих, со всей нашей строгой экономией. Мы много думали над тем, как можем заработать денег не в ущерб посещениям лекций.

Увидев, что во Франции в цене ручная вышивка, мы решили научиться этому у моей жены, чтобы затем попробовать продать национальную ручную вышивку. За несколько недель мы этому научились. В свободной время мы занимались вышиванием, а результаты выставляли в витрине одного магазина. Они продавались, и те небольшие деньги, что мы выручали, мы добавляли к деньгам Моты и поддерживали своё скромное существование.

Всеобщие выборы в стране

В канун Пасхи газеты с Родины, которые мы регулярно получали, а также письма принесли весть о падении либерального правительства и прихода к власти генерала Авереску. Новые всеобщие выборы должны были состояться в середине мая.

Лига впервые вступала в большую борьбу. Я сказал себе:

– Я должен вернуться в страну, принять участие в борьбе, затем вернуться к занятиям.

Я написал профессору Кузе, прося прислать деньги на дорогу. Не получив ответа, я написал в Фокшаны г-ну Х. Соломону, который прислал мне 10 000 лей. Часть денег я оставил жене, а с остальной направился на родину.

В Бухарест я приехал к середине мая, в полный разгар предвыборной борьбы. Я навестил профессора Кузу, который не очень обрадовался, увидев меня, говоря, что не было необходимости в моём приезде, так как движение хорошо развивается и без меня.

Меня это задело, но я не обиделся.

В организации нет места обиде на замечание шефа. Оно может быть верным или ошибочным, но без обиды. Это принцип, которым должен руководствоваться человек в организации.

Я поехал в жудец Дорохой, чтобы посодействовать профессору Шумуляну. Оттуда я направился и в другие жудецы: Кымпулунг, Яссы, Брэила и др.

Между тем, вследствие письма профессора Паулеску и вмешательства генерала Макридеску, я решился выставить свою кандидатуру в Фокшанах. Вот я и оказался в самой неприятной и нежелательной ситуации: ходить и выпрашивать для себя голоса. И где! Среди толпы, которая, именно тогда, когда должна быть воодушевлена самыми святыми чувствами по отношению к стране и её будущему, была одурманена выпивкой, в изобилии предоставляемой электоральными агентами, и под влиянием разнузданных страстей и злого духа политиков. В эти моменты на тихую и чистую сельскую жизнь падают волны, полные инфекции, политиканства. Вся страна превращается в ад. Из этого ада выходит руководство, на год, два, три или четыре, одной страны.

Из какой бездны греха вытаскивает демократия, «святая» демократия, руководство страны!

Я прибыл в Фокшаны. Там ещё сохранилось осадное положение, со времён чиорэштских крестин. Для того, чтобы приступить к предвыборной агитации, нужен был пропуск, выдаваемый начальником гарнизона. Я представился ему и получил пропуск. Около 10 утра, в сопровождении г-на Х. Соломона и др., мы отправились на двух автомобилях. Но в 500 метрах от окраины города дорога была заблокирована двумя телегами, поставленными поперёк шоссе. Возле них – несколько жандармов. Мы остановились. Жандармы подошли и сказали, что мы не можем проехать. Я извлёк пропуск, выданный генералом, и предъявил его. Они его прочли и затем сказали:

– Тем не менее, вы не можете.

Я приказал тем, кто меня сопровождал, развести телеги. После небольшой стычки дорогу освободили. Машины медленно двинулись вперёд. Жандармы отошли несколько метров от шоссе, стали в позицию для стрельбы и открыли огонь. Я сказал:

– Езжайте вперёд, они стреляют в воздух.

Одна пуля попала в крыло машины. Другая пролетела мимо нас. Мы продолжили путь. Две пули всё-таки нас остановили. Одна пробила колесо, другая – бензобак. Дальше ехать мы не могли. Мы вышли из машин и вернулись назад пешком.

Мы пошли к генералу, выдавшему нам пропуск. Мы рассказали, как было дело, при этом присутствовал генерал Макридеску. Он нам ответил:

– Вы можете ехать. Я не отдавал приказа вас задержать. Может, гражданские власти.

Я направился в префектуру в сопровождении генерала Макридеску. Префектом был Ницулеску, угрюмый и грубый человек. Мы, очень спокойные, вошли в его кабинет. Генерал Макридеску рассказал о случившемся. Префект же с первых минут повёл себя по отношению к нам нецивилизованно. Он начал нам свысока читать бесконечную лекцию.

– Господа, высшие интересы страны требуют...

– Существуют законы, мы их соблюдаем. Мы имеем право, – пытался объяснить генерал Макридеску. Но префект продолжал:

– Страна требует, в эти тяжёлые моменты...

Генерал Макридеску снова пытался объяснить. Префект авторитарно:

– Государство повелевает...

– Послушайте, г-н префект, я вижу, вы не хотите понять по-хорошему, – говорю я ему раздражённо, – Завтра утром я отправляюсь в пропагандистскую поездку, и если ваши жандармы снова будут в меня стрелять, я приду сюда в кабинет и буду стрелять в вас.

Не дожидаясь ответа, я поворачиваюсь к нему спиной и выхожу из кабинета. Через несколько часов меня приглашают в военный трибунал. Я иду. Меня допрашивает Королевский комиссар. Я письменно заявляю о том, что было. Меня берут под арест. Я говорю:

– Хорошо, г-да, – тому, кто в меня стреляет, вы не делаете ничего, а меня, кто лишь сказал, что будет стрелять, вы берёте под арест!

И вот я снова в тюремной камере, в казарме одного полка.

Через три дня меня вызывает генерал. Один офицер проводит меня в кабинет:

– Г-н Кодряну, вы должны покинуть город Фокшаны.

– Г-н генерал, я кандидат от этого города. То, что вы от меня требуете – противозаконно. Разумеется, я не буду сопротивляться этой мере, так как не могу, но прошу Вас выдать мне письменный приказ.

– Письменный не могу.

– Тогда я поеду в Бухарест жаловаться на Вас.

Генерал освобождает меня, взяв слово чести, что я уеду с первым поездом.

С первым поездом я уехал в Бухарест. На второй день я пришёл на аудиенцию к министру внутренних дел, г-ну О. Гоге, который меня хорошо принял. Я ему рассказал, что со мной приключилось и попросил справедливости.

Он сказал, что направил инспектора для расследования этого случая, но чтобы я пришёл на второй день.

Я пришёл на второй день. Он перенёс на третий. Дни проходили, и всё меньше времени оставалось до выборов. Наконец, на четвёртый день я уехал.

Я снова получил пропуск у генерала и снова поехал на автомобиле. До выборов оставалось лишь два дня.

Приехали в первое село. Собралось несколько человек, как собираются обычно перед выборами, но испуганные террором, которому они подвергались. Приходят жан-дармы.

– Вы можете говорить с людьми, но лишь одну минуту, так нам приказали!

Говорим одну минуту и едем дальше. То же самое во всех сёлах – по одной минуте. Бедная справедливость и законность в этой стране! Предоставляет мне право голоса, зовёт на голосование, если не прихожу – штрафует, если прихожу – жестоко избивает. Румынские политики, не важно кто они – либералы, авересцы, цэрэнисты – это шайка тиранов, что под прикрытием «законности», «свободы», «прав человека» попирают ногами без стыда и страха целую страну со всеми законами, свободами и со всеми её правами. Какой же путь ждёт нас в будущем?

В день выборов наших делегатов избивали до крови и не разрешили войти в избирательные участки, целые сёла не смогли проголосовать. Результат: мы проиграли. Хотя в городе мы побивали все партии.

– Ничего, – сказал я себе, – успех помешал бы моим планам продолжить учёбу.

Через два дня я с большой радостью узнал результаты выборов по всей стране. Лига получила 120 000 голос и вошла в парламент с десятью депутатами. Профессор Куза – Яссы, профессор Гаванескул – Яссы, профессор Шумуляну – Дорохой, мой отец – Рэ-дэуцы, П. Илиеску – Кымпулунг, профессор Кырлан – Сучава, док. Х. Василиу – Ботошаны, В. Поп – Сатул Маре, инженер М. Флореску – Пятра Нямец, И. Лека – Бэ-кэу.

Собрался действительно букет из представителей элиты, что делали честь националистическому движению, на которых люди смотрели с большой любовью и надеждой. Эти 120 000 голосов представляли собой всё что было лучшего и чистого в румынском народе. Избиратели прошли через все угрозы, приманки и преграды на пути к избирательным участкам, но много было и тех, кто не смог пробиться. Много более, чем тех, кто смог. По меньшей мере ещё 120 000 голосов были остановлены или украдены из урн.

Я вернулся во Францию удовлетворённый, но преследуемый вопросом:

– Как можно победить, если все правительства будут также проводить выборы, используя коррупцию, воровство, силу государства против народной воли?

В Альпах

Приехав во Францию, я уже не смог сдать июньскую сессию. Тяжёлая проблема стала передо мной. Мота должен был вернуться, так как осенью он должен был пойти в армию. Как я смогу прожить там, ведь из вышивания выходило недостаточно денег для проживания одного человека, тем более для двух душ? Я попробовал найти работу в городе, что угодно. Невозможно. Я подумал, может в окрестных сёлах я что-нибудь найду. Вместе с Мотой я направился искать работу. Вернулись поздно вечером без результатов.

Одним днём мы поехали на трамвае и вышли где-то в десяти километрах от Гренобля, в «Uriages les Bains» (там трамваи ходят не только по городу, но и за двадцать километров от него во всех направлениях, так как электроэнергия хватает с избытком, её получают от падающей с гор воды).

Затем мы по тропам поднялись на гору. После тридцати минут мы дошли до St. Martin, большого села с асфальтированной дорогой, с ухоженными каменными домами, несколькими лавками и церковью, высокой и красивой.

Мы пошли дальше. Ещё через час, поднимаясь по сильной жаре, мы дошли до маленького села «Pinet d'Uriage».

Оно находилось на высоте свыше 800-900 метров. Сверху открывался прекрасный вид на Альпы, покрытые снегом. Кромка снегов казалась в нескольких километрах от нас. Слева находилась красивая долина, что вела к Chateau de Vizile, а справа другая – в Гренобль. По краю долины тянулось бетонированное шоссе, блестящее как гладь реки под лучами солнца. Люди были в поле на работах. Мы удивлялись, как там, на склоне горы, в нескольких километрах от снегов, что не тают никогда, растёт пшеница высотой по человеческое плечо, ячмень, овёс и всевозможные овощи. Возможно, из-за нежного климата и некаменистой земли. Земля была не лучшего качества. Можно сказать, даже бедная. Но люди её постоянно удобряли навозом или химическими удобрениями.

Мы видели людей на полях, но сталкивались с той же проблемой, что и в других сёлах. Как войти в контакт с людьми и сказать, что ищем работу? Проходим мимо и не смеем завести разговор. Выше находится ещё пять-шесть домов. Идём туда. Доходим до последнего дома. Дальше не было ничего. Это было последнее человеческое жилище на пути к массиву Белодонна, если не считать туристических баз. Поблизости старик косил траву. Нам надо с ним поговорить. Здравуемся и заводим разговор. Он видит, что мы иностранцы и спрашивает, откуда мы. Говорим, что мы румыны, что нам здесь очень нравится, и что хотели бы найти комнату, чтобы пожить несколько месяцев в этих ме-

стах. Дед любил поговорить. Решив, что встретил людей, от которых он может многое узнать, он пригласил нас за стол, установленный на улице, принёс бутылку чёрного вязкого вина и три бокала, чтобы нас угостить. Затем начал задавать вопросы, следя с большим любопытством за нашими ответами.

– Значит, вы румыны?

– Да, румыны. Румыны из Румынии.

– Далеко отсюда Румыния?

– Примерно три тысячи километров.

– И у вас есть крестьяне, как и у нас?

– Есть, и много, пере Трук – так его звали.

– Растёт и у вас сено? А быки есть? Коровы? Лошади?

Вобщем, отвечали мы на все его вопросы и быстро подружились.

Но мы не сказали ничего о том, что у нас болело, так как дед увидел в нас образованных людей, «господ» и потерял бы все иллюзии, узнав, что мы ищем у него работу.

Мы лишь спросили, не знает ли он, сдаёт ли кто комнату. Он дал нам верный адрес и повторил, чтобы мы сказали, что нас прислал он, пере Трук.

Прощаясь, благодарим, и обещаем, что придём помочь косить. На несколько домов ниже мы находим новый адрес.

Шенеvas Поль. Пенсионер. Другой старик, примерно 70-ти лет, хорошо одетый, бывший унтер-офицер, сейчас в отставке (гордится тем, что он единственный пенсионер во всём селе). Он был хозяином двух домов, расположенных рядом, в которых он жил один, так как был одинок. Все его близкие умерли. Он сдаёт нам весь алый дом, который состоит из комнатухи внизу, и ещё одной комнаты наверху. В нижней комнате – кухонная плита. В верхней – кровать. У дома одинокий вид. Видно, что в нём давно никто не жил. Договариваемся за 400 франков до Рождества (на шесть месяцев). В городе платили по 150 в месяц. Я заплатил за три месяца и должен был через несколько дней привезти багаж и вселиться. Мы радостные вернулись в Гренобль. Я думал, что отучившись уже два года в аспирантуре, смогу готовиться здесь к экзаменам, спускаясь лишь для того, чтобы сдавать их.

Через несколько дней, по тем же тропам мы поднимались с нашим багажом на спине, я, моя жена и Мота к нашему новому дому. Наконец-то мы вселились. Мота попрощался с нами и уехал на родину. У нас остались последние деньги, несколько франков. Тяжёлая ситуация! Что мы будем есть?

На второй день, задумчивый, иду к Пере Труку. Помогаю ему до вечера косить и

складывать сено. В обед он пригласил меня к столу, и я пообедал у него. Вечером тоже. Если бы я мог принести что-то жене, было бы отлично, но я вернулся ни с чем. Следующим утром иду снова. У старика работал ещё один человек. Низкорослый мальчик с рыжими волосами, неряшливый, с блестящими глазами и бегающим взглядом, в котором я не заметил и тени дружелюбия. Было похоже, что он злобный человек. Звали его Корбела. Возможно, в литературном варианте Корбель. Но местные крестьяне все говорят на «patois», то есть местном диалекте, который сильно отличается от официального языка и произношением, и структурой слов. Разница столь велика, что горожанин не сможет понять крестьянина, говорящего на «patois». Но крестьяне говорят и на официальном языке.

На обед нас троих пригласила хозяйка, жена старика, старушка, такая же как и у нас. У них крестьяне не едят в двенадцать лук с мамалыгой, как у нас. Их обычный рацион состоит из овощного блюда, затем мяса и в конце брынзы. И всегда стакан вина. Я подошёл, поблагодарил, но сказал, что есть не буду. Они подумали, что я стесняюсь, и стали настаивать. Тогда я сказал, что сегодня пятница, и что я держу пост. Не ем до вечера. Это был старый обычай, который я соблюдал уже три года, со времён тюрьмы в Вэкэрештах.

Корбела, когда услышал, что я держу пост, зло спросил меня:

– И почему ты держишь пост?

– Потому что верю в Бога.

– Откуда ты знаешь, что Бог существует? Ты видел Иисуса Христа? – продолжал Корбела.

– Нет, не видел, но таков я есть: я не верю тебе, который говорит, что его нет, а верю веренице мучеников, которые, когда их распинали на кресте и забивали им гвозди в руки, говорили: «Можете нас убить, но мы Его видели».

– А, попы! Я давлю их пятой, нажимаю и поворачиваю пятку по земле так, как давят насекомое.

Видя его таким возбуждённым, я прервал разговор. Вечером я пошёл домой, на этот раз с корзиной картошки и куском сала, которыми меня снабдил старик. В субботу я также работал. В воскресенье я посетил церковь. Собрались люди со всего села. На одной скамье, вблизи алтаря, торжественный, как святой, сидел человек, похожий на Корбелу. Смотрю внимательнее. Он внимательно слушает священника. В один из моментов он подходит к нему и очень смиренно ему помогает. Это он, Корбела – дьячок, помощник священника и звонарь!

Позже, когда я подружился с людьми, я им рассказал об этом случае с Корбелой, нас это сильно позабавило.

– Есть у нас такие сумасшедшие, – говорили они, – Научились у тех, кто выше, быть противниками Церкви. А мы, французские крестьяне, верим в Бога, как верили и наши предки.

Священник, человек большой культуры, доктор философии и теологии, жил в большой нищете, без жалования от атеистического государства, что преследовало священников, как врагов. Они живут только из помощи немногих людей из села.

Следующую неделю я работал у другого человека, вскапывал картошку. Здесь я получил более значительное количество картошки, основу нашего существования, на более длительный срок. Затем перешёл к другому, скирдовать солому. Затем на обмолот. Там, во всех сёлах, сельская община имеет молотилки. Она переходит из дома в дом, молота у каждого. Урожай богатый и красивый как золото.

Нет крестьянина, что не был бы подписан на какой-нибудь сельскохозяйственный еженедельник, полный полезных советов по сельскому хозяйству, овощеводству, скотоводству, пчеловодству и т.д. Они очень внимательно читают эти журналы от корки до корки, стараясь первыми применить эти советы и воспользоваться их результатами, их конюшни также ухожены, как и дома. Животные хорошо защищены от голода и холода. Их ежедневно вычищают скребком, поэтому они красивы, много и хорошо работают.

В их конюшнях я часто находил кусочек картона, на котором крестьяне писали: «Любите животных, наших товарищей по работе!»

Через месяц село привыкло ко мне. Меня знали под именем «Le gousain» (румын). Они слышали, что я аспирант-экономист и вечерами я с ними беседовал. Их интересовали проблемы философии, политические вопросы, международная обстановка. А из политической экономии особенно вопрос ценообразования, закон спроса и предложения и другие, что влияют на формирование цены, причины снижения или подъёма цен и подходящее время для продажи их товаров. Крестьяне между 25-40 годами хорошо ориентировались в этих вопросах, и я мог обсуждать с ними довольно сложные темы. Это было им под силу.

Настало время подготовки к экзаменам. Мота сдал свои экзамены весьма успешно ещё в июне перед отъездом.

Днём я работал, а вечером и ночью, сколько мог, читал. За первый год у меня было четыре предмета: политэкономия, история экономических доктрин, индустриальное законодательство и финансовое законодательство. Но после двух месяцев я стал слабеть. Питание было недостаточным. Последние дни я ел лишь вареный картофель. Раз в два-три дня литр молока, а мясо раз в неделю. Иногда брынза. Столько я мог заработать своим трудом. Но хуже, чем мне, было моей жене, которая сильно анимировала.

В октябре я прибыл на экзамены. Я его не сдал, хотя по главному предмету, политической экономии, я получил максимально высокую оценку, а по остальным предметам проходные оценки. По финансовому законодательству мне поставили лишь девять, тогда как докторский минимум был десять. Я был обескуражен. Я никогда не блистал в учёбе, но и экзаменов никогда не проваливал. Меня считали середнячком.

Моё тяжёлое материальное положение было как удар. Проблема была в том, что я мог пересдать сессию лишь через три месяца, и снова по всем предметам. Я упёрся и решил начать всё заново. Работа на селе закончилась. Выпал снег. Оставалась лишь работа в лесу на заготовке дров. В уплату за мою работу я получил телегу дров.

Но стала поступать помощь с родины, из дома и от отца Моты, который получил на моё имя кредит в банке.

Мы провели зиму и рождественские праздники среди крестьян и особенно в семье Белмэн-Давид.

В зимнюю сессию я вновь прибыл на экзамены и сдал их все за первый год аспирантуры.

Я сразу приступил к подготовке к экзаменам за второй год: гражданское право, философия права, история французского права, международное право.

Весной я арендовал огород, который сам обрабатывал.

Но в мае 1927 года я получил отчаянное письмо от Моты, затем другие из Фокшан и от студентов, в которых меня срочно звали домой, так как Лига раскололась надвое. От Моты и Х. Соломона получаю деньги на дорогу. До экзаменов оставался месяц. Я явился к декану факультета и объяснил ему, что мне надо срочно вернуться в страну, поэтому прошу его разрешения сдать экзамены досрочно. Разрешение я получил, и 1 мая сдал экзамены. 18 мая я отправился на родину, попрощавшись с жителями Пине-

та, среди которых я прожил почти год. Некоторые из них, самые старые, когда я уезжал, плакали. Другие проводили меня до вокзала в Гренобль.

Я приехал во Францию с опасением, что встречу аморальный, гнилой и опустившийся народ, как об этом уже долгое время злословят по свету. Я убедился, что французский народ, крестьянин и горожанин, это народ с суровой моралью. Аморальность принадлежит испорченным приезжим, богатым из всех народов, привлечённых Парижем и другими большими городами.

Руководящий класс, по моему мнению, безвозвратно скомпрометирован, думая, живя и действуя под влиянием исключительно иудео-масонства и его банкиров. Иудео-масонство создало из Парижа свой всемирный центр (Лондон, с его шотландским обрядом – всего лишь филиал). Этот руководящий класс оторван от всей французской истории и нации. Поэтому, уезжая из Франции, я делал большое различие между французским народом и французским масонским государством.

Я сохранил не только любовь к французскому народу, но и уверенность, которая никогда меня не покинет, в том, что этот народ воскреснет и победит гидру, что завладела им, затемнив разум, высасывая соки, компрометируя и честь, и будущее.

В Бухаресте.

Лига Национальной Христианской Защиты раскололась надвое

Я приехал в Бухарест. Это была катастрофа. Лига Национальной Христианской Защиты раскололась надвое. Надежды этой нации рушились. Народ, который напрягая последние силы в тяжёлый момент своей истории в борьбе с самой большой опасностью, что ему когда-либо угрожала, падал теперь на землю со всеми своими уничтоженными надеждами. Эта катастрофа в отважных сердцах тысяч борцов, что увидели, как в один миг рушатся все их жертвы, принесённые в прошлом и все их надежды, внушала чувство боли даже тем, кто был в стороне от движения. Более сильную коллективную боль мне видеть не приходилось. Все эти волны энтузиазма от Северина до Фокшан, от Кымпулунга до Клуца превратились в волны боли и отчаяния.

Я пошёл в Парламент и явился к профессору Кузе. К своему большому удивлению я нашёл одного весёлого человека среди всеобщей боли. Это был профессор Куза. Я до словно и со всем старанием передаю наш разговор:

– Добро пожаловать. Дорогой Корнелий, – сказал он, подойдя ко мне и протягивая руку, – ты хороший мальчик. Занимайся и далее своими делами и всё будет хорошо.

– Г-н профессор, я удручён до глубины души несчастьем, что на нас свалилось.

– Не произошло никакого несчастья. Лига сильна как никогда. Я вот вчера приехал из Брэилэ. Там было что-то необыкновенное. Народ меня встретил музыкой с барабанами и нескончаемыми приветствиями. Ты увидишь, что делается в стране. Ты этого не знаешь. Страна на нашей стороне.

Ещё несколько слов, и я ушёл. Затем я, растерянный, спрашивал себя:

– Шеф, видя своих людей, раздираемых болью, расколотых надвое и объятых отчаянием, находится в самом хорошем настроении? Он не отдаёт себе отчёта о бедствии, что кипит под ним? Или отдаёт, и тогда как может быть, что ему это нравится?

Что произошло

Те 10 депутатов от Лиги, по моему мнению были не на высоте положения в течение прошедшего года. Это были слабые элементы? Однозначно нет. Они были неблагоприятны? Однозначно нет. Они были достойны оказанного доверия, но у них были мелкие недостатки, будь то в подготовке по еврейскому вопросу или тяжеловесность в командировках и акциях, – словом, старики. Но это недостатки, неизбежные для людей, собранных в коллектив, и они должны быть моделированы и взаимозаменяемы своим руководством, поправляемы с большим тактом.

Причины, по моему мнению, в следующем:

1. отсутствие координации в парламентской и внепарламентской деятельности;
2. отсутствие душевного единства, абсолютно необходимого в любой организации, окружённой со всех сторон вражескими глазами, старающимися воспользоваться любой внутренней размолвкой.

Эти две причины имеют в основании другую причину, а именно:

Недостатки руководителя, его ошибки. Руководитель должен постоянно учить смыслу своих воззрений своё окружение, чтобы обеспечить единство мысли соответствующего блока, выработать план борьбы, давать директивы к действию, быть постоянным служителем единства движения, стараясь своей любовью, своими призывами, замечаниями, наказаниями сглаживать ссоры и трения, присутствующие в любой организации. Быть для всех воплощением призыва к выполнению своего долга. Поступать по справедливости, соблюдая нормы руководства, которые он сам себе установил и на основании которых собрал своих людей.

Из всего этого профессор Куза не сделал ничего. Он не учил своих людей, даже совещаний не проводил.

– Давайте проведём совещание, г-н Куза, – говорили ему некоторые из них, – чтобы и мы знали, какую позицию занять и с чем придти в парламент.

– Нам не нужны совещания, мы не политическая партия.

Он никогда и никому не давал директив. Вы найдёте ценные книги, десятки брошюр, написанных профессором Кузой, найдёте сотни статей, но я бросаю вызов любому, кто сможет принести мне 10 циркуляров или приказов по организации или действию, данных самой беспокойной политической организации, с 4 марта 1923 года, даты её учреждения, до 20 мая 1927 года, даты её упразднения.

Не найдёте ни десяти, ни пяти, ни трёх.

Профессор Куза призывал, но он не был вдохновителем. Профессор Куза наказывал, но тогда, когда он наказывал, то провоцировал настоящее бедствие, потому что поступал без мудрости.

Между тем, из-за вышеизложенной ситуации, разумеется, часть парламентариев, видя и чувствуя, что дела идут не так как надо, проявляли своё недовольство. Они видели, что шаг за шагом движение идёт к упадку, тем более, что помимо отсутствия директив иногда случались и некоторые выходы профессора Кузы к трибуне парламента, которые имели впечатляющий и обескураживающий эффект для всего движения.

Так, например, когда сразу после открытия парламента один из депутатов Лиги протестовал против осадного положения и неслыханного самоуправства происходящего в Фокшанах, профессор Куза встал и сказал, что правительство правильно сделало, что ввело осадное положение, что он поступил бы так же, так как страсти накалились из-за евреев.

В другой раз он сказал, споря с цэрэнистами (которые были в оппозиции), что Народная партия могла бы стать фактором правления через систему ротации с Либеральной Партией, если бы генерал Авереску принял доктрину ЛНХЗ. Подобные вещи, бросаемые с трибуны, именно в тот момент, когда тысячи людей, избиваемые, истязаемые и обездоленные, лихорадочно ждали, как слабого утешения их страданиям, хоть слова, клеймящего правительство, чьими жертвами они стали, повсюду распространяли атмосферу уныния.

В следующих строках передаю, согласно «Мониторул Официал», пассаж из этой речи:

«Следовательно, на сегодняшний день остаются на службе родине две, достигшие зрелости партии, партии порядка, существующего строя, партии власти, что дополняют друг друга и обеспечивают нормальную работу конституционного механизма: народная партия и либеральная партия.

Они стоят на солидных фундаментах, основываясь на интересах производства, хотя и разных, но оба общего характера, реальные и постоянные, которые обеспечивают этим партиям стойкость и эффективность их действий. Новое творение конституционной и политической организованности страны – это творение, над которым работали сообща эти партии, каждая в меру ответственности и роли, что им отводились: правительства и оппозиции. Народная партия продолжит начатую работу, в которую привнесёт все улучшения, которые ей подскажет, как необходимые, честная и порядочная практика для дальнейшей консолидации государства и окончательного объединения страны.

Либеральная партия является выразителем интересов румынской буржуазии, финансовых, коммерческих и промышленных интересов, законных и необходимых для нормального развития государства.

Народная партия призвана совершенствовать экономическую организацию государства, поставив её на реальный фундамент, озабоченный нуждами всех в рамках вышших интересов страны, основываясь в большей степени на общих реальных и постоянных интересах сельскохозяйственного производства – важнейшего фактора нашей экономической жизни.

Народная партия, у которой самые глубокие и обширные корни на всём протяжении страны в рамках социальной гармонии... может предоставить пахарю, хозяину земли, роль, которую он заслуживает в экономике государства, соответствующую его труду и значению».

«Мониторул Офичиал», 30 июля 1926 года.

Подобное отношение со стороны руководителя национального движения не поддаётся определению. Возводить хвалу политическим партиям, которых национальное движение обличало, как несчастье, свалившееся на Румынию, против которых боролось с жертвами для того, чтобы сотворить судьбу для этой страны, другую, нежели ту, что уготована ей политиками из этих партий, это всё равно, что приговорить к смерти собственное движение.

Восхвалять ротационную систему через либеральную партию и партию генерала Авереску, обличаемых тобой на протяжении всей жизни как врагов народа, значит лишить национальное движение, которое ты возглавляешь, всех перспектив для достижения победы и вместе с тем этим фактом демонстрировать, что ты сам не веришь в неё.

Что скажут люди о командире героической армии, что борется, жертвует собой ради высшей цели, верит в свою победу, живёт и готова погибнуть с мыслью о ней,

о командире, что в обращении к солдатам во время битвы, перед лицом тысяч раненых и павших, начнёт превозносить вражескую армию и предвещать её скорую победу?

Что станет с бедной армией, которая, вместо того чтобы услышать слово веры и надежды в свою победу, услышит из уст своего командира слова о прекрасных перспективах на победу врага?

Что случится? Эта армия рассеется деморализованная.

Так и случилось. Много борцов на национальном фронте рассеялось в отчаянии. По причине этого странного отношения много депутатов Лиги стали выражать недовольство. Они ошиблись, по моему мнению. Они не имели права выражать своё недовольство публично, а лишь в личной беседе с председателем и в узком кругу руководства, но они вышли за эти рамки. В этих условиях каждое брошенное слово – это лишнее несчастье сверх того, что спровоцировано председателем движения.

День за днём ошибки одних и других привели к холодности в их отношениях. До того дня, когда депутат П. Илиеску без оправданного мотива и без предварительного обдумывания, то есть без соблюдения норм и законов организации был исключён из ЛНХЗ, но не только это. Без того, чтобы председатель сказал кому-то из своих хоть что-то, он просто объявил с трибуны парламента, что исключил П. Илиеску из состава ЛНХЗ и одновременно просил, чтобы того исключили из парламента, а место объявили вакантным.

Это был как гром среди ясного неба для бедных депутатов Лиги. Через два дня профессор Шумуляну, который между тем вернулся из Ясс, сделал заявление в Камере, подписанное и остальными депутатами: И.З. Кодряну, В. Попом, док. Х. Василиу, профессором Кырланом, в котором сообщали, что заявление профессора Кузы по меньшей мере преждевременно, так как Устав предусматривает, что исключение решается комитетом. В данном случае комитет не знал ничего. Он не считал этого человека в чём-то виновным и не просил его исключения. Комитет просил суда для этого человека, чтобы он смог защититься. Они просили, следовательно, чтобы соблюдался Устав, соблюдался закон, на котором они все поклялись. Одновременно предприняли попытки поговорить с профессором Кузой.

Результат этих вмешательств: все подписавшиеся были исключены из ЛНХЗ во главе с профессором Шумуляну и моим отцом. Некоторые из них имели заслуги в работе и принесли жертвы во имя создания Лиги гораздо большие, чем сам профессор Куза. Профессор Шумуляну сам был вице-председателем Лиги. И их тоже изгнали из Лиги без суда и следствия, без объяснений.

По моему мнению, действия профессора Кузы, который в качестве председателя организации должен был в высшей степени заботиться о её жизнеспособности и быть очень осторожным в действиях, что могли поставить под угрозу её существование, были фундаментально ошибочными. По существу, несправедливы и не к месту, особенно учитывая личности, о которых идёт речь. По существу это был руководящий комитет Лиги. Это были её основатели. Действия были необдуманны, так как профессор Куза не предусмотрел их последствий для движения. Сразу же за этим исключением выходит «Национальная Оборона», в которой утверждается, что эти люди, во главе с профессором Шумуляну и И.З. Кодряну продались евреям. И эта инсинуация распространяется по всей румынской массе.

Профессор Шумуляну, неразлучный друг на протяжении четверти века, человек образцовой порядочности, был безобразно и необъяснимо атакован в «Национальной Обороне» под руководством и авторством профессора Кузы. Он ходил по улицам, подавленный болью, под обвинением в предательстве. Тогда профессор Шумуляну выпустил в ответ брошюру под названием «Подлость некоторых друзей».

На этот раз профессор Куза, по моему мнению, был не просто не прав, это было нечто большее.

Те, кто были исключены, в свою очередь тоже ошиблись, публикуя манифесты с необъективными обвинениями. Но их ошибка была следствием ошибки профессора Кузы. Всё это причиняло огромную боль всем борцам и вызывало бурную радость и издевательства со стороны евреев.

Именно в такой момент я приехал. В парламенте обсуждался вопрос, теряли или нет исключённые из Лиги депутаты свои мандаты.

Я и сейчас спрашиваю себя: был ли профессор Куза, принимая эти решения, жертвой советов или интриг, или это было его решение?

Через несколько дней вмешались и другие члены движения, изумлённые мерами профессора Кузы, прося прийти к примирению, вернуться к вопросу о произведённых исключениях и соблюсти положения Устава. Мы оказались перед лицом третьего решения, которым объявляются исключёнными и эти. Среди них были: генерал Макридеску, профессор Т. Брэилиану, Х. Соломон, профессор Кэтуяну и др.

Систематически распространялись слухи, что исключённые продались евреям. Активными распространителями этих слухов были: полковник Некулче и Л. Садовяну, правая и левая руки профессора Кузы.

Исключённые объединились тогда в Уставную Лигу НХЗ, желая сказать этим названием, что они остаются в рамках Устава. В это время профессор Куза созывает в Яссах

в зале Бежан большое национальное собрание, в котором участвовало около тысячи человек и которое ратифицировало исключение на основании того, что исключённые продались евреям.

Эдесь я останавлиюсь, не переходя к комментариям того, что писалось либо одним либо другим лагерем, считая, что написал столько, сколько достаточно для понимания ситуации, в которой находилось движение в то время. Единственно, что хотел бы добавить: время (прошло девять лет) доказало, что профессор Куза ошибался, потому что ни профессор Шумуляну, так сильно раненый в собственном достоинстве, не продался евреям, ни мой отец, что получил от нудейской силы почти смертельные удары (которых не удостоился профессор Куза), ни генерал Макридеску, ни профессор Гаванескул, ни профессор Т. Брэилиану, ни профессор Кэтуянну, ни доктор Василиу, ни профессор Кырлан, ни священник Мота и т.д.

Годы спустя, после того, как катастрофа распространилась как пустыня на всю Лигу, профессор Куза пришёл к своему старому другу, профессору Шумуляну, которого так жестоко ударил и сказал:

– Дорогой Шумуляну, у меня к тебе нет ничего. Давай помиримся.

Но профессор Шумуляну повернулся и, уходя, сказал:

– Слишком поздно.

Не потому, что профессор Шумуляну не хотел простить жестокую обиду, которую ему нанесли, а потому что под ногами был пепел целого движения и румынских надежд.

Как я поступил в данной ситуации

Я приехал из Франции посреди этого бедствия, в котором находилось национальное движение, с желанием спасти то, что можно было ещё спасти. Я срочно созвал в Яссах Вэкэрештскую группу и часть студенческого руководства из всех четырёх центров.

Моим желанием было локализовать произошедший раскол, реализовав молодёжный блок, сделать невозможной проникновение в ряды молодёжи атмосферы вражды, что перемальвала ряды стариков. Было естественно, что я хотел основать этот блок в первую очередь на сознании, так как разлад и ненависть между нами значили смерть национального движения.

Основав этот блок, я хотел, чтобы мы обратились к тем направлениям, что горели у стариков и путём вмешательства, оказывая самое решительное действие для восстановления единства, попытаться спасти ситуацию.

Но мой план не удался. Молодёжь уже была охвачена всепожирающим пламенем вражды, так что в Яссах моё предложение, не смотря на все мои связи, не нашло должного отклика в сердцах. И это тем более, что к руководству ясского студенчества, что могло в эти моменты подать пример спасительного направления, пришла серия слабых элементов с плохими душевными склонностями.

Из всей молодёжи вокруг этой идеи сплотилась старая группа из Вэкэрешт. Кроме неё ещё несколько молодых ясских студентов около 10-12 человек, среди них самые старые: И. Бланару, И. Бордеяну, В. Силаги, а из новеньких – группа из Трансильвании во главе с И. Баля, Е. Еремиу, М. Кришаном. Из всей молодёжи только эти остались с нами.

Я продолжил осуществлять свой план, поехал в Бухарест, вместе со своей группой, чтобы явиться к обеим фракциям. Сначала мы пришли к «Уставникам», прося у них любую жертву для восстановления единства движения. Через несколько часов они согласились на объединение и на определённые жертвы, но требуя, чтобы в будущем Устав соблюдался.

После этого мы явились к профессору Кузе. Но он не прислушался к нашим просьбам и аргументам. Разговор, который при этом состоялся, я лучше передавать не буду.

Мы ушли. К нам в души спустилась пустыня. Всё, что было воздвигнуто, всё вчерашнее великолепие этого движения не было отмечено печатью удачи. Всё выросло из нашей борьбы, шаг за шагом, метр за метром мы принимали тяжёлые решения за решениями, преодолевали опасность за опасностью, риск за риском, боль физическую и душевную, здоровье из нашего здоровья, кровь из нашей крови, борьба и жертвы каждый день.

Сейчас всё превращалось в прах.

ЛЕГИОН АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Легион Архангела Михаила

В сложившейся ситуации я решил не идти ни с одним из лагерей. Но и отступить я тоже не собирался. Я решил начать организацию молодёжи под свою ответственность, как подскажут душа и голова, продолжать борьбу, а не капитулировать.

Среди этих раздумий и часов тяжёлого выбора я вспомнил об иконе, что нас уберегла в тюрьме из Вэкэрешт. Мы решили сомкнуть ряды и продолжить борьбу под защитой Святой Иконы. С этой целью её принесли в наш яский дом из церкви Св. Спиридона, где мы оставили её три года назад.

Вэкэрештская группа немедленно поддержала эту идею. Через несколько дней я назначил собрание в Яссах, в моей комнате по улице Флорилор, 20, на пятницу, 24 июня 1927 года, в 10 часов вечера, для Вэкэрештцев и немногих студентов, что остались с нами.

В одном журнале, за несколько минут до этого, я записал следующую повестку дня, за № 1:

«Сегодня, в пятницу, 24 июня 1924 года (Святой Иоанн Креститель), в 10 часов вечера, утверждается Легион Архангела Михаила, под моим руководством. Пусть вступит в эти ряды тот, кто верит безоговорочно. Пусть не останется тот, у кого есть сомнения. Назначаю начальником караула возле иконы Р. Мироновича».

Это первое заседание длилось лишь минуту, ровно столько, сколько я читал вышеуказанный приказ, после чего все присутствующие удалились, чтобы подумать, достаточно ли они решительны и сильны духовно, чтобы вступить в подобную организацию, где не было никакой программы. Единственная программа – это моя жизнь, посвящённая борьбе, моя и моих товарищей по тюрьме. Я оставил время для раздумий и анализа своего сознания даже для группы «Вэкэрешты», чтобы увидеть, не осталось ли у них сомнений, так как, вступив сюда, они должны будут всю жизнь без колебаний идти вперёд.

Нашим последним душевным состоянием, из которого родилась Лига, было следующее: нас не интересует, победим ли мы, падём побеждёнными или умрём. Наша цель в другом: сплочёнными идти вперёд. Идти вперёд, сплочённо, ведомые Господом и пра-

вдой румынского народа, какая бы судьба нас не ждала, поражение или смерть. Она будет благословенна и даст плоды для нашего народа. «Есть поражения и смерти, что пробуждают народ к жизни, так же, как есть победы из тех, что повергают его в сон», – говорил когда-то профессор Йорга.

Той же ночью и в том же журнале я отредактировал письмо к профессору Кузе и другое к профессору Шумуляну. На второй день, в 10 утра мы собрались, все «Вэ-кэрешты», и направились к профессору Кузе домой, на улицу Кореску № 3.

После стольких лет борьбы и тяжёлых испытаний, сейчас мы шли прощаться с профессором Кузой и просить его освободить нас от данных клятв.

Профессор Куза принял нас в той же комнате, где крестил меня 28 лет назад.

Здесь, стоя, – он с одной стороны стола, мы с другой, – ему зачитали следующее письмо:

«Г-н профессор,

сегодня мы в последний раз пришли к Вам, чтобы проститься и попросить освободить нас от данных клятв.

Мы не можем следовать за Вами по пути, которым вы идёте сегодня, так как не верим в него. Идти без веры мы не можем, потому что вера дала нам силу для борьбы.

Прося Вас освободить нас от клятв, мы остаёмся бороться сами, как нам подсказет ум и сердце».

Затем профессор Куза сказал нам следующее:

– Дорогие мои, я освобождаю вас от данных клятв и советую вам, идя отныне по жизни самостоятельно, не допускать ошибок. Потому что, особенно в политике, ошибки обходятся дорого. Вы видите ошибки, что совершил в политике П. Карл, которые стали для него фатальными.

Я, со своей стороны, желаю вам всего хорошего в жизни.

После этого мы пожали друг другу руки и ушли.

Мы считали, что поступить надо так, что это дорога чести, по которой нас обязывает идти наше звание борца.

Оттуда мы направились к профессору Шумуляну на улицу Саулеску и зачитали ему второе письмо, примерно того же содержания, в котором мы извещали «Уставников», что не можем следовать и за ними и хотим отныне проложить свой путь самостоятельно.

Уходя от него, мы не почувствовали одиночества в сердцах. Теперь мы были одни, как в пустыне, и должны будем сами прокладывать себе дорогу.

Это ещё больше объединило нас вокруг иконы. И чем больше будет трудностей, и чем тяжелее удары, что будут падать на нас, тем крепче мы будем стоять под сенью щита Св. Архангела Михаила и его меча. Он не был для нас лишь фотографией на иконе, мы чувствовали его живым. Там, возле иконы, мы дежурили день и ночь с зажжённой лампадой.

О материальном

Когда мы все собрались вместе, мы пятеро и ещё шесть студентов с начальных курсов, то хотели написать несколько писем, и, извещая о нашем решении г-на Х. Соломона и др., лишь тогда поняли, насколько мы бедны, потому что все вместе мы не смогли собрать денег на конверты и марки. Раньше, когда было нужно, мы шли к старикам и просили. Отныне у нас не было у кого просить. Начинать политическую организацию без денег было и тяжело и смело. В этот век, когда материя всемогуща, когда никто не начнёт даже самое незначительное дело, без того, чтобы спросить себя: «а сколько денег у меня есть?», Господь захотел показать, что для борьбы и победы легионерам не нужна материя.

Своим смелым жестом мы отказываемся от ментальности, что властвует над веком и миром. Мы убиваем в себе один мир, чтобы построить в себе другой, высотой до небес. Абсолютная власть материи была низвергнута, чтобы быть замещённой господством разума и моральных ценностей.

Мы не отрицаем и не будем отрицать существование, смысл, необходимость материи, но отрицаем и всегда будем отрицать её право на абсолютную власть. Таким образом, мы били по менталитету, в котором золотой телец был центром и смыслом жизни. Мы поняли, что идя путём перевёрнутых отношений между материальным

и духовным, мы бы истощили в себе всю смелость, всю силу, всю веру и всю надежду. Единственной моральной силой в наших начинаниях была незабываемая вера в то, что подчинившись изначальной гармонии жизни – подчинению материального духовному – мы сможем противостоять превратностям судьбы и победить сатанинские силы, объединённые для нашей гибели.

Разум

Другой характеристикой нашего начинания, помимо прочего, явилось отсутствие программы. Мы не имели никакой программы. И этот факт, разумеется, породит большой знак вопроса. Политическая организация без какой-либо программы, созданной разумом, умом одного человека или нескольких?

Но мы собрались вместе не потому, что одинаково думали, а потому, что одинаково чувствовали. Не те, у кого был одинаковый образ мыслей, а те, у кого была одинаковая душевная конструкция.

Это был знак, что идол прошедших дней, – Разум, – будет низвергнут. Тот, которого люди воздвигали наперекор Богу, мы, не выкидывая и не призирая его, поставили там, где ему место, – на службе Богу и ценностям жизни.

Следовательно, если у нас не было ни денег, ни программы, то взамен у нас был Бог в душах и Он внушал нам непобедимую силу веры.

Против подлости

Наше появление было встречено ураганом ненависти и иронии. Оба лагеря Лиги порвали с нами все связи. Все яские студенты покинули нас, а все атаки «Кузистов», направленные до сих пор на «Уставников», отныне были направлены против нас, и как стрелы вонзались в наши сердца.

Не будут болеть раны от стрел, но мы ужаснулись тому, что открыли в людях.

Короче говоря, нам отплатят за всё, что мы сделали до сих пор, самыми тяжёлыми оскорблениями, и мы будем получать по лицу удар за ударом. Мы не будем испытывать лишь ненависть, но увидим отсутствие характера и душевную нечистоплотность во всей их наготе.

Вскоре мы станем «эксплуататорами национальной идеи в личных интересах». Не думал я, что те, кто ещё год назад били себя в грудь, требуя вознаграждения за мнимые

страдания, сегодня будут иметь ещё и смелость кидать нам в лицо подобные обвинения. Вскоре выяснится, что мы... «продались жидам», и даже напишут статьи, полные оскорблений, и найдутся крестьяне что в это поверят, и люди, что незаслуженно отвернутся от нас. Оскорбления, которые никогда не смели нам нанести, из боязни, наши враги, сейчас наносили друзья, без боязни и стыда.

Если правда, что мы, те, кто прошли через то, что прошли, и чьи тела перенесли то, что перенесли, были бы способны на подобную подлость, – продаться всем вместе врагу, тогда не остаётся ничего другого, чем подложить динамит под этот народ, что родил и взрастил подобных детей.

Но если это неправда, то те, кто это выдумал и распространил эти слухи, – подлцы, что подтачивают доверие нации в своё будущее и свою судьбу. Для них ни одно наказание от имени страны не будет слишком суровым.

Какую веру в свою победу и своё будущее сохранит этот народ, если в разгар тяжёлой борьбы, что он ведёт, услышит, что мы, дети, которых он поднял на своих руках и на которых он возложил самые святые свои надежды, продали его?

Я оставляю память тех дней тем, кто их пережил. Им. Моим тогдашним товарищам, свидетелям тех часов, я сказал:

– Не бойтесь этих пигмеев. У кого мелкая душонка, не может победить. Этих вы увидите согнувших колени у ваших ног. Не давайте пощады. Они это делают не от сознания совершённого греха, а из подлости. А теперь, пусть даже ад разверзнется со своим воинством, оставайтесь стойко на позициях, мы их победим.

До того дня я видел животное, сидящее в человеке. Сейчас я увидел подлость, сидящую в нём. Берегите себя и ваших детей, сегодняшних и будущих, румынского народа и любого другого народа, от этой страшной незаживающей раны – подлости.

Вся интеллигентность, вся учёность, все таланты, всё воспитание не послужат ни к чему, если мы будем подлцами.

Приучайте ваших детей не использовать подлость ни против друга, ни против злейшего врага. Этим они не победят, через это они не просто проиграют, их уничтожат. Даже против подлца и его подлого оружия не используйте подлость, в противном случае вы уподобитесь ему. Подлость останется неизменной. Подлость побеждённого будет заменена подлостью победителя. По сути своей та же подлость будет господствовать над миром. Чернота подлости не может быть рассеяна другой чернотой, а лишь светом, что несёт душа витязя, полная характера и чести.

И всё же, через эту плотину ненависти и подлости, к нам с первого дня пришли, как к лиману надежды, Х. Соломон, человек большого слова и большой чести, инженер Климе, инженер Бланару, адвокат М. Лефтер, А.К. Ионеску, А. Вентоник, Д. Ифрим, Костакеску, И. Бутнару, архидьякон И. Антоние и т.д.

Все они, старые и заслуженные борцы Лиги, были похожи на потерпевших кораблекрушение, чей корабль утонул в открытом море, а они приходили уставшие и смятённые на наш маленький остров, где находили душевное спокойствие и веру в завтрашний день.

Генерал Макридеску сказал нам:

– Хотя я стар, я пойду с вами и помогу вам, но с одним условием: никогда не протягивайте руки этим людям, лишённым чести, так как это мне будет омерзительно сверх меры, и я потеряю все иллюзии.

Профессор Гаванескул начал интересоваться нами и тем, что мы делали.

Начало жизни легионера

Четыре линии отмечали нашу маленькую первоначальную жизнь.

1. Вера в Бога. Мы все верили в Бога. Среди нас не было ни одного атеиста. Чем уже было кольцо, что сжималось вокруг нас, тем в большей степени наши действия соприкасались с Богом и с нашими прадедами. Это придавало нам неподдельную силу и ясное сознание перед лицом всех ударов.

2. Вера в наше дело. Никому из нас нельзя было подать даже самый ничтожный аргумент о возможности победы. Нас было так мало, мы были так молоды, так бедны, нас так ненавидели и преследовали, что любой аргумент, выдернутый из контекста, был против перспектив к победе. И всё же мы шли вперёд, опираясь лишь на веру в наше предназначение, безграничную веру в нашу счастливую звезду, нашу и нашего народа.

3. Наша взаимная любовь. Некоторые из нас были знакомы между собой уже давно, другие же были ещё детьми, студентами I-го или II-го курса, которых мы раньше и не знали. С первых дней между нами установилась атмосфера любви, как будто мы вышли из одной семьи и были знакомы с детства.

Было необходимо внутреннее равновесие, чтобы можно было выстоять.

Внутренняя любовь должна быть той же интенсивности и силы, что и давление тьмы ненависти снаружи. Наша жизнь в этом гнезде не была официальной и холодной, с ди-

станционированием между шефом и солдатом, с театральностью, с риторическими заявлениями и зазнайством руководителя. Наше гнездо было тёплым. Наши взаимоотношения были абсолютно семейными. Сюда входили не как в холодную казарму, а как в родной дом, как в свою семью. Сюда не приходили лишь затем, чтобы получить приказ. Здесь находили луч любви, час душевной тишины, слово поддержки, утешение, помощь в нужде или беде.

От легионера требовалась не столько дисциплина, в смысле казармы, сколько порядочность, верность и тяга к работе.

4. Песня. Возможно, не пойдя по пути разума, с составлением программ, противоречивыми дискуссиями, философской аргументацией, конференциями, единственной возможностью проявления нашего внутреннего состояния была песня. Мы пели те песни, что отражали наши чувства.

«На чёрной скале», песня Стефана Великого, чья мелодия, говорят, сохранилась с его времён, из поколения в поколение. Говорят, что под звуки этой мелодии Стефан триумфально входил в свою крепость Сучава 500 лет назад. Когда мы её пели, то чувствовали, что переживаем те времена румынского величия и славы, погружались на 500 лет в историю и там переживали несколько мгновений в контакте со старыми лучниками и солдатами Стефана и с ним самим.

«Как золотой шар», песня Михаила Смелого, песня Аврама Янку «Пусть снова звучит горн», песня Военного Пехотного Училища 1917 года «Вставайте, солдаты!», сочинённая Ю. Илиешу и Истрати, которую мы сделали гимном Легиона и т.д.

Чтобы петь, нужно особое душевное состояние – гармония в душе. Кто идёт воровать, петь не может. Не может и тот, кто собирается совершить несправедливость, ни тот, чью душу точит страсть и злоба по отношению к товарищу и не тот, у кого душа закрыта для веры.

Поэтому все сегодняшние или будущие легионеры каждый раз, когда вам нужно будет сориентироваться в духе легионера, вернитесь к этим первоначальным линиям, что являются основой нашей жизни. А песня будет вам путеводителем. Если не сможете петь, знайте, что в глубине вашего душевного естества засела болезнь, или что время наложило грехи на вашу чистую душу, и если вы не сможете излечиться, отойдите в сторону, уступите место тем, кто сможет петь.

Ведя жизнь по вышеуказанным линиям, мы с первых дней начали действовать. Назначили руководителей, что получали и отдавали приказы.

Мы не начали каких-то больших действий. По мере появления проблем мы их решали.

Первой акцией было обустройство комнаты в общежитии, где размещалась икона Св. Архангела Михаила. Мы сами побелили эту комнату, вымыли пол. Легионерки начали шить занавески. Затем легионеры записали максимы, собранные мной. Они были взяты из Св. Писания или из других книг. Ими мы украсили стены.

Вот часть из них:

«Господь, что везёт нас в своей колеснице победы»;

«Тот, кто победит... Я буду его Богом»;

«Тот, у кого нет меча, пусть продаст свою одежду и купит его»;

«Боритесь отважно за веру»;

«Остерегайтесь плотоядных желаний, что убивают душу»;

«Будьте бдительны»;

«Не изгоняйте из себя героя»;

«Братья в беде и радости»;

«Кто умеет умирать, никогда не будет рабом»;

«Я жду воскресения мой Родины и уничтожения банды предателей» и др.

В течении недели наш центр был готов.

Вторая мера была другого свойства: наше отношение к внешним неполадкам.

Мы не отвечали. Это было тяжело для всех, это терзало наше моральное естество. Но это было время героизма терпения.

Другая мера: никто не будет никого убеждать вступать в ряды легионеров. Обычай тянуть за рукав и выуживать новых членов мне никогда не нравился. Система была и осталась по сей день противоположной духу легионерства. Мы зафиксируем нашу точку зрения и всё. Кто захочет, придёт. И вступит, если примут.

Но кто приходил? Приходили люди того же душевного естества, что и мы. Много? Очень мало. В Яссах, по прошествии года, нас стало на два или три человека больше. По стране было больше, и они записывались по мере того, как узнавали о нашем существовании.

Всех, кто к нам приходил, отличали две отчётливые черты, что были хорошо видны:

1. большая душевная порядочность;

2. отсутствие личного интереса. У нас нечем было разжиться. Не открывалось ни-

какой заманчивой перспективы. Здесь все могли дать только лишь душу, добро, жизнь, способность любить и доверять;

3. если даже и просачивался к нам непорядочный или заинтересованный, он долго не задерживался. Он не находил здесь благоприятной среды. Выходил автоматически. Через месяц, год, два или три, он отступал, дезертируя или предавая.

Наша программа

Это молодёжное гнездо было началом жизни легионера. Это был краеугольный камень. Его надо было надёжно установить.

Поэтому я не сказал:

– Пойдём, завоюем Румынию! Идите по сёлам и кричите: «Учредилась новая политическая организация, записывайтесь в неё!».

Я не составил новой политической программы, помимо тех десяти, что существовали в Румынии, все «совершенные» в сознании своих авторов и сторонников, и не послал легионеров по сёлам размахивать ей, приказывая людям присоединиться к ней во имя спасения страны.

И с этой точки зрения мы будем фундаментально отличаться от других политических организаций, в том числе от Кузистской. Все думают, что страна погибнет от отсутствия хороших политических программ, поэтому составляют по одной, прекрасно скроенной программе и идут собирать людей. Поэтому все спрашивают:

– Какая у тебя программа?

Эта страна гибнет от отсутствия людей, а не программ. Это наше мнение. Нам нужно не программы творить, а людей, новых людей. Потому что такие, какие они есть сегодня, выращенные политиканством и заражённые иудаизмом, они скомпрометируют самые блестящие программы.

Подобный тип человека, что сегодня живёт в румынской политике, мы уже встречали в истории. Под его правлением гибли нации и разваливались государства.

Самое большое зло, что нам причинили евреи и политиканы, самая большая опасность, что нам угрожает по их вине, состоит не в захвате богатств румынской земли и её недр, ни даже в трагическом исчезновении румынского среднего класса, не в их большом количестве в школах, свободных профессиях и т.д., и даже не в их влиянии на нашу политическую жизнь, хотя каждая в отдельности является смертельной опасностью для народа. Самая большая национальная опасность состоит в том, что они де-

формировали, разрушили нашу расовую дако-римскую структуру, породив этот тип человека, сотворив эту развалину, этого морального заморыша: политика, что уже не имеет ничего общего с благородством нашей расы, который нас позорит и убивает.

Если этот тип человека будет продолжать руководить страной, румынский народ навсегда закроет глаза и Румыния падёт со всеми блестящими программами, которыми «хитрость» дегенерата сумеет замазать глаза несчастным толпам. Из всех зол, что нам принесло еврейское нашествие, это – самое страшное!

Все народы, с которыми мы, румыны, вступили в контакт и с которыми мы воевали, от нашествия варваров и до наших дней, атаковали нас по материальной, физической и политической линиям, оставляя нетронутым наше моральное естество, из которого, рано или поздно, рождалась наша победа над иноземным игом. Даже если их приходило много, даже если они забирали все наши богатства, даже если они господствовали политически.

Это же – первый раз в нашей истории, и поэтому мы чувствуем себя безоружными и оказываемся побеждёнными, когда румыны встречают народ, который не нападает на них с мечом, а использует своё, специфическое для иудейской расы оружие, которым они в первую очередь атакуют и парализуют моральный инстинкт народа, систематически распространяя моральные болезни и тем самым уничтожая любую возможность реакции.

Поэтому краеугольный камень, от которого отталкивался Легион, – это человек, а не политическая программа, реформа человека, а не реформа политической программы. Следовательно, «Легион Архангела Михаила» будет больше школой и армией, нежели политической партией.

Румынский народ в эти дни нуждается не в великом политике, как ошибочно полагают, а в великом воспитателе и руководителе, что победит силы зла и уничтожит шайку злодеев. Но для этого он должен будет для начала победить зло в себе и в своих.

Из этой школы легионера должен выйти новый человек, человек с чертами героя, гигант нашей истории, который должен бороться и побеждать всех врагов Родины, и его борьба и его победа должны продлиться и по ту сторону, против скрытного врага и против сил зла. Всё, что может вообразить наш ум наиболее душевно прекрасного, всё, что может родить наша раса самого гордого, высокого, прямого, сильного, мудрого, чистого, старательного и смелого – вот что нам должна дать школа легионера! Человека,

в котором максимально развиты все возможности человеческого величия, что ниспосланы Богом в кровь нашего народа.

Этот герой, вышедший из школы легионера, сумеет создать программы, сумеет решить еврейскую проблему, сумеет правильно организовать государство, сумеет убедить и других румын, а если нет, он сумеет победить один, ведь на то он и герой. Этот герой, этот легионер отваги, труда, справедливости, с Божьей помощью в душе, приведёт наш народ на путь его величия.

Новая политическая партия, будь она даже кузистской, самое большое, что может дать – правительство и новое правление, тогда как школа легионера сможет дать этой стране новый тип румына. Из неё может выйти что-то великое, какого ещё не было, что разделит надвое нашу историю и положит начало новой румынской истории, на которую наш народ имеет право, по причине своих тысячелетних страданий и терпения, также как своей духовной чистоты и благородства, потому что, может быть, это единственный народ на земле, что за всю свою историю не совершил греха рабовладения, вторжения или попрания прав другого народа.

Мы создадим духовную среду, моральную среду, из которой родится и будет питаться и расти человек-герой.

Эта среда должна быть изолирована от остального мира укреплениями Духа, как можно более высокими. Её надо защищать от всех ветров страстей, что хоронят нации и убивают индивидуумов.

После того как легионер разовьётся в подобной среде, в гнезде, трудовом лагере, в самой организации и семье легионеров, его пошлют в гущу людей: жить, чтобы научиться быть корректным; бороться, чтобы стать сильным и смелым; трудиться, чтобы стать трудолюбивым, любить тех, кто трудится; страдать, чтобы окрепнуть; жертвовать собой, чтобы научиться преодолевать себя, служа своему народу.

Куда бы он не пришёл, он создаст новую среду такого же качества. Он будет примером. Он создаст новых легионеров. И люди, в поисках лучших дней, последуют за ним.

Вновь принятые должны будут жить по тем же нормам жизни легионера.

Все вместе, в одном строю, они станут силой, что будет бороться и побеждать. Это – Легион Архангела Михаила.

Красоты румынской политической жизни

В следующих строках я в нескольких линиях опишу общий аспект нашей общественной жизни, в среде которой и против которой зарождалась организация Архангела Михаила.

Правительство Авереску уже месяц как пало. 7 июля 1927 года пришли либералы. Провели новые выборы. Как всегда, за правительство было большинство. И всё же ему нужно было любыми средствами преодолеть большое народное движение, родившееся вокруг Национально-Цэрэнистской Партии. Бедная масса румынского народа бегала от партии к партии, от обещания к обещанию, связывая с каждой, из-за своей вековой веры, самые чистые надежды, но возвращалась обманутая и несчастная, с развеянными надеждами, то от одного, то от другого. И это будет до тех пор, пока она не поймёт, что попала в руки шайки, которую интересуют лишь добыча и нажива.

Были три больших партии: либеральная, партия генерала Авереску и национально-цэрэнистская. Помимо них были и другие, более мелкие.

В сущности, между ними не было никакого различия. Отличали их лишь формы и личные интересы, та же суть под разной формой. Они не имели даже обоснования различных мнений.

Единственным их настоящим и душевным стержнем была религия личного интереса, поверх любых горестей страны и любого народного чаяния.

Поэтому спектакль политической борьбы был отвратителен. Погоня за деньгами, за общественным положением, за состоянием и удовольствиями, за добычей придавало этим битвам аспект небывалой вражды. Партии принимали вид разбойных банд, что враждовали, пожирали друг друга и воевали между собой.

Лишь борьба за свой народ или любой идеал, что стоит над интересом, эгоизмом и личными желаниями, может быть доброй, достойной, благородной и бесстрашной. В ней может быть преувеличение, но не низменная и слепая страсть.

Аспект вражды и низости этой борьбы мог быть достаточным доказательством, что она велась не ради высокого и святого идеала и не ради принципов, а на самом гнусном дне самых бесстыдных личных интересов.

Жизнь политиков проходит в роскоши и скандальных развлечениях, в самой отвратительной аморальности, на иждивении страны, всё более деморализованной. Кто ещё будет заботиться о её нуждах?

Этим политикам, с их семьями и агентами, нужны деньги. Деньги для развлечений, для содержания своих людей, деньги для покупки голосов, деньги, чтобы купить чело-

веческое мнение. Раз за разом их банды будут грабить страну. Это в конечном итоге и будет значить их правление. Они истощат бюджет страны и местные бюджеты.

Они как клещи вцепятся в административные советы всех предприятий, откуда будут получать тантъемы в десятки миллионов, без какого-либо труда, из пота и крови измученного рабочего. Их включат в советы евреев-банкиров, откуда они будут получать векселя на новые миллионы, как плату за то, что продали свой народ.

Они проведут скандальные аферы, от которых люди ужаснутся. Коррупция разползётся по общественной жизни страны как язва, от самого захудалого служащего до министра. Будут продаваться лобому. Любой, у кого есть деньги, сможет их купить, этих министров, а через них и всю страну.

Поэтому, когда истощённая страна не сможет больше давать им деньги, они уступят консорциумам зарубежных банкиров, раз за разом, богатства страны, а с ними нашу национальную независимость.

Настоящее изобилие «деловых» людей как саваном накроет всю Румынию, они не будут работать, не будут ничего производить, а лишь тянуть соки из нашей страны.

Это и есть политиканство.

А внизу распространятся: нищета, деморализация и отчаяние. Дети будут умирать тысячами, скошенные болезнями и нищетой, а этим подрывается способность сопротивления народа к борьбе, которую он ведёт один против евреев – народа, организованного и поддерживаемого отчуждённым политиканством и всем государственным аппаратом.

Те несколько честных людей, несколько десятков, среди которых могут быть даже партийные руководители, уже не смогут ничего сделать. Они станут жалкими марионетками в руках еврейской прессы, еврейских или иностранных банкиров и своих собственных политиков.

Это издевательство, эта деморализация, эта инфекция будут шаг за шагом поддерживаться всей еврейской фалангой, заинтересованной в нашем уничтожении, чтобы занять наше место в этой стране и украсть наши богатства. Через свою прессу, что узурпировала роль румынской прессы, через сотни грязных листов, через аморальную и атеистическую литературу, через кино и театры, что провоцируют разврат, через банки евреи стали хозяевами в нашей стране.

Кто сможет им противостоять? Сегодня, когда они готовят катастрофу и их появление есть признак нашей национальной смерти, кто встанет у них на пути?

Национальное движение ныне повержено.

На последних выборах Лига потеряла 70 000 голосов, собрав всего лишь 50 000, менее 2% по стране. Из десяти вчерашних парламентариев сегодня не осталось ни одного.

Должен настать день, когда легионер сумеет встать лицом к лицу с этим монстром и схватиться с ним не на жизнь, а на смерть. Он, один.

Мысли наедине с этим миром

Наше маленькое число, по отношению к гигантской мощи этих господствующих сил, заставляло нас часто задаваться вопросами типа:

А если нас поставят вне закона? Если эти гидры поймут, что мы им готовим, они воздвигнут преграды на нашем пути и постараются нас уничтожить.

Их взгляд устремлён на нас. Они могут нас провоцировать. Один раз мы уже начали, тихие и молчаливые в Унгенах, и были спровоцированы, и они довели нас до края пропасти вместе с нашими планами.

Что делать, если это повторится? Снова вынуть пистолеты и стрелять, чтобы наши кости сгнили в тюрьме, а наши планы рухнули? Перед этими перспективами, что открывались перед нами, в нашем мозгу созрел план отступления в горы, туда, где румын принимал бой со всеми вражескими ордами. Горы издавна связаны с нами, с нашей жизнью. Они нас знают. Чем наши тела иссохнут и кровь истощится в венах, в страшных и грустных тюрьмах, лучше закончить свою жизнь в горах, умерев за свою веру.

Следовательно, мы отвергли унижение снова увидеть себя в кандалах.

Мы атакуем оттуда, разоряя все еврейские осиные гнёзда. Наверху мы будем защищать жизнь деревьев и горы от опустошения. А внизу мы будем распространять смерть и милость.

Они пошлют за нами, чтобы нас поймали и убили. Мы убежим, спрячемся, будем бороться, а в конце, разумеется, нас убьют. Ведь нас мало, а преследовать нас будут батальонами и полками. Тогда мы примем смерть. Прольётся вся наша кровь.

Это будет наше самое большое обращение к румынскому народу, и последнее.

Я позвал Моту, Гырняту, К. Жеоржеску и Р. Мироновича и поделился с ними этими мыслями. Надо было думать и о хороших днях и о плохих. Надо было иметь решимость и быть готовыми ко всему. Ничто не должно было заставить нас врасплох. Мы пойдём по пути законов страны, не провоцируя, избегая любой провокации, не отвечая ни на одну из них. Но когда не сможем больше терпеть, или когда перед нами встанут непреодолимые препятствия, наша дорога поведёт нас в горы. Не хорошо будет, если мы начнём народное восстание, так как его подавят пушками, и мы посеём вокруг лишь несчастье и горе. Надо, напротив, работать одним, в узком кругу, и лишь под свою полную ответственность.

Все согласились.

– Не может быть, – говорили они, – чтобы наша кровь, кровь двадцати молодых людей, не искупила грехи нашего народа, чтобы эта наша жертва не была понята румынами, не потрясла их души и сознание, и чтобы она не стала отправной точкой для румынского возрождения.

Наша смерть в таком виде смогла бы принести больше пользы, чем все наши напрасные усилия всей нашей жизни. Но и политики, что нас убьют, не останутся безнаказанными.

Есть другие из наших рядов, что отомстят за нас. Не будучи в состоянии победить при жизни, мы победим через смерть.

Вот так мы и жили, с мыслью и решением о смерти. У нас было верное решение для любых обстоятельств. Оно нам придавало спокойствие и силу. Оно заставит нас улыбаться перед лицом любого врага и любых попыток нас уничтожить.

Этапы развития Легиона

24 июня мы родились. Несколько дней спустя мы организовали свой центр. Теперь мы чувствовали необходимость своего издания для расширения сферы влияния, чтобы сформулировать наши жизненные нормы и чтобы направлять наши действия.

– Как его назвать?

– «Новое Поколение».

Мне не понравилось. Это определение. Оно определяет нас по отношению к другому поколению. Но этого недостаточно.

– «Земля Прадедов».

– Пусть так и будет.

Оно нас вонзает в землю родины. В землю, где спят наши прадеды, землю, что надо

защищать. Это название опускало нас в глубины, в неизведанные миры. Оно будет больше чем определение, оно будет постоянным призывом. Призывом к борьбе. Зовом к отваге. Всколыхнёт боевые качества нашей расы.

Помимо вышесказанного, это название бороздит ещё одну линию в душевной структуре легионера: отвагу. Без этого человек неполноценен. Потому что, будь он лишь честным, воспитанным, любящим, верным, старательным, но не будь он отважным, чтобы бороться с несправедливыми, неверными, ненавидящими врагами, он погибнет, поглощённый ими.

Вот мы и зафиксировали границы нашего движения. Один его конец мы воткнули в землю страны, другим дотянулись до неба: Архангел Михаил и Земля Прадедов.

Но издание стоит денег, а у нас их не было. Что делать? Написали отцу Моты, с просьбой издавать нас в кредит в старой типографии «Либертата» в Орэштие. Мы получили положительный ответ. Отец будет издавать нашу газету, а мы будем рассчитываться деньгами от абонементов и продаж.

Первого августа 1927 года появился № 1 «Земли Прадедов» в формате двухнедельного журнала, имея по центру обложки икону Св. Архангела Михаила. На левой стороне иконы были написаны те слова, что были и на иконе Св. Архангела Михаила в Церкви Венчания в Алба-Юлия:

«К нечестивым сердцам, что входят в пречистый дом Божий, Я без сострадания протягиваю меч свой».

А с правой стороны строка из стихотворения Кошбука «Децебал к народу».

Пусть даже из Богов мы снизошли,
Смерть одну мы все принять должны
Не всё ль равно как мы умрём,
Отроком иль стариком?
Но не едино: умереть ли львом,
Или посаженным на цепи псом

Ниже – карта румынской земли, на которой чёрным пунктиром показаны границы еврейского нашествия.

Содержание первого номера «Земли Прадедов»

Первая статья, озаглавленная «Земля Прадедов», освещала положение национального движения после конфликта в Лиге и пыталась аргументировать нашу линию. Она заканчивалась призывом: «Лицом к врагу!» Подписана: Корнелиу З. Кодряну, И. Мота, И. Гырнята, К. Жеоржеску, Р. Миронович.

Вторая статья подписана мной. Она озаглавлена «Ваш час настал, приходите!» Это продолжение мыслей из первой статьи.

Третья подписана И. Савой, молодым и талантливым борцом, участником многих битв студенческого движения, присоединившегося к нашей группе без того, чтобы стать легионером. Название: «Результаты выборов».

Затем следуют несколько слов, полных боли, по случаю смерти Короля Фердинанда, что скончался этими днями. Над фотографией в траурной рамке заглавие «Нашему Королю».

Следует статья Моты: «У иконы».

«Мы начали свой путь от Иконы и Алтаря, затем мы некоторое время блуждали, гонимые человеческими волнами, но так и не пристали ни к одному из берегов, несмотря на чистоту наших помыслов. Сейчас, с тяжёлой душой, искромсанные и раскиданные, мы собираемся в убежище, у единственного нашего тепла и успокоения, крепости и отдыха, что вернёт нам силы, у ног Иисуса, на пороге ослепительного небесного сияния, у Иконы. Мы не занимаемся и не занимались политикой ни одного дня нашей жизни. У нас есть религия, мы рабы веры. В её огне мы сгораем, и полностью ею поглощённые, служим ей до последней возможности. Для нас не существует поражения и разоружения, потому что сила, чьим оружием мы хотим быть, непобедима во веки веков.

Мы не можем пока обсуждать в подробностях мотивы падения системы, что была до сих пор. Скажем лишь одно: в эти мгновения зарождения нового всё должно быть ясным и решительным, для того, чтобы утвердить новую зарождающуюся систему:

Свет из света...»

Далее в статье говорится о новой организации, и заканчивается она манифестацией веры в победу.

Из статьи К. Жеоржеску «Зажгите факел веры!», из № 2.

«В древней истории говорится, что когда-то Боги подвергли суровому испытанию Элладу за её грехи. Из пустынь Азии огромное войско обрушилось, как вихрь, на её край, опустошая поля, разрушая города, алтари и поражая её войско, хоть и смелое, но малочисленное для того чтобы оказать успешное сопротивление. Не встречая больше сопротивления, победители проникли аж до сердца Греции, в Дельфы, там, где находился самый известный храм Аполлона. Жрецы храма дрожали от боязни, что вскоре враги

войдут в храм и осквернят священный алтарь. Верховный жрец был единственным, кто не боялся и, преисполненный веры в священную силу, он сказал своим товарищам: «Не бойтесь, Богу не нужны войска, он нас защитит сам!»

И верховный жрец начал молиться вместе с другими жрецами, и их молитва совершила чудо. Как только самоуверенные войска персов приблизились к храму на расстояние броска камня, гора Парнас вздрогнула и покатила вниз огромные валуны, уничтожив вражеское войско. Громы небесные довершили дело, и от некогда могущественной армии остались лишь вестники небесного чуда.

Воины! Зажгите вновь в душах факел веры, чтобы победа и успех были нашими!»

Затем следовало письмо Р. Мироновича к одному из братьев, в селе которого он, увидев впавших в уныние, говорит:

«Мы имеем право быть огорченными, испытывать боль, но одного права у нас нет – потерять отвагу и опустить оружие».

Затем он объясняет ему раскол Лиги и учреждение Легиона следующим образом:

«Наш дом, который мы построили нашим трудом, и что служил нам кровом, сгорел...

Сегодня ещё остались чёрные закопчённые стены, как горькое воспоминание о старом доме. Что ты хочешь, чтобы мы сейчас сделали? Восстали против Бога? Это невозможно, – Бог дал, Бог взял, и будь благословенно имя Его!

Стоять с опущенными руками, чтобы умереть в грязи, холоде, под дождём и ветром? Нет! С верой в Бога приступить к работе и шаг за шагом возвести новый дом, что будет в два раза лучше. Вот это и есть Легион, в фундамент которого мы заложили первый камень».

Следует статья Гырняты:

«Разлад между братьями – радость для врага».

«С сердцем, преисполненным боли, берусь за перо и разделяю с другими муку беспокойных мыслей, что охватила нас перед лицом потрясений последнего времени...

Ссора между братьями, разлад между руководителями сегодня стали слишком яв-

ными, чтобы их можно было скрыть. Их последствия таковы, что обескуражат многих, а обескураженность тех, что вложили частицу души и столько надежд в эту организацию, есть безусловно шаг назад, шаг к поражению.

Это столь явно потому, что никогда в истории разлад не приводил ни к чему, кроме несчастья и катастрофе.

Мы сумеем также пойти уверенно по дороге, которую выбрали семь лет назад. Наши тела, привыкшие к жестокости тюремных дней, будут прекрасно себя чувствовать в траншеях на позициях перед врагом.

Пусть жиды, что сегодня радуются, думая, что настал час их господства, узнают, что в этой стране есть уголок, откуда день и ночь гвардия бдительно следит за врагом».

Номер заканчивается некоторой информацией и статьёй инженера Г. Климе, бывшим вице-председателем ЛНХЗ Молдовы: «Сны, Надежды, Реальность», из которой я привожу финальную часть:

«Что нам нужно для достижения этой цели?

Боевая армия, руководимая грамотным командиром, окружённым верными помощниками. В этом вопросе, в том, что касается меня, хоть я уже в возрасте, я следую за группой Корнелия Э. Кодряну, И. Моты и др.

Разумеется, нужно содействие многих, кто сегодня находится в разных деморализованных лагерях.

В этом смысле, если есть кто-то, в каком-нибудь уголке Румынии, кто начал запись в какой-либо список, разрешённый или нет, пусть запишет и меня в этот список, вместе с тем, что я могу дать: жизнь».

«Земля Прадедов» № 2

Вышла в свет 15 августа. В первой статье, озаглавленной «Легион Архангела Михаила», я пытаюсь сформулировать первоначальные этические нормы жизни легионера, которые мы будем строго соблюдать, утверждать, и вокруг которых соберутся все, кто их ценит. Любой, кто придёт и кто вырастет среди нас, должен будет расти с уважением к ним.

Привожу из этой статьи-устава идеи в том порядке, в котором я их тогда записал:

Первая идея: Душевная чистота.

Вторая: Бескорыстная борьба.

Третья: Порыв.

Четвёртая (в одной фразе): Вера, труд, порядок, иерархия, дисциплина.

В следующей фразе пятая идея: Легион будет стимулировать моральную энергию и силу народа, без которой никогда не может существовать победа.

Шестая: Справедливость (Легион – школа справедливости и энергии, что её установит).

Седьмая: Дело, а не слова! Делай, а не болтай.

Восьмая: Целью этой школы является новая Румыния и долгожданное возрождение румынского народа, конечная цель всех наших усилий, боли и жертв, что мы приносим.

Хочу остановиться на некоторых из них.

Бескорыстная борьба

Победа над личным интересом – это одно из фундаментальных достоинств legionера. Она находится в полной противоположности с линией политика, чьим единственным побудительным мотивом к действию является лишь личный интерес со всеми его дегенеративными производными (желание разбогатеть, роскошь, разврат и высокомерие).

Поэтому, дорогие соратники, отныне и пока будет существовать Легион, знайте, – там, где вы увидите, что появился либо в душе какого-либо борца, либо в вашей собственной душе, оскал этого личного интереса, там перестал существовать Легион. Там заканчивается legionер и начинает показывать клыки политикан.

Посмотрите в глаза тому, кто придёт, и если в них вы заметите проблеск личного интереса (будь то материальный, амбиция, страсть, высокомерие), знайте, что он не может стать legionером.

Недостаточно надеть зелёную рубашку и приветствовать, чтобы стать legionером. Недостаточно даже «рациональное» понимание движения, но только подчинение жизни нормам жизни legionера. Потому что Легион не является лишь логической системой, чередой аргументов, а «существованием», также как кто-либо не может быть христианином, если «знает» и «понимает» Евангелие, но лишь если подчиняет свою жизнь тем нормам, что в нём указаны, если он ими «живёт».

Дисциплина и Любовь

Вся социальная история человечества наполнена борьбой, имея как базу два основополагающих принципа, противоборствующих между собой: принцип власти и принцип свободы.

Принцип власти (авторитарности) пытался расширяться за счет свободы, а свобода, в свою очередь, старалась по возможности больше ограничивать силу власти. Эти две силы, стоящие лицом к лицу, не могут означать ничего, кроме конфликта.

Ориентировать движение по одному из этих принципов, значит продолжать историческую линию волнений и социального противоборства. Это значит продолжать либо линию тирании, либо линию бунта, крови и постоянного конфликта.

Поэтому желаю привлечь внимание всех легионеров, особенно вновь принятых, чтобы они по ошибке не отошли от линии движения. Я заметил, что часто, как только легионера повышают в звании, он всем существом начинает давить на «авторитет», отрываясь от всего, что связывало его с товарищами до этого, и чувствует себя обязанным «утвердиться, используя авторитаризм».

Движение легионеров не основывается полностью ни на принципе власти, ни на принципе свободы. Оно основывается в первую очередь на принципе Любви. В неё уходят корнями и власть, и свобода.

Любовь не может принести ни тиранию, ни угнетение, ни несправедливость, ни кровавый бунт, ни социальный конфликт. Существует лицемерная концепция принципа Любви, практикуемая тиранами и евреями, что постоянно и систематически призывают к чувству Любви, чтобы под его прикрытием беспрепятственно ненавидеть и угнетать.

Практика Любви означает мир в душах, в обществе и в мире. Мир не предстаёт больше как жалкое выражение механического и холодного равновесия между двумя принципами: власти и свободы, обречённых на вечный конфликт, то есть к возможности равновесия. Мир не может быть дан законом, а только добротой и Любовью, потому что закон очень трудно реализовать интегрально, и если даже найти аппарат, что смог бы сделать это, несовершенен человек, который не сможет этого понять и оценить, который будет вечным недовольным.

Любовь – это ключ к миру, который Спаситель подарил всем народам на земле. В конце концов они убедятся, после блуждания, поиска и изучения всего, что кроме Любви, которую Бог посадил в души людей, как синтез всех черт человека, и которую Он послал через самого Спасителя Иисуса Христа, что поставил её над всеми добродетелями, не существует ничего, что смогло бы дать нам мир и покой.

Всё остальное пристекает из Любви: и вера, и труд, и порядок, и дисциплина.

Как замечательно и мудро говорит Апостол Павел:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а Любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал гремящий.

Если имею дар пророчества и знаю все тайны, имею всякое познание и всю веру, так, что могу и горы переставлять, а Любви не имею, то я – ничто.

Если я раздам всё имущество моё и отдам тело моё на сожжение, а Любви не имею, – нет мне в том никакой пользы.

Любовь долго терпит, милосердствует, Любовь не завидует, Любовь не превозносится, не гордится.

Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла.

Не радуется неправде, а порадуется истине.

Всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё переносит.

Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1-е Коринфянам 13, 1-8).

Отсюда начинается наше движение. Я не знаю, как призвать вас ещё больше культивировать Любовь и среди тех, кто в подчинении, и среди тех, кто отдаёт приказы. Она предоставит вам негаданные и бесконечные решения тяжёлых проблем, что появятся. Там, где нет Любви, нет и жизни легионера. Посмотрите внимательно на эту жизнь и поймите, что связывает нас, всех нас, воедино, и больших и малых, бедных и богатых, молодых и старых.

Но Любовь не отменяет обязанности быть дисциплинированным, также как обязанности работать или быть опрятным.

Дисциплина – это наше ограничение, либо для того, чтобы соответствовать определённым этическим нормам, либо чтобы подчиняться приказам старших.

В первом случае мы её практикуем, чтобы подняться на жизненные высоты, во втором, чтобы добиться успеха в борьбе с природой или врагами.

Могут быть сто человек, что любят друг друга как братья. Но в случае какой-нибудь акции у них могут быть различные мнения. Сто мнений не победят никогда. Любовь сама по себе не сделает их победителями. Нужна дисциплина. Для того, чтобы победить, они должны все усвоить лишь одно мнение, мнение самого опытного из них – шефа.

Дисциплина – залог успеха, потому что она обеспечивает единство усилия.

Существуют трудности, которые лишь народ, полностью сплочённый, подчинённый единому приказу, сможет преодолеть. Кто тот недоумок, который в подобной ситуации откажется сплотиться со всеми своими, подчиняясь единой команде, мотивируя это тем, что дисциплина умаляет его индивидуальность?

В тех случаях, когда твой народ под угрозой и положение вещей заставляет тебя калечить своё тело, отдавать жизнь, разрушать семью, подвергать опасности будущее детей, отказываться от всего, что у тебя есть на этой земле, чтобы её спасти, по меньшей мере, смешно говорить об «умалении индивидуальности».

Дисциплина не унижает, потому что делает тебя победителем. И если нельзя добиться победы без жертв, то дисциплина – это самая маленькая жертва, которую человек может принести для победы своего народа.

Если дисциплина есть ограничение, жертва, она никого не унижает. Потому что любящая жертва возвышает, а не опускает.

И так как нашему народу на своём пути нужно преодолеть огромные трудности, каждый румын должен пройти школу дисциплины с радостью, с сознанием того, что этим он способствует завтрашней победе.

Не существует победы без единства, без дисциплины. Поэтому наш народ должен осуждать и считать как враждебное действие любое отклонение от школы дисциплины, как что-то, что ставит под угрозу его победы и жизнь.

Борьба за выживание журнала

Борьба за обеспечение журнала – это второй этап в развитии движения легионеров. Не имея денег, наши усилия приняли аспект настоящей битвы. «Битвой» назвали её с первого мгновения.

Мы использовали две системы:

1. Сосредоточение всех усилий одновременно, над одной целью.
2. Стимулирование борцов во время битвы путём цитирования и присуждения отличий.

Эту систему вы встретите на протяжении всей легионерской жизни.

Она содержит следующие преимущества:

- a. Быстрая реализация намеченной цели;
- b. Отлаживание совместных действий и дисциплинированных усилий всех борцов;
- c. Пробуждение осознания собственной силы, веры в себя и свои силы. Память об экономических поражениях, особенно о неудачных попытках, сделало румынский народ безропотным, несмелым, недоверчивым. Нам надо пробудить в нём веру в себя путём замены болезненных воспоминаний на традицию побед в его попытках.

И, в конце концов, через стимулирование борцов мы сможем добиться селекции тех, кто работает с рвением, с жадной к работе, элиту борцов.

Через газету мы призвали всех наших друзей, чтобы в промежутки между 1 сентября и 15 октября начать наступление, всем вместе собрать как можно больше абонементов.

Как следствие призыва, началась настоящая муравьиная работа. В ней одинаково участвовали старики, молодые, крестьяне и интеллектуалы. Некоторые нашли подписчиков – 45 абонементов (К. Илиною).

В номере от 1 ноября 1927 года мы объявили результаты этой первой Битвы. Вот что мы тогда написали:

«15 октября, в 6 часов вечера, число подписчиков достигло 2 586. Легион благодарит тех, кто работал для достижения его первой победы».

В журнале были перечислены все те, кто принимал участие в этой борьбе. В первую очередь принесли слова благодарности отцу Моты, что сделал нам хорошую пропаганду через «Либертатя».

Здесь я привожу имена всех, так, как они были опубликованы в «Земле Прадедов». Некоторые из них не стали легионерами, а некоторых нет уже среди нас, но они ушли с верой в легионеров в душе.

Я привожу их имена, потому что они были верующими первого поколения. Они расположены в том порядке, в котором отличились.

Монахиня Памфилия Чолак (Варатик), О. Негут (Фокшаны), архимандрит Атанасия Попеску (Бельцы), иеромонах Исхие Артохи (Нямц), М. Танасаке, В. Силаги, И. Бордеяну, Р. Миронович, капитан В. Тукей (Ивешты), К. Илиною (Яссы), Н. Гроссу (Ботошаны), И. Минодора (Хуш), Г. Валач (Мовилица-Путна), Андрей К. Ионеску (Бырлад), С. Печели (Галац), инженер М. Ицу (Бухарест), инженер Г. Климе (Яссы), Ион Т. Баня (Сибиу), И. Гырнята (Яссы), Т. Николае (Яссы), К. Александру (Гэурь-Путна), Д. Кодряну (Хуш), М. Маринеску (Галац), Т. Лелеску (Пятра Нямц), С. Ерхан (Кымпулунг-Буковина), Н. Текэу (Америка), Е. Петку (Васлуй), доктор С. Дивитари (Текуч), И. Плеша (Оргеев), Р. И. Морариу (Сурайф-Путна), Н. Г. Рэилиану (Оргеев), К. Траян (Фокшаны), М. Митя (Северин), И. Чобэницэ (Бухарест), Кэрэушу (Бойнешты), Т. Няга (Оргеев), З. Бардас (Тырнава-Маре), И. Бланару (Фокшаны), Ю. Стэнеску (Моршаны-Долж), К. Жеоржеску (Пояна-Сибиулуй), Ф. Анастасеску (Бухарест), Д. Ифрим (Яссы), И. Дурак (Пятра Нямц), Г. Пэкуруару (Бухарест), профессор И. Мокану (Турда), М. Попп (Клуж), Н. Войня (Планчиу), Н.В. Мунчеляну (Роман), Г. Берчиу (Вама), К.К. Баса (Кормэнешты), А. Плешояну (Северин), Е. Еремею (Нэсэуд).

Из тех, кто принял первый бой, через 8 лет констатируем следующее:

Четверо нас покинули, не будучи в состоянии нас понять, даже атаковали нас.

Восемь через год или два больше не подавали признаков жизни.

Двадцать два достигли самых высоких званий, став командующими легионеров, заместителями командующего, сенаторами.

Семь стали легионерами и людьми несокрушимой воли, преодолев все гонения.

Восемнадцать остались нашими друзьями, помогая нам и по сей день.

Как следствие этой битвы, журнал «Земля Прадедов» был обеспечен на год.

Другие имена, запомнившиеся из первых номеров журнала

В. Стате, коммерсант, К. Василиу, пенсионер (Аджуд), Г. Опря (С.-Николай Маре), И. Шкиопу (Прундул Бырладулуй), адвокат П. Будеску (Банат), А. Грейтер, М. Штефэнеску, И. Думитру, И. Берлински (Ежешты-Буковина), Е. Брату, М. Лефтер (Галац), И. Демиан (Турда), Попеску (Васлуй), К. Теодореску, А. Игнат, Иванович, А. Брынзей, С. Робота (Дорна), Б. Бочичану (Хуш), братья Балан (Совежа), К. Георгиу, капитан Шиану, Г. Постолаке, Г. Деспа (Дорна), Л. Козан (Дорна), Кришан, инженер К. Гроссу, В. Кирулеску, Н. Йордаке, Ион и Александр Бутнару, Адриану и Теодороа Ешану, В. Стан, профессор Рэзмерицэ, Коэчиунеску (Фокшаны), И. Белжя, Г. Стефаниу, Г. Антонеску, П. Статаке, О. Павелеску (Фокшаны), Г. Потоля (Берешты), И. Г. Теодосиу, М. Марку, Г. Марку (Галац), Д. Тарновски, С. Тоня, инженер Стоичою, полковник П. Камбуряну, А.Х. Поп (Лудош), Ш. Николау, И. Константинеску, Е. Ионеску, М. Чидимделеон, Г. Аманчэй, К. Тирон, Ю. Игнат, А. Георгиу (Рымнику-Сэрат), Д. Бундук, В. Дэниеляну, К. Урсеску, В. Тымпэу, К. Миерла, О. Дэниеляну, Ш. Мьнзат, полковник Глезу, Е. Чудин, монахиня З. Ракиш, Г. Лича, А. Драгой (Галац), профессор М. Кориолан.

Я привёл эти имена, наиболее часто встречаемые, не для того, чтобы удовлетворить любопытство читателей, а потому что людей, которые сделали нам добро, особенно в начале пути, никогда не надо забывать.

Некоторые из них ушли, другие поднялись как борцы, преодолевая все трудности и по сегодняшний день.

У меня не будет возможности на протяжении книги рассказать о многих из них, поэтому я спешу упомянуть о них сейчас.

Как рассматривалась наша деятельность

С первых дней нас радовала иудео-масонско-политиканская ненависть. Но были и люди, что принимали нас в своём доме как луч надежды.

Вот несколько писем, опубликованных в первых номерах «Земли Прадедов»:

«Я не буду пытаться в нескончаемых выражениях проявлять свою радость по поводу выхода журнала. Мы его встречаем со старым выражением: Бог в помощь! И я не буду выделять в этих строках последние события, скажу лишь: в путь, вперёд, только вперёд, новые люди. Да здравствует дружина Архангела Михаила! Шайка злодеев пусть провалится в темноту Вельзевула!

Архангел Михаил должен будет ударить без сомнения и жалости. Вот принцип действия, объявленный через журнал «Земля Прадедов».

На голос Архангела не может прийти ни Сатана, ни его слуги, но пусть и не надеются, что смогут обмануть видимостью. Предателям наказание более суровое, чем врагам.

Никакого снисхождения, пусть ни у кого не отсутствует зрелость мышления в решительный час. Я заканчиваю свои строки с пожеланием увидеть победу. На час раньше; великую победу.

Полковник Блезу»

«Яркое солнце свастики и на этот раз не замедлило выволочить нас из хаоса. Из её благодатного света, для нашего спасения, вышел Легион Архангела Михаила. Отныне румынская душа снова согрета верой, что это святое движение не погибнет.

Национальная идея позовёт нас к победе.

Те, кто не поймут, падут. Я рядом с вами.

М. И. Лефтер, адвокат

Председать ЛНХЗ, Галац».

«Вы – надежда нашего завтрашнего дня. Наше будущее и будущее наших детей мы кладем к вашим ногам. Все ждут сильной организации, и все жаждут борьбы.

Когда я это говорю, я говорю не только о том, что чувствую сам, а и то, что вижу у многих других.

К. Н. Пэдуару,
Сельский бухгалтер, Руптура-Роман».

«Вижу и чувствую, как снова оживают румынские сердца. Сейчас победа, – не надеюсь, а верю, – будет за нами.

И. Баня, студент, Вурпар-Сибиу».

«Считаю своим долгом студента передать вам привет от себя и своих друзей из Кымпия Жиулуй за вашу решимость и энергию, что вы проявили в начатой борьбе.

Ю. Г. Стэнеску, студент».

«Мы, румыны из села Вулканы, что являемся рабочими в Сочиятатя Петрошань, несём и сегодня на себе ярмо, живя в Великой Румынии, со стороны функционеров из Сочиятатя, потому что они все – иностранцы.

Я, Аугустин Игна, болею туберкулёзом, болезнью лёгких. Работал шахтёром, а сейчас из-за болезни не могу работать под землёй.

Я написал прошение, чтобы мне предоставили более лёгкую работу на поверхности, не в шахте – там я погибну за несколько недель. Они его не приняли. Жалуюсь вам, больше некому.

Аугустин Игна».

«Задержите мой экземпляр журнала по адресу: Аксенте Поянар, шахтёр, Кыртежу де Сус (мы его не задержали – К.К.), потому что у меня нет столько денег, что бы подписаться минимум на три месяца, а отослать его обратно мне жалко.

Теперь разрешите мне коротко объяснить, почему у меня нет денег. У нас осень. Все

ей радуются, потому что приходит урожай за целый год, лишь мы, несчастные шахтёры, не радуемся, так как грядёт зима, а у нас нет ни одежды, ни обуви. Нет их и у наших бедных детишек, которых надо отправлять в школу. Что остаётся у нас после куска хлеба, тратим на это.

А. Поенар, шахтёр».

«Дорогие и любимые дети нашего народа!

Хотя моя жизнь клонится к закату, всё же в моей душе вспыхивает луч надежды на возрождение нашей любимой страны, видя ваше святое и чистое движение – Легион Великого Небесного Воеводы Архангела Михаила. Мне очень грустно от того, что я не увижу, как расцветёт наш народ и вкусит плодов своего труда, политых холодным потом и, может быть, кровью тех, кому господь предназначал стать мучениками, тех, кто есть и будут для выполнения великого плана, что создаётся с такой горечью. Уже достаточно поздно. Эпидемия распространяется, могила нам роется, могильщики стоят наготове, а мы, румыны, большие и малые, колеблемся, торгуемся и ругаемся из-за амбиций, пустой славы и преходящих богатств.

Я молчу, потому что глуп. Ты молчишь, потому что хитёр, он молчит, потому что впрягся в политическую партию. Они молчат, потому что у власти и вот так молчим мы все. Тьма гибели охватывает нас час за часом и факел нашего народа гаснет.

Я, бедный крестьянин, пахарь, но владею пером как мотыгой или косой. Я помогу деньгами, пером, словом и делом и прошу вас дать мне уголок в нашем журнале «Земля Прадедов».

Я буду писать о следующем: находимся ли мы, румыны, на пороге гибели или нет? И ради чего?

И кто виноват?

Что служит почвой для обвинения?

Что делается и что надо сделать?

Что должен знать и делать каждый румын?

В. И. Онофрей, пахарь

С. Тунгужей, Васлуй».

Неформально

Впрочем, весь журнал «Земля Прадедов» полон подобными письмами: лепта ру-

мын в создание Легиона, что является большим, чем организация с членами, регистрами, шефами. Это состояние души, единство чувства и переживания, которому мы все сподобствуем. Члены, шефы, число, униформа, программы и т.д. – это видимый Легион. Другой же, невидимый, – самый важный. Видимый Легион, лишённый невидимого, то есть того состояния души, жизни, – не значит ничего. Это голая форма без содержания.

Мы не встали с нашим журналом, как профессор за кафедрой, воздвигнув барьер между нами, «шефами», «учителями», что писали в газете поучения и нормы, и толпой, что не имеет другого занятия, кроме как изучать наши поучения и соответствовать им; с одной стороны мы, с другой – они. Нет. Создать Легион – не значит сшить униформу, не значит выработать систему организации. Не значит, даже, сформулировать его легислацию, нормы руководства, логически распределив тексты на бумаге. Создать человека не значит сшить ему одежду, зафиксировать нормы поведения или определить программу действий.

Движение не значит устав, программа, доктрина. Они могут быть легислатурой движения. Могут определять его цель, систему организации, средства действий и т.д., но не само движение.

Это истины, которые люди, даже учёные, путают.

Создать лишь «Устав», «Программу» и т.д., и думать, что создал «Движение» – это всё равно что, желая создать человека, лишь сшить ему одежду.

Создать движение, – значит в первую очередь создать состояние души, что не находится в разуме, а в душе людей.

Это суть движения легионеров.

Это состояние духа не создал я. Оно родилось из нашего общего вклада в это состояние и вклада всех остальных румын. Журнал «Земля Прадедов» был местом встречи, братанием чувств, и позже, наших мыслей с чувствами и мыслями тех румын, что чувствовали как мы и думали так же.

Следовательно, Легион, в своей сути, в том невидимом состоянии Духа, но которое мы все ощущаем, не был создан мной.

Это результат совместной работы.

Он родился из слияния следующих элементов:

1. Наш вклад чувства;
2. Вклад чувства других румын;
3. Присутствие в общем сознании всех, кто погиб за наш народ;
4. Призыв родной земли;
5. Благословение Божье.

Я бы не хотел, чтобы кто-то когда-то неправильно истолковал, сказав: я не из этих легионеров в форме, я легионер в душе.

Это невозможно.

На этом духовном фундаменте создаётся доктрина, программа, устав, униформа, действия, всё вместе, не как дополнение, а как элементы, что фиксируют духовное содержание движения, придавая ему единую форму, сохраняя его в сознании людей и ведя его к свершениям и победе. Движение легионеров значит всё вместе.

Униформа, появившаяся во всех современных движениях: фашизм (чёрная рубашка), национал-социализм (коричневая рубашка) и т.д. не родилась из воображения руководителей. Она родилась из необходимости выражения этого состояния души, выражения единства духа. Она видимое лицо невидимой сути.

Национальное движение и диктатура

Каждый раз, говоря о национальном движении, систематически вменяют ему в вину установление власти диктатуры.

Я не хочу в этом параграфе критиковать диктатуру, а хочу показать, что европейские движения «фашизм», «национал-социализм», «движение легионеров» не являются ни диктатурами, ни демократиями.

Те, кто нам противостоит, кричат: «Долой фашистскую диктатуру!», «Боритесь против диктатуры!», «Берегитесь диктатуры!». Но они бьют не в нас. Они стреляют рядом, максимум в знаменитую «диктатуру пролетариата».

Диктатура предполагает волю одного человека, навязанную силой воли других людей одному государству, то есть две воли: диктатора или группы людей с одной стороны и народа с другой.

Когда эта воля навязана силой и жестокостью – это тирания. Но когда нация в неопишемом энтузиазме и большинством (98%), нация в 60 или 40 миллионов душ принимает, в экстазе аплодирует мерам руководителя, значит, что между волей шефа и волей народа существует полное согласие, более того, они совпадают настолько, что бо-

лее не существует двух. Существует одна – воля нации, чьим выражением является руководитель.

Между волей нации и волей руководителя существует лишь одно отношение: отношение выражения.

Утверждать, что достигнутое национальными режимами единогласие объясняется лишь «террором» и «системой инквизиции» несерьёзно, потому что народы, из среды которых поднялись подобные движения, обладают высоким гражданским самосознанием. Оно боролись, проливали кровь, оставили тысячи погибших во имя свободы, но никогда не склонились: ни перед внешним врагом, ни перед внутренним тираном.

Почему они не борются и не проливают кровь сегодня, против нынешнего террора? Силой, насилием, террором можно привлечь голоса и даже большинство, но добьёшься лишь плача и стона, но не было и не будет того, чтобы этими мерами добиться энтузиазма и экстаза, даже у самой тупой нации на свете.

Следовательно, если национальное движение не имеет признаков диктаторского режима, спрашиваем себя: что это?

Это демократия? Нет, это и не демократия. Потому что руководителя не избирает толпа. Демократия основывается на принципе избирательности. Здесь ни один руководитель не избирается голосованием. С ним соглашаются.

Но если это не диктатура и не демократия, то что же это такое?

Это новая форма правления государством, не встречаемая ранее. Я не знаю, как её назовут, но это новая форма.

Думаю, что она имеет в основе то состояние духа, то состояние высшего национального самосознания, что раньше или позже доходит и до периферии национального организма. Это состояние внутреннего света. То, что ранее было инстинктивным богатством народа, в эти моменты отражается в сознании, создавая состояние всеобщего просветления, встречаемое лишь в великих религиозных экспериментах. Это состояние можно по праву назвать вселенским национальным состоянием.

Народ в полном составе приходит к своему самосознанию, к пониманию своего предназначения и своей судьбы в мире. В истории я не встречал у народов более чем секундного просветления. С этой точки зрения, сегодня мы стоим перед лицом постоянных национальных феноменов.

В этом случае руководитель не является более «хозяином», «диктатором», который делает «что хочет», который руководит «по своему усмотрению».

Он – выражение того невидимого состояния, символ этого состояния Духа. Он больше не делает «что хочет». Он делает «что надо». И он руководит не личными ин-

тересами, не коллективными, а интересами бессмертной нации, к пониманию которых пришли народы. В рамках этих интересов и только в этих рамках находят максимум нормальной сатисфакции и личные, и коллективные интересы.

Первые организационные шаги

Новым этапом в развитии движения легионеров является организация.

Любое движение, если мы не хотим, чтобы оно пребывало в хаосе, должно быть отлито в организационные формы. Вся система легионерской организации основана на идее гнезда. То есть, группа, что варьирует от 3 до 13 человек, под командованием одного шефа. У нас нет «членов», обособленных типов. Есть только гнездо. Индивид включён в гнездо. Организация легионеров не состоит из числа членов, а из числа гнёзд. Хотя и сегодня система не сильно варьировала от первоначальной сути, всё же были и необходимые дополнения, потому что организация должна учитывать реальность. Это как ребёнок, что постоянно развивается. И надо постоянно подгонять его одежду, по мере развития.

Ошибаются те, кто, воображая, как будет выглядеть организация на конечном этапе развития, шьют ей изначально одежду, которую она сможет одеть лишь на определённой стадии развития. Также как ошибаются те, что сначала шьют ей одежду маленького размера, и, не беря в расчёт её развитие, заставляют её мучиться в формах, больше ей не соответствующих.

Я не буду долго останавливаться на гнезде, так как осветил эту проблему в «Критике шефа гнезда».

Но что меня побудило выбрать эту систему?

В первую очередь необходимость.

Есть большая разница между моментом учреждения Лиги, когда я использовал другую систему.

В момент учреждения Лиги существовало народное движение. Его надо было срочно организовать. В момент учреждения Легиона для нас не существовало никакого народного движения, лишь разрозненные люди, изолированные по городам и сёлам.

Я не мог начать с учреждения комитетов в жудецах. У меня не было людей. Так же как я не мог взять человека и назначить его шефом над жудецом. Если у него есть сила быть шефом только лишь над одним селом, он не сможет организовать жудец.

Руководитель движения должен внимательно следить за реальностью. А моей единственной реальностью был «одинокий человек». Бедный крестьянин, что плачет в каком-то селе, несчастный больной рабочий, интеллеktуал, лишённый корней.

И тогда каждому из нас я дал возможность собрать вокруг себя группу, по своим возможностям, чьим шефом он становился, гнездо со своим шефом.

Не я его назначал. Его сила его назначала, поднимала: он не становился шефом, если «хотел» я, а только если он мог собрать, убедить и возглавить группу. Со временем я пришёл к тому, что, в отличие от других организаций (где часто становятся шефами благодаря подаркам), я имел шеренгу маленьких командиров не «сделанных», а «прирождённых», у которых были способности руководителей. Поэтому шеф гнезда легионеров – это реальность, на которую можно опереться. Сеть этих шефов гнёзд формирует скелет всего движения легионеров. Столпом движения легионеров является шеф гнезда. Когда они множатся, эти гнёзда объединяются: по сёлам, городам, жудецам.

Как я сделал других шефами? Не назначал: шефом села, города, жудеца.

Я им сказал:

– Завоюйте, организуйте. И сколько сможете организовать, над столькими и распространится ваше шефство.

Я их ставил в ситуации, в которых их сила, способности и склонности поднимали их.

Я сам начал с шефа гнезда, города, жудеца, и лишь в 1934 году, то есть после семи лет, стал шефом области.

Система гнезда имеет ещё и следующие преимущества.

1. Стимулирует активность, заставляет работать весь организм движения. В других организациях, где есть члены и комитеты, по сёлам или жудецам, работают лишь несколько из комитета. Остальные: 1 000, 2 000, 10 000 стоят. В системе гнезда, через большую инициативу, предоставляемую шефу гнезда, в рамках предписанных норм обязанностью каждого гнезда является записать в свой актив наиболее славные деяния, и так как нет никого, кроме гнезда, то все, абсолютно все работают.

2. Решает все проблемы. Есть нескончаемый перечень дел, что не под силу одному человеку, а целая организация слишком велика, чтобы заниматься ими. Пример: вырыть небольшой колодец в селе, починить небольшой мост и т.д. Один человек это сделать не сможет, организация этим заниматься не будет, гнездо же, состоящее из 6-ти, 7-ми, 8-ми или 10-ти человек – это самая оптимальная единица для таких дел.

3. Легко трансформируется. Из боевой единицы в трудовую, и наоборот.

4. Генерирует большое количество кадров, людей, специализирующихся в искусстве управления.

5. Локализует последствия ошибки или предательства.

6. Это лучшее место для воспитания, потому что в гнезде пребывают люди того же возраста, того же пола, той же способности к пониманию, той же духовной конструкции. Здесь все друзья. Человек, который не сможет раскрыть душу перед лицом ребёнка (из стыда или из нежелания преждевременно знакомить его с жизненными трудностями), здесь, в гнезде, среди друзей, может. Также как может получить замечание или даже наказание.

Гнездо – это маленькая семья легионеров, что основывается на Любви.

В «Критике шефа гнезда» я установил для этой семьи шесть законов, которыми она должна руководствоваться (не руководиться по желанию или хотению шефа; это была бы диктатура, а по закону).

1. Закон дисциплины: Будь дисциплинированным, легионер, ибо только так можно победить. Следуй за шефом и в беде, и в радости.

2. Закон труда: Трудись, трудись каждодневно. Работай с рвением. Расплатой за труд должна быть не выгода, а удовлетворение оттого, что ты положил кирпич к возведению Легиона и расцвету Румынии.

3. Закон молчания: не болтай, говори когда надо. Твоё ораторство – это ораторство делом. Ты – делай. Пусть говорят другие.

4. Закон воспитания: Стань другим. Герой, гнездо – твоя школа. Хорошо знай Легион.

5. Закон взаимопомощи: Помоги своему товарищу, попавшему в беду. Не бросай его.

6. Закон чести: Следуй только дорогой чести. Борись и никогда не будь мерзавцем. Оставь другим пути подлости. Чем победить с помощью подлости, лучше погибнуть с честью.

Но я ещё раз обращаю ваше внимание, дорогие легионеры, и прошу запомнить одну основополагающую вещь: заседание гнезда будет неполноценным, если будет холодным: «Что вы ещё сделали?», «Что ещё надо сделать?», «Сделаем то и то», «До свидания».

Оставьте место для души. Оставьте ей место в рамках заседания. Поступайте с теплотой. Дайте возможность каждому излить душу, рассказать о своих трудностях, проблемах, заботах, с которыми жизнь его столкнула. Разделить свою радость. Чтобы ваше гнездо было местом утешения и соучастия в радости. Заседание тогда прошло хорошо, когда человек возвращается облегчённый от забот души и преисполненный веры в свой народ. Если в «Критике шефа гнезда» я уделил недостаточно места этому вопросу, то я восполняю это сейчас.

В той же связи с воспитательной работой в гнезде, цитирую из «Критики шефа гнезда» пункт 53-й: «Молитва, как решающий элемент победы. Обращение к прадедам»: «Легионер верит в Бога и молится за победу Легиона.

Не надо забывать, что мы, румынский народ, стоим на этой земле по воле Божьей и Христианской Церкви. В церквях, вокруг алтарей собирался вместе, тысячи раз, во времена скитаний и невзгод, весь румынский дух этой земли, с женщинами, детьми и стариками, с ясным осознанием, что это последнее возможное прибежище. И сегодня мы, румынский народ, готовы собраться вокруг алтарей, как во времена великих опасностей, чтобы, коленопреклонённые, получить благословение Божье.

Войны были выиграны теми, кто сумел привлечь с небес загадочные силы невидимого мира и обеспечить себе их поддержку. Эти загадочные силы душ мёртвых, душ наших прадедов, что были когда-то привязаны к земле, к нашим бороздам, и которые умерли, защищают эту землю, и которые и сегодня с ней связаны памятью об их жизни, с нами и своими детьми, внуками и правнуками. Но выше душ мёртвых стоит Бог.

Сумей привлечь эти силы, они придут к тебе на помощь, защитят тебя, придадут мужество, силу воли и всё необходимое для победы и помогут победить.

Они насылают панику и ужас на врага, парализуют его деятельность. В конечном итоге, победы не зависят от материальной подготовки и материальных сил противостоящих сторон, а от их способности привлечь на свою сторону духовные силы. Этим объясняются в нашей истории удивительные победы сил материально намного более слабых.

Как можно добиться поддержки этих сил?

1. Праведностью и моральностью своих действий.
2. Пламенным и настойчивым призывом к ним. Призови их, привлеки силой своей души, и они придут.

Сила привлечения тем более велика, чем большим является число тех, кто молитвенно призывает.

Поэтому, на заседаниях гнёзд, которые проводятся по всей стране в субботу вечером, будут читаться молитвы и будут призывать всех легионеров идти на второй день, в воскресенье, в церковь.

Наш покровитель – Св. Архангел Михаил. Его икону мы должны иметь в своих домах и в тяжёлый час просить его помощи, и он нас никогда не оставит.

Эти гнёзда затем группируются в отделения, либо по критериям возраста и пола (побратимы, юноши до 19 лет, барышни и дамы, будущие легионеры, легионеры), либо по административным критериям (село, город, жудец) с соответствующими руководителями, что направляют их деятельность и обеспечивают единство. Всё это изложено в «Критике Шефа гнезда».

Эта система гнезда могла бы иметь недостаток. Дробление могло бы перемолоть единство. Это устраняется через Любовь и большую дозу дисциплины, что вливается в воспитание легионера.

Клятва первых легионеров

Приближался день 8 ноября 1927 года, день Святых Архангелов Михаила и Гавриила. Сейчас мы должны были принести первую клятву. Мы искали и нашли форму, что могла бы стать точным выражением нашего движения, нашей связи с землёй, с небом и с мёртвыми. Мы собрали по горсти земли из всех мест, оваянных славой, на протяжении 2000 лет, румынской земли, смешали их, затем наполнили маленькие кожаные мешочки, перевязанные шнурком; эти мешочки легионеры должны были получить по случаю принесения клятвы и должны были носить их на груди.

Вот описание этого торжества, приведённое в журнале «Земля Прадедов» в номере от 8 ноября 1927 года.

«Утром 8 ноября 1927 года мы собрались в своей штаб-квартире, все легионеры из Ясс, и несколько из тех, что не поленились приехать из других мест.

Немногие числом, но сильные своей несокрушимой верой в Бога и Его помощь, сильные своей решимостью и упрямством непоколебимо стоять среди любой бури, сильные своим полным отречением от всего земного, факт, что подтверждается нашим желанием, удовольствием героически порвать с земным, послужив делу румынского народа и делу веры.

Таким было душевное состояние тех, что ждали с нетерпением часа клятвы, чтобы радостные сформировать первую штурмовую волну Легиона, и любой может понять, что не могло быть другого состояния, когда среди нас, одетых в белые одежды, как в час беды, собрались: Ион И. Мота, Илие Гырнята, Раду Миронович, Корнелиу Жеоржеску, – те, кто пройдя через череду тюрем, пронесли на своих плечах всю тяжесть национального движения в течении 5 лет.

Молитва.

В 10 часов мы все направились маршевой колонной, в национальных костюмах и со свастикой на сердце, в сторону церкви Св. Спиридона. Там провели Богослужение в поминовение душ Стефана Воеводы, Господаря Молдовы, Михая Смелого, Мирчи, Иона Водэ Хории, Клошки и Криана, Аврама Янку, Господаря Тудора, Короля Фердинанда и в поминовение всех воевод и воинов, что погибли на поле брани против вражеских нашествий.

Торжественность принесения клятвы.

Маршем, под пение гимна Легиона, мы вернулись обратно. Там прошла благочестивая церемония торжественной клятвы первых легионеров.

«Земля Прадедов»:

«Это торжество началось со смешивания земли с могилы Михая Смелого в Турде, с землей из Молдовы, из Рэзбоен, где Стефан Великий дал свою самую тяжёлую битву и где, как никогда более, пролилась кровь прадедов, смешавшись с землёй, освящая её. Когда открывали пакет с землёй, перед тем, как выложить её на стол, читали письмо того, кто её принёс или прислал.

Клятву дали следующие:

Корнелиу З. Кодряну, Ион И. Мота, К. Жеоржеску, Р. Миронович, Х. Соломон, что председательствовал на этом торжестве, Г. Климе, М. Лефтер, И. Баня, В. Силаги, Н. Тоту, А. Вентоник, Д. Идорим, П. Статаке, Г. Антонеску, Е. Еремиу, И. Бордеяну, М. Чобану, М. Поп, М. Кришан, Попа, Бутнару, Будею, И. Танасакe, Ш. Будеч, Т. Котига, М. Стелеску, ученик лица».

Новая битва

В номере от 1 декабря 1927 года мы начали новую кампанию, чтобы купить грузовичок для нашего передвижения. Мы использовали ту же систему всеобщего напряжения. Легионеры начали организовывать торжества, конференции, рождественские хоры, способствовать деньгами, кто сколько мог.

Отличилось «Братство из Вранчи» из Фокшан, что собрало по случаю одного праздника, проведённого под патронажем г-на генерала Макридеску, сумму в 50 000 лей. Тогда мы поменяли название из «Вранча» в «Победа», так оно называется и сегодня.

К 19 февраля 1928 года, то есть через два с половиной месяца, битва была выиграна. Мы купили в Бухаресте новый грузовичок за сумму в 240 000 лей, из которых мы уплатили сразу 100 000, остальные 140 000 мы должны были погасить ежемесячно в течении года.

Мы поехали на «Козочке», как её окрестили ребята, из Бухареста в Яссы, с Ш. Николау, что был за рулём, Баней, Бордеяну и Мироновичем. В Яссах была настоящая радость. Легионеры и друзья ждали нас у въезда в город.

Для уплаты долга организовали «Комитет ста», члены которого должны были вносить ежемесячно 100 лей в течении года. За два месяца этот Комитет дошёл до 50 платёжеспособных членов, в большинстве людей бедных: мелких служащих, рабочих или крестьян, которые, отрывая от себя ежемесячно по 100 лей, приносили настоящую жертву.

Женщины из Четэцуя-Яссы, и особенно «Четэцуя Юлия Хыждеу» из Галаца, начинают заниматься рукоделием и продавать свой товар, чтобы собрать деньги.

Проблемы материального плана

Движение, с материальной точки зрения, для своих небольших нужд двигалось нормально. Из труда и вклада бедных людей собиралось почти всё, что нужно для того, чтобы мы могли жить и работать.

Абсолютно все полученные суммы переводились на «Землю Прадедов».

Журнал полон именами тех, кто давал по 10 и 5 лей. Редки те, кто давал по 50-60 лей. А нашими банкирами были те, кто мог давать по 100 лей ежемесячно – члены «Комитета ста». Возьмём наугад фамилии из этого Комитета.

№16. Н. Войня из Панчиу (семья с пятью детьми, что кормится с одного гектара виноградника).

№17. Д. Попеску (младший лейтенант, пенсионер)

№18. И. Бланару (недавний студент, ныне инженер с 4 000 лей зарплаты)

№19. И. Бутнару (служащий на железной дороге)

№20. Нистор М. Тилика (продавец)

№21. К. Жеоржеску (помощь от родителей)

№ 22. Р. Миронович (помощь от родителей)

№23. Ионеску М. Траян (инженер)

Из ограничений, которые они себе ставили в расходах на еду и одежду, собиралась сумма, на которую организация, тратя разумно, могла жить и нормально развиваться.

Но еврейская пресса кричала: на какие деньги эти господа покупают себе грузовички? (Жид, всегда злонамеренный, сделал из одного несколько). Кто финансирует это движение? О, господа! Не финансировал никто, только безграничная вера румын, в большинстве своём бедных, как церковные мыши.

Мы не только не финансировались капиталистами, но и советуем любому, кто возглавляет здоровое движение, отказаться от любой попытки финансирования, если он не хочет убить своё движение. Потому что движение так устроено, что должно само производить из веры, из жертвы своих членов ровно столько, сколько ему необходимо для того, чтобы жить и развиваться.

Для нормального и здорового развития движение не имеет права потреблять больше, чем может производить, а производить оно может лишь в меру веры, а значит и жертвы своих членов. Не производит достаточно? Надо идти не по пути финансирования, а по пути укрепления веры, это показатель. Недостаточно производит – это доказательство слабости веры. Если организация не производит ничего, то она мертва или скоро развалится. Лишённая веры, она будет побеждена теми, у кого она есть.

Руководитель, допускающий финансирование своей организации извне, похож на человека, приучающего свой организм жить на лекарствах. По мере приёма организмом лекарств, в той же мере отучаешь его бороться самому.

Более того, в момент, когда лишаешь его лекарств, он умирает, так как всё зависит от фармаколога! Так же движение зависит от тех, кто его финансирует. Они могут, в один момент, принять решение прекратить финансирование и движение, не приученное жить самостоятельно, умрёт.

Движение, как и человек, может иногда нуждаться в большой сумме денег. Можно отдохнуть, чтобы со временем вернуть. Итак, господа руководители движений (обращаясь к тем, что придут после нас), откажите доброжелателям, что предложат вам финансировать движение, разумеется, если таковые окажутся в будущем. В Румынии, думаю, нет. Даже сегодня их почти нет. Все те, кто имеют возможность финансировать и финансирует, – это банкиры-евреи, олигархи-евреи, евреи, крупные торговцы зерном, крупные промышленники-евреи, крупные коммерсанты-евреи. Они финансируют политические партии, чтобы извести румын в их стране, чтобы финансировать (это слово воняет банкиром, несправедливостью, непотребством) было некого. Ни румын, ни тем более евреев. Эта каста банкиров и деловых людей, разбогатевших на аферах, эти хищные птицы, что выслеживают над человеческим обществом, будут уничтожены. Люди, могущие помочь, люди богатые до разумных пределов, они будут. Они не смогут финансировать, они лишь смогут помогать своим вкладом в движение. Эту обязанность помогать, помогать своему народу в трудную минуту, имеют все румыны и будут её иметь во веки веков. Их помощь есть и всегда будет хорошо принята.

Моё же материальное положение и положение моих друзей было всё более тяжёлым, давящим.

Я свалился на голову моего бедного тестя, который и так едва мог содержать из своей маленькой зарплаты своих пятерых детей. Мы жили в одной комнате, а в двух других семь душ. Однако, понимая ситуацию, в которой я оказался, благодаря его великой любви к великому делу, он ничего и никогда мне не говорил, хотя я видел, что с каждым днём он всё больше сгибается под тяжестью забот.

Тогда мы решили, что я останусь заниматься движением, а Мота и остальные три моих вэкэрештских товарища займутся адвокатурой, чтобы мочь содержать себя и помогать мне.

Вскоре они начнут, но столкнутся с огромными трудностями. Я оглянулся назад. Поступив десять лет тому назад в Университет, мы боролись раз за разом со всеми поколениями студентов. И раз за разом все они устроились, создали себе какое-то материальное положение, на которое могли жить, и лишь мы остались одни, как заблудшие безумцы посреди людских волн. Хотя и значимые элементы, они едва заработают на кусок хлеба. Они не смогут устроиться адвокатами на железную дорогу, в мэрию или государственные органы. Там есть места только для тех, кто покинул линию борьбы и вступил в политическую партию. Поощрение к отсутствию характера. У евреев дела они брать не будут, так им велит их честь. Румыны их будут обходить. В их офисы будут заходить лишь бедняки.

Путь был тяжким. Изгнанники в собственной стране, почти дошедшие до состояния, когда невозможно жить.

Лето 1928 года

Всю зиму я занимался организацией гнёзд, весной я возобновил производство кирпича в Унгенах и работу в огороде г-жи Гики. В этих двух местах я работал, делая кирпичи и занимаясь огородничеством. Мы хотели построить новый дом, так как не были уверены, что сможем остаться в этом. На нас подали в суд, пытаясь нас выселить.

В этом труде мы всё больше сближались, чувствовали себя ближе к тем, кто работает, и отдалялись от тех, кто живёт чужим трудом.

Труд дополнял наше воспитание больше, чем лекции профессора в Университете. Там мы научились преодолевать трудности, закаляли волю, тренировали тело и привы-

кли к тяжёлой и суровой жизни, в которой не было места для удовольствий, кроме душевного удовлетворения. Туда пришли «Побратимы» из Галаца, Току, Савина, Костя и из других братств.

Р. Миронович научился хорошо водить грузовичок, и с помощью Еремею делал рейсы, возя пассажиров из Ясс в монастырь Варатек, Агалию и Нямц. Всё же, из-за лета, которое всегда беднее, я был вынужден взять кредит в банке «Албина» в Хуше, заложив дом моего отца за сумму в 110 000 лей, которую я разделил, – часть в Унгены, часть на уплату долга за машину и часть на публикации легионеров. Этот кредит я не смог вернуть по сегодняшний день. Сумма дошла до 300 000 лей.

Тем же летом мы занялись коммерцией, чтобы заработать денег для Легиона.

Евреям принадлежит вся торговля зеленью на всех рынках в городах Молдовы.

Трём командам легионеров (студентам) была поручена торговля зеленью. Эти команды скупали зелень на рынке в Яссах, загружали по 300-400 кг в грузовичок и падали как бедствие на головы евреев, снижая цены вдвое.

Первого августа 1928 года исполнился год нашему журналу. Вот что мы писали тогда на первой странице:

«Первого августа исполняется год регулярного выхода «Земли Прадедов».

Это немного. Несколько дней назад, между 13 и 30 июля, город Каркасон (крепость) во Франции отпраздновал своё 2000-летие со дня основания. Наверное, и мы имеем перед собой 2000 лет! Но самый тяжёлый это первый год, когда надо поднимать целину, проводить первую борозду. В эти первые дни много трудностей пришлось нам преодолеть, но наш журнал – иногда побогаче, иногда победнее, но всегда, всегда значимый – выстоял на позициях. Когда, год назад, начиная без денег, в самый критический момент национального движения, мы поместили на обложку икону Св. Архангела Михаила, мы знали, что победим».

В борьбе с лишениями

К осени личные материальные трудности начали меня сгибать. У меня не было обуви, одежды, ни у меня, ни у моей жены, которая носила те, из 1924 года. От отца я не мог ждать ничего, так как кроме меня у него было ещё шестеро детей, все ученики, а

борьба, в которой он участвовал, оставила ему одни долги. Из зарплаты у него оставалось лишь несколько тысяч лей, на которые он с трудом мог содержать многочисленную семью.

Тогда я напряг свои силы и решил тоже заняться адвокатурой, с мыслью одновременно заниматься и движением. Я открыл адвокатское бюро в Унгенах, где я работал со своим секретарём Е. Комэнеску. Там я смог добиться небольшого, очень небольшого дохода, чтобы покрыть нужду и маленькие жизненные потребности, мои и моей жены. Уже шесть лет, как я ограничил свою жизнь до строго необходимого.

Шесть лет я не ходил в театр, в кино, в пивные, на танцы, на праздники. А теперь, когда я пишу, прошло уже 14 лет, как я не посещал всё это. Я не жалею. Но мне жаль, что после такой жизни, полной ограничений, нашлись люди, которые обвиняют меня, будто я веду жизнь на широкую ногу.

В этой многолетней бедности, как и в тяжёлых испытаниях, что мне послала судьба, я имел постоянную поддержку в моей жене, которая с верностью обо мне заботилась, разделила со мной бесчисленные невзгоды, перенесла нужду и даже голод, чтобы помочь мне продолжить борьбу. Я всегда буду ей благодарен.

Профессор Гаванескул получает мешочек с землёй

Есть душа, что пристально за нами следит. Шаг за шагом. Интересуется нами. Может, изучает. Речь идёт о внушительной фигуре старого профессора педагогики Ясского Университета Иона Гаванескула. Профессор Университета с 1880 года. Один раз он нам сказал: «Я очень бы хотел тоже иметь мешочек с землёй!»

10 декабря 1928 года мы пригласили его к нам домой и там среди легионеров передали ему мешочек с землёй, как дар с нашей стороны.

Старик с белыми волосами сделал большие глаза, как в момент большой важности.

И после минуты молчания:

– Господа, я не достоин получить этот святой талисман, кроме как на коленях.

Берёт его. Медленно опускается на колени и молится. За ним опускаемся на колени и мы вокруг него.

Этой осенью 1928 года, после упорного штурма национал-цэрэнистов, что угрожали «насилием» и «революцией», Либеральная Партия пала.

Национал-цэрэнисты после восьми лет побеждали. Но вскоре они станут разочарованием для всей страны. Начнут воровать как и либералы. Начнут проворачивать «скандальные аферы», как и либералы. Начнут «терроризировать» жандармами и даже стрелять в своих противников или в тех, кто проявляет свое недовольство, как и либералы. Создадут своих банкиров, как и либералы.

Но особенно они будут в постоянной зависимости от мировых финансов, которым начнут уступать, раз за разом, взамен на долгосрочные займы, румынские богатства.

3-4 января 1929 года

На эти дни я назначил собрание в Яссах, первое собрание шефов гнёзд. Пришли 40-50 человек. Заседания проводились в доме генерала И. Тарновски, который сейчас, на одном из заседаний, переполненный эмоциями, плача, получил мешочек с землёй, в которой была и кровь его солдат и офицеров.

– Я очень бы хотел, чтобы Господь дал мне дней, дабы увидеть час румынского спасения. Но не думаю, что доживу, – говорил он.

По этому случаю дали клятву ещё несколько легионеров, во главе с С. Печели, инвалидом войны, Г. Потолей, ставшим инвалидом после кавалерийской атаки у Пырнау, Н. Войней и другими.

Из обсуждений и докладов, что были сделаны каждым из присутствующих, представляя все области, мы смогли убедиться, что система «гнезда», неиспользуемая у нас до этого, показала себя очень хорошо. Разумеется, есть трудности и ошибки, неизбежные в любом начинании. Но для меня было достаточно того, что за один год, без другой практики, кроме призывов и объяснений, данных в нашем журнале, во всех местностях, как и во всех слоях общества, образовались отдельные гнёзда, что функционировали, и я сказал себе:

– «Система» просила экзамен. Она плодотворна.

Для меня собрание от 3-4 января было проверкой моих собственных организационных способностей. Нам не оставалось ничего, кроме как последовательно идти по этому пути. По этому случаю я констатировал, что движение особенно популярно среди молодёжи, что система динамичного воспитания, воспитания совместно с действием, намного превосходит статичное. Следовательно, мы продолжим эту систему ещё год. Без контакта с массами. Без каких-либо предвыборных планов.

Тогда же сформировался Сенат Легиона. Форум, состоящий из стариков за 50 лет,

интеллигентов, крестьян или рабочих, что прожили примерную жизнь, проявили веру в будущее Легиона и мудрость. Они будут собираться в тяжёлые моменты, каждый раз, когда будет нужен их совет. Их не выбирали. Их назначил шеф Легиона и кооптировал Сенат. Это самая почётная высокая ступень, на которую может надеяться легионер.

Сенат составили: Христаке Соломон, генерал доктор Макридеску, генерал Ион Тарновски, Спиру Печели, полковник Паул Камбуряну, Ион Бутнару. Здесь же, в этом Сенате, через несколько месяцев получит своё место блестящий профессор Университета Траян Брэилиану, тот, кто позже, через пять лет, в своём журнале «Социологические Заметки», в самой высоконаучной форме объяснит феномен Легиона.

К НАРОДНЫМ МАССАМ

У моцев

Моцы ещё живут в горах центральной Трансильвании. Древние, как и горы, они ведут свою жизнь на протяжении веков, с историей, что прочерчена двумя огненными полосами: бедность – они единственные румыны, а может и единственные люди на земле, что не знали за всю историю ни одного дня богатства и достатка, и борьба за свободу. Они нам дали Хорию, Клошку и Кримана и поддержали революцию 1784 года, они нам дали Аврама Янку и боролись в 1848 году. В их горах история помнит свыше сорока восстаний против венгерского господства, все они, в конце концов, были подавлены в крови. Но стойкость их не сломил никто.

В последнее время голос с трибуны Амома Фрынку и капитана Емила Шианку – они сами из моцев – звучал напрасно, как крик тревоги.

В горах есть золотые копи. Раз за разом обогащались и обогащаются эксплуататоры, а моцы остаются, как всегда, без одежды и без хлеба.

Серая скала, голая, на которой не растёт ничего, ни пшеница, ни кукуруза. Единственное богатство – это золото, что в руках эксплуататоров, а единственная возможность выжить – это древесина из леса.

Тысячу лет длилось мучение под чужим господством. Тысячу лет терпения с мыслью, что придёт Великая Румыния, которая вызволит их, займётся, наконец, их судьбой и судьбой их детей, исправит длинную и убийственную несправедливость, вознаградит их за тысячелетнее терпение, мучения и битвы.

Только те, у кого нет матери, не знают, что такое утешение. Только те, у кого нет Родины не знают ни утешения, ни вознаграждения. Родина всегда платит своим детям, тем, что ждали её справедливости, верили в неё, тем, что воевали и страдали за неё. Как же она не вознаградит и моцев за их безмерное терпение, страдания и отвагу?

Но после войны каждый человек и особенно каждый политик занимается собой, своей персоной, своей материальной, электоральной, политической ситуацией. Так что моцев забыли. Кто занимается только собой, не может заниматься и другими, и кого занимают лишь заботы настоящего, не может взглянуть мыслями и чувствами в историю, для того, чтобы, работая от имени Родины, позаботиться об исполнении великих репараций и исторических задолженностей, которые она должна своим героям.

Но их не только забыли, но и оставили как добычу всем евреям-маклерам, которые в погоне за прибылью просочились в их горы, где никогда не ступала нога чужого, и отняли у них единственную возможность жить. Подняли свои лесопилки аж до вершин гор, валя их лес и оставляя им лишь голые скалы.

Они зовут в своих песнях Янку, их героя, чтобы он увидел свои горы опустошёнными и «срезанные Кодры» шайками «жидовчиков» под властью Великой Румынии, в дни долгожданной победы народа.

И в самом деле, какая ужасная трагедия, – выстоять 10 веков против всех нашествий и умирать от голода и нужды в Великой Румынии, которую ты ждал тысячелетие!

Её ты ждал, она была твоей единственной моральной опорой, что тебя удержала. Теперь исчезает и эта надежда. Не было хлеба, но жили надеждой. Для этого населения Великая Румыния была не оживлением, а триумфом, коронацией, после тысячи лет страдания, великими наградами со стороны всего народа. Для этого была нужна душа Стефана Великого, а не душа пигмея-румынского политика. Для них Великая Румыния была падением в безнадёжность смерти.

Эти политики позорят честь нашей нации. Ведь народ, сверх любых интересов, должен выполнить свои моральные обязательства. Если он их не выполняет, у него нет чести.

Растроганный письмом одного учителя из Бистры, возле Кымлен, я сел в поезд и поехал на место, чтобы самому увидеть, в чём дело.

Я ехал в маленьком поезде со сжатым сердцем, по славным долинам Западных Гор, где смерть играла в десятках битв, и где бродят души Хори и Янку.

На одном вокзале подхожу к крестьянину моцу. На его одежде было минимум 20 заплатак. Выражение несравнимой бедности. Он продавал деревянные круги для посуды, которые сам изготовил. Продавал за бесценок. С погруженными в голову глазами и втянутыми щеками. Фигура блаженного. Его взгляд был стеснительным и не привязан к какой-либо мысли. Тот кто знает, читает в этих глазах боль и открывает голодного человека. Человека, которого мучает голод.

В этих блаженных глазах, что внушали милость, не было никакого интереса к чему-либо. Никакого интереса к жизни.

– Как вы тут живёте? – спрашиваю я его.

– Хорошо! Хорошо, спасибо.

- Растёт кукуруза, картофель?
- Да, растёт.
- Хватает всего, еды..?
- Да, хватает... Хватает...
- Так вы неплохо живёте?
- Нет!.. Нет!..

Он несколько раз измерил меня взглядом. Он не был расположен к разговору, ведь кто знает, по каким краям без надежды бродил его ум и из-за врождённого благородства своей расы он не хотел жаловаться чужому человеку.

И вот я приехал в Бистру. Я пошёл к сельскому учителю, что мне написал. Я пробыл день. Зашёл в бедные дома моцев. Кучи детей ждали, съёжившись, по 2-3 недели, месяц, а то и более, своих родителей, что, взяв лошадь и телегу, поехали привезти мешок кукурузной муки в обмен на деревянные круги и кадушки, которые они изготовили и которые потом продадут за сотни километров в краях, где Господь более щедр.

В течение года моц несколько месяцев сидит дома, в остальное время едет за кукурузной мукой для своих детей.

Учитель говорит мне:

– Даже во времена венгерского господства чужаки не смогли обосноваться здесь. Сейчас же построили лесопильный завод, принадлежащий еврейской общине из Оради, которая захватила леса и валит их. Всю свою бедную жизнь моцы поддерживали обработкой дерева, изготавливая круги и кадушки. Отныне и это у них отобрали. Их приговорили к смерти.

От голода и нужды они идут работать к евреям, сами срезая деревья в лесу, за 20 лей в день. Только это остаётся моцу от богатств, что текут вниз длинными поездами. И когда закончится древесина, закончимся и мы. Но есть кое-что более грустное. На этой фабрике работает 30 евреев, и в субботу вечером, когда производят выплаты, они задерживают дочерей и жён моцев, издеваются над ними, проводят оргии до утра. Болезни физические и моральные перемальвают нас вместе с бедностью и нуждой.

И не можешь ничего сказать. Не можешь ничего сделать, так как эти евреи в таких тесных отношениях с политиками, что стали полновластными хозяевами. Власть к их услугам, начиная от жандармов и выше.

А если попробуешь сказать что-то, то тебя сразу обвинят в том, что «призываешь к ненависти» одну часть граждан против другой, «что нарушаешь социальную гармонию» и «братские отношения», в которых всегда жили румыны и мирное еврейское население, что мы не христиане, ведь Иисус Христос сказал: «Люби ближнего своего», даже того, который делает тебе зло и т.д.

Если хоть слово скажешь, будешь арестован как «враг безопасности государства» и как подстрекатель к «гражданской войне». Тебя оскорбят и даже побьют. Они хозяева властей и ты должен смотреть на бедствия твоего народа и молчать. Лучше бы Господь отнял у нас зрение, чтобы не видеть всего этого своими глазами и не знать ничего.

Мне ударила кровь в голову и вновь пришла мне мысль взяться за оружие, подняться в горы и стрелять без роздыха шайки врагов и предателей, если власти и законы Великой Румынии могут допускать подобные преступления против румынской нации, её чести и будущего, если эти законы и продажные власти отняли всякую надежду на справедливость и спасение румынского народа.

Я вернулся в Яссы с измученной душой под тяжким грузом, что весь этот народ несёт на себе.

Каким ужасным является отчуждение руководящего класса одного народа, его политического и культурного класса.

Литературоведы и писатели находят никчёмные сюжеты для своих книг, появляются книги за книгами, витрины книжных магазинов забиты ими. Что скажет о них будущее, если они не нашли ни одного слова для показа исторической трагедии моцев, происходящей на их глазах? Слово, что стало бы одновременно и сигналом тревоги для народа, одурманенного всей этой скандальной литературой, которая усыпляет его и погружает во тьму дорогу его будущего и жизни.

Как должен будет смотреть народ на этих писателей, самой святой миссией которых является именно разоблачать опасности, что угрожают его физическому или моральному естеству, и освещать его дорогу в будущее? И как надо будет рассматривать этот политический класс «ораторов» в парламенте, на всех перекрёстках дорог, дезертировавших от своих прямых обязанностей: бдеть за жизнью и честью народа.

Спускаюсь на маленьком поезде из Бистры в Турду. В то же купе поезда вошёл директор фабрики в Бистре, толстый еврей, который едва влезал в одежду и который оставлял впечатление обильной жизни. Я не думаю, что подобный тип хоть раз в жизни познал, что такое голод.

На следующей станции вошёл юноша примерно моего возраста. С первых секунд я понял, что они знакомые и друзья и находятся в самых хороших отношениях, и что этот юноша – румын.

Еврей налил себе из термоса кофе с молоком и вытащил из пакета несколько куличей. Начал есть. Я заметил у него волчий аппетит. Он кинулся на еду прежде, чем пригласить своего знакомого, но сразу же пригласил и его. Тот получил кулич и чашку кофе с молоком и начал есть, несколько стесняясь, проявляя признательность и почтение к богатому еврею за «внимание», что он проявил.

Было около пяти утра, ещё толком не рассвело. Пятница перед Пасхой, Страстная Пятница. Я спрашивал себя с горечью: кто же эта каналья, этот молодой румын, что в день, когда все христиане держат самый чёрный пост, ест вместе с жидом, вместе с палачом румын, кулич?

Из их разговора я понял, что он инженер из лесничества. Еврей был словоохотлив, всё время говорил и шутил.

И вот он вытаскивает патефон, устанавливает раз за разом пластинки и слушает музыку – всё, что ум может представить себе самого непристойного. Я сижу в углу вагона, слушаю, не проронив ни слова. Смотрю в окно, начинает светать. По соседнему шоссе спускаются молчаливые и грустные моцы. Каждый идёт возле головы своей лошади. Они идут на рынок в Турду с мешком древесного угля за 60 километров. Продать и купить не новую одежду и не игрушки, а несколько килограммов муки, чтобы привезти на Пасху детям. Это вся радость, которую они могут себе позволить.

Стонет сердце во мне от боли и беспокойства. Недостаточно того, что эти грабители отбирают у них хлеб, оскверняют и глумятся в эту Страстную Пятницу над их бедностью и верой. Они проходят с песнями и издевательствами по этим дорогам тысячелетнего терпения, по которым из уважения к человеческим страданиям и боли ни один человек на земле не может идти, кроме как в глубоком молчании и пристойно, с непокры-

той головой перед лицом голодного и нищего народа, что медленно идёт под приговором безжалостной судьбы.

Когда рассвело, встретились взгляды четырёх глаз: моих и юноши. Я понял, что он меня узнал. Смущённый, он не находил себе места. Я тоже узнал его. Он когда-то был национально-христианским студентом в 1923 году. Я видел его в первых рядах одной студенческой группы, где он манифестировал и пел:

И раздавим жидов под пятой
Иль погибнем со славой и т.д.

Я сказал себе с горечью: «Если все юноши, что борются, завтра станут такими, тогда этот народ должен погибнуть: через жидовское покорение, потоп, землетрясение или динамит – не имеет значение, но должен погибнуть».

Лето 1929 года

Мы провели его в двух походах. С юношами из Галацкого и Фокшанского братств и легионерами.

Я хотел повести их по дорогам, что я исходил, пожить побольше с ними. Научить их видеть красоты нашей страны.

На этот раз, как и во всех будущих мероприятиях, я буду стараться развивать в молодых легионерах в первую очередь волю. Длинные маршамы, нагруженные, под дождём, ветром, по жаре или грязи, строем, с запретом разговаривать на целые часы. Через суровую жизнь, спя в лесу, кушая простую еду. Через обязанность быть суровыми сами с собой, во всех отношениях, начиная с внешнего вида и жестов, создавая преграды, которые они должны были преодолеть, поднимаясь на скалы, проходя воды.

Я хотел сделать из них волевых людей, что будут смотреть прямо и мужественно поведут себя перед любой трудностью. Поэтому я никогда не разрешал обойти препятствие: только через его преодоление.

Вместо слабого и побеждённого человека, что постоянно сгибается под всеми ветрами, человека, что представляет большинство в политике, как и в других областях – надо создать для этого народа победителя, негибаемого и непреклонного.

Через эти упражнения я постараюсь, во вторую очередь, развить чувство локтя, команды, дух единства. Я заметил, что эти упражнения имеют большое влияние на интеллект и психику человека, приводя в порядок его расстроенное мышление и анархические чувства.

Через применение наказаний я постараюсь развить чувство ответственности, сме-

лость взять на себя ответственность за свои поступки, так как нет ничего отвратительнее, чем человек, который лжёт и бежит от ответственности.

Я наказывал регулярно, без исключений, за любое нарушение.

В Ватра Дорнее я наказал юношу за то, что он спровоцировал конфликт в одном парке.

В Дорна Козэнеште случилось кое-что более серьёзное, не как аффект, а как раскрытие душевной конструкции. Четверо юношей зашли в еврейскую корчму, попросили голубцов, вина, после чего хорошо поели, встали, и вместо платы один из них героически вытащил револьвер и пригрозил еврею, что застрелит его, если тот скажет хоть слово, упомянув, что они из группы Корнелиу Кодряну.

Я его наказал. Если я это так оставлю, до беды дойдёт не еврей, а юноша, который украл упаковку сарделек. Впрочем, в среде легионеров наказание не может быть причиной досады. Мы не можем ошибаться. Наказание в нашем понимании – это долг чести человека исправить свою ошибку. Отбыв наказание, человек свободен от своей ошибки, будто её и не было.

Таким наказанием в большинстве случаев является труд. Не потому что работа несёт в себе черты наказания, а потому что она даёт возможность исправить добром причинённое зло.

Поэтому легионер всегда примет и исполнит наказание с безмятежностью.

Решение идти в массы 8 ноября 1929 года

Прошло более двух лет как родился Легион. Гнёзда множились по всей стране. Чувствовалась необходимость активизировать, используя и стимулируя эти маленькие силы, начатое движение. Единственным легальным путём, что мог привести нас к государственным мерам по решению еврейской проблемы, был политический путь. Он предполагает контакт с народными массами. Хорош он или плох, но это был путь, предоставляемый законом, и рано или поздно мы должны по нему пойти. С Лефтером и Потолей мы запланировали первое публичное собрание легионеров в Тыргу Береште, на севере жудеца Ковурлуй, на 15 декабря. Решение мы приняли ещё 8 ноября, когда новые легионеры, пришедшие из разных уголков страны по случаю праздника покровителя Легиона, принесли клятву.

В это же время я послал Моту в жудец Турда для того, чтобы вместе с Х. Попой активизировать там пропаганду легионеров, готовя собрание.

15 декабря 1929 года

Вечером 14 декабря я был в Берештах. На вокзале меня встретили Лефтер, Потоля, Т. Антохи и др. Город был настоящим еврейским осиным гнездом, дом к дому, лавка к лавке. Единственная улица шла по центру городка. Грязь по щиколотку. По краям – тротуары из досок. Нас принял у себя Потоля.

На второй день, утром, меня встречают у дверей майор жандармов и прокурор, приехавшие из Галаца, чтобы сказать мне, что я не могу проводить собрание.

Я им сказал:

– То, что вы заявляете, – неправильно и незаконно. В этой стране все люди имеют право проводить собрания: немцы, венгры, турки, татары, болгары, евреи. И только я не имею этого права? Ваши меры – самоуправство. Это беззаконно и я не подчинюсь. Я проведу собрание любой ценой.

В конце концов, после долгих дискуссий, мне разрешили провести собрание, но не делать беспорядков.

Что мне было делать? Какие беспорядки? Ломать дома людей? Это было моё первое публичное собрание. Разве я не был заинтересован, чтобы оно прошло в полном порядке, чтобы я имел право проводить следующие?

В час, назначенный для сбора, собралось очень мало людей, едва сто. От них я узнал, что придти хотели многие, но их в сёлах задержали жандармы.

Всё собрание длилось пять минут. Одну минуту говорил Лефтер, одну Потоля, остальные я. Я сказал:

– Я пришёл провести собрание, но власти задерживают людей силой. Против всех приказов я проведу десять собраний! Пусть мне приведут лошадь и я поеду из села в село через всю волость Хоренки!

Впрочем, лошадь была единственным средством передвижения по той грязи. Через два часа мне привели лошадь и я поехал. За мной, пешком, шли Лефтер и ещё четверо легионеров. Пришли в первое село, в Мерию. Там, во дворе церкви, за несколько минут собрался весь народ: мужчины, женщины, дети. Я с ними говорил недолго и не развернул никакой политической программы:

– Объединимся все вместе, мужчины и женщины, сотворим для себя и нашего народа новую судьбу! Приближается час румынского преобразования и пробуждения! Тот, кто уверует, кто будет бороться и страдать, будет вознаграждён и благословлен этим народом. Новые времена стучатся к нам в ворота. Один мир с бесплодной засохшей душой уходит и другой рождается, – мир тех, чья душа полна веры. В этом новом мире у

каждого будет своё место, не по образованию, не по интеллигентности, не по учёности, а в первую очередь, по своей вере и по своему характеру.

Я поехал дальше. Через четыре километра я доехал до другого села – Сливны. Вечерело. Люди ждали меня на дороге с зажжёнными свечами. В центре села мне на встречу вышло гнездо легионеров во главе с Тодосиу. Я говорил и здесь. Затем я поехал дальше к селу Комэнешты, руководимого гнездом легионеров из Сливны, по дорогам, где я раньше не бывал.

И здесь люди также ждали меня с лампами и свечами, а юноши с пением.

Люди принимали меня с радостью, без политических различий. Мы не были знакомы, но как будто всю жизнь были друзьями. Вражда ушла. Мы были одним целым. Единой душой, одним народом.

На второй день утром я поехал дальше. На этот раз я был не один. Три всадника спросили, могут ли они сопровождать меня, и мы поехали вместе. На окраине соседнего села Гэнешты мы остановились у Д. Кристиан. Человек сорока лет с фигурой гайдуга и с взглядом из-под бровей. Националист и борец со времён студенческих движений. Он распряг лошадей от телеги, поставил седло на одну из них и поехал с нами. Вскоре наше число дополнили Думитру и Ваиле Попа, Хасан и Кукулица.

Продолжая идти из села в село, число всадников дошло до двадцати. Все были юношами между 25-30 годами. Лишь немногими было между 35-40 годами, а самым старым был Кукулицэ из Кавадинешт, 45 лет. Когда нас стало больше, мы почувствовали необходимость в отличительном знаке, в униформе, но так как у нас не было возможности, мы прикрепили к шапкам индюшиное перо. И так мы въезжали в сёла с пением. Проходя с песней, лошадиной рысью, по холмам, что возле Прута, где столько раз проходили и воевали наши прадеды, казалось, что мы тени тех, кто когда-то защищал землю Молдовы. Сегодняшние живые и тогдашние мёртвые, мы были одной душой, одним большим единством, что несёт ветер по вершинам холмов: Румынизмом. Весть о том, что я еду, передалась от человека к человеку по всем сёлам. Народ везде ждал нас. Если кто-то попадался по дороге, он нас встречал вопросом:

– Господин, когда приедете и к нам в село? Вчера народ ждал вас допоздна.

В сёлах, когда я пел или говорил с людьми, я чувствовал, что проникаю в такие необъяснимые душевные глубины, куда политики с их программами не проникнут никогда. Здесь, в этих глубинах, я посадил корни нашего движения. Их не сможет вырвать никто.

В четверг в Берештах был торговый день. В 10 часов утра мы появились на гребне,

что возвышался над городом, пятьдесят всадников. Оттуда, маршевой колонной, с песней, мы спустились в город. Народ принял нас с большим воодушевлением. Из домов христиан выходили румыны и разливали вёдра с водой на нашем пути, чтобы нам сопутствовала удача. Мы вновь направились во двор к Н. Балану, где должно было состояться первое собрание. Сейчас нас было три тысячи человек. Я не провёл собрание. Я раздал всадникам, некоторым из них, что-нибудь на память обо мне.

Н. Богату я отдал свою табакерку, сделанную в тюрьме «Вэкэрешты»; Киркулице я дал свастику. Лефтера и Потолиу я назначил в верховный совет Легиона, а Н. Балана в генеральный штаб в Ковурлуй. Д. Кристиана – шефом легионеров в долине Хоринки.

Эта долина Хоринки с её местами и с её людьми понравилась мне, после Фокшан здесь будет второй столп движения легионеров.

В Трансильвании, у Лудоша на Муреше

В пятницу, перед Рождеством, вечером, в пять часов, я поехал на грузовичке в Лудош. Нас было четверо: Р. Миронович, – он вёл машину, Е. Еремею, другой знакомый и я. Сильный мороз остановил поезда. В ту ночь мы страшно замёрзли, хотя мы наполнили грузовичок сеном и по пояс залезли в него. Мы ехали по маршруту Яссы – Пятра Нямец – Валя Бистрица. В четыре утра мы были на вершинах Карпатских гор.

В одиннадцать вечера, накануне Рождества, после более 24 часов езды мы доехали до Лудоша на Муреше. Здесь мы хорошо отдохнули у Амоса. На второй день мы пошли в церковь, затем посетили городок. Он больше чем Берешты и расположен в 40 км севернее Турды, столицы жудеца. И он полон евреев, но их количество не доходит до количества в Берештах. И здесь иуда, устроившись в местечке, растянул паутину над всем румынским краем. В эту сеть поймают бедных крестьян, обкрутят и обдурят их, а затем высосут всё добро.

На утро второго дня Рождества мы отправились. Вначале грузовичок с десятью легионерами, а за ним двадцать всадников: Амос, Никита, Колчерю, профессор Матей и др., все с индюшиными перьями на шапках.

На шоссе нас встречал народ и, не зная о чём речь, смотрел на нас с недоумением. Но мы шли как будто нам предоставили высшую власть, так как чувствовали, что идём от имени румынского народа, по его приказу и для него.

В Гете, Глигорештах, Гуре Ариешулуе людей собралось также много, как и в долине Хоринки. Им мы тоже не принесли никакой политической программы. Мы лишь ска-

зали, что приехали из Молдовы, чтобы призвать к воскрешению измученной румынской души, так как тысячу лет рабства, несправедливости и могил нам хватило, с великой жертвой создали Великую Румынию, но чужое господство и старая несправедливость продолжают и после создания этой Румынии. 10 лет румынского правления не сумели излечить нас от ран, что болят, и не исправили вековой несправедливости. Они дали нам формальное единство, но нашу румынскую душу разбили на столько кусков, сколько существует партий. Возрождение этого народа подспудно кипит и вскоре извергнется, освещая своим светом всё наше будущее и всё наше тёмное прошлое. Тот, кто поверит, будет победителем.

Я вновь почувствовал, как проникаю в глубины.

Хотя и за сотни километров расстояний, хотя и в краях, столетиями разделённых границами, и там я нашёл ту же душу, абсолютно ту же самую, как и в долине Хоринки возле Прута, ту же народную душу, через которую, я это понял, не смогут никогда провести никакой границы. Она текла от одного края народа к другому, от Днестра до Тисы, не взирая на границы, поставленные человеческой рукой, как и вода, что течёт под землёй, не взирает на заборы, что люди поставили на поверхности. Там, в глубине, я не нашёл ни партий, ни вражды, ни конфликта интересов, ни «слепого необъединения», ни борьбы между братьями, а только единство и гармонию.

На третий день Рождества мы двинулись вновь. Остановились у одной церкви и прочитали молитву за Михая Смелого, за Хорию и его людей и за Янку, чтобы и они знали, что сегодня мы идём по земле, на которой их тела были замучены и истерзаны за этот народ. Был день Св. Стефана. Мы зажгли свечу за помин души Стефана Великого, при котором наш народ поднялся на свою самую большую высоту и которого я считаю равным Наполеону, Цезарю и Александру Македонскому. Везде, куда ступит моя нога, в какой бы битве я не участвовал, если над собой я буду чувствовать тень Святого Архангела Михаила, а под собой тени тех дорогих двадцати мёртвых, семьи и движения легионеров, то справа чувствую дух Стефана Великого и его меч.

В Бессарабии

20 января я послал Тоту, Крынгэу, Еремею в сопровождении команды на грузовичке в жудец Текуч. А я 25 января 1930 года снова был в долине Хоринки среди всадников. 26-го вечером мы прошли Рогожены, входили в Оанчу. В обоих сёлах собравшийся народ принимал нас с любовью и надеждой. В Оанче мы остановились у семьи Антаки. На второй день – базарный день в Кагуле.

Перешли в Бессарабию. Здесь много евреев и они более провокационны. Здесь, как и в других бессарабских местечках, евреи – коммунисты, но не из «человеколюбия», а лишь из ненависти к румынскому государству, которое лишь через торжество коммунизма они смогут увидеть падшим под пятой полного еврейского господства. Триумф коммунизма совпадает с мечтой иудаизма, – быть хозяином и эксплуатировать христианские народы на основании доктрины «избранного народа», что стоит в основе еврейской религии.

Вечером мы изготовили белые матерчатые кресты, в двадцать сантиметров, которые прикрепили на грудь всадникам. Мне дали деревянный крест, который я буду нести в руке.

На второй день, в 10 утра, во главе тридцати всадников перехожу Прут, идя с крестом в руке против языческой силы, что душит христианскую Бессарабию. Через четыре километра входим в город. Христиане выходят и идут за нами. Они нас не знают, но видят белые кресты на груди и перья на шапках. Идём по улицам и поём: «Пробудись, пробудись, румын!».

Останавливаемся на площади. В минуту вокруг нас собирается более семи тысяч крестьян. Никто из них не знает, кто мы и чего хотим. Но все чувствуют, что идём для их избавления.

Я начинаю с ними говорить на том же языке, как и в долине Хоринки в Турде. Но после двух минут полицаи Попов и власти пробиваются ко мне и останавливают.

– Вы не имеете права устраивать собрания в публичном месте...

– Румынский народ имеет права везде в своём доме.

Власти кричали, чтобы я не говорил. Люди – чтобы говорил.

– Люди добрые, – говорю я им, – так и есть – законы запрещают нам говорить в общественных местах. Пойдёмте на окраину города или к кому-то во двор.

Делаю знак всадникам и мы направляемся к окраине. Кордон сержантов останавливает толпу. Через несколько минут передо мной появляется отряд солдат с примкнутыми штыками во главе с полковником. Полковник Корня вытаскивает револьвер и направляет его на меня.

– Стой, или пристрелю!

Останавливаюсь.

– Господин полковник? Господин полковник, почему пристрелите, ведь я не сделал ничего плохого. У меня тоже есть револьвер, но я не пришёл с кем-то драться, тем более с румынской армией.

Все мои аргументы были напрасны. Я простоял там почти час, вынося всевозмож-

ные оскорбления и издевательства. Я мог бы ответить тем же и драться. Мне потребовалась железная выдержка, чтобы не оказаться в более грустной ситуации. В той, чтобы я, румынский националист, дрался с армией моей страны на радость жидов-коммунистов.

Полковник начал бить саблей нас и лошадей, солдаты – колоть нас штыками. Пришёл префект. Я спешился и пошёл с ним в префектуру. Он был цивилизованным человеком. Пришёл и полковник.

Я сказал ему:

– Я питаю уважение к вашему званию, поэтому не ответил. Но ничего, в следующий понедельник встретимся вновь на том же месте.

Я ушёл. Сержант подал мне лошадь. Кристиан и Кукулицэ ждали меня на улице без лошадей у ворот. Они привели своих лошадей. Мы сели верхом и поехали назад тем же путём, гонимые сзади полицейскими и сопровождаемые издевательскими взглядами евреев. На окраине города я нашёл остальных всадников, огорчённых и подавленных поражением. Потом несколько крестьян прокрались из города спросить, кто мы такие.

– Идите и скажите людям, что в следующий понедельник мы вновь придём. Пусть все христиане из жудеца придут в Кагул.

Мы потерпели поражение. Сейчас мы не могли петь. Возвращались молча, не разговаривая друг с другом. Придя в Оанчу, мы от руки сделали десять афиш, в которых сообщали, что в понедельник, 10 февраля, снова придём в Кагул. Через всадников мы отослали их в несколько точек жудеца. Возвратились в Ганешты домой к крестьянам, куда доехали в двенадцать ночи после тяжёлой дороги в темноте, где не видно на два шага впереди. В лицо нам хлестал дождь со снегом, а в спину – воспоминания о поражении. Спали у Кристиана. На второй день утром я поехал в Берешты. Там я написал приказ для легионеров из долины Хоринки, Галаца, Ясс, Бухареста, Фокшан и Турды, в котором говорил, что мы потерпели поражение в Кагуле и что для нас всех является вопросом чести возвратиться и победить, и что они нужны возможно большим числом. Место встречи – Оанча, где они должны быть самое позднее в воскресенье вечером, второго февраля. Одновременно я известил команду Тоту, Крынгэу, Еремею, что находились в жудеце Текуч. Также написал письмо моему отцу, в котором просил его приехать и помочь нам. Легионеры собрали мне денег и я уехал в Бухарест. Там я явился к господину Иоаницеску, заместителю министра внутренних дел.

Я ему рассказал о том, что случилось в Кагуле и попросил у него разрешение провести новое собрание – законное требование – взяв на себя обязательство, что это со-

брание пройдёт в полном порядке, с условием, что меня не будут провоцировать власти. После нескольких объяснений, что у меня попросили, он дал согласие. Я не нуждался в согласии. Закон этого не требует, но я хотел обезопасить себя от любого тенденциозного вмешательства.

В воскресенье утром я снова был в Оанче. Лефтер ушёл в Кагул, чтобы согласовать с властями место собрания.

Весь город кипел. Властям сообщили, что крестьяне тысячами идут со всех сторон жудеца, чтобы участвовать в кагульском собрании.

В течение дня прибыли две машины из Фокшан с Х. Соломоном и Бланару. Приехали из Турды Тоту и Никита, из Ясс – группа легионеров с Баней, Ифримом и священником Исихией, из Галаца – Стелеску с братством, один делегат от студентов-легионеров из Бухареста и Праля с гнёздами из Фолтешти, затем пешком, на телегах и верхом – берестяне и легионеры из долины Хоринки.

Приехал и мой отец. Вечером нас было уже свыше 300 легионеров, которые были расквартированы в Оанче. И ещё прибывали.

Боясь, чтобы не дай Бог не распался понтонный мост через Прут, делая таким образом невозможным переход, я приказал, чтобы за ночь группа из тридцати легионеров заняла позиции на обеих сторонах моста.

В понедельник утром, в 8 часов, я послал вперёд группу из пятидесяти легионеров под командованием Потоли для того, чтобы войти в город и собрать полицию к собранию. Тем временем были проведены переговоры с целью отменить встречу. Это невозможно. В 10 часов мы выстроились в колонну и пошли:

В I-ой линии – всадники, в количестве ста человек, со знаменем, все с перьями на шапках. Многие в зелёных рубашках. У каждого на грудь был пришит белый крест, сделанный из ткани. Они имели вид крестоносцев, которые шли во имя Креста против каких-то языческих сил на освобождение румын;

Во II-ой линии в колонне маршем шла пехота, со своим знаменем, свыше десяти человек;

В III-ей линии шло около восьмидесяти подвод, гружёных по четыре-шесть человек, в большинстве своём жителей из Оанчи, также со своим знаменем.

Всё выглядело как начало битвы.

Когда дошли до края города, море непокрытых голов встретило нас без приветствия и без музыки, во впечатляющей церковной тишине.

Мы прошли верхом через середину этих крестьян. Часть из них плакала.

Эти крестьяне со всей Бессарабии не почувствовали ничего хорошего после объединения, так как, выйдя из-под русского владения, попали под владычество евреев, были просто-напросто проданы им.

Уже двенадцать лет они эксплуатируются и высасываются еврейскими коммунистами так, как ни один самый тиранический режим, известный в истории, не эксплуатировал какое-либо человеческое общество.

Города и местечки – это настоящие колонии пиявок, вонзившихся в истощённое тело крестьянина.

И верх безобразия, что именно эти пиявки превратились в пиявок против эксплуатации народа, против террора, который давит народ. Это коммунисты из Бессарабии и из Румынии.

И больше того: эти пиявки, полные крови, высосанной из румын, публикуют в своей прессе во главе с «Адевэрул» («Правда») и «Диминяца» («Утро») следующие высказывания:

- Мы жили и живём (пиявки!) в самых лучших традициях братства и гармонии с румынским народом;
- Только враги народа, враги страны, правые экстремисты хотят разрушить эту гармонию.

На месте встречи собралось свыше двадцати тысяч крестьян. Конечно, это самое большое собрание людей, которое видел город со дня своего основания. Без манифестов, без газет и без пропаганды. Собрание прошло очень торжественно. По одной стороне в одну линию построили всадников, по другой – колонну пеших легионеров.

Крестьяне, с неприкрытыми головами, слушали внимательно. Ни одно слово, ни один жест не потревожил это торжество. На этот раз полковник Корня не появился на этой встрече.

Сказал этим бессарабским крестьянам, с их большими бедами и болями, которые ждали ласковое слово и которых не я здесь собрал в таком большом количестве:

- Что мы не оставим их забытыми в еврейском рабстве, в котором они находятся сегодня. Что они станут свободными, хозяевами своего труда, хозяевами своей страны, что заря нового дня для народа уже близка. Что в начавшейся борьбе они должны иметь только веру, веру до самой смерти, и тогда получают взамен справедливость и славу.

Затем выступили Лефтер, Потоля, Баня, Ифрим, священник Исихия, Виктор Мота, Пынзару, Христаке Соломон. В конце, более двух часов, говорил мой отец, – понятно, стильно и глубоко, на языке народа.

Потом посоветовали крестьянам расходиться по сёлам, в абсолютной тишине и порядке, обращая внимание на то, что мы можем сослужить большую службу евреям, если это влиятельное собрание завершится хоть каким-нибудь, даже самым маленьким, беспорядком.

Люди хотели увести нас с собой. Со всех сторон нам кричали:

– Да поможет вам Бог!

Сопровождаемые любовью этих крестьян, мы поехали в Оанчу, где и расстались. С собрания в Кагуле мой отец вошёл в легионерное движение.

Люди разошлись в безукоризненном порядке. Наше торжество было огромным, тем более всё развивалось и завершилось в спокойствии и порядке. Евреи из Кагула ещё хотели, любой ценой, скандала, чтобы спровоцировать беспорядки и волнения, чтобы скомпрометировать наши действия и чтобы суметь вызвать против нас меры со стороны правительства.

Однако видя, что люди спокойно расходятся по домам, два еврея, конечно подосланные раввином, разбили стёкла одного магазина, их собственного магазина. В прессе, в таких изданиях, как «Диминьяца» (Утро) из Сэриндар или «Адевэрул» («Правда») вышли бы потом заголовки: «Большие разрушения в Кагуле. Сколько теряет страна в лице заграницы!» и т. д., если бы власти и наши люди не поймали этих персонажей на месте преступления и не отвели их в полицию.

Привожу этот пример, сам по себе малозначительный, но имеющий большое значение для тех, кто хочет понять и знать систему и приёмы дьявольской борьбы евреев. Они в состоянии поджечь целый город, чтобы, подбрасывая собственные факты за спиной противника, скомпрометировать действие, которое иначе привело бы к полному решению еврейской проблемы.

Обращаю внимание легионеров, чтобы не поддавались на провокации, потому что мы победим только самым совершенным порядком. Беспорядок не означает наш конфликт с евреями, а означает наш конфликт с государством. Евреи хотят нас подтолкнуть к постоянному конфликту с государством, потому что государство сильнее. Мы, подталкиваемые и вовлечённые в борьбу с государством, будем раздавлены, а евреи и дальше останутся в роли беспристрастных зрителей.

В Яссах в воротах меня ждала моя собака Фрагу, которая была у меня с 1924 года, и которая была свидетелем всех драк и всей борьбы, через которые мне пришлось пройти с тех пор до сегодняшнего дня.

Здесь я решил текущие организационные проблемы, переписку с ячейками, которую мне предоставлял в обязательном порядке Баниа, начальник легионерской почты. Баниа в течение двух лет переписки настолько хорошо стал понимать мой метод ведения, что мог сам решать много вопросов в период, когда я редко приезжал в Яссы.

Вновь в Бессарабии

Я не смог остаться дома больше недели, потому что крестьяне из Бессарабии прислали за мной делегатов, письма и телеграммы. Они с такой надеждой, с такой святостью привязались к этому движению, что тяжело себе представить.

За две недели после первого приезда в Кагул весть о легионерах разнеслась как молния во всей крестьянской массе Нижней Бессарабии, от села к селу до края Днестра. Весть о начале освобождения из еврейского рабства зажгла сердца бедных крестьян. До того времени они сзывали надежду с Крестьянской Партией, веря, что они, крестьяне, когда их партия придёт к власти, обретут справедливость. После восьми лет мучений, борьбы и надежды на эту партию, они обнаружили в ней что-то ужасающее для их души, были преданы и обмануты. За их спинами, прикрываясь именем «Крестьянская Партия», были спрятаны интересы евреев. Партия «У крестьянина-румына с бакенбардами жупына», – так окрестил её профессор Куза.

Скорбь охватывала при виде этого уничтожения веры в сердцах крестьян, когда после восьми лет они в один момент поняли, что их добрая вера была обманута.

Вот и снова мы в Берештах, а после, на машине, приехали на берег Прута, в Рогожены. Здесь меня ждали свыше двухсот всадников под предводительством Штефана Морару и Косы, пришедшие со всех окрестных сёл.

– Пойдём до Днестра, – сказал один.

– Да! Пойдём, – ответили ему.

Сейчас, в первый раз во мне зародилась мысль предпринять большую экспедицию, которая охватила бы всю Южную Бессарабию от Тигины до Белой Церкви.

По возвращению в Яссы меня постоянно мучила эта мысль: как сделать так, чтобы пройти Бессарабию до Днестра?

Одна лишь проблема давила – как сделать так, чтобы нас не остановили власти, чтобы мы не дрались с государством, с армией?

Тогда я задумал создать новую национальную организацию для борьбы с еврейским коммунизмом, в которую вошли бы и Легион Архангела Михаила, и любые другие молодёжные организации, различные партии. Считал, что таким образом мы сможем просочиться в Бессарабию.

Как назвать эту организацию? Беседую с легионерами в зале Дома Культуры. Одни предложили «Антикоммунистическая Фаланга», вторые – другие названия. Кзынгану предложил – «Железная Гвардия».

– Это – оставить!

Сейчас я готовил план антикоммунистических действий, но не антирабочих. Потому что я, когда говорю «коммунисты», понимаю – «жиды».

Чтобы получить разрешение на вхождение в Бессарабию, избегая таким образом конфликтов с властями, через несколько дней мы пришли на аудиенцию к господину Вайде Воеводе, тогда министру внутренних дел, от Ионела Брэтяну, второго человека в политике, которого я видел.

Он задержал нас на три часа. Понял, что был неправильно информирован и на наш счёт, и на еврейские проблемы, которые не знал в настоящем свете.

Нас считали за неугомонных молодых людей, которые хотят решить проблему евреев через битьё стёкол. Тогда я объяснил ему, что мы видим еврейскую проблему как проблему жизни и смерти для румын; какое их внушительное и подавляющее количество; как ликвидировали они национальный средний класс и румынские города. Сказал ему о пропорции между христианами и евреями в Бельцах, Кишинёве, Черновцах, Яссах; про опасность, которую представляют евреи в школе, угрожая отчуждением руководящего румынского класса и фальсификацией нашей культуры.

Я объяснил ему, каким образом мы видим решение. Он понял с первого момента, о чём идёт речь. Но хотя человеку его ранга не требуется много времени чтобы понять суть вещей, всё-таки, я думаю, он никогда полностью не сможет этого сделать, потому что так обстоят дела: глаза 1890-го не видят так, как 1930-го. Есть воззвания, есть побуждения, есть немые приказы, которые слышит и понимает только молодёжь, потому что они обращены только к ней. Каждое поколение пребывает в мире со своим. Быть может поэтому он и не имел достаточной веры в нас.

Дав разрешение на марш в Бессарабию, естественно, он взял с нас обязательство в том, что будет абсолютный порядок.

Через несколько дней я написал манифест ко всей молодёжи страны.

Волнения в Марамуреше

Между тем начинаются большие волнения в Марамуреше, в другом конце Румынии, над которой ночь простёрла своё покрывало. Там евреи захватили сёла. Завладели землями, горами, овчарнями в горах. Румыны, доведённые до рабства, всё больше отступают перед лицом иудейского нашествия и медленно гаснут, постепенно оставляя захватчикам свои имения, унаследованные от Драгоша Воеводы. Ни одно правительство не интересовалось ими, ни один закон их не защищал.

В начале июня 1930 года у ворот моего дома остановилась телега, запряжённая двумя лошадьми. С неё спустились два священника, один крестьянин и один молодой человек.

Я пригласил их войти. Представляются: православный священник Ион Думитреску, единоверческий священник Андрей Беринде и молодой человек Никоарэ.

– Мы приехали на телеге из Марамуреша. Уже две недели в пути. Мы оба – священники в Борше, один единоверческий и другой православный. Не можем больше смотреть на несчастных румын с Марамуреша. Отчёт за отчётом писали. Отослали их во все инстанции: в правительство, министрам, в парламент, в регентство.

Ответа ниоткуда не получили. Не знаем, что ещё делать. Пришли на подводе сюда, в Яссы, попросить поддержки румынского студенчества. Говорим от имени тысяч крестьян Марамуреша, которые дошли до отчаяния. Мы их священники. Не можем закрывать глаза на то, что творится. Погибает народ и сердце рвётся от жалости.

Несколько дней они прожили у меня. Я им сказал:

– Единственное решение, которое я вижу – это попытаться поднять их дух. Чтобы они знали, что мы их поддерживаем и они не одни ведут борьбу. Что мы боремся за них и что их судьба зависит от нашей победы.

Вслед отправил для организации Тоту и Еремию, а позже Савина и Думитреску-Западэ. Тысячи крестьян из Борши и со всех долин вступали в организацию.

Евреи, поняв опасность румынского возрождения, начали провокации. Видя, что система не срабатывает, они прибегли к адскому методу – подожгли Боршу, обвиняя в этом румын. Еврейские газеты незамедлительно начали вопить, чтобы приняли безотлагательные меры против румын, которые организуют погромы.

Оба священника подверглись нападению со стороны евреев, над ними издевались,

побили, и потом они много километров шли загнанные и брошенные камнями. В конце концов их арестовали как агитаторов и обоих заточили в тюрьму в Сигета Мармации. Также были арестованы Савин и Думитреску-Зэпадэ и несколько десятков видных крестьян. Тоту и Еремея были арестованы в Дорне и брошены в тюрьму Кымпулунг. «Адевэрул» («Правда») и «Диминяца» («Утро») начинают настоящую канонаду обманов и гнусностей, вменяя их священникам и арестованным.

Все наши протесты – телеграммы, отчёты и т.д. не имели никакого результата из-за еврейского крика, шума и давления.

Бессарабский поход 20 июля 1930 года

Ввиду начала похода, который мы собирались предпринять, мной был написан «Маршевый приказ», который мы опубликовали в «Земле Предков». Выписываю из него:

1. Идём, чтобы перейти Прут под звуки старого гимна объединения румын: «Давайте друг другу руки, в ком бьётся сердце румына».
2. Идём, чтобы посетить сёла между Прутом и Днестром, идём, чтобы донести свои слова и связать братство легионеров с потомками Стефана Великого и Святого.
3. Продолжительность марша – один месяц.
4. Переход Прута через семь пунктов. Колонна справа по направлению и с конечным пунктом Белая Церковь, колонна слева идёт на Тигину.
5. Способ передвижения – пеший марш от Прута до Днестра.
6. Дата отправления – утро 20 июля. Час перехода Прута будет объявлен.

В момент, когда евреи узнали, что мы хотим войти в Бессарабию, чтобы пробудить сознание румын, их пресса начала ураган атак против нас. Клевета, обманы, подстрекательства без перерыва наваливались на нас в течение месяца.

Эти атаки одинаково обрушились и против господина Вайды. Евреи требовали, чтобы г-н Вайда был немедленно отправлен в отставку из министерства внутренних дел, более того, был «выброшен за борт» за дерзость позволить нам, молодым румынам, войти в Бессарабию, чтобы нести доброе, ласковое румынское слово, слово надежды нашим отцам и братьям за Прутом.

Бессарабия полностью, как экономически так и политически, отдана под господство евреев. Любая попытка румынского освобождения, любое посягательство на это чёрное господство расценивается как преступление. Под давлением атак еврейской прессы Бессарабский марш был запрещён как раз в тот день, когда легионеры со всех сторон направились к Пруту.

Тогда я написал протест, который был распространён в столице:

«Легион Архангел Михаил

Железная Гвардия

Одно воззвание и одно предупреждение.

Румыны Столицы!

«Марш Железной Гвардии, который должен был быть предпринят на Бессарабию, был остановлен. Недруги здоровой и сильной Румынии ликуют. Евреи из Сэрдинара, из «Лупта» («Борьба»), «Адевэрула» (Правда), «Диминяцы» («Утро»), эти отравители румынской души, месяц пугают, месяц унижают, месяц плюют в душу. Здесь, у нас дома.

Их клещи вонзились в грудь нашей нации, они превратились в монополистов понимания высших законов Родины и незванными цензорами всех правящих.

В Турде у правительства попросили остановить демонстрацию под предлогом, что загорелся Ардялу; в Кагуле, – потому что начитнается революция в Бессарабии; в Галаце, – потому что будут кровопролитие и погромы.

Везде остались обычные провокаторы. Легион сохранял абсолютный порядок и дисциплину.

Сегодня мы направляемся к Днестру, чтобы повернуть Бессарабию лицом к Бухаресту.

Но этим наёмникам коммунизма такое не подходит.

Бессарабия должна остаться жертвой большевизма и смотреть на Москву, чтобы они продолжили терроризировать провинции между Прутом и Днестром, терроризировать всю политику Румынии.

Румыны!

Продажное и лицемерное политиканство – это гниль, которая инфицирует жизнь, сопровождая её жалким расчётом электорального интереса, расчётливой угодливостью. Это в их планах стоит раздробление страны и отчуждение земель наших предков. Разум и расчёт, которые отдала Румыния пятьдесят лет назад, на руку пришельцам из-за границы.

Смотрите, что сегодня движет этими мучениками из Марамуреша и Буковины!

Глаза заливаются слезами, что на дорогу рабства их бросили подлость всех руководителей страны, не потому что их забыли, а потому что их предали.

Не кажется вам странным, что не нашёлся хотя бы один голос в этой стране, который заступился бы за них? И не кажется ли вам бесстыдством свести весь вопрос из Марамуреша к «подстрекателям» Николае Тоту и Еремию? Они виноваты? А политиканы, которое обманывали каждый день в течение двенадцати лет, не виновны? А сотни тысяч пришельцев, евреев, которые напали на их головы как саранча, чтобы отобрать землю, унаследованную от предков и поработить – это ли не подстрекатели и провокаторы? А господа из Сэрдинара, которые бесчестят нашу гордость, гордость хозяев в этой стране – это ли не провокаторы?

Румыны!

Вот типичный пример, из которого можно выявить настоящую сущность «беспорядков» в Буковине и Марамуреше.

«Универсул» («Вселенная») от 17 июля 1930 года печатает следующей статистику: «В Черновцах – дети школьного возраста, начальный курс, – 12 277, из которых румын (мальчиков и девочек) – 3 378, а остальные – чужие. Какое доказательство подавления румынского элемента севера страны вы ещё желаете? Куда хотите, чтобы убежала под этим огромным и убивающим натиском душа румынского рода? Вы на них клеветеете, вы их бьёте и обижаете за то, что они поднялись за хлеб и против «плохого экономического положения», когда в реальности они смело поднимаются, чтобы защищать существование румына на северной границе, потому что не нашёлся ни один мужчина-политик, который бы сказал правду Его Величеству.

Ваше Величество!

Эти несчастные не просят хлеба, они просят справедливости! Просят освобождения души, которая может умереть, задавленная в Марамуреше и Буковине. Просят принятия мер против сотен тысяч евреев, обожравшихся, жирных и белых как черви, которые каждый день пренебрежительно относятся к их бедности, будучи под защитой всех румынских властей.

Конечно, они хорошо знают, эти господа газетчики, что не через насильственные манифестации можно решить такую проблему, они хотят довести руководство Румынии до крайнего предела терпения. Необходимо ускорить издание румынских законов – законов о защите румынского элемента в Румынии.

Господа из Сэрдинара!

Может, вы хотите, после непрекращающихся оскорблений, которыми вы раните ру-

мынские души, видеть меня в один прекрасный день во главе святых, восставших в Марамуреше? Знайте, что в тот момент пробьёт ваш час!

В любом случае, если законы вам кажутся неудовлетворительными, я вам заявляю, что у меня достаточно сил для того, чтобы поставить вас на ваше место и сделать так, чтобы вы поняли, в какой стране живёте.

Если не успокоитесь, – призову всё живое в этой стране решительно бороться против вас всеми методами, которые знает мой разум.

Румыны!

Новая Румыния не может выйти из-за кулис партий, также как и Великая Румыния не вышла из расчётов политиканов, но из степей Марамуреша и из долин, усеянных стальным градом.

Новая Румыния не может выйти иначе, как только из борьбы, из жертвований её сынов.

Поэтому не к политиканству сегодня я обращаюсь, а к тебе, солдат. Восстань! История вновь зовёт тебя стать таким, какой ты есть, с оторванной рукой, с повреждённой ногой, с изрешечённой грудью. Пусть дрожат немощные и слабоумные.

Вы сражаетесь с мужеством.

Дети Драгоша Воеводы и буковинян, дети Стефана Великого и Святого, вскоре Железная Гвардия позовёт вас на большое собрание в Бухаресте для защиты жителей Марамуреша!

На своих знамёнах напишите: «Чужие нас подавляют. Чуждая пресса нас отравляет. Политиканство нас убивает».

Трубите тревогу в горны. Трубите изо всех сил.

Румыны, в момент, когда враги нас подавляют, политиканы нас продают, кричите трепетно, чтобы на горных просеках в часы грозы было слышно:

РОДИНА! РОДИНА! РОДИНА!

Корнелиу Зеля Кодряну

Начальник Легиона».

Покушение на министра Ангелеску.

Июль 1930 года

Вечером того дня, когда вывесили Манифест, я находился в Студенческом Центре. Беседовал с несколькими студентами. Появился и молодой Беза. В один из моментов он достал значок организации «Влад Цепеш» и выбросил его.

– С сегодняшнего дня больше ничего не имею общего с «Влад Цепеш», я подаю в отставку.

Меня, конечно, это не удивило. Во-первых, потому что Лига «Влад Цепеш» показалась чем-то несерьёзным, и тем более молодёжь из «Влад Цепеша», о существовании которой я засомневался с первого момента. Отход от такой молодёжи оставлял абсолютно равнодушным.

После долгих минут молодой человек вновь ввязался в дискуссию, говоря, что хотел бы стать легионером, если у меня нет никаких возражений. Я дал ему неопределённый ответ, который походил на отказ. Легионерская догма даёт резерв времени на рассмотрение любого нового заявления о вхождении в Легион, тем более в данном случае.

За несколько дней до этого я ещё видел Безу в маленьком ресторане, где он спрашивал у меня, хорошо ли было бы застрелить Стерю. Я тогда не принял его слова всерьёз.

На прощание он пригласил переночевать у него. Я отказался. Поспал у медиков. На второй день около 12-ти часов слышу крики продавцов газет: «Покушение на министра Ангелеску». Кто? Беза. Как? Несколько раз выстрелил, но жертву достал лишь поверхностно.

Почему? Не знаю. Интересуюсь. Слышу: конфликт между македонцами и Ангелеску на тему «Закон новой Добруджи», по которому нарушаются интересы румын из Добруджи. Г-на Ангелеску я никогда не знал, также как и не видел до сего дня. Через два дня я был вызван на следствие. В кармане Безы нашли манифесты Железной Гвардии. Объясняю судьбе по инструкции и делаю декларацию. У меня нет ни одного знакомого, нет никаких связей. Не знаю даже причину, которая его побудила вызвать меня. Меня отпускают. Думаю: какая беда могла обрушиться, если бы я согласился на приглашение Безы переночевать у него? Тогда бы я стал морально ответственным свидетелем. Любой аргумент, сказанный мною в свою защиту, не был бы понят. Более того, этот факт совпадал с приостановлением Бессарабского марша.

На второй день, к большому моему удивлению, в «Диминяца» читаю заголовок на полстраницы: «Корнелиу Кодряну осуждает поступок Безы». Я ошеломлён. Иду к следователю и говорю:

– Господин следователь, я очень удивлён что отсюда, от вас, из секретного учреждения, просочилась неточная информация. Я не осуждал поступок Безы. Не моё предназначение осуждать поступок Безы!

Никакой информации я не давал, это вымысел прессы.

Но могу ли я быть оклеветан еврейской прессой? Если даже я и знал кого-то лишь несколько минут, если даже не имел никаких связей с ним, никто не может меня принудить наброситься, как каналья, на него, в таком вот случае, чтобы его осудить. Не желаю. Такое может сделать весь мир, кроме меня, потому что я даже не знаю о чём идёт речь и потому что моё прошлое, когда я был поставлен в ту же ситуации бить, отобрало у меня право осуждать других. Сделаю новое предупреждение.

В тот же день я напечатал манифест, который распространил в столице.

Второе предупреждение

«Поскольку пресса осмелилась вновь мистифицировать правду, утверждая, что я осудил поступок Безы, то хочу дать следующие пояснения:

Если г-н министр Ангелеску имел хоть какие мотивы быть обиженным, думаю что столько же мотивов имеет молодой человек Беза, как перед лицом юстиции, так и перед лицом румынской души.

Заявляю, что не понимаю, почему я должен защитить первого, осуждая второго, и что я буду защищать молодого человека Безу и его дело со всем жаром моей души и всеми силами.

А вы, из Сэрдинара, впишите в летопись ближайших расправ второе предупреждение.

Корнелиу Зеля Кодряну».

Вслед за этими двумя предупреждениями мои отношения с г-м Вайдой прервались. Вайда обиделся на меня. Я не мог поступить иначе, как мне подсказывала совесть.

Вновь вызванный на следствие, я был арестован. Арестованный, вновь очутился в тюрьме в Вэкэрештах. В этой же тюрьме было ещё семь молодых людей, с которыми познакомился: Папанаке, Караника, Пиху, Мамали, Антон Кюметти, Фиката и Геця. Мы написали манифест о солидарности с Безой. Я вновь прошёл через те же ворота, как и семь лет назад с остальными пятью товарищами и, благодаря случаю, был распределён в ту же камеру, в которой сидел тогда. На второй день зашёл на фабрику и увидел Икону Святого Архангела Михаила, под благословением которой начал свой путь семь лет назад, когда был ребёнком.

Здесь, в тюрьме, я хорошо узнал этих молодых румын, пришедших из Гор Пиндула. Изысканная культура, высокое моральное здоровье, хорошие патриоты. Сочетание борцов и храбрости, люди, которые жертвуют собой.

Здесь я близко узнал о великой трагедии македонских румын. Эта румынская ветвь, которая тысячи лет сама, изолированная в горах, с оружием в руках защищает свой язык, национальность и свободу.

Тогда и познакомился с Стерей Кюметти, которого Бог избрал за его добродушную и чистую, как роса, душу, чтобы через свою трагическую и мученическую смерть он стал самым великим мучеником легионерского движения, легионерской Румынии.

Здесь наши мысли и сердца братались навсегда. Будем бороться вместе за весь наш род от Пинд и перейдя за Днестр. Не жалобы, не прошения, не встречи во всех правительствах, глухих для румын из-за границы и отсюда, а только сильные и хозяйственные румыны смогут решить везде все проблемы. Тогда, эти румыны, разбросанные по всему свету, приедут в страну, потому что их кровь нужна здесь, в Румынии, которая борется со смертью. И хорошо бы знать, как бы в этой борьбе смогли существовать правительства, которые широко открыли ворота для тысяч евреев, и которые одновременно запретили въезд в страну румынам из-за границы.

Все оккультные силы были в игре, чтобы, давая на юстицию, добиться моего осуждения.

Мой новый арест и содержание в тюрьме Вэкэрешты создал очень хорошее настроение в рядах евреев. На меня сыплются нападки и оскорбления во всех бумагах любым бесстыдным жидёнком. Меня атакуют и румынские газеты, что находятся на службе у партий, чтобы понравиться евреям.

Мне назначается срок суда. Начинаю те же приготовления. Жду, чтобы Нелу Ионеску, который защищает меня во всех процессах начиная с 1920 года, приехал в Яссы. По просьбам студентов в мою защиту подписался ещё г-н Михаил Мора.

Мой процесс, как всегда, – это юридический штурм, чтобы достичь какой-то солидарности. О, сколь мелкий приговор требуют евреи из «Адевэрул» – только чтобы было признано, что движение, руководимое мною, – анархическое, действующее подпольными средствами.

Евреи кишат по залам министерства юстиции со всякого рода интервенциями. В их стране румынская магистратура стоит прямая и несговорчивая. Я оправдан.

Но прокурор делает обращение. Меня и далее содержат в Вэкэреште.

Давление и напор юридической силы усиливаются. Я снова направлен в суд. Прокурор Прапоржеску на просьбу суда, чтобы угодить этой силе, отправил меня в бокс с жуликами, конокрадами и карманниками. Этих судили три часа. За всё это время я был объектом иронического и вызывающего разглядывания десятков евреев. В конце начали мой процесс. Вновь был защищён г-ном Михаилом Мора и Нелу Ионеску. Процесс закончился новым оправданием. После почти полутора месяца заточения я был освобождён. Я поехал домой.

После этого с Нелу Ионеску, Гырянцей, Мотой и Ибрэилянэ поехали на пикапе к Сыжетулу Мармаци поинтересоваться судьбой тех двух священников, которые находились в угрожающей нищете. Никто не приходил их проведать, принести еду. У священника Думитреску было двое маленьких детей и больная супруга. Дом без хлеба, без денег, без лекарств, – по доброте людей, – такова судьба христианского священника, поднявшегося на защиту Креста, Церкви и Рода! Такая же грустная судьба была и у остальных десяти видных арестованных крестьян.

На улице ликовали евреи. Собирались деньги по стране и из-за границы. Правительство давало деньги на «несчастных евреев» из Борша, чтобы они построили себе новые многоэтажные каменные дома, в то время как бедные румынские крестьяне кушали хлеб из древесной муки замешанной на овсянных опилках.

Я, который тогда увидел тот румынский Марамуреш, стонущий и мучающийся в когтях смерти, не могу понять всех политиков, всех образованных людей, всех священников, студентов, учеников, как и всех прокуроров человечества, которые приходят и подвергают цензуре политическую жизнь.

– Идите все и изучайте Марамуреш. Станьте судьёй любого человека со всего мира, ответьте, допустимо ли, чтобы в Румынской Стране с румынами произошло то, что происходит в Марамуреше?

Через четыре месяца священники были направлены в тюрьму из Сату Маре. Там состоялся их процесс, в котором были задействованы ещё пятьдесят крестьян и крестьянок с детьми на руках и двадцать евреев. В этом процессе защитниками румын выступили профессор Кэтуняну, Ион Мота, один местный адвокат, я, а четыре адвоката-еврея защищали тех двадцать судимых евреев. Через восемь дней все были освобождены, потому что всё, что им вменялось, было неправдой.

Роспуск Легиона Архангела Михаила и Железной Гвардии.

11 января 1931 года

Тем временем г-н Вайда, после настойчивых атак евреев был исключён из министерства внутренних дел и под тем же давлением заменён г-м Михалаке, который последующими действиями дал понять, что не постесняется использовать новые методы «твёрдой руки». Этот момент настал.

Молодой человек Думитереску-Зэпадэ, который был арестован в Сигете, раздражённый ложью, атаками, бранью еврейской прессы, никого не спросив, не говоря никому ни слова, взял револьвер, который случайно нашёл, и поехал в Бухарест. Вошёл в кабинет к Сокору и выстрелил в него. Но револьвер был сломан. На втором выстреле патрон сломался.

Это произошло в Рождественские праздники, во время которых я не находился дома ни одного месяца. Хотел встретить праздники в кругу семьи. Я был в Фокшанах, готовился ехать домой, когда в газетах прочитал о случившемся в Бухаресте. Немедленно был приглашён к следователю, судье Пападополу. Было доказано, что я не имел никакого отношения к случившемуся. Меня отпустили. Снова поехал в Фокшаны, где по приказу г-на Михалаке и без какого-либо мотива был окружён полицией в доме у Христеке Соломона и на протяжении восьми дней не мог выходить на улицу.

Господин Михалаке распустил Железную Гвардию и Легион, опираясь на бумагу из Консилиума министров. Были обыски во всех организациях, подняли персонал, были опечатаны помещения. В домах в Яссах, также и в Хуше перерыли даже подушки и матрасы. В пятый раз мне перевернули дом, забирая всё, что связано с движением, до самых мельчайших записей, которые я имел. Мешки, полные актов, писем, бумаг были взяты из наших домов и отвезены в Бухарест. Что могли найти у нас подпольного или провокационного? Мы работали днём и всё, что хотели сказать, говорили во всеуслышание. Мы говорили громко всем людям о нашей вере.

Из Фокшан, 9 января, меня отвезли в Бухарест и там, после двенадцатичасового допроса, арестовали и депортировали вновь в Вэкэрешты. На второй день были привезены ещё легионеры из уездов, наиболее активные: Лефтер из Кагула, Баня из Ясс, Стелеску из Галаца, Амос Поп из Турды, Тоту и Дэнилэ.

Новый сильный удар по руководству румынской организации, которая не сделала ничего нелегального, а только лишь попробовала поднять голову против еврейской гидры. Новое испытание для народа, который посмел подняться из рабства через свою молодёжь, когда он попал под удары одного румына, министра внутренних дел, под единогласные аплодисменты евреев из страны и из-за границы.

И на этот раз последовали яростные требования беспощадно уничтожить нас. Никакое средство не было лишним против нас, никакая подлость. А ведь мы ни в чём не были виноваты. До нас доходили еврейские листовки, которые атаковали нас, издеваясь над нами и над правдой, а мы не могли ничего сделать, не могли ничем ответить.

Со скрещенными руками, в четырёх тюремных стенах, мы смотрели, как клеветают на нас и строчат обвинения за обвинениями одно страшнее другого.

Чтобы показать степень подлости еврейской прессы того периода, достаточно, чтобы из множества попыток, сделанных для того, чтобы поставить нас против общественного мнения и ускорить наш приговор, воспроизвести следующую ординарную фальшивку, опубликованную газетой «Диминяца», впоследствии воспроизведённой и комментируемой остальными печатными изданиями.

Обращаю внимание на то, что никогда не помышлял написать и подписать такой приказ. Мне не принадлежит ни одного слова. Он полностью выдуман евреями.

Воспроизвожу его полностью, так, как он появился с комментариями газеты «Диминяца»:

«Убедительный документ»

В связи с целями и средствами, используемыми организацией «Архангел Михаил», мы в состоянии опубликовать сенсационный документ, распространённый Легионом из Ясс.

Речь идёт о циркуляре, посланном в Кымпулунг и Лудошул Маре Легионом «Архангел Михаил» из столицы Молдовы:

Легион «Архангел Михаил»

Офис Яссы (Рыпа Галбенэ) («Жёлтый овраг»)

Культурно-Христианское Общежитие

245/ 930 для обращений

Копия

Для ответов обращайтесь

Корнелиу Зеля Кодряну

Яссы, ул. Флорилор (Цветов), 20,

- через шифр -

К

II-му Батальону Кымпулунг

III-му Батальону Лудошул де Муреш

Имеем честь довести до вашего сведения следующее:

Беря во внимание, что гражданские власти, а также и военные, ослабли в своей бдительности, через наше ходотайство перед некоторыми сотрудниками как в министерстве внутренних дел, так и из (здесь говорится о другом высокопоставленном человеке З.А.), необходимо дублировать силы по пропаганде и подстрекательству, злоупотребляя этой возможностью, не будучи уверены, что в один прекрасный день они снова не повернутся против нас. Следовательно, без колебаний и потери времени сделайте следующее:

1. Составьте таблицу рот и взводов всех легионеров, которые дали клятву. Эти таблицы вы представите Легиону до 1 ноября, которые впоследствии будут сосредоточены по регионам.

2. II-й Батальон созовёт в Кымпулунг главных руководителей: Робота, Попеску, Шербана, Деспру, особенно секретно комиссара Нуберта из Ватра Дориней и начальника поста Георге Пэдуару из Пояна Стампия. Сообщите им, что Легион принял распоряжение об изменении плана работы. С этого момента будем работать конспиративно, совершенно секретно, больше не будет ни публичных встреч, ни пропаганды – будете безмолвно контактировать со всеми легионерами-начальниками ячеек, ставя им в обязанность поддержку того же состояния возмущения среди крестьян.

Открытый удар будет нанесён в эту осень в связи с заменой правительства Миронеску.

3. III-й Батальон, пригласите господина профессора Матея, Могу Виктора, Могу Тэнасе и командира взвода из Гринденя, из Урки пригласите лишь коммерсанта Молдовану. Тайно будет приглашён сержант-руководитель жандармерии Константин, с поста Лудош – сообщая им (что во II-м батальоне).

4. Два раза в неделю выводите молодых легионеров на полевые занятия (Ислаз) или другие места, подготавливая и объясняя им нашу великую цель, воодушевляя их.

5. Начальник Генерального штаба III-го Батальона должен быстрее завершить работы, которые были поручены ему устно и с секретным приказом № 7/1930; в случае, если экразита будет недостаточно, попросите вновь у известного человека.

6. По почте уведомите и господина Иосифа Гиздару из Сигишоары о вышеизложенном, отправляя и детальный рапорт о деятельности в Лудоше. В Сигишоаре будет сформирован IV-й Батальон под руководством господина Гиздару.

7. Этот приказ после прочтения немедленно сжечь.

Будьте осмотрительны! Армия жидовских шпионов следит за нашими действиями.

Не говорите ни с кем и никого не принимайте без моей подписи.

Выше сердца! Да здравствует Легион, и с Богом – вперёд!

Яссы, 7 октября 1930 года.

Командир Легиона

(сс) Корнелиу Зеля Кодряну

Начальник штаба и секретарь

(сс) Гырняцэ.

Из этого документа ясно видно, что Легион «Архангела Михаила» подготовил криминальные действия, привлекая для этого некоторых общественных руководителей.

Хотя запоздало, но власти обязаны были выявить абсолютно всех общественных руководителей, которые приняли криминальную сторону действий Легиона «Архангел Михаил» и применить самые строгие санкции».

Я понимал, что ситуация тяжёлая. Распавшаяся организация, опечатанные офисы, постоянные обыски.

Общественное мнение, полностью сбитое с толку криками евреев и очерствевшее от этих обвинений, которые те нам подбрасывали, склоняют к тому, чтобы оно поверило в правду всех этих одиозных сценариев.

Сверх того, в тюрьме грязь, холод, сырость. Отсутствует воздух и свет, постельное бельё. Нужно было большое вмешательство, чтобы получить солому, которой набивали матрасы и циновки, чтобы прикрыть сырость со стен.

1931 год начался в тюрьме под градом обманов, оскорблений и ударов жандармов.

Отправил, и на этот раз, новых товарищей, которые меня сопровождали в моё новое испытание, увидеть икону и все места, полные воспоминаний для меня.

Это, конечно, было тяжело и для них. Но их ответственность была только личная и намного меньшая. Мишенью, которую нужно было разбить и уничтожить, был я.

Чувствовал, как вновь сгущаются чёрные тучи над нами, как вновь и с большим ожесточением обрушивается на нас мир врагов, который хочет нас уничтожить.

Единственную поддержку посреди этих адских интриг и сильнейших натисков нашёл только в Боге. Начали поститься. Держали чёрный пост, все пятницы. А каждую ночь, в 12-ть часов, читали Акафист Божией Матери.

На улице легионеры из столицы во главе с Андреем Ионеску, Ионом Белжя, Иордаке, Дору Белимаке, Виктором Киркулеску, Котигэ, Хорией Симой, Николаем Петраш-ку, Янку Караникой, Виржилием Рэкулеску, Санду Валериу делают большие усилия, чтобы просветить общественное мнение, сбитое с толку прессой Сэрдинара.

И в то же время, преданный и непоколебимый Фэникэ Анастасеску, свидетель всех испытаний, через которые я прошёл, ищет способы улучшить наше материальное положение в тюрьме.

Вот вина, которую инкриминировали мне, согласно ордеру на арест № 194:

«Принимая во внимание акты уголовных дел, адресованные против Корнелиу Зеля Кодряну, адвоката из Ясс, в возрасте 31 года, Корнелиу З. Кодряну предупреждён, что допустил факт предпринятия действий против формы правления, установленной Конституцией и попытался провести агитацию через организацию неких ассоциаций Легион Архангела Михаила – Железная Гвардия, которые могли быть опасны для общественной безопасности. Имея целью установление диктаторского режима, который должен был быть введён в удобный для него момент насильственными средствами, к которым преступники были подготовлены и побуждаемы военной инструкцией, приказами, директивами и речами, а также посредством публикаций, афиш, эмблем, бесед, организованных ими вечеров или иных встреч.

Этот факт предусмотрен статьёй 11, II-й абзац Закона «О пресечении новых преступлений против общественного порядка» и предусматривает меру наказания тюрьмой от 6 месяцев до 5-ти лет, штрафом от 10 000 до 100 000 лей или исправительными работами.

Проведённые расследования установили цели и показали виновность Корнелиу Зеля Кодряну, и чтобы помешать вышеназванному общаться с информаторами и свидетелями, которые должны быть заслушаны, также и в интересах общественного порядка, в интересах закона, обвиняемый должен содержаться в заключении до новых распоряжений.

Были заслушаны и выводы господина прокурора Ал. Прокопа Думитреску и распоряжения ст. 93-й уголовного судопроизводства.

Для этого:

Всем руководителям-наёмникам общественных сил, в соблюдение закона, Корнелиу Зеля Кодряну арестовать и сопровождать до дома заключения в Вэкэрештах...

Дана в наш кабинет сегодня, 30 января 1931 года.

Прокурор Штефан Михэеску

(Дело № 10-1931)»

Процесс

Пятница, 27 февраля 1931 года.

Этот град обвинений непрерывно лил 57 дней, ежедневно отмечаемый в тысячах бумаг, в сёлах и городах. Ни одной возможности ответить. Ни одного луча надежды. Никто не в силах защитить нас от осуждения и погребения нас и движение и расстроить еврейский заговор. Смотрим, как власти, прокурор, безопасность и этот господин Михалаке, министр внутренних дел, хотя и знали из расследований, что мы ни в чём не виноваты, что не нашёлся ни один склад с оружием, взрывчаткой, боеприпасами и т. д., несмотря на всё это соучастники этой подлой ситуации оставили безнаказанными еврейские оскорбления и издевательства над арестованными людьми, которые не могли себя защитить.

Находясь в этой игре, Сигуранца (Безопасность Государства) имела элементарную обязанность успокоить общественное мнение, напечатав коммюнике, в котором бы говорилось, что неправда, будто бы Сигуранца раскрыла склады с боеприпасами и т.д., и что страна якобы находится накануне новой гражданской войны.

В этой ситуации нам назначается процесс на пятницу, 27 февраля.

Часть адвокатов придерживается мнения, что нужно перенести процесс из-за напряжённой обстановки и ставить свидетелей, по меньшей мере, из среды органов безопасности, которые должны принудительно, под присягой, сказать правду.

Отказываемся от предложенного. Судимся без единого свидетеля.

Председательствует господин советник Буйклиу, помогают ему господа судьи Ж. Соломонеску и И. Котсин, прокурор, господин Прокоп Думитреску.

Нас защищают профессор Ноликэ Антонеску, господа Михаил Мора, Нелу Ионеску, Василиу-Клуж, Мота, Гырняцэ, Корнелиу Георгеску, Ибрэилияну.

Народ и магистраты в ожидании увидеть доводы против нас, бомбы и боеприпасы, динамит и оружие. Ничего. Абсолютно ничего. В течение получаса после нашего допроса весь этот фарс провалился. Наконец-то мы смогли заговорить, захлёбываясь от негодования, которое за два месяца, час за часом, накопилось в нас. Все завалы лжи рушились перед правдой. Все цепи, которыми нас сковали, пали. Мы были блестяще защищены нашими адвокатами. Процесс продолжился и на второй день. Вынесение приговора было перенесено на несколько дней.

В установленный срок мы снова были направлены в Суд, где нам зачитали приговор о единогласном оправдании (уголовный приговор № 800).

Вот в каких словах охарактеризовал приговор оправдание действий, за которые Легион Архангела Михаила предстал перед судом после того, как ранее был расформирован:

«Имея в виду, из показаний господина прокурора, что подтверждаются факты дела, из которого следует, что, действительно, сторонники вербовались только среди решительно настроенных людей: мужчин, женщин и детей, земледельцев, школьников; говорится о ячейках легионеров или, к примеру, «белых орлов»; идёт речь о единой присяге или клятвенном обещании, о пяти базовых законах, из которых один тайный; что Легион – это военная организация с единой формой, с единой портупеей, с единой повязкой, с программами по физическому воспитанию и военному обучению, упражнениями по сигнализации, знанию азбуки Морзе и т. д.

Однако не утверждается, что те, кого набирали в рекруты, предприняли какое-либо действие против нынешней формы правления, установленного Конституцией и начали какие-либо действия, из которых бы следовало, что они опасны для безопасности государства. Простой факт строительства такой организации не может считаться преступлением, и даже если по версии некоторых она представляла бы опасность, организация всё это время не была тайной, и административная власть могла бы вмешаться, либо остановив её деятельность, либо распустив. По версии, которая якобы устанавливает, что организация скопировала как форму деятельности фашистскую модель, ещё не следует, что её члены могут быть признаны виновными, что устанавливает текст, из-за которого они направлены в суд, потому что в статическом состоянии организация, какая бы ни была её форма, не представляет никакой опасности для безопасности государства, но она может сделаться объектом некоторых административных мер властей, однако, не репрессивных мер, которые последуют только тогда, когда её намерения перейдут в действия (кроме случая, когда закон напрямую запрещает форму организации).

Или нельзя сделать вывод, что если несколько легионеров пошли в коммуны, чтобы найти сторонников, призывая народ организовываться, верить в легионерское движение и т. д., то они хотели подвергнуть опасности безопасность государства – на это можно ответить, что пропаганда как средство формирования и привлечения кадров одной политической организации в том виде, каким был этот, не является сколачиванием так называемых ячеек учениками лицея, образования которых не входили в данную орга-

низацию, и не даёт оснований оценивать это опасным для безопасности государства (имеется в виду, что в программу организации входило пробуждение национального сознания и внедрение физического и морального воспитания, что соответствует школьной программе).

Считаем, что нельзя вменить обвиняемым и то, что они преследовали через свои действия цель изменить нынешнюю форму правления, так как из материалов дела и по неоспоримому свидетельству представителя общественного министерства видно, что обвиняемый Корнелиу З. Кодряну и остальные, а также и все члены организации, проповедуя власть силы вместо власти паразитических партий, признавали авторитет Короля, о котором говорили во время своих мероприятий со всем уважением.

Речь всё время шла о сотрудничестве с главой государства, поэтому не может идти речи о каком-то свержении формы правления, которое правительство не одобрило бы.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, устанавливаем, что для таких утверждений вышеназванные действия (которые так или иначе никак не доказываются, что они являются подрывными действиями), по которым идёт суд, не могут быть включены в распоряжение статьи 11.

Считая, что марш в Бессарабию, задуманный организацией, не имел места, потому что мог иметь место только при одобрении власти: одобрении, на которое обвиняемые претендовали, но позже отозвали свои претензии, в таких обстоятельствах излишне дальше задерживать обвиняемых, так как они имели цель, во-первых, испытать легионеров и, во-вторых, разбудить национальное сознание у народа, пропитанное чуждыми элементами.

Все дела обвиняемых должны быть рассмотрены в свете их противоправных действий.

Так как ещё никогда преступники не были оправданы, акты обвиняемых Корнелиу Зея Кодряну, Дэнилэ и другие будут находиться в суде до установления фактов.

Обвиняемые не виноваты в том, в чём их обвиняют и вследствие этого должны быть оправданы».

Радостные возвращаемся в тюрьму. Там собираем вещи и ждём, чтобы уйти. Ждём приказа об освобождении. Ждём, – восемь часов вечера, девять, десять, одиннадцать, вздрагиваем при каждом шаге, который слышим во дворе. Засыпаем с собранными вещами.

Второй день вновь ждём. Лишь на третий день услышали, что прокурор подал апелляцию и что до нового суда мы остаёмся арестованными.

Опять тяжело проходят дни.

На пятницу 27 марта 1931 года нам установили новое заседание в Апелляционном Суде. Дни проходят всё тяжелее. Наконец, мы снова в тюрьме в Камере Юстиции. Мы судимся. Находимся во II-ом отделе Апелляционного Суда. Председательствует г-н Эрнест Гяур Аслан. Те же защитники выполняют свой долг, с тем же успехом Ионеску опровергает обвинение прокурора, который перемежает свою обвинительную речь выпадами и оскорблениями, полными ненависти.

Вынесение приговора переносится на несколько дней. Назад в Вэкэрешты. Ждём. Оправданным, нам сообщают о новом единогласном оправдании. Мы освобождены после 87-ми дней заточения. Мы не виновны. Кто накажет наших обидчиков? Кто отомстит за все несправедливости, за удары, за все перенесённые страдания?

Но прокурор делает кассацию. Позже она обсуждается в Кассационном Суде. Вновь единогласно оправданы.

Вот мы с двумя решениями: одно г-на Михалаке, в которой Легион Архангела Михаила и Железная Гвардия расформированы как подрывные организации, опасные для существования румынского государства, другое – от всей румынской юстиции: Трибунала, Апелляционного и Кассационного Судов, по которому единогласно эти молодые люди не имеют никакой вины, Легион и Гвардия ни в чём не опасны, ни для общественного порядка, ни для безопасности государства. Не смотря на это, наши помещения остаются опечатанными и дальше.

Еврейство, которое вновь было обижено, молчит и из-под тишка готовит другую ложь, другие нападки, другие подлости.

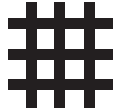
Господи, господа! Как не видит этот народ, что мы, – его дети, – оставлены на жертву ударам врагов, которые один за другим сыплются на нас?

Движение легионеров на первых выборах

Июнь 1931 года.

В апреле падает национал-крестьянское правительство, на смену которому приходит правительство Иорга-Аргетояну.

Легион, который расформирован, регистрирую в центральной избирательной комиссии как новое движение под названием: «Группировка Корнелиу З. Кодряну», выбираю себе избирательный знак:

Новое название, понятно, не прижилось в массах. Народ, пресса, враги, правительство продолжают называть нас Железной Гвардией. Нужно принять участие в выборах, чтобы больше нам не говорили, что мы не ставим себя в один ряд с людьми, не пользуемся легальными путями.

1 июня проводятся выборы. С большими материальными затратами, с одолжениями нам удаётся зарегистрировать своих кандидатов в уездах.

Начинается пропаганда. Самая легальная и самая деликатная. В уездах, где есть кандидаты военного министерства и первого министра страны, мы не выставляем свои кандидатуры. Из этого соображения, из меньшего, что имеем, рвём Фокшаны и Рэдэуцы.

Взамен на нас обрушиваются правительство, власти, задиры. Нам запрещают пропагандировать. В конце концов ещё и украли голоса. Всё-таки, после тяжёлой борьбы получаем 34 000 голосов. На первом месте идёт Кагул с почти 5 000-ми голосов, Турда с 4 000-ми, Ковурлуул с тремя отделениями: Берешты, Гэнешты и Оанча с почти 4 000-ми, Измаил с 6 000-ми и т.д.

С 15 декабря 1929 года, когда я поехал на первую встречу в Берешты и до сих пор, в июне 1931 года, провёл время в непрерывающейся борьбе и тюрьме. Дома, если даже сложить день за днём, я находился лишь два месяца.

Борьба в Нямце 31 августа 1931 года

После 20-ти дней узнаю, что было объявлено о вакантном месте в парламенте от уезда Нямц и что вскоре будут выборы.

Изучаю ситуацию и принимаю решение вступить в бой.

Имел в этом уезде по прошлым выборам 1 200 голосов. Сейчас представлены в выборах либералы, национал-крестьяне в объединение с авересцами и т.д.

Пресса хотела показать особую важность этих выборов, потому что борьба будет напряжённой и её результат будет с последствиями для правительства.

Отмечается концентрация сил. Народ даже начинает делать прогнозы. Одни отдают победу либералам, другие – национал-крестьянам. В разгаре борьбы некоторые заключают пари. Между собой договариваются ничего даже не говорить о нас. По наши души никто и не думал заключать пари.

25 июля я отдаю приказ о концентрации. Но мы ослаблены. Не имеем даже на оплату списка избирателей. Нам помогает семья Ешану в оплате списка и печатания манифеста.

30 июля в Пятра Нямц жду приезда групп. Каждый добирается как может: пешком, поездом, телегой. Сейчас начинают более серьёзно включаться в борьбу элементы, возвращенные в братстве, которые формируют группы под руководством более опытных легионеров.

По карте даю каждой группе по участку. Количество наших борцов увеличивается до ста. Они отправляются пешком, с неиссякаемой верой, хотя никто не знает, что будут есть, где будут спать. Господь позаботится о них, а нужда научит их. В Броштены направляется группа Бэникэ, профессор Матей, Косма, к которым присоединятся люди с Кымпулунга; в Рэпчуны – группа Цоку; в Биказ – группа Крынгану; в Тыргу Нямц – Виктор Силаги, Зоржоя, Стелеску; в Бэлцэтешты – Бая, Вентоник, Ифрим, Михаил Давид; в Крэкэаны – Дору Белимаке, Рэцою; в Рэзбоены – Валериу Штефэнеску, семья Михаила Крэчуна и Стелиан Теодореску. Параллельно с этими профессор Ион З. Кодряну имел встречи в разных населённых пунктах уезда.

Местами были ячейки легионеров под руководством следующих людей: Хергележиу, Тэрьцэ, Платона, Логина, Давида, Нуцэ, Михая Викляну, Унгурияну, Олару В. Амброние, Маковея и т.д.

Группы начали работать среди людей днём, чтобы получить еду. За короткое время группы стали любимыми среди крестьян.

Национал-крестьяне приехали на машинах. Только с их стороны приезжают в уезд и идут пропагандировать семь бывших министров. Также и от либералов. Из всех социальных категорий священники ведут себя слабее. В уездах, где искривляются крестьяне на церквях перед лицом политиканского владения, атеистичного и оживленного, в этой борьбе мы были единственными, кто приходил во имя Креста, с открытой грудью перед лицом безбожного монстра. Священники из уезда, за исключением трёх, были против нас.

В последнюю неделю мне нужно было организовать силы для заключительной борьбы. Сейчас мы имели шесть сильных отделений и десять послабее.

В беседе, которую я имел с начальниками групп, они утверждали, что если имеем шесть сильных отделений, можем поднять группы оттуда и укрепить слабых. Это было неправильное мнение, которое могло привести нас к потерям в борьбе.

Поступил с точностью до наоборот, концентрируя силы в моих сильных пунктах, а на остальных оставляя лишь маленькие группы для дёргания. Противники все сгруппировались неправильно. Они сконцентрировались в моих сильных пунктах. Мы дали бой в самых сильных наших пунктах, а они в самых слабых своих пунктах.

Они были уничтожены. Я получил в этих пунктах по 1 000 голосов по секции, а они – по 200, максимум по 300. В это время их сильные отделения, оставаясь без хорошей защиты, были ополовинены нашими группами.

В день голосования, начиная с утра, на машине вместе с Тоту объездили пятнадцать избирательных участков из шестнадцати.

Ночью, в 12-ть часов, узнали результат, при большом энтузиазме крестьянских масс и легионерских групп и при невероятнейшем прессинге политиканов и евреев:

Гвардия – 11 300 голосов;

либералы – 7 000;

национал-крестьяне с авересцами – 6 000;

остальные намного меньше.

Таким образом, в первой битве на открытом поле с объединёнными силами политиканов легионеры, хотя и были в сокращённом количестве и имели сравнительно меньше средств, смогли победить, сея панику у всех противников.

ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ НАЦИИ

В парламенте

После этих выборов я прошёл в парламент. Один посреди вражеского мира. Без опыта этой парламентской жизни, без демократического ораторского таланта, который включает много пустых, но красивых фраз, без подготовленных жестов перед зеркалом и без хорошей дозы наглости – качеств, с которыми можешь пройти, можешь подняться, но которых Господь не хотел дать мне. Вероятно для того, чтобы отрезать любой соблазн, который побудил бы возвыситься через него.

Никогда не перешагнул, сколько был в парламенте, законы благопристойности и уважения к старшим, будь они самыми яркими моими противниками. Не насмехался, не принимал участия в ругани, ни над кем не смеялся и никого не обидел. Так что не смог влиться в эту жизнь. Остался изолированным, не только благодаря тому что был один, без остальных, а изолированным от такой жизни.

В один из поздних вечеров, когда заседание подходило к концу, а скамейки были почти пусты, мне дали слово.

Я хотел показать, что наша страна захвачена евреями, что там, где она больше захвачена, там и самая ужасающая человеческая нищета – в Марамуреше, что начало существования евреев на нашей земле совпадает с началом гибели румын, что по мере того, как они увеличиваются, мы будем умирать, что, наконец, руководители румынской нации, люди демократического века и партий, предали свой народ в этой борьбе, отдавая себя на службу крупным национальным финансам или внутринациональному еврейскому.

Доказываю, что на счета банка «Мармороск Бланк» – этого еврейского гнезда интриг и подкупа – переведена основная часть людей политики, людей, которым этот банк «одолжил» деньги: г-ну Брандску, государственному секретарю – 111 000 лей; Крестьянский Банк господину Давиллу – 4 677 000 лей; господину Юниану – 407 000 лей; господину Мадгяру – 401 000 лей; господину Филипеску – 1 265 000 лей; господину Рэдукану – 3 450 000 лей; Банк Рэдукану – 10 000 000 лей; господину Пангалу (руководитель масонства шотландского обряда) – 3 800 000 лей; господину Титулеску – 19 000 000 лей – все они передовики румынской общественной жизни.

Кроме того, есть и другие, и их много. Есть все, но не успел положить руку на список, как был прерван одним из них:

– Это одолженные деньги. Оплатят.

Отвечаю:

– Оплатят или нет, не знаю, но я вам говорю одно: у того, кто одалживает деньги, существует зависимость от тех, кто финансирует, чтобы удовлетворить их, когда он находится в правительстве, удовлетворить, когда находится в оппозиции и в любом другом случае.

Потом читаю список, из которого указываю, без возможности на реплику, как со времён войны и до сих пор румынское государство было растратчиком общественных денег приблизительно на 50 миллиардов лей, под руководством демократии, слишком честной и совершенной формы правления «народа» через них самих. Руководство «демократии», беря за основу идею постоянного «контроля» народа, в котором народ, великий контролёр, разворован, на протяжении 15-ти лет на баснословную сумму в 50 миллиардов лей.

Потом делаю критические замечания по поводу демократии.

В конце формулирую семь заявлений:

1. Требую введения наказания смертью для мошенников-манипуляторов общественными деньгами.

Меня прервал господин Испир, профессор факультета теологии:

– Господин Кодряну, вы называетесь христианином и носителем христианской идеи. Напоминаю вам, что поддержка этой идеи противохристианская.

Отвечаю:

– Господин профессор, когда идёт вопрос о том, выбирать между смертью моей страны или смертью грабителя, я предпочитаю смерть грабителя. Думаю, что я лучший христианин, если не разрешу грабителю довести страну до гибели.

2. Требую ревизии и конфискации имущества тех, кто ограбил страну.

3. Требую привлечения к уголовному ответу всех политиков, если окажется, что они работали против страны, поддерживая несправедные дела или каким-либо другим образом.

4. На будущее, требую недопущения людей политики находиться в органах управления разных банков или предприятий.

5. Требую изгнания безжалостных эксплуататорских групп, которые пришли на эту землю, чтобы эксплуатировать богатства нашей земли и труд наших рабочих рук.

6. Требую декларацию, по которой территория Румынии – неотъемлемая и неоспоримая собственность румынского народа.

7. Требую отправления на работу всех электоральных агентов и установление единого руководства, которому бы подчинялось в единой мысли всё румынское дыхание.

Это были первые попытки публично сформулировать некоторые политические действия, которые я считал самыми срочными.

Они не результат долгих раздумий, идеологических исканий, а результат мгновенных реакций на то, что необходимо сейчас и немедленно румынскому народу.

Через шесть месяцев появились некоторые движения, довольно популярные, имея в программе только те три начальных пункта:

1. Наказание смертью.

2. Ревизия имущества.

3. Недопущение политиков для вхождения в консилиумы, что означает, что эти пункты заметили как нечто важное и другие.

Несколько заметок о демократии

Хочу на следующих страницах сделать несколько замечаний, появившихся из повседневного опыта, изложив их таким образом, чтобы они были понятны любому молодому легионеру или рабочему.

Мы живём в одеждах в форме демократии. Разве они хороши? Пока ещё не знаем. Одно видим и знаем точно: часть самых больших и цивилизованных наций Европы сбросила эти одежды и оделась в другие, новые. Разве хорошие сбрасывают от того, что они хорошие? Другие нации предпринимают все усилия чтобы и им сбросить и поменять. Почему? Все нации сошли сума? Лишь румынские политики остались самыми умными людьми в мире? Не верится мне.

Те, кто поменял или те, кто хочет менять, естественно, имеют свои мотивы.

Но что нам до их мотивов? Лучше займёмся нашими мотивами, которые заставили бы нас, румын, сменить эти одежды демократии.

Если нет мотивов, если для нас одежды демократии хороши, тогда мы их сохраним, даже если вся Европа их сбросит.

Но, однако, и для нас они не годны, потому что:

1. Демократия разрушает единство румынской нации, разделяя её на партии, враждующие и подвергаемые расчленению перед лицом единого блока иудейской силы в трудный момент своей истории.

Только этот аргумент настолько тяжёл для нашего существования, насколько был бы существенным для того, чтобы эта демократия была заменена на любую другую форму, которая смогла бы гарантировать единство, а значит жизнь. Потому что наше разделение означает смерть.

2. Демократия переделывает миллионы евреев в румынских граждан, уравнивая их с румынами, давая им те же права в государстве. Равенство? На какой основе? Мы здесь уже тысячи лет. Плугом и ружьём. Трудом и нашей кровью. Откуда равенство с теми, кто только сто, десять или пять лет здесь? Изучая прошлое, знаем, что мы создали это государство. Вглядываясь в будущее, мы, румыны, несём полную историческую ответственность за существование Великой Румынии. У них нет ни одного. Какую ответственность могут нести евреи перед лицом истории за будущее румынского государства?

Вследствие этого: равноправие не в труде, не в жертвовании и борьбе при создании государства и равноправие не в ответственности за его будущее. Равноправие? Как говорит старая пословица, равенство означает неравно трактовать неравные вещи. На какой основе евреи требуют равного обращения, равные политические права с румынами?

3. Демократия неспособна к длительным усилиям.

Потому что разделённая на партии, которые руководят по году, два или три, не способна задумать и реализовать долгосрочный план. Одна партия аннулирует планы и старания другой. Что было начато и воздвигнуто одними сегодня, завтра разрушается другими.

В стране, где необходимо строительство, в этот исторический момент это не преимущество демократии – это опасность, когда меняется хозяин, каждый год приходя с другими планами, изменяя то, что сделал один и берясь за другие дела, которые также будут поломаны теми, кто придёт завтра.

4. Демократия делает невозможным для политика выполнять свои обязанности по отношению к нации.

Политик с самой сильной волей становится рабом своих сторонников, поскольку или удовлетворяет их личный аппетит, или эти группировки лишают его поддержки. Политик живёт под тиранией и в постоянной зависимости от своего агента по выборам.

Он поставлен в ситуацию выбора: или распад труда всей его жизни или удовлетворение требований своих сторонников. И тогда человек политики удовлетворяет их потребности. Но не из своего кармана, а из кармана страны. Он создаёт посты, должно-

сти, миссии, комиссии, синекуры, которые тяжким бременем ложатся на государственный бюджет, который всё больше давит на спину народа, с каждым разом всё более истощая его.

5. Демократия не имеет авторитета.

Потому что у неё отсутствует сила санкции. Одна партия не принимает меры против своих сторонников, живущих на миллионных скандальных сделках, из-за vorосства, из-за страха самой стать добычей. Она не борется против своих противников из-за страха быть уличённой в собственных несправедных делах.

6. Демократия находится на службе крупного капитала.

Из-за дорогостоящей системы и конкуренции между разными группировками, демократию нужно подпитывать большими деньгами. Как естественное условие, она становится слугой крупного международного еврейского капитала, который оплачивает её и поработщает.

В этом случае судьба одного народа отдана в руки одной банковской касты.

Выборы, отбор и наследственность

Народ не руководствуется своей волей – демократией, и не волей одного человека – диктатурой, а законами. Речь не идёт о законах, созданных людьми.

Есть нормы, природные нормы и законы жизни, природные законы смерти. Законы жизни и законы смерти. Одна нация идёт на жизнь или на смерть в зависимости от того, как соблюдается один из этих законов.

Остаётся установить лишь одно. Кто из народа может понять или постигать эти нормы? Народ? Толпа? Думаю, что с них слишком много требуют. Толпа не понимает и другие мелкие законы. Не потому что не может в них уловить суть, а потому что нужно потратить много времени на объяснение, много раз настойчиво повторять, даже наказывать, чтобы их поняли.

Вот несколько законов, необходимых сейчас для её жизни, которые она с трудом понимает: в случае инфекции нужно изолировать больного и провести генеральную дезинфекцию; в доме должен быть солнечный свет, поэтому нужны большие окна; скот, если он ухожен и хорошо накормлен, даёт человеку больше и т. д.

Если толпа не может понять или понимает с трудом несколько законов, необходи-

мых сейчас для её жизни, то как может себе кто-то представить, что толпа, на которую при демократии он должен опираться, сможет понять самые трудные природные законы, сможет понять самые тонкие и самые неуловимые нормы человеческого поведения, нормы, которые превышают её, её жизнь, потребности её жизни, которые ею прямо не применяются, а которые применяются одной, выше её, сущностью: нацией?

Если для производства хлеба кто-то должен быть специалистом, если для того, чтобы шить ботинки, если для того, чтобы делать плуги, заниматься сельским хозяйством, управлять трамваем нужна специализация, то неужели для самого тяжёлого, – руководства, – руководства нацией, не нужна специализация? Не нужны определённые способности?

Вывод: сам по себе народ не руководствуется своими способностями, а только через свою элиту. То есть, через ту категорию людей, рождённых из своей среды, с определёнными способностями и специализациями.

Так же как пчёлы выращивают свою «королеву», так и народ должен взрастить свою элиту.

Так же и масса в своих нуждах апеллирует к своей элите, к мудрецам государства.

Кто выбирает эту элиту? Толпа?

Для любых «идей» или для любого кандидата в правление можно заманить людей, можно завоевать голоса. Это не зависит от понимания народом «идей», «законов» или «людей», а совсем от другого: от ловкости людей в получении доброжелательности массы.

Масса – самая капризная и самая неустойчивая во мнениях. Со времён войны и ближе к нашему времени та же толпа, раз за разом, была либеральной, национальной, национал-крестьянской и т. д., возвышая и славя каждого, чтобы год спустя плюнуть на него, признавая этим свои собственные ошибки, переживания и неспособность. Её критерий выбора – «попробуем новых». Итак, выбор делается не по изучению и знанию, а по случаю и наудачу.

Есть две противоположные идеи. Одна включает правду, а другая – обман. Что ищет правда? Правда бывает только одна. Ставится на голосование. Одна идея набирает 10 000 голосов, другая – 10 050. Возможно ли, чтобы 50 голосов, плюс или минус, определяли или отрицали правду? Правда не зависит ни от большинства, ни от меньшинства, она имеет свои законы и торжествует, как можно было видеть, против всего большинства, даже подавляющего.

Поиск правды не может быть доверен большинству, так же как в геометрии теория Пифагора не может быть поставлена на голосование большинства, чтобы оно решало или отрицало её правду. И также как химик, который хочет получить аммиак, не видит смысла обращаться к толпе, чтобы открыть посредством её голосов нужное количество азота и водорода. И также как агроном, который годами изучал сельское хозяйство и его законы, не может предстать после этого ради голосов перед толпой, чтобы убеждать результатами голосования в их правильности.

Может ли народ избирать себе такую элиту?

Почему же тогда солдаты не выбирают себе самого хорошего генерала?

Чтобы могли выбирать, это коллективное жюри должно хорошо знать:

а) Стратегические законы, тактику, организацию и т.д.;

б) Если человек утверждает по своим способностям и знаниям этих законов.

Без этих знаний никто не может выбирать.

Толпа, если хочет избирать себе элиту, обязательно должна знать законы правления национальным организмом, поскольку кандидаты утверждаются посредством своих способностей и знаний этих законов.

Но толпа не может знать ни эти законы, ни людей. Вот почему мы думаем, что элита не может быть избрана толпой.

Попытаться избрать эту элиту – то же самое, что иметь претензии определять через голосование и большинство национальных поэтов, писателей, авиаторов или атлетов.

Итак, демократия, основанная на принципе выбора, избирая себе элиту, совершает глубочайшую и фундаментальную ошибку, из которой исходит всё состояние несчастий, волнений и нищеты сёл. Мы находимся в начальном пункте, потому что от этой ошибки, от демократической концепции, исходят, можем сказать, все остальные ошибки.

Толпы, призванные избирать себе элиту, не только не в состоянии выявить и избрать элиту, а больше того, – избирают, за мелким исключением, всё самое худшее, что есть у нации.

Итак, демократия не только устраняет национальную элиту, но заменяет всем худшим, что есть у нации. Демократия будет избирать людей без зазрения совести, а значит, без морали, тех, кто больше заплатит, а значит тех, кто больше коррумпирован: мошенников, шарлатанов, демагогов, которым лучше бы выйти на конкурс мошенников,

шарлатанов, демагогов с началом избирательного периода. Среди них будет и несколько порядочных людей, но даже преданные народу политики будут рабами первых.

Настоящая элита нации будет разбита, отстранена, потому что она откажется спорничать на эти темы. Она отойдёт и спрячется.

Отсюда роковые последствия для государства.

Когда государство руководимо такой «элитой», состоящей из всего наихудшего, нездорового, испорченного, разве допустимо, чтобы кто-то ещё спрашивал себя: почему рухнет государство?

Вот причина всех остальных бед: аморальности, коррупции, беспредела по всей стране, воровства и грабежа государственного имущества, эксплуатации народа до крови, нищеты и бедности в их домах, отсутствия чувства выполнения долга на всех постах, хаоса, дезорганизации и беспорядка в государстве, нашествия со всех сторон иностранцев со своими капиталами, разоряющих магазины, скупающих товары за бесценок. Страна продаётся с аукциона: «Кто больше даст?» В конце концов до этого доведёт нас демократия.

В Румынии, со времён войны и сейчас особенно, демократия создала, через эту систему выборов, «национальную элиту» румыно-жидов, не имеющую в основе ни отваги, ни любви к стране, ни самопожертвования, а продающую страну, удовлетворяющую личный интерес, берущую взятки, торгующую товарами, обогащающуюся путём эксплуатации, воровства и краж, малодушную, а значит, плетущую интриги.

Эта «национальная элита», если она продолжит нами руководить, приведёт к распаду Румынского Национального Государства.

Итак, исходя из последнего анализа, проблема, которая стоит сегодня перед румынским народом и от решения которой зависит решение всех остальных – это замена этой элиты национальной элитой, которая имеет в основе: добродетельность, самопожертвование, любовь к родине, справедливость и любовь к нации, честь, труд, порядок, дисциплину и лояльные средства.

Кто сделает эту замену? Кто поставит новую элиту на её место? Отвечаю: любой, кроме толпы. Допускаю любую другую систему за рамками «демократии», которая, вижу, что убивает меня и, безусловно, румынский народ.

Новая румынская элита и любая другая элита мира должна иметь в основе прин-

цип социального отбора. Значит, она естественным путём отбирается из гущи нации, то есть из большой здоровой массы крестьянства и рабочих, постоянно связанная землёй и страной, категория людей с определёнными познаниями, которые впоследствии и применяют. Она становится национальной элитой. Эта элита должна руководить нацией.

Когда можно и нужно консультироваться с народом? Перед лицом великих решений он призывается, чтобы сказать своё слово, что он может, если может, подготовлен душевно или нет. Ему указывается дорога и от него требуется быть в состоянии идти по ней. Он консультируется по поводу своей судьбы. Вот что означает консультация с народом. Это не означает избрание элиты народом.

Но я повторяю вопрос: кто поставит каждого на своё место, в рамках элиты, и кто оценит каждого? Кто будет осуществлять отбор и даст посвящение членам новой элиты? Отвечаю: предыдущая элита.

Она не избирает, не назначает, а ставит каждого на то место, до которого он поднялся сам благодаря своим знаниям и своим моральным ценностям. Освящение делает руководителем элиты, консультируясь с элитой.

Итак, национальная элита должна заботиться о том, чтобы поставить наследницей элиту, сменяющую элиту. Но не основанную на принципе наследственности, а только на принципе отбора, социально применимого.

Сам по себе принцип наследственности недостаточен.

По принципу социального отбора, всегда подкрепляемого элементами из среды их нации, элита всегда остаётся сильной.

Историческая ошибка состояла в том, что там, где создавалась элита, основанная на принципе отбора, она на другой день оставляла принцип, который породил её, заменяя его принципом наследственности, устанавливая неправильно систему и присваивая привилегии по праву рождения.

Как протест против этой ошибки, за отстранение вырождающейся элиты и за отмену привилегий по праву рождения, родилась демократия.

Заброшенный принцип отбора привёл к появлению фальшивой и вырождающейся элиты, а это привело к демократическому заблуждению.

Принцип отбора устраняет и принцип выбора и принцип наследственности. Они не могут находиться вместе. Между ними находится конфликт, потому что одно из двух: или существует определённый принцип отбора и тогда не берётся во внимание мнение и голос толпы, или избираются новые люди и тогда больше не действует отбор.

Так же, если служим социальному отбору, нечего делать наследственности. Эти два принципа не могут быть вместе, если только наследник соответствует законам отбора.

Но если нация не имеет настоящую элиту, которая сможет порождать новую? Отвечаю одной фразой, которая включает неоспоримую истину:

В этом случае элита рождается из войны с исчезающей или фальшивой элитой. Также обстоит дело и с принципом отбора.

Итак, вывод. Роль элиты состоит в следующем:

- а) Руководить нацией по законам народа;
- б) Оставить элиту наследницей, основанной не по принципу наследственности, а по принципу отбора, потому что она знает законы жизни и может судить, насколько отдельные лица подтверждают свои способности и знания этих законов.

Как садовник, который ухаживает за садом, позаботится о том, чтобы перед смертью оставить наследника, замену, потому что он единственный, который может сказать, кто из всех тех, с кем он работал, самый лучший для продолжения своего дела.

Элита должна основываться:

- а) на душевной чистоте;
- б) на способности к труду и творчеству;
- в) на отваге;
- г) на суровой жизни и постоянной борьбе с трудностями, возникающими на пути нации;
- д) на бедности, то есть на добровольном отказе от накопления имущества;
- е) на вере в Бога;
- ж) на Любви.

Меня спросили: наша деятельность до сих пор находится на линии Христианской Церкви? Отвечаю:

Делаю большое различие между линией, по которой мы идём и линией Христианской Церкви: линия Церкви на тысячи метров выше нас. Она достигает совершенства и величия.

Мы не можем принизить эту линию, чтобы объяснить наши поступки.

Мы, через наши действия, через все действия и наши мысли, стремимся к этой линии, поднимаемся к ней настолько, насколько позволяет тяжесть грехов души и на осуждение которых мы были обречены через первородный грех. Остаётся увидеть, насколько мы смогли, через наши земные усилия, подняться к этой линии.

Личность, национальный коллектив, нация

«Права человека» не ограничиваются только правами другого человека, существуют и другие права. Потому что существуют три отчётливых сущности:

1. Личность;
2. Современный национальный коллектив, то есть совокупность личностей одной нации, проживающих в один исторический момент и т. д.;
3. Нация, – та историческая сущность, живущая веками, корнями погруженная в глубину времён и с бесконечным будущим.

Новое большое заблуждение демократии, основанной на «праве человека» – это знать и интересоваться только одной из этих сущностей: индивидуумом. Второй пренебрегают или издеваются над ней, а третью отрицают.

Все три имеют свои права и обязанности: право на жизнь. И обязанность не подвергать опасности право на жизнь остальных двух.

Демократия занимается лишь обеспечением прав индивидуума, поэтому мы присутствуем в демократии при потрясающем беспорядке. Индивидуум думает, что может влиять своими безграничными правами на права всего коллектива, которые может нарушать и отнимать. Поэтому в демократии мы присутствуем при этой раздирающей картине, при этой анархии, в которой индивидуум не хочет ничего признавать сверх своего личного интереса.

В свою очередь, национальный коллектив имеет постоянную тенденцию жертвовать будущим ради своих нынешних интересов.

Поэтому мы присутствуем при безжалостной эксплуатации или даже отчуждении лесов, шахт, нефти, забывая, что за нами сотни румынских поколений, дети детей наших, которые ждут, что и они будут жить, продолжая дальше жизнь нации.

Этот сдвиг, этот разрыв отношений, который породила демократия, составляет настоящую анархию, распад природного порядка, и есть одна их главнейших причин состояния смуты сегодняшнего общества.

Гармонию можно восстановить только через возрождение естественного порядка. Индивидуум должен быть подчинён высшей сущности – национальному коллективу, а он должен быть подчинён нации. «Права человека» больше не безграничны, они ограничены правами национального коллектива, а права коллектива ограничены правами нации.

В конце концов, может показаться, что в демократии по меньшей мере индивидуум, облачённый столькими правами, прекрасно живёт. В реальности же и здесь стоит вечная трагедия демократии: индивидуум не имеет никаких прав, потому что спрашивается: где свобода собраний, где свобода слова, где свобода совести? Он живёт под террором, цензурой, тысячи людей арестованы и уничтожены за свою веру, потому что это время деспотов, тиранов народа.

Где «право суверенного большинства» распоряжаться своей судьбой, когда собрания запрещены, а десятки тысяч растерзанных человек остановлены угрозами смертью и уничтожением?

Вы скажете: да, но они хотят изменить законы, ограничить свободу, установить другую форму государственного правления!

Я спрашиваю: может ли демократия утверждать, что народ не свободен и не может сам вершить свою судьбу, чтобы изменить свои законы, изменить форму государственного правления, как он хочет, жить в большей или меньшей свободе как он хочет?

Здесь заключительная трагедия!

В реальности, в демократии человек не имеет ни одного права. Он, однако, не потерял их ни в пользу национального коллектива, ни в пользу нации, а в пользу одной касты – политико-финансовых банкиров и выборщиков.

В конце концов, последнее благодеяние для индивидуума, когда масонская демократия, через несравненное коварство превращается в апостола мира на земле и одновременно объявляет войну между людьми и Богом.

«Мир между людьми» и война против Бога.

Коварство состоит в том, что используя слова Спасителя: «Мир людям», осуждают Его и показывают Его как врага человечества. И в сущности, коварство состоит в том, что притворившись, что хотят защитить жизнь людей, в реальности приводят их к потере жизни. Притворяясь, что хотят их защитить от смерти на войне, не делают ничего другого, как достигают дьявольскую цель, так, чтобы приговорить их к вечной смерти.

Нация

Когда мы говорим «Румынская Нация», – то понимаем не только всех румын, проживающих на той же территории, имеющих то же прошлое и то же будущее, то же поведение, тот же язык, те же насущные интересы.

Когда мы говорим «Румынская Нация», – понимаем: все румыны, живые и мёртвые, которые жили на этой земле с начала её истории и те, которые будут жить в будущем.

Нация включает:

1. Всех ныне здравствующих румын;
2. Все души умерших и могилы предков;
3. Всех тех, кто родится румынами в будущем.

Народ осознаёт себя, когда доходит до сознания этого целого, а не только своих интересов.

Нация имеет:

1. Физическое, биологическое достояние: плоть и кровь;
2. Материальное достояние: землю страны и её богатства;
3. Духовное достояние, которое включает:
 - а. Её понятие о Боге, мире и жизни. Эта концепция образует область, духовную собственность. Границы этой области установлены краями Его лучезарной концепции. Есть страна национального духа, страна её мечты, полученных путём откровений и путём собственных усилий;
 - б. Её честь освящается в той мере, в которой нация смогла утвердиться в своём историческом существовании, в нормах, вышедших из её понимания Бога, мира и жизни;
 - в. Её культура – результат её труда, рождённых из собственных усилий мышления и искусства. Эта культура не интернациональна. Она выражение национального гения, крови. Культура интернациональна как величие, но национальна по происхождению. Кто-то сделал красивое сравнение: и хлеб, и пшеница могут быть интернациональными как продукты питания, но везде будут носить печать земли, в которой выращены.

Все эти три достояния имеют своё значение. Нация должен защитить все. Но самое большое значение имеет духовное достояние, потому что только оно несёт печать вечности, только оно проносится через все века.

Античные греки не живут физически, – сколь атлетичными они не были, от них остался лишь пепел, и даже не через материальные богатства, если бы их имели, но живут через свою культуру.

Народ живёт вечно через своё мировоззрение, честь и культуру. Поэтому руководители наций должны думать и действовать не только по физическим и материальным интересам народа, а имея в виду его честную историческую линию. Вследствие этого – не хлеб за любую цену, а честь любой ценой.

Конечная цель нации

Существование?

Если это существование, тогда не интересны средства, которые употребляет нация для его обеспечения. Все хороши, даже самые плохие.

Итак, задаётся вопрос: чем руководствуются нации в отношениях к другим нациям? Как животное, которое живёт за счёт их? Как тигр, который живёт за счёт добычи? По законам морских рыб или лесных зверей?

Заключительная цель не жизнь, а ВОСКРЕШЕНИЕ. Победа нации во имя Спасителя Иисуса Христа. Творчество, культура – ни что иное как средство, а не цель, как думалось ранее, чтобы достичь этой победы. Это плод таланта, который Господь вложил в наш народ, за который он в ответе. Придёт время, когда все народы земли оживут со всеми мёртвыми и со всеми их королями и царями. Каждый народ имеет своё место перед троном Господа. Этот финальный момент «воскрешения из мёртвых» – это самая высокая и возвышенная цель, которой может достичь нация.

Нация – это сущность, которая продолжает свою жизнь и после жизни на земле. Нации – это реальности и в другой жизни, а не только в этой.

Святой Иоанн, рассказывая о том, что видел там, за Землёй, говорил:

«Крепость не нуждается ни в солнце, ни в луне, чтобы её освещать, потому что её освещает слава Господа и светильник его – Агнец.

Спасённые народы будут ходить в его свете и цари земные принесут в него свою славу и честь свою» (Апокалипсис 15, 4).

Нам, румынам, нашему народу, как любому другому народу в мире, Господь определил историческую участь.

Наипервейший закон, за которым должен следовать народ – это тот, чтобы идти по линии этой участи, выполняя свою доверенную ему миссию.

Наш народ не разоружался и не дезертировал от миссии, каким бы тяжёлым не был его путь Голгофы.

И сейчас встают перед нами препятствия как горы.

Разве мы дебильное и трусливое поколение, которое отдаст из своих рук, под давлением угроз, линию румынской судьбы и откажется от своей миссии как нации в этом мире?

Монархия и законы монархии

Во главе народов, сверхэлиты, находится монархия.

Монархия отрицает республику.

В истории были хорошие монархи, очень хорошие, слабые или злые. Одни радовались честью и любовью народа до конца жизни, другим отрубали головы. Не были, значит, все монархи хорошими. Монархия, однако, всегда была хорошей. Не нужно путать человека со строем, делая фальшивые заключения.

Могут быть плохие священники, но из этого мы не можем делать вывод, что нужно расформировать Церковь и камнями побить Господа.

Есть, конечно, и слабые или плохие монархи, но мы не можем отказаться от монархии.

В сельском хозяйстве бывает хороший и плохой год, или один хороший и два плохих, или всё вместе. Но человечеству, однако, не пришлось в голову отказаться от сельского хозяйства.

Монарх делает что хочет? Тогда, когда великий или когда ничтожный? Когда плохой или когда хороший?

Монарх не делает чего он хочет. Монарх ничтожен тогда, когда делает что хочет и великий, когда делает что нужно.

Существует линия жизни народа. Монарх великий и хороший тогда, когда держится этой линии, ничтожный или злой по мере того, как отдаляется от этой линии, линии жизни своего народа, противопоставляется ему. Вот закон монархии. Есть и другие линии, которые могут испытывать монарха: линия личных интересов, линия интересов

одного класса, линия интересов одной группы, линия чужих интересов (изнутри и извне).

Он должен устранить их все и следовать линии нации.

Стефан Великий полторы тысячи лет сверкает в истории, и румыны не забывают его, потому что он полностью отдался линии нации.

Король Фердинанд, будучи противником любых кланов и интересов, стоял на линии народа, с ним терпел, с ним жертвовал, с ним победил. Этим он стал великим и бессмертным.

Борьба в Тутове 17апреля 1932 года

Не прошло и четырёх месяцев после выборов в Нянце, как молодое легионерское войско вступила в новую борьбу. В начале января 1932 года было объявлено о вакантном месте депутата в Тутове. Изучил ситуацию. Здесь, на итоговых выборах, я имел только 500 голосов. Уезд был слабым, но были хорошо обработаны Ковурлуй, Кагул и Текуч, что позволяло легионерам легко туда проникать.

Показалось, что сможем победить. Подумал о значении, которое имела бы новая победа. Две значительные победы самой молодой организации против всех политических партий существенно подняли бы её престиж в глазах страны. Принял решение, чтобы баллотировался мой отец, самый нужный для меня человек в движении как в парламенте, так и вне, для организации и пропаганды. Выборы были назначены на 17 марта.

9 января издал манифест по всему уезду. 10 января приехал мой отец с первой командой. Потом приехали группы из Ясс, Текуча, Берешта и Кагула.

В первые три недели скорость и героизм маленьких легионерских сил определили прилив симпатии к нам по всему уезду. В тяжёлую зиму, с большим снегом, с морозами, партии не могли перемещаться. Они ждали лучших времён. В это время через холмы, через снег по пояс, в метель шли легионеры из одного села в другое.

В начале февраля борьба стала тяжелее. Перед нами с такой яростью поднималась либерально-крестьянско-волче-кузистская коалиция, которую мы не знали до тех пор. Правительство перешло к настоящему террору. Еврейская пресса неистово атаковала нас.

Чувствовали необходимость укрепить силы. Направил последние резервы из Ясс под руководством Тоту. Других, кроме Бухареста, не было. С этими, однако, была большая проблема для нас, из-за транспорта. Не имели денег. Героическое мероприятие: от-

правиться пешком из Бухареста в Бырлад, расстояние почти в 300 км, объясняя, что этот марш будет означать для нашей победы больше, чем 100 000 воззваний. Оно включает, несомненно, большое героическое выступление, адресованное легионерам-румынам из Тутова.

Легионеры приняли предложение с энтузиазмом. Через неделю группа из 25-ти человек, под руководством Стелеску, которому помогали Каратэнасе и Дору Белимаке, отправилась пешком из Бухареста в Тутов. После тяжёлого десятидневного марша, в метель, они пришли в Бырлад, где люди приняли их с воодушевлением. Но преследование усилилось до крайности. В уезд был переведён жандармский полковник Игнат с большими силами, имея приказ от министра внутренних дел господина Аргетояну, чтобы легионеров насильно вывели со всего уезда. Маленькими группами невозможно было идти дальше. Тогда я организовал две сильные группы под руководством Виктора Силажи и Стелеску, которые, поддерживая друг друга, смогли идти на линию Тутешты – Драгомирешты, сопровождая моего отца. Другая группа, чуть меньше, направилась в Бэканы. Эти два направления оставались ещё нехоженными. Они составляли половину северо-востока уезда. Юг – другая половина – был хорошо обработан моим отцом, господином Д. Попеску, начальником уезда господином Виктором Силажи, Теодором Цилей и Ионом Антониу с первыми группами.

Те две группы с севера прошли, борясь с метелью, через 40 км, имея несколько раненых, Цоку и других. На севере уезда они были встречены силами жандармов.

Тогда командиры забарриковались на крыльце пустого дома, где выдержали без огня, воды и еды 48 часов. Впоследствии смогли отойти, после тяжёлого ночного марша, который сделали по-настоящему в героических условиях и только благодаря упрямству Виктора Силажи, который воодушевил легионеров, разбитых усталостью, холодом и голодом, побудив их идти до последней возможности. Этот осиротевший ребёнок, сын румынского священника Силажи из Карий Мари, убитого венграми в 1918 году в трагических условиях, боролся храбро.

В конце эти группы были окружены большими силами и привезены в Бырлад. Мой отец был арестован и заключён под арест в одном полку.

Третья группа была полностью уничтожена в битве в Бэкане. Здесь, перед въездом в село, под вечер, на неё напали жандармы. Руководителя группы, легионера Попеску Ласкэра ударили винтовкой по голове, он первым упал без сознания в луже крови. Другие легионеры отказались отходить. Нападали с открытой грудью, с пустыми руками, пытаясь войти в село. Один за другим все упали без сознания. Последним нападал сам. Падал на колени под ударами, поднимался, снова нападал. Упал рядом со своими това-

рищами. Вся группа лежала без сознания в луже крови. Оттуда, по снегу, жандармы волокли их два километра, до поста в селе. В час ночи один всадник принёс весть в Бырлад о произошедшем вечером в Бэкане. Группа под руководством Тоту, который пришёл в двенадцать ночи в Бырлад, немедленно отправилась пешком на помощь раненым товарищам. После борьбы с трёх с половиной до пяти часов утра, за время которой жандармы расстреляли все имеющиеся патроны, легионеры заняли пост жандармерии, найдя внутри брошенных на пол, ещё в бессознательном состоянии, легионеров, павших в битве в Бэкане. Они их подняли и направили в больницу Бырлада.

Работа, однако, зесь остановилась.

Еврейство начало широкую кампанию в прессе, возмутительно, цинично и несправедливо атакуя нас. Волна обманов, оскорблений, клеветы навалилась на нас. Все политические группировки объединились, чтобы вывести нас из борьбы.

Второй роспуск Гвардии.

Март 1932 года

За избиениями жандармами, атаками еврейской прессы следует решение, принятое простым министерским постановлением, о роспуске Гвардии.

Хотя мы находились в рамках самой законной деятельности, правительство Йорги-Аргетоану, попирая Конституцию и законы, самовольно распустило Гвардию. Здания вновь были оккупированы и опечатаны. Закрыта типография в Яссах. Атакуемых прессой, нас лишили возможности защититься, все наши публикации были отменены. Пытаюсь говорить в парламенте, но мне мешает шум большинства, которое не позволяет мне защититься.

Всё-таки кандидатуру снять не смогли.

Группа из Бухареста была эвакуирована. Одна за другой и остальные. Группа под руководством Тоту, в количестве тридцати человек, направленная на вокзал для той же эвакуации, прорывала кордон и заняла зал ожидания, где забаррикадировалась и выдержала 24 часа, пока её не атаковали газами. В конце концов, она всё-таки погрузилась в вагоны и эвакуировалась.

В городе остаются лишь Ибрэилян, Нуцу, Ешану и мой арестованный отец. Начинается травля в сёлах. Крестьяне, учителя и священники арестованы и избиты, их дома

разрушены. Выборы переносятся на месяц позже – на 17 апреля.

Моего отца освободили. Включаемся в борьбу. Представителями в городе идут старики, во главе с Христаке Соломоном, Корнелиу Камбуряну, Вентоником, Ифримом, священником Исихие, Печели, Потолей и др. Распределяю их по разным участкам. Подкрадывается ночь, каждый находится на своём посту. Группы из соседних уездов через разные пункты снова проникают в Тутов. Группа Ж. Кости переходит Бырлад, по горло в воде. Все въезды охраняются. Промокшая группа приходит к отделениям для голосования.

Утром 17 апреля начинается голосование, продолжается днём и ночью. 18 апреля в 5 часов утра объявляют победу легионеров – 5 600 голосов. Либералы – 5 200, «крестьяне» – 4 000, остальные группировки – под 2 000, кузисты – 500 голосов.

Эта вторая победа легионеров против коалиции всех румынских политиканов, полученная благодаря упорству и железной воле легионеров, их героизму крови, преодолению обид, ударов и гонений, вызвала неописуемый энтузиазм по всей стране.

Новые всеобщие выборы.

Июль 1932 года

Мой отец был признан действительным в последний день парламентской сессии. Наш отдых продолжился лишь неделю, потому что правительство Йорги пало. Установилось национал-крестьянское правительство во главе с господином Вайдой.

Входим в новую борьбу, с физически и материально истощёнными силами. Июнь 1932 года. С 15 декабря 1929 года находимся в постоянной борьбе: декабрь 1929 года – апрель 1930-го – кампании в Ковурлуе, Кагуле, Турде, Текуче. Летом 1930 года – приготовления для запрета марша в Бессарабию. Я арестован до осени. В октябре-ноябре находимся в Марамуреше. Зимой 1931 года заключены в тюрьму. Весной 1931 года – борьба на генеральных выборах. Летом 1931 года – выборы в Нямце. Зима 1932 года – выборы в Тутове. Сейчас вновь будем участвовать в генеральных выборах.

Со всеми этими битвами продолжил меры по созданию организации и в остальных населённых пунктах страны. В прошлом году имели списки в 17-ти уездах, сейчас – в 36-ти.

Все партии начинают те же ссоры, полные интриг, для назначения кандидатур. Они продолжались неделю. Я сам определяю, за одну ночь, всех кандидатов в 36-ти уездах. Между легионерами нет драк за места. Они просят, чтобы их внесли в списки последними.

Самая тяжёлая проблема – материальная сторона. Большая часть уездов сами поддерживали затраты, из взносов легионеров. Другие не могут. Мне нужны 50 000 лей только для сборов. Хожу ошеломлённый до последнего дня. Пробую к одному, к другому – ничего.

Иду к господину Никифору Крайнику, директору «Календаря», в надежде, что он хоть что-то имеет. Но и у него не было. Со своим листком, напечатанным за пять месяцев, поддерживает борьбу, раз за разом видя мужество легионерских групп, но не может дать материальную поддержку. В конце концов, достаём через Пиху и Каранику, которые, бегая по всем македонцам, одалживают нужную сумму. Несколько уездов поддерживают Фокшаны с Христаке Соломоном.

Начинается кампания. Новое преследование обрушивается на нас. Распространённые на большом фронте, нас мало и нас везде атакуют. В Тигине ранены легионеры Савин и Попеску. В Бырладе десятки учителей и священников избиты по приказу господина Георгеску-Бырлада. В Васлуе маленькие группы ранены. Также на мосту Илиое и по всему уезду Ясс.

В Фокшанах старый Христаке Соломон, инженер Блэнару и десять других легионеров были атакованы вооружёнными бандами национал-крестьян по приказу адвоката Нягу в коммуне Вултурул (Орёл). Легионеры падают на землю, раненые палками и ножами. Остаётся на ногах один, как скала, Христаке Соломон, до щеки которого никто доселе не дотрагивался. Спротивляется с ожесточением, но в конце концов падает посреди дороги, сражённый ударами. Там, на земле, он избит палками по голове этими животными, которые беспрерывно поднимали на щит, как и сейчас, «законность», «цивилизованные способы», «свободу» и т. д.

Гвардия получает 70 000 голосов, удваивая количество в сравнении с прошлым годом. Лучше представляются уезды Кагул и Нямец, Ковурлуй и Тутов, где кандидатом был мой отец. Потом идут Кымпулунг с Мотой, Турда, Фокшаны, Измаил, Тигин. Имею право на 5 мест. Следуют выборы. Я остаюсь в Кагуле, чтобы в парламент вошёл Нуцу Ешану. Принимаю решение, чтобы мой отец остался в Бырладе, чтобы в парламент вошёл Стелеску, студент 25-ти лет от роду. Этим я хотел дать молодёжи поощрение и стимул.

Доверие и любовь, которые я им дал, не были оплачены.

Второй раз в парламенте

Всё время в парламенте я воевал против правительства и их мер, которые считал идущими против интересов румынского народа, как воевал также и против остальных правительств, которые дорвались до руля государства. От всех этих правительств стране нечего было ожидать. Ничего для здорового будущего народа там не было. Все меры и законы были ничем иным, как пустотой, которая затягивается с сегодня на завтра – горькое и грустное существование страны.

Когда в Гривице были расстреляны румынские рабочие по приказу министерства внутренних дел, огорчённый до глубины души отношением коммунистов из национал-крестьянской партии, которые аплодировали действиям правительства, я поднялся к трибуне и почувствовал, что моя обязанность говорить как следует.

Плохо, что бедные рабочие вышли на улицу, но хуже и им, и нашему народу, если бы перед лицом несправедливости, вопиющей к небу, не вышли бы, а склонили покорные головы в ярмо, оставляя страну на руки политиканов-эксплуататоров.

Господин Корнелиу И. Зея Кодряну:

– Господин председатель, господа депутаты, от имени группы, в которой я состою, требую, чтобы параллельно с расследованием, которое должны провести правоохранительные органы, организовать и парламентское расследование, состоящее из представителей разных политических групп этого парламента. Требую это, потому что сомневаюсь в существовании утверждений, сделанных господином министром внутренних дел. Сомневаюсь из-за одного хорошо известного случая. 24 января, тогда, когда румынское студенчество, христианское и националистическое, шло ставить крест к могиле Неизвестного солдата, Сигуранца распространила информацию через одно воззвание в столице, что эта акция якобы была спланирована и субсидирована Москвой.

Если также правдоподобна и информация, которую вы имеете о деле в Гривице, тогда я хорошо понимаю, насколько вы правы, чтобы предпринять действия такого характера, как те, что вы предприняли вчера и сегодня (аплодируют Железная Гвардия и Крестьянская партия Др. Лупу).

Во-вторых, хочу подтвердить, что мне, как и всем добропорядочным людям, не страшны коммунизм или большевизм. Мы боимся другого, того, что люди этих цехов не имеют работы, им голодно (аплодируют Железная Гвардия и Крестьянская партия Др. Лупу).

Некоторые из этих рабочих получают 1 000 лей в месяц и имеют 5, 6, 7 детей.

Господин Др. Н. Лупу: Так и есть.

Господин Корнелиу И. Зеля Кодряну: Имея 5, 6, 7 детей этой зарплаты не хватает, чтобы покупать каждый день хлеб.

Нам, во-вторых, страшно и за другое: правовое положение.

Господин Др. Н. Лупу: Очень хорошо.

Господин Корнелиу И. Зеля Кодряну: Тогда вы должны будете удовлетворить эти две нужды – голод и жажду права (аплодируют Железная Гвардия и Крестьянская партия Др. Лупу) и будет полный порядок в этой стране».

(Заседание от четверга 16 февраля 1933 года,

М. О. 41 от 23 февраля 1933 года).

Одна из тяжестей, которая давила на деятельность парламента – это тысячи заявлений о вмешательстве по министерствам. Нашим настоящим наказанием были толпы избирателей, потому что, с одной стороны, мы теряли всё наше время, целый день расхаживая, чтобы решить эти петиции. Эта система опасна для жизни одной организации, потому что парализует всю её деятельность. Теряешь силы для борьбы, должен отказаться от судьбы нации, чтобы обслужить своих просителей. С некоторых пор заметил, что среди тех, кто приходил с такими заявлениями, ни один не был легионером. Все были, будь то попрошайки по профессии, будь то настоящие посланцы, для того, чтобы нас парализовать. С другой стороны, эта система ставила в неприятную ситуацию – идти и умолять людей, против которых воевал. Поэтому, лично я отказался выполнять эту службу вмешательства. Всё время, сколько находился в парламенте, не просил ничего ни у одного министра.

Другую категорию создавали те, кто приходил просить деньги. Из сотен, которые приходили каждый день, ни один не был легионером. Одни были по-настоящему больные или попавшие в какую-то беду, другие эту систему превратили в свою настоящую профессию.

Наша группировка – это маленькая организация становления, на марше, в постоянной борьбе. Это диктовало, в особенности мне, постоянно внимательно следить за всеми передвижениями противника для раскрытия и упреждения планов врага, завоевания организацией новых позиций, другими словами, постоянно преследовать цели легионерского воспитания, чтобы мы не превратились в бесчувственных людей, в политическую категорию моральной инфекции, из которой не смогли бы выйти и из-за которой бы умерла легионерская духовность.

Парламент крал время, необходимое для руководства.

Как себя проявила организация легионеров в 1932-1933 годах

Осенью 1932-го и зимой 1933 года легионеры были оставлены для восстановления. Прошло три с половиной года борьбы. Эти молодые люди сейчас заслужили отдых.

Почти два года как я живу в Бухаресте. В Яссах на моём месте остался Баня, которому помогали Тоту, Крынгану, Ташике, Стелиан Теодореску по вопросам студенчества, типографии, общежития и т. д. Студенческая легионерская группа увеличилась, и сейчас включала больше половины числа воюющих студентов. В Клуже было здоровое начало организации с Бэникэ Добрей, также в Черновцах с Лауриком, хорошо развивалось начало легионерской жизни под духовным руководством профессора Траяна Брэилиану, вокруг которого объединились профессора Топша и другие. Во всей Буковине легионерские организации росли под хорошим, умелым руководством старого и выдающегося националиста Василия Яшински. В Кишинёве работали Тудораке и Сержиу Флореску, в Орадя – Маре Иосиф Бозынтян.

Молодые люди, возвращенные в Братстве и Кресте, приходили в Университет уже готовые к борьбе.

В Бухаресте появилась националистическая газета большой смелости и уровнем выше «Календаря», под руководством господина Никифора Крайника и в сотрудничестве нескольких интеллектуалов во главе с профессором Драгошем Протопопеску. Этот листок мужественно прокладывает себе новую и широкую дорогу в мире румынской интеллектуальности, стоя на крестьянской и националистической линии. Настоящим выстрелом пушки в особенности были статьи господина Крайника, которые опустошали антирумынский мир.

В студенческом движении столицы легионеры держали первое место. В руководстве центра находился Траяна Котигэ с одним комиссованным легионером.

В среде молодых интеллектуалов из столицы чувствовался некий перелом. В их сознании начинают прокручиваться брoльшие проблемы нашего народа. Талантливая группа, объединённая вокруг молодой газеты «Аха», имея во главе Полихрониаде, Вожена, Константа, вступают в ряды легионеров. И другие молодые выдающиеся личности, такие как профессор Василе Кристеску, Василе Марин, профессор Владимир Думитреску, инженер Виржил Ионеску, профессор Раду Гур, адвокат Попов, художники Басараб и Злотеску, все с большим талантом и полные души, работают на идеологической линии легионеров.

Македонцы всё больше подтягиваются к нам через здоровую молодежь, смелую и

чистую как слеза. Всё-таки, думаем, что нехорошо, чтобы масса македонцев из Кадрилатер была включена в Гвардию, потому что их, только что пришедших из-за границы, мы поставили бы перед угрозой большого угнетения. Однако, университетская молодёжь полностью вступает в Гвардию.

Во главе македонской молодёжи были три элемента избранной культуры: Папанасе, Караника и Стеря Чуметти.

С первыми двумя я часто советовался, оба имели удивительную логику, обладали бесценной, безупречной чистотой и искренностью, большой любовью и мужеством.

Не думаю, чтобы с 1931 года был хотя бы один день, чтобы я не встретился с ними. В это время гонений мы вместе много часов беседовали, выдерживали удар за ударом, несправедливость за несправедливостью, подлость за подлостью. Каждая весть о новом легионерском истязании – это нож в наши спины. Боль для всех истерзанных легионеров мучила души, а более всего – из-за невозможности предпринять действия, чтобы отстоять правду.

Стеря Чуметти день и ночь был рядом со мной. Это молодой человек, правильный и кровной веры. Он становится главным кассиром Гвардии. Все дни, сколько ему ещё даны, он не будет думать ни о чём, как только о Гвардии, не будет мучиться и не будет действовать, как только для Гвардии, не проживёт свою жизнь, как только ради неё.

В разных населённых пунктах страны появляются ценные элементы: Др. Пантелеймон; отец Ионеску Думиникэ, Др. Аугустин Бириан в Сибиу; священник Георгеску – Единцы, духовник студенчества; старый боец, капитан Чулей в Бакэу; Аристотел Георгиу, также старый боец, с командой в Рымнику Сэрат; в Брэила – Ион Илиеску; Штефан – в Констанце; священник Доарэ и Виктор Бэрбулеску – в Вылчя; профессора Винцан, Геннадий и Дума – в Тимишоаре. И старые легионеры: профессор Николае Петрашку, Хория Сима, адвокат Иосиф Костя, Колхон и другие, которые сейчас находятся на руководящих постах в разных частях страны.

Бухарест разделён на секторы и здесь начинается организация. На Зелёной и Синей есть два ценных элемента: Николай Константиеску и Дору Белимаче. Два сильных характера, два ума. Дору Белимаче – один из самых знаменитых студентов филологического факультета. Николай Константиеску, – с уникальными экономическими знаниями, – студент Коммерческой Академии. Оба скоро докажут, что имеют внушительные качества веры и легионерское мужество.

Также приказом от 10 декабря 1932 года устанавливается первое легионерское звание:

«а) Учреждается первое высшее звание в легионерской иерархии – командир легионеров.

Учитывая жертвы, героизм, труд, веру, способности и давность работы в Легионе на это звание выдвигаются следующие легионеры в алфавитном порядке:

Баня Ион, доктор медицины; Белжя Ион; Блэнару Ион, инженер; Думитреску Ион, священник; Ионеску Андрей; Силажи Виктор, адвокат; Стелеску Михаил, депутат; Тоту Николай, студент; Траян Котигэ, студент; Тэнасе Антохи, ремесленник.

б) Все легионеры, призыва 1927-го и 1928 годов, которые дали клятву, оставшиеся активными кадрами Легиона, выдвигаются на звание помощника командира легионеров.

Подписано: Корнелиу Зеля Кодряну».

Другие, постарше, были выдвинуты в Сенат и в Высший Совет Легиона.

НАСТУПЛЕНИЕ КЛЕВЕТЫ

«Анархическое и террористическое движение»

Легионерское движение растёт большими темпами в основном в рядах молодёжи школ, университетов и в румынских провинциях. Тяжелее развивается в городах, где румынский элемент или госслужащий, или не имеет возможности проявить себя из-за экономического порабощения евреями.

Тоже глухое преследование, которое мы знали с тех пор, когда начали борьбу, то есть с 1922 года, продолжается против нас, – борцов и наших семей, с нарастающей силой. Если ты молодой образованный человек, – никогда не получишь государственную должность, как только ценой продажи своего сознания и веры. Сотни молодых людей ищут привлечь деньгами, обещаниями, должностями, почётом. Государство стало школой предательства, но есть люди с характером, а предательство оплачивается сполна. Если ты румынский коммерсант, один посреди евреев и веришь в Легион, то, начиная от уличного сержанта и до примара и префекта, – все тебе враги, которые преследуют тебя днём и ночью, устанавливают большие налоги, чем евреям, ищут нарушения. Удары последуют один за другим, вплоть до уничтожения.

Если крестьянин, – поведут с завязанными руками, пешком от поста к посту, десятки километров, ежедневно избивая в каждом отделении жандармерии. Будут держать голодным по 4-5 дней, и везде на тебя будут смотреть как звери и каждый хотя бы раз ударит тебя по лицу. Если ты рабочий, – выкинут, как тряпку, с любой фабрики, с любого предприятия.

Потому что в этой стране человек с нашей верой должен умереть от голода, он и все его дети. Нас всех считают врагами народа и страны.

Мы, однако, соблюдали самый точный порядок и легальность, чтобы нам ничего не смогли инкриминировать. Но это не будет иметь никакой ценности. Лозунг правительств будет: «Не можем вас разбить потому, что вы не нарушили закон? Ничего, нарушим мы и раздавим вас! Не хотите быть нелегальными? Мы будем нелегалы». Таким образом, против нас применяется система по-настоящему талмудическая: с одной стороны, нас осуждают пресса и все официальные политики за «нелегальность», а с другой стороны, нас, пребывающих в рамках абсолютной законности, давят самыми

одиозными и нелегальными средствами все представители правительств и государства, находящиеся в самой явной нелегальности, таская нас по по трибуналам, судебные решения которых по всей стране подтверждают линию легальности и порядка движения. И хотя не последовало ни одного судебного решения против нас, основной аргумент политиков и еврейской прессы остаётся неизменным: «Легион – движение беспорядка», «анархии», «попрания законов», «террористическое».

Еврейская пресса постоянно натравливает против нас политиков, чтобы они набросились на нас и разорвали, чтобы нас расформировали.

«На службе у иноземцев»

С некоторых пор, чтобы мы себе не вменяли в обязанность, еврейская пресса осуждает нас, что мы якобы берём деньги у Муссолини. Что, якобы, у нас, националистов, реальная цель – это взять деньги у любого встречного. Сейчас нашли Муссолини и деньги берём у него.

Шаг за шагом с удивлением узнаём, что:

«Мы находимся на службе у пробуждающихся венгров»;

«Мы находимся на службе у Москвы»;

«Получаем деньги от евреев».

Даже и это смешное осуждение не пощадило нас. Вот многозначительная выдержка из еврейской газеты «Политика» от 10 августа 1934 года, под заголовком: «Макс Аускнитт и Железная Гвардия»:

«Также нами был проверен факт, что самое значительное движение румынского фашизма, Железная Гвардия, была создана и поддержана крупными капиталистами. И здесь появляется вещь весьма не сенсационная: еврей Макс Аускнитт поддержал и напрямую профинансировал Железную Гвардию. Этот факт подтвердили два довольно серьёзных и ответственных человека – господин министр Виктор Иаманди и известный публицист Скарлат Калимаки.

После вышеизложенных объяснений факт показался довольно обычным.

Кто не знает, что и Гитлер финансировался крупными еврейскими капиталистами Германии?»

«На содержании у гитлеровцев»

В последнее время в борьбе с иудейско-масонской гидрой во всём мире в Германии победил Адольф Гитлер. Немецкий народ со сверхестественной решимостью и единством борется и свергает иудейскую силу.

Обман за обманом используют евреи в своей прессе, стараясь затуманить мозги людей:

1. Адольф Гитлер – маляр, дурак, бездарь. Кто пойдёт за ним в такой цивилизованной стране, как Германия?

Но Адольф Гитлер идёт вперёд.

2. Адольф Гитлер не победит, потому что ему противостоят немецкие коммунисты.

Но Адольф Гитлер приближается к власти.

3. Гитлеризм раскололся надвое, на трое. Большие недовольства внутри партии и т.д.

Но Адольфа Гитлера это не волнует.

4. Адольф Гитлер сошёл с ума, летает в облаках и т.д.

Но Адольф Гитлер здоров и всё ближе к победе.

5. Если Гитлер победит, на второй день в Германии будет революция. Коммунизм взорвётся в общей революции и Гитлер падёт.

Но Гитлер пришёл к власти и революция, которая приснилась евреям, не состоялась. Он идёт при поддержке большинства, в единстве, небывалом до сих пор в истории.

6. Все страны будут экономически бойкотировать Германию и гитлеризм падёт.

Но Адольф Гитлер победоносно шагает вперёд.

7. «Диктатура», «гитлеровский террор» по всей Германии. Голос добывается террором.

Но немецкий народ идёт от энтузиазма к энтузиазму.

8. Гитлер идёт, чтобы отобрать у нас Ардялю. А мы, все румынские националисты, которые хотим избежать еврейской пакости, не больше и не меньше как «гитлеровцы», то есть хотим отдать Ардялю немцам.

Мы, однако, отвечаем: предположим, что Гитлер хочет войны против нас и захвата Ардялю. Мы, румыны, за то, чтобы прежде, чем защитить Ардялю от немцев, должны избавиться от евреев. Чтобы и мы решили еврейскую проблему. Должны укрепить позицию нашего народа, истощённого евреями, изнурённого и не имеющего возможность защититься. С евреями, которые отравляют души и сосут кровь, мы не будем иметь ни общего оружия, ни души, ни тела.

9. И последнее. Мы «получаем деньги», мы стипендиаты, мы «в сальдо» с гитлеровцами.

Отвечаем: А.К. Куза воюет против евреев с 1890 года, а мы с 1919-го, 1920-го, 1921-го, 1922-го годов, когда никто даже не слышал об Адольфе Гитлере. Ядовитые змеи!

Фабрика фальшивых денег в Рэшинаре

Прошло немного времени, и против нас началась новая еврейско-политиканская кампания.

Общественное недоверие к тому, что мы якобы получали деньги от Муссолини и Гитлера, от Москвы и от Макса Аукснитта, заставило наших противников найти нам новый финансовый источник – печатание фальшивых банкнот в Рэшинаре. Сенсационными открытиями были заполнены все колонки партийных и еврейских газет.

Ниже даём несколько отрывков из прессы того периода, которые должны продемонстрировать систему коварства, через которую пробовали вычеркнуть нас из памяти нации.

Газета «Патрия» («Родина») от 22 июля печатает:

«Железная Гвардия и фабрика по производству фальшивых денег в Рэшинаре»
«Источник фондов пропаганды.

Клуж, 21. В Рэшинаре коммуной, расположенной вблизи Сибиу, было сделано сенсационное открытие, имеющее цель представить целую политическую организацию в самом плохом свете, против которой выступает правительство, которое сейчас имеет самые убийственные доводы, и должно поступить с ней со всей строгостью.

Фабрика фальшивых денег Железной Гвардии.

Именно в коммуне Рэшинарь была найдена одна из фабрик по производству фальшивых монет. Из предпринятых расследований было, однако, к удивлению всех установлено, что на этот раз речь не идёт о простой банде цыган или безумцев, которые пренебрегают строгостями закона в надежде быстро разбогатеть, а о самой Железной Гвардии, политической организации господина Корнелиу Зеля Кодряну, который в последнее время включился в самую беспорядочную кампанию против правительства и, в общем, против всех политических партий Румынии.

Железная Гвардия и пропаганда в сёлах.

Для тех, кто знаком ближе с деятельностью Железной Гвардии, с ватагой гвардейцев, которые рыскали по стране из одного конца в другой, дело кажется естественным. Потому что в таких обстоятельствах нужны, во-первых, деньги. Им известно, что пропагандисты Железной Гвардии в последнее время имели множество фондов, что позво-

ляло им передвигаться по сёлам, а также издавать газеты и вооружить преданных её идеям членов.

Как обнаружилась фальсификация.

Министерство внутренних дел давно информировано, что некоторые из деятелей отделения Железной Гвардии, а именно из Брашова и Сибиу, имеют большие фонды, которые впоследствии распределились по ячейкам по всей стране. В начале существовало предположение, что деньги получены от таких же организаций из зарубежья, но после расследования выяснилось, что это безосновательное предположение. Раскрытие фабрики денег из Рэшинарь указали полицейским органам на новый путь, а результат расследований был самым неожиданным.

Сибиу субсидирует всю организацию.

Столичные власти немедленно направили с инструкциями господина судью И. Стэнеску из столицы, чтобы он провёл необходимое расследование. Его превосходительство, сопровождаемый господином первым прокурором Раду Паску и прокурором Мардарие, поехали в Сибиу, сделав первое открытие в доме господина адвоката Бидиану, начальника гвардейской ячейки, где откопали сенсационный компрометирующий материал. Из него следовало, что фабрика из Рэшинарь служила исключительно для политических и подрывных целей Железной Гвардии. Между конфискованной корреспонденцией нашли письма разных организаций, и в особенности организации из Ясс, в которой господин Баня просил большую сумму денег, чтобы купить грузовик и усилить пропаганду в Молдове.

Полицейские органы предприняли серию арестов и подняли весь компрометирующий материал вместе с оборудованием, на котором печатались деньги.

Расследование продолжается с большим усердием и ищется, какая связь между фабрикой и гвардейскими организациями и, более того, количество фондов, распределённых между ними.

Моральная ценность Железной Гвардии.

Тот факт, что организация Железная Гвардия, которая смогла создать себе ячейки по всей стране, была так позорно схвачена с поличным, что оставило глубокое впечатление по всей стране и стало настоящим потрясением для политических партизан. Известно, что агитация на селе делалась во имя справедливости, чести, уважения законов страны и т.д., на самом же деле, это были лишь пустые слова Железной Гвардии, которая на самом деле следует лишь силе без какого-либо стеснения перед средствами, используемыми в борьбе.

Перед лицом этих открытий Правительство, кажется, расположено действовать со всей строгостью. Так, господин второй секретарь В.В. Тиля в узком кругу сказал, что «перед тяжестью фактов, допущенных некоторыми членами, Железная Гвардия обязательно должна быть расформирована».

«В воззвании к румынам» от 6 августа 1933 года:

«Любовь к деньгам и печатание денег.

Прошлые дни газеты известили, что рысаки Железной Гвардии якобы были пойманы властями за фальсификацию денег. Знаем, что этот сорт людей в последнее время начал ходить по всем нашим сёлам, обещая народу разного рода блага и требуя наказания смертью для злоумышленников. Мы, молодые люди, долгое время ждали, чтобы объясниться по поводу смысла и цели, которым мы следуем. Зажигательно проповедуя любовь к родине, её хорошему устройству и истреблению чужаков, мы одно время считали их доброй веры. Когда из газет услышали, что те начали работать в ущерб стране, фальсифицируя деньги, видим, что ошиблись и увидели их истинное лицо. Они относятся к своре профессиональных грабителей страны и тяжкими нарушителями закона, который преступили. Мы бы посоветовали правительству не что иное, как осудить их так же, как они просят осуждения таких дел – наказания смертью. На вилы фальсификаторов денег!»

В «Дрептатя» («Справедливость») от 22 июля 1922 года, официальном органе Национал-крестьянской партии:

«Гвардия фальсификаторов.

Если нужно было поставить окончательную пробу для классификации индивидуумов, которые составляют так называемое правое национальное крыло нашей политики, то в этом случае мы имеем ввиду фальсификаторов денег из Рэшинарь.

Везде и всегда правоэкстремистские партии, крайне правые, которые в общем состоят из банд хулиганов и драчунов, использовали самые низкие, самые дурные методы в пропагандистской опере для наивных людей.

Потому что в «концепции» (sic!) и «доктрине» (sic!) цель права, которая сводится к взятию власти, извиняет грязные средства.

Не может существовать благородства в методах, в тактике, в поведении там, где не существует благородства в идеалах, в преследуемых целях. Кто может утверждать, что прячет каплю благородства в, давайте скажем, идеале правоэкстремистов? Культ грубой силы и презрение элементов справа никогда не составят идеал и превосходство! Другой идеал, лучи которого согревают душу человечества – идеал законности, мира и

созидательного труда для подъёма всё выше по интеллектуальной лестнице национального коллектива, а через это и всего человечества.

Не это идеал правых экстремистов, представленный самыми низкими человеческими экземплярами с чванливыми думами о диктаторской силе. Правый экстримизм заменяет интеллект силой кулака (который не отличает интеллектуала от рядового клеветника), правду произволом, идеальное обустройство мира и сотрудничество между государствами и народами тупой догмой ненависти между нациями.

Правый экстремизм не может быть поддержан ни одним интеллектуалом.

Если смогли поймать несколько человек, это было сделано во имя одной одиозной эксплуатируемой веры – националистической.

Так поступила ассоциация конспираторов, названных Железная Гвардия. Она утверждает, что действует во имя национализма.

Во имя национализма? Это лицемерие должно быть разоблочено перед лицом общественного мнения. Национализм не нуждается в оккультных организациях, секретных ассоциациях и, более того, не нуждается в методах, какие практикует Железная Гвардия. Национализм – это вера, которая защищается днём, открыто, честно, искренне.

Ни в одном случае не служи национализму через секретные приказы, в несуществующих «батальонах» и оккультных «ячейках». И тем более, делая фальшивые деньги, как обычные правонарушители.

Железная Гвардия – это ни что иное, как горсть авантюристов, подпольно группируемых для завоевания государственной власти методами самой разнузданной и лживой демагогии. И всё это во имя националистической идеи.

Во имя националистической идеи? Это кредо всех сыновей этой земли не позволяет таких средств, как те, что использованы Железной Гвардией, оно не позволяет фальсификацию денег.

Раскрытие банды в Рэшинарь ставит Железную Гвардию в её истинном свете.

Народ спрашивает себя: откуда у людей эти деньги, столько денег на пропаганду? На организацию и подкуп настроений? На поездки, на содержание, на машины? Откуда?

Открытие в Рэшинарь указывает на источник: фальсификация денег!

Так работает Железная Гвардия. Пионеры Железной Гвардии, индивидуумы, которые попадают под статьи уголовного кодекса, хотят сделать политическую партию через фальсификацию денег.

Какой ещё моральный авторитет они имеют, чтобы требовать одобрения масс? И ещё во имя националистической идеи!

Железная Гвардия – гвардия фальсификаторов. А гвардия фальсификаторов не может говорить от имени национализма!»

И последнее, чтобы не продолжать сверх меры чтение цитат. Даём из субботнего номера «Патрии» («Родины») от 22 июля 1933 года:

«Гвардейцы» и фальсификаторы.

«Раскрытие в Рэшинаре имело по-настоящему сенсационную сторону. Оно проходит через разные факты, пустяшные и обыденные, показывая всю ширь и кровавую жестокость и всё падение и моральную низость тех, кто думает, что возрождает слишком доверчивые массы в поисках новой идеи. И говорим: по-настоящему сенсационное, потому что, если с газетами свыклись, то в последнее время узнаём, что в разных уголках страны появляются маленькие тайные монетные дворы. Никогда изобретательные начальники и маленькие кавалеры этого дутого учреждения не были включены в более надёжную социальную ситуацию. В Рэшинаре герои больше не цыгане-мошенники, и не простые золотники юстиции, посланные нанести незначительный удар, не те герои, которые понимают эстетический вкус преступных приключений с тяжёлым риском. А речь идёт о начальнике – заметьте – начальнике Железной Гвардии из Сибиу. По правдивой и объективной газете, которая не раз брала под свою защиту бескорыстное движение кодрянских прозелитов, цитируем:

«Власти из Сибиу, обыскивая дом господина адвоката Бидиану, начальника городской организации Железной Гвардии, обнаружили сенсационный материал, из которого следует, что фабрика по производству фальшивых монет из Рэшинаре была создана, чтобы поддерживать Железную Гвардию. Среди других документов нашлось и письмо председателя организации из Сибиу, господина Бани из Ясс, который просил денег для покупки грузовика и для усиления пропаганды в пользу Железной Гвардии».

Понятно, нет? Монетный двор для поддержания одной партии, которая афишируется как регенератор морали в политике! После известных ипостасий агитаторов, – скандалистов и драчунов, появилась ещё одна, такая же почётная, но может, более обвинительная – фальсификаторов. Кто бы мог предположить, что здесь есть любопытный и тяжёлый знак времени, а любитель игры слов нашёл бы, что Гвардеец, будь он даже из железа, сделан из железа фальшивого. Как бы то ни было, случай из Рэшинаре очень тяжёлый. Он бросает истинный свет на источники, благодаря которым эти авантюристы играют когда в драчунов, когда в мучеников, вызывают волнения и подпольное существование. Даже в этих колоннах удивлённые и любопытные спрашивали: откуда у этих господ деньги? Скажем честно, не ожидали, что ответ будет таким чётким, таким устрашающим и именно в... Рэшинаре!» Др.

Три недели продолжалась эта однозная кампания.

Бестолку шли отчаянные письма в газеты, чтобы добиться хоть какого-нибудь опровержения. Три легионера – Караника, Стерие Чуметти и Папанасе, которые состоят в организации с 1931 года, искренние и с ясным умом, каждый день были рядом со мной, разделяя ту же мучительную заботу и помогая мне, шаг за шагом, нести тяжёлую ношу руководителя, на поле битвы, в одной организации.

Напрасные усилия, потому что вся эта подлость, которая набрасывалась на нас, была заказной.

Они будут иметь лишь один эффект: накапливать несправедливость за несправедливостью, клевету за клеветой, удар за ударом, боль за болью.

Эта молодёжь всё стерпит, все заглушит в своей душе. Однако сейчас, после стольких лет, если бы я хотел дать совет людям, прокричал бы: «Сторонитесь тех, кто терпит!»

Команда Смерти

Но перед лицом преград, ударов, интриг, гонений, которые обрушились на нас со всех сторон, мы, имея страшное чувство одиночества, отсутствия помощи, противопоставили всему этому одно решение – умереть.

«Команда Смерти» – это выражение душевного состояния легионерской молодёжи всей страны. Она означает: молодёжь приняла решение умереть. Её решение – идти вперёд, пройдя через смерть.

В начале мая 1933 года формируется группа: священник Ион Думитреску, Николай Константинеску, Стерие Чуметти, Петру Цока, Константин Савин, Булхак, Константин Попеску, Русу Кристофор, Адокицей, Иовин, Траян Климе, Иосиф Бозынтан, Гогу Серафим, Исак Михай, профессор Папук, Рэдою...

Прежде чем идти, чтобы пройти полстраны, они берут себе название «Команда Смерти». Из Ясс прибыла Кэприоара. Пойдут с ней. Они должны пройти: Бухарест – Питешть – Рымник – Вылчя-Тыргу – Жиу-Турну – Северин – Оравица – Решица.

Постоянно будут сопровождаться священником Думиникэ Ионеску. Потом Тимишоара – Арад и назад в Бухарест. У них самая большая легионерская экспедиция. Идут с 3 000 лей в кармане на бензин, а там, – что Бог и встречные люди пошлют. Идут с за-

конами страны в руках. Соблюдают законодательство, но будут защищаться от незаконных мер.

В Тыргу Жиу, в Турну Северине, в Бозовиче их преследует и атакует полиция и жандармы. Они становятся на колени перед пистолетами с открытой грудью, прикрывая колёса машины.

В Оравице на краю города их ждали с пулемётами. Их арестовали. На следующий день прокурор Попович отпустил их, за неимением состава преступления, потому что они не делали ничего, ничего не говорили, не митинговали. Идут и поют. И только.

Но народ понимает. Принимает их с цветами. Дают им еду и бензин для машины. Где они проходят, остаётся шлейф энтузиазма.

В Решице я выхожу им навстречу.

Здесь мы должны проводить публичное собрание. Имели право. Парламентарии, которые имели список в уезде Караш, где получили 2 000 голосов, приходили и беседовали с нами, чтобы сделать отчёт о нашей деятельности в парламенте. Это легально. Абсолютно легально. Но по отношению к нам законы больше не существуют.

Во время войны Решица не видела столько вооружённых людей. Армия была привезена из соседних городов. Солдаты окружают городок со всех сторон и занимают его.

Понимаю, что Правительство ставит мне ловушку.

Оно хотело бы, чтобы я сделал необдуманный шаг – потеряв самообладание, дать повод для подавления:

– Вот почему останавливаем этих господ. Вот почему их нужно расформировать. Где они проходят, там народный бунт против наших правовых мер, против армии, власти. Хотят сделать революцию.

Такую ошибку с нашей стороны использовали бы и правительство, и еврейская пресса. Поэтому мы не дали им такой возможности. И, подавляя в себе всё возмущение, обходили любое столкновение. Их победа была бы как раз в факте этого столкновения. Я предпочёл отказаться от встречи.

Группа отправилась дальше, прошла через Тимуш-Торнтал и вошла в уезд Арад. Здесь, в селе Киер, жандармы вместе с евреями подняли крестьян, крича, что пришли красные банды из Венгрии.

Крестьяне, вооружённые вилами, топорами и палками, набросились на легионеров.

Те не имели времени объяснить, кто они. Последовали кровавые удары. Чуметти сломал правую руку, падая на краю дороги без сознания. Рядом с ним лежал Адокицей. Все были ранены. Потом они были арестованы, перевезены в Арад и брошены в отдельные камеры в тюрьме этого города.

Отданы в суд за мятеж, процесс состоялся через 10 дней.

Защитали их адвокаты из Арад, Мота, Василе Марин и я. Все были оправданы.

Румыны Арада сделали им тёплый прием.

После этого случая я принял решение их сопровождать.

Часть поехала на машине, а я, сопровождаемый четырьмя из них и крестьянином Фрэцилэ, пошёл пешком, проходя все сёла до гор, к могиле Аврама Янку, расстояние в 140 км.

В Цебя мы расстались. Они продолжили путь в Хунедоара, а я направился в Теюш.

В Теюше

Здесь мой отец должен был выступить на конференции.

Я пришёл вечером и нашёл его окровавленным в доме одного крестьянина. Большое количество жандармов вошли в зал, избивая людей прикладами винтовок. Моего отца ударили по голове.

Законность! О, законность!

Румынский парламентарий, с неприкосновенностью и гарантированными правами идёт выступать на конференции, а представители государственной власти проникают в зал и разбивают ему голову прикладами винтовок. Крестьяне, учителя и священники – все возмущены. Тогда же я решил, что на том же месте, через две недели, организуем собрание протеста.

Накануне встречи сюда прибыла Команда Сметри на грузовике, легионеры из Клужа и из Бухареста, но встреча не смогла состояться.

Полк инфантерии и батальон жандармов окружили Теюш, останавливая продвижение крестьян.

Также как и в Речице, я хотел обойти конфликт, распорядившись, чтобы мой отец и присутствующие легионеры покинули местность. Я остался один, потому что присутствие столь незначительного количества людей могло привести к конфликту, а присутствие одного человека перед этими силами не могло дать повод для восстания. И никакой славы для большинства, если бы было нападение.

Всё-таки крестьяне из Михалца и окрестностей попытались силой пройти по мосту, занятому армией.

– Этот мост мы, крестьяне из Михалца, вырвали из рук венгров в тяжёлых боях. Сегодня мы не позволим, чтобы румынские жандармы остановили наше движение по нему, – говорили эти смелые и упрямые крестьяне.

Завязалась битва, которая продолжилась более двух часов. Стреляли. Один крестьянин был убит, а из Команды Смерти Цоку, Константинеску и Адокицей во второй раз были тяжело ранены.

В течение дня из Теюша были привезены все члены Команды Смерти и другие студенты, общим количеством 50 человек. Им было сказано, что они будут эвакуированы, но за отсутствием билетов на поезд они должны идти в Алба Юлия и купить их там.

Здесь, однако, вместо билетов все очутились брошенными в знаменитый карцер тюрьмы Хоря, без ордеров на арест.

Все их протесты были бесполезны. Зря они демонстрировали, что их поколение вне всякого закона, что ни один задержанный не может быть брошен в тюрьму без ордера на арест, что власть, которая их бросила туда, попирает законы. В два часа ночи они развалили ворота тюрьмы, построились, и все пошли домой к прокурору. Они рапортовали о случившемся. Там, во дворе, они остались до утра, после чего вместе с прокурором вернулись в тюрьму. На этот раз им предъявили ордера на арест, «за то, что сломали ворота тюрьмы».

Потом был процесс, в котором все были оправданы, потому что без ордера на арест они были задержаны незаконно.

Они подчинились законным распоряжениям, ставя в известность прокурора.

Ещё раз перед юстицией было доказано, что провокаторы беспорядка не легионеры, а сами власти, которые вместо того, чтобы защищать законы, нарушают их с презрением господина.

Команда Смерти через два месяца вернулась в Бухарест. Её борьба, страдания, через которые она прошла, несправедливость, процессы, раны взбудоражили душу всего Ардяла.

Сейчас, в этот момент, мы можем сказать, что легионерское движение распространилось по всей стране со всем сопротивлением властям, со всеми преследованиями.

С этих пор остановимся. Начнём углублять воспитание легионеров проживанием в лагерях труда. Кого может обидеть эта молчаливая деятельность, тем более что она находится за политическими рамками?

Вишаньская дамба.

10 июля 1933 года

Ещё с зимы фармацевт Аристотел Георгиу, шеф-легионер Рымнику Сэрат вручил мне рапорт, в котором обрисовал ситуацию в селе Вишань, где река Бузэу каждый год выходит из берегов, уничтожая огороды бедных людей в несколько тысяч гектаров. И говорил, что они просят, всем селом, помочь им возвести защитную плотину. Согласились. Предприняли необходимые меры. Послали инженеров-специалистов. Начертили планы. Дали приказ, чтобы легионеры из всей области пришли 10 июня 1933 года в Вишань, в день открытия лагеря труда. Вот приказ, который я издал в связи с этим:

«Ко всем начальникам ячеек и легионерских организаций страны
Соратники!

Никогда проблема человечества не поднималась больше, чем в минуты, когда человек потерял зрение.

Также в мире вопрос строительства стоит сильнее тогда, когда человечество имеет чёткую конституцию, когда всё вокруг нерушимо.

Когда всё медленно идёт к развалу, человеческая душа стремится к противоположному смыслу, идёт в контратаку, которая проявляется в потрясающей жажде возвыситься из основания, возвыситься через труд, строить.

В Европе никогда не стояла эта проблема созидания так, как сегодня, когда эпоха войны оставила руины и когда послевоенная эпоха оставляет много руин, каждый день по руине.

У нас в стране после пятнадцати лет дискуссий и перепетий, дутых, но пустых разговоров, после которых не осталось ничего, кроме руин, наша душа бежит от разговоров и ищет путь к делам.

Хотим строить и мы: от одного сломанного моста до шоссе и до строительства водоппада и превращения его в движущую силу, от строительства нового крестьянского хозяйства до нового румынского села, города, нового румынского государства.

Это исторический зов нашего поколения: на сегодняшних руинах поднимать новую, гордую страну.

В сегодняшней стране румынский народ не может выполнить свои задачи в мире – создать собственную культуру и цивилизацию на востоке Европы.

Легионеры!

Эти утверждения подвинули меня собрать вас в центре страны, на берегу Бузэу, чтобы воздвигнуть вашими руками гигантскую плотину, которая увековечит ваше имя. Позвал вас, чтобы румынам сказали, что вы те, кто построит новую Румынию.

Новая Румыния не может возродиться из игры в карты в клубах, в кафе, в кабаре, на обшарпанных улицах городов и из развлечений разных Дон-Жуанов.

Она возродится из героизма нашего труда.

Объяснения и указания

1. Плотины будут воздвигнуты вблизи села Вишань (юг уезда Рымникул Сэрат), в 6-ти км севернее станции Фэурей, линия Бузэу-Брэила.

2. Место встречи: село Вишань. Все группы останавливаются в этом селе, где будут в подчинении местной группы.

3. Время пребывания в селе Вишань: 8 и 9 июля 1933 года.

4. Работа будет проводиться в два этапа по 30 дней.

Первый этап:

10 июля – 10 августа 1933 года.

Второй этап:

10 августа – 10 сентября 1933 года.

Обе группы состоят из 500 человек каждая.

Общая команда будет под руководством командира легионеров из уезда Рымникул Сэрат Аристотела Георгиу, который будет заниматься:

- снабжением;
- размещением по квартирам;
- орудиями труда;
- всеми вопросами, связанными с работой на реке.

В его подчинении будут:

1. Начальник участка, легионер, которого он назначит лично в начале работы.
2. Начальник размещения по квартирам и снабжению.
3. Командир группы легионеров.

Вместе они будут утверждать все должности (снабжение и т.д.), в которых будет необходимость.

Первая группа будет сформирована из Бэила, Бузэу, Рымнику Сэрат, Фокшан, Текуча, столицы, Плоешти, Яломицы, Дымбовицы, Мусела, Аргеша, Влашки, Олтенья.

Бессарабия появится 15 июля, то есть с опозданием в пять дней. Бессарабцы придут пешком из Кишинёва, проходя Грэдиште, Комрат, Конгаз, Кагул, Колибаш, Рени, Галац. К этой группе присоединятся группы из Кагула, Тигины, Измаила и Четатя Албэ (Белая Крепость).

Ф.д.С. со всей страны придут с первой группой.

Вторая группа: остальные населённые пункты страны.

Легионеры должны иметь с собой: рабочую и сменную одежду, лопату, плед.

Марш остальных групп будет пешим или поездом, имеющими право на 75 % скидки как экскурсионная группа.

Пять брэилианских деловых легионеров придут на пять дней раньше, то есть 5 июля, для улаживания дел и встречи легионеров. Они будут назначены командиром брэилианских легионеров Ионом Илиеску и будут немедленно связываться с командиром легионеров из Рымника Сэрат Аристотелем Георгиу.

Генеральный Штаб объявит куда следует об отъезде и прибытии Аристотела Георгиу, фармацевта, Рымнику Сэрат.

Рекомендую:

а) Соблюдать полный порядок на всём пути следования. Если будут провокации, вам запрещается отвечать. Нужно достичь цели – прибыть в назначенное место.

Хочу, чтобы все населённые пункты, через которые вы пройдёте, – сёла и города, – остались под впечатлением от легионерской дисциплины, вежливости, гордости и доброты в всех случаях.

Командиры групп несут полную ответственность.

б) Обращаю внимание, что в селе Вишань и вокруг необходимо вести себя пристойно во всём: дружески с людьми и особенно героически в плане терпения и труда.

в) В случае, если сомнительные элементы проникнут в ряды легионеров, при первой попытке уйти с правильного направления они будут отправлены домой, о чём докладывать мне лично.

Каждый начальник отвечает за своих людей.

г) Я приеду после встречи в Сучаве, в понедельник, 10 июля, утром.

На зорьке перед началом работы сослужите религиозную службу со всеми священниками в округе.

Товарищи!

Вы накануне написания новой страницы в истории легионерской борьбы.

Страна снова будет смотреть на вас как на героев, так же как и раньше.

Итак, отправляйтесь с сердцем, полным порыва, к полю деятельности, где вас ждёт тяжёлая работа, но через которую вы сделаете новую жертву, а значит, новый шаг к нашей победе, к Легионерской Румынии.

Итак, я всех вас жду на нашем новом поле битвы.

Бухарест 23/VI. Корнелиу Зеля Кодряну

Начальник Легиона».

10 июля свыше 200 молодых легионеров собрались в Вишань, прийдя пешком из Галаца, Фокшан, Бухареста, Бузэу, Текуча, Ясс, Брэила под руководством Стелиана Теодореску, Николая Константинеску, Пэвэлуцэ, Дору Белимаке, Стоенеску и Брумэ.

Но вместо того, чтобы принять их с радостью, вместо того, чтобы дать им что-то покусать и вместо отдыха, как только они пришли, усталые и голодные, они были окружены несколькими ротами жандармов, которые с животной яростью напали на них и ударами уложили на землю. Этому жандармы были обучены офицерами по приказу министерства внутренних дел, где господин Арманд Кэлинеску, по собственным утверждениям, имел главную роль в акции по нашему притеснению и истязанию, так что били этих детей с ненавистью, с которой били бы самых ненавистных врагов румынского народа.

Среди раненых и до крайности униженных были легионеры Стелиан Теодореску, Брумэ, Дору Белимаке, священник Ион Думитреску, Стоенеску, Пэвэлуцэ, а Николай Константинеску за два месяца в четвёртый раз был тяжело ранен.

Известие об этой неслыханной жестокости против нескольких молодых людей, которые шли делать добро, и обо всех оскорблениях, которым они были подвержены, чёрным саваном легло на растоптанные и полные тревоги души всей молодёжи, которая за веру и любовь к народу чувствовала себя проданной политиками своей страны чужаку, врагу. Тогда я понял, что все пути нам закрыты и что с этих пор нужно готовиться к смерти.

Было состояние общей подавленности, в которой чувствовалось, что рвутся все пружины терпения и самообладания. Понял, что всё вокруг меня рухнет, и что если сверх этих получил бы ещё одну единственную пощёчину, она бы привела к непоправимым бедам. Хотелось кричать из глубины души: «Мы не можем больше терпеть!»

В этой давящей атмосфере я обратился со следующим письмом к премьер-министру, опубликованному в газете «Календарул» от 20 июля 1933 года:

«Травля против Железной Гвардии.

Письмо господина депутата Корнелиу З. Кодряну к господину премьер-министру Ал. Вайде.

Господин Корнелиу Зея Кодряну послал господину Ал. Вайде следующее письмо:
Господин премьер-министр!

После инцидентов в Вишань, от тяжести которых кровоточит сердце, решил написать Вам следующие строки.

Принуждает меня к этому не моментальный импульс и не желание увидеть опубликованным в газетах письмо, чтобы аплодировали друзья или чтобы просто выполнить, как имеет место обыкновение, формальную обязанность протеста против подлости, совершённой в Рымнику Сэрат.

Меня побуждает письменно обратиться беспокойство от сознания того, что этот путь, по которому мы пошли с такой лёгкостью для каждого человека чести, это путь фатальных несчастий, несчастий, которые сегодня нельзя обходить.

Господин премьер-министр!

Наше десятилетнее мучение в нашей собственной стране, за нашу румынскую и христианскую веру, я не смогу описать несколькими строчками.

Скажу лишь только, что за 10 лет правительства Великой Румынии устали бить нас. Было либеральное правительство и уничтожило нас своими ударами. Пришёл господин Гайда и он уничтожил нас в 1926 году. Пришёл господин Михалаке и он себе сделал славу через чужих хозяев, варварски ударив по нам и истребляя. Пришло правительство Йорги-Аргетояну, которое снова ударило по нам, пока не устало. И, наконец, пришли Вы, продолжая избиение.

После всего этого никто не спросил господина премьер-министра, можем ли мы ещё выдержать бесконечные физические и моральные мучения, которые часто превышали силы нашего сопротивления.

За всё это время мы выдержали всё с большой стойкостью. Мы изранены, но никогда не склоняли голову.

Выдержали, потому что сколь тяжёлы не были бы мучения, мы хранили чувство человеческого достоинства и чести. В последнее время, однако, под вашим руководством наши преследования и мучения вошли в самую тяжёлую фазу.

То, что случилось в Теюше, когда мой отец был избит до крови, то, что случилось в Вишань несравненно тяжелее, чем все наши страдания до сих пор. Они нападают на нашу честь.

Не буду делать слишком пространный дискурс.

Ваше превосходительство, вы, конечно, помните, что две недели тому назад, когда я пришёл узнать, в чём мы были неправы и чтобы прекратить преследования, которые только начинались, вы сказали:

– Почему не вы делаете что-то конструктивное?

– Господин премьер-министр, – ответил я, – принято решение соорудить плотину на берегу Бузэу. Имеете что-то возразить?

– Нет. Очень хорошо. Очень красиво.

За месяц мы дали петицию в министерство общественных работ, говорили с самыми известными инженерами, знающими дело, и 10 июля работа должна была начаться.

Это был не только отдых молодёжи, это было воззвание нашей молодёжи на службе великих нужд здорового дела. Это было воспитание тысяч молодых людей в конструктивном направлении.

Это было побуждение для других десятков тысяч молодых людей.

Это школа для народных масс, которые годами стоят с повреждёнными мостами, с разбитыми дорогами, ожидая, что придёт государство и отремонтирует, тогда, когда только за один день общим трудом их можно отремонтировать.

Это было побуждение для всей страны и руководства, для тех, кто вообразил, что сильная Румыния сможет выйти из милости других, а не из нашего общего труда.

Для изучения дела я послал на три дня вперёд трёх молодых людей в Вишань, чтобы они занялись расквартированием и снабжением. Но они 8 июля были взяты, перевезены в Рымнику Сэрат, а потом, связанные цепями по рукам, один за другим, отправлены домой как последние клеветники, в этой унижающей ситуации, провоцирующей их человеческое достоинство

Два других молодых студента из Бухарестского Университета, найденные в городе Рымнику Сэрат, которые пришли с желанием трудиться, были схвачены, отвезены в полицию, унижены тривиальным способом, избиты полицией города и двумя комиссарами – братьями Ионеску. Потом, со связанными за спину руками и сопровождаемые в таком виде через город на вокзал, отправлены поездом домой.

Наконец, в понедельник 10 июля, в Вишань приехало 200 молодых людей, большинство студенты.

Там, вместо открытых объятий за их добрые намерения, они столкнулись с префектом уезда, прокурором, полковником жандармерии Игнатом, генералом Чеплену, лейтенантом жандармерии Фотей, с сотней жандармов с винтовками наперевес, с ротой инфантерии с приготовленными пулемётами и с извещением немедленно покинуть местность, – агрессивного, оскорбляющего, ничем не обоснованного тона.

Перед этой ситуацией и всех угроз, те 200 молодых людей легли на землю, в грязь в две ладони, самым покорным образом, и начали петь: «С нами Бог!»

В один момент жандармы получили приказ напасть на них. Напало больше сотни и топтали ногами, сапогами, давили им грудь и головы. Молодые люди в молчании, без сопротивления терпели мучения и все страдания.

Во главе тех, кто бил, был прокурор Ракиеру, полковник Игнат, который своей ру-

кой вырвал клоч волос с головы студента Брумэ и лейтенант Фотя, который бил кулаками по невинным лицам бедных детей.

Наконец, принесли верёвки, и все 200 молодых людей были связаны руками за спину и в таком виде держались полдня под дождём.

Между тем, пришёл священник Думитреску, которого прокурор спросил устно:

– Что тебе?

– Я священник. Пришёл отслужить службу о начале работы.

– Ты не священник, ты осёл, – ответил ему прокурор, – Свяжите ему руки за спину.

Священник был связан руками за спину, и потом, вместе со всеми остальными, в этой унижительной ситуации, был перевезён в Рымнику Сэрат и заключён в жандармерию, где снова были оскорбления и тяжёлые мучения со стороны прокурора, жандармов и полиции.

Людей без сознания выносили из камер пыток или из подвалов, в которые они были брошены, после чего избиты плетьюми.

После четырёх дней мучений они были освобождены, для них не нашли ни одного обвинения.

Других, пойманных по дороге на Вишань, заключили в Бузэу и Брэила, откуда их, также со связанными руками, отослали домой. Есть ещё 15, которые до сегодняшнего дня, субботы, ещё не вернулись. Они идут пешком от Бузэу в Бухарест, от поста к посту, четыре дня, – голодные, оскорблённые и избитые.

Господин премьер-министр!

Это не отдельный случай, а приказ правительства, повсеместно распространённый.

Уже две недели, как без предъявления вины и без доказательств юстиции, нас бьют и оскорбляют на каждом шагу: в Бухаресте, в Араде, в Теюше, в Пятра Нямце и в Сучаве.

Господин премьер-министр!

Самым пристойным образом обращаю Ваше внимание, что мы, знающие историю и знающие о жертвах народа, который желал обрести лучшую судьбу, мы, сегодняшняя молодёжь Румынии, не отказываемся от этой жертвы.

Мы не трусы, которые убегают от необходимых жертв для новой Румынии.

Но вновь обращаю Ваше внимание, что я основал для этих молодых людей школу собственного человеческого достоинства, школу чести.

Мы знаем как умирать, после того, как победим. Мы можем стать узниками. Наши кости могут гнить в тюрьмах. Мы можем быть расстреляны, но не можем быть избиты, не можем быть запряжены и не можем быть связаны руками за спину.

Мы не помним, чтобы наш народ, в трагической, но гордой румынской истории, когда-нибудь был обесчещен.

Наши поля полны мёртвыми, но не трусами.

Сегодня мы – свободные люди, с ясным сознанием наших прав. Не рабы и не были ими.

Принимаем смерть, но не унижение.

Уверен, господин премьер-министр, что эти дни, полные унижения и отсутствия достоинства, мы не можем пережить.

После 10 лет мучений, прошу Вас, будьте уверены, что мы имеем ощутимую моральную силу найти достойный выход из жизни, которую мы не можем переносить без чести и без достоинства.

Примите, пожалуйста, мои чувства.

Корнелиу Зеля Колдряну».

Мучения этой молодёжи всё-таки не закончились. Слезы туманят глаза. Другие муки, большие, готовят нам. Ещё не успела окончиться попытка в Вишань, когда услышали, что И.Ж. Дука, начальник Либеральной Партии, поехал в Париж. Потрясённые, читаем в парижских газетах декларацию, сделанную им: Железная Гвардия в доле с гитлеровцами, правительство Вайды слабое, потому что не может нас разбить и что он, И.Ж. Дука, со своей партией берёт на себя обязательство уничтожить нас. На родине газета «Викторул» («Будущее»), официоз партии, набросилась на нас на основе тех же аргументов: «анархическое движение», «подрывное движение», «движение в доле у гитлеровцев» и против правительства Вайды, которого осудили за «слабость», за «толерантность» по отношению к нашему движению, за «сговор» с нашим движением – «анархическим» и «продавшимися гитлеровцам».

В эти дни мы скатимся, как и народ, по лестнице самого большого румынского унижения. Два румынских государственных мужа – И.Ж. Дука и Н. Титулеску политически упорядочат трест еврейских банкиров в Париже, заинтересованных, с одной стороны, в беспощадной эксплуатации богатств страны и, с другой стороны, в обеспечении самой счастливой ситуации для коллег в Румынии, пришедших к власти из Партии Либералов.

Это формальное условие обязательства уничтожения легионерского движения любыми способами. Иностранным банкирам невыгодно молодое, сильное, гордое легионерское румынское общество, которое может изгнать из страны весь их воровской капитал.

Итак, свыше 10 лет нам готовят, ни в чём не виновным, венец смерти.

Если разрешите, в конце этого периода борьбы обращу мысли к моей маме, душа которой сопровождала меня год за годом, час за часом, вздрагивая при каждом ударе, которые я получал, и при каждой опасности, в которые меня забрасывала судьба.

Обыски за обысками, с прокурорами и грубыми комиссарами, каждый год тревожили спокойствие дома, над которым давно не сверкал луч радости и тишины. Расплата от народа, униженного своими политиканами, матери, которая в самых горьких лишениях вырастила в любви к стране семерых детей.

Эти несколько слов – дань уважения для всех мам, дети которых воевали, страдали или пали за румынский народ.

Соратники!

С этих слов начинается новое время. Моя молодость и молодость многих среди нас окончилась. С этих пор мы уже больше никогда не сможем пройти по её дорогам.

Если эти 14 лет нашей молодости не были слишком переполнены радостями, всё-таки, чувство большой благодарности освещает сейчас моё сознание: легионерская Румыния выросла корнями, как дерево, в мясо наших сердец. Она вырастает из боли и из жертв, и наши глаза жадно смотрят на её цветение, её свет и величие, освещающие века. За это величие мы сполна расплачиваемся не только нашими маленькими жертвами, но любимыми человеческими мучениями, сколь бы опасными они не были.

Дорогие товарищи!

Вам, тем, кто сегодня избиты, оскорблены и измучены, могу возвестить одной фразой: мы скоро победим!

Перед нашими колоннами падут все наши угнетатели. Простите тех, кто вас ударил из личных побуждений. Тех же, кто мучил вас за вашу веру в румынский народ, – не прощайте. Не путайте право и христианскую обязанность простить тех, кто сделал плохо лично вам, с правом и обязанностью нации карать тех, кто предал, и тех, кто поднялся против неё. Не забудьте, что сабли, которые вложены у вас в ножны – это сабли нации. Во имя её носите их. Во имя её ими и карайте: непрощающие и беспощадные.

Так и только так подготовите здоровое будущее нашей нации.

Кармен Сильва, 5 апреля 1936 года.

Хориа Сима

СУДЬБА ЛЕГИОНЕРСКИХ ПИСАНИЙ

В «Книжке Начальника Ячейки», вновь напечатанной осенью 1940 года, я написал «Вводное слово» в котором говорил, что мы, оставшиеся в живых, не отклонимся от учения Капитана, как нестигаемого знака нашего непоколебимого решения не изменить идейным основам и организации Легиона. Мы установили, что формула приветствия «Да здравствует Легион и Капитан!» сохранится неизменной.

Через эту формулировку хочу сказать легионерам, что Корнелиу Зея Кодряну не может быть отдалён от наших ежедневных дел, представляя из себя только историческую фигуру, как случается со многими мужами, которые сделали значительные дела для жизни своего народа. Капитан не реальность прошлого – он постоянно присутствует в наших действиях. Он подбадривает нас в каждый момент наших собственных решений, он порицает нас, когда мы делаем что-то несоответствующее его концепции и он радуется за нас и одобряет нас, когда мы действуем в его стиле. С Капитаном мы общаемся постоянно. Он лучше нас понимает желания нации. Словом, он руководит движением, и если движение будет руководствоваться иначе, чем думает он – это больше не движение. Он – энергия, которая постоянно освежает нашу энергию, ослабленную борьбой, заключениями, тюрьмами.

Капитан не умер и не может умереть! Хотя он телом не с нами, он не менее живой среди нас. Это проблема, которую люди, далёкие от нашего универса, не понимают. Капитан живой среди нас не в теоретическом и спекулятивном смысле, не так, как употребляют слова по отношению к тем, кто ушёл, не как изображение, символ или выражение, а живой в душевном смысле в конкретном случае, живой как духовная сила, которая преобладает над нами и вдохновляет, вырывает из состояния апатии и тренирует в борьбе.

Капитан не нуждается в «культе» чтобы поддержать свою память, он поддерживает культ своей собственной энергией и, сверх того, даёт силы и нам, чтобы мы могли выдержать все страдания и гонения. Когда мы устаём, он нас подбадривает, когда мы измучены, он нас ласкает, и когда мы ранены врагами, он даёт нам силу выдержать. Он

показал пример человеческого достоинства, честного выполнения обязательств между личностью, нацией и Богом, и который актуализируется элементарной силой в наших собственных душах. Он – путеводная звезда, которая ведёт наш народ. Он – тесто, которое нужно для закваски, если хотим, чтобы наши действия дали легионерский урожай. Капитан не тот человек, который жил в 1899-м и в 1938-м годах, не закрытая глава в истории, а реальность «hic et nunc», которая проявляется активным присутствием в Легионе. Он – источник света, который приводит в движение частицы нашей души, чтобы день за днём перестраивать легионерское тело в страдании из-за ударов и гонений. Этим объясняется, почему и легионерские письма, будь то Капитана, будь то тех, кто записывал его мысли, были изъяты и сожжены на костре рядом с трупами наших мучеников. Слова Капитана несли столько ужаса врагам, как и его бойцы, через большую силу убеждения и пропаганды. Легионерские письма – это духовный динамит, потому что этим постоянно подтверждается чудесное присутствие Капитана среди нашего народа. Кто читает строки Капитана, чувствует, как теплеет душа и какая происходит трансформация под воздействием прохлады его слов. Поэтому ненависть всех режимов проявилась с равным ожесточением против любого знака, который мог бы увековечить образ легионерского мира у новых поколений. С лютой последовательностью конфисковывали и уничтожали легионерские книги, мэришоры, зелёные рубашки и любое подтверждение, оставшееся от наших мучеников. Ни панихиды не были ограждены от этого, ни крещения с именем Корнелиу – всё считалось разрушительным. Режим Антонеску, как и карловский, и коммунистический режимы, проводил политику абсолютной приемственности в отношении того, как те трактовали письма легионеров.

Мы, те, кто прошёл через преследования карлистов, вспоминаем, какая судьба была у легионерских книг. Иметь хотя бы строчку из Капитана было равносильно покушению против безопасности государства и влекло наказание. Конфискованные книги были превращены в пепел. Государство Подлости и Преступления, патронируемое королём Карлом и охраняемое полицейским аппаратом Арманда Кэлинеску, видело в каждой сохранившейся странице легионеров опасность, способную вновь и вновь зажигать в душах факел легионерской веры, которую они хотели навсегда похоронить под плитой в Жилаве.

Но не бывать тому! После падения карловского режима легионерская книга триумфально вышла на свет. Легионерские письма во всём своём объёме были записаны за пять месяцев свободы, которые имел румынский народ под национал-легионерской

властью. Потоком шли легионерские работы во все сёла и города Румынии. Снова огненное слово Капитана проникло до самых отдалённых мест страны, обеспечивая единство и приемственность между созидающими поколениями движения и молодёжью, которая за то короткое время десятками тысяч записывалась в Легион. Лихорадочно и с болью прочитанные в период, когда вся нация вибрировала от воодушевления, эти книги составили духовную пищу нашего народа в тяжёлых испытаниях, которые последовали затем. Как будто чувствуя короткую передышку свободы, которой будем радоваться, Петрашку, генеральный секретарь движения и Василе Постеукэ, начальник службы пропаганды, в бешеном ритме размножили и распространили все большие и малые работы, оставшиеся от Капитана и от других писателей Легиона.

Эта эпоха национальной свободы для румынского народа, правда, долго не продолжилась. Враги стояли в засаде и, пользуясь болезненным состоянием генерала, перебазились за его спину и подтолкнули его к незаконному акту покушения против Национального Устава Легионеров. Одновременно с заключением в тюрьму сотни тысяч легионеров, началось новое гонение и на их письмена. Легионерская литература была засекречена, с дикостью преследуемая органами режима. Снова обладание одной легионерской книгой приводило к тяжёлым наказаниям её владельца. Имя Капитана вновь не появлялось в печати, кроме как только чтобы оскорбить его. Генерал Антонеску, одержимый запахом невинной крови, которую он пролил в январе, в любом легионерском мероприятии видел угрозу для своего режима.

Деструктивная ярость Антонеску не ограничилась пределами страны. Когда часть легионерских руководителей уехала за рубеж, можно было предположить, что они попробуют опубликовать легионерские тексты в этих странах. Чтобы помешать печати и распространению легионерских книг в Европе, Антонеску обратился к немецким властям, ходатайствуя, чтобы во всех странах, на которые они имеют влияние, запретили их публикацию с помощью цензуры или дипломатических средств.

Муссерт, руководитель Национал-Социалистической Голландской Партии, прочитал книгу Капитана в немецком варианте и, найдя её очень интересной, дал распоряжение перевести её на голландский язык и опубликовать. Когда книга должна была быть направлена в типографию, приказом из Берлина запретили её публикацию.

В Испании Раду Геня перевёл книгу Капитана и нашёл издательство, чтобы её напечатали. Находясь в Бухаресте, Антонеску давит на Мадрид через немецкое посольство, чтобы из Берлина прекратили печатание книги, а если она появится в продаже – конфисковали. Испанское правительство имело мужество и гордость не подчиниться этому давлению.

Господин Михаил Стурдза во время своей ссылки в Дании написал книгу о виновниках войны «La Bete sans Nom», предназначенную в большей мере французскому народу. Большая часть этой книги была конфискована немецкой полицией прежде, чем дошла до Парижа, что было сделано по желанию Антонеску.

В легионерской коммуне в Ростоке было восстановлено очень мало работ. Постоянно находились под боязнью реакции Гестапо, которое могло быть потревожено Бухарестом. В Ростоке были размножены «Книжица Начальника Ячейки», «Записи из Жилавы», брошюра о Григории Пиху, написанная Папанасе, а Николае Петрашку написал «Из Легионерской жизни». Потом были напечатаны три номера газеты «Аха», руководимой Паулем Костином Делеану. Это всё, что мы смогли опубликовать за четыре года ссылки в Германии. Это очень мало в сравнении с большим объёмом отсутствовавших публикаций, которых эта сильная группа количеством свыше 400 легионеров не имела.

После 23 августа 1944 года в Германии нам вернули свободу публиковаться. Профессор Сикст, который руководил отделом культуры в министерстве иностранных дел, предоставил все средства, чтобы печатали книги, но множество проблем, которые осаждали нас в Вене – фронт, беженцы, национальная армия и потом отступление в глубь Австрии, – помешали дать стране желаемые труды и те новые, которые находились в коробках. Только что смогли вытащить «Кувьнтул» («Слово») и размножили строго необходимое для организаций количество «Книжицы Начальника Ячейки» и «Книгу песен».

На протяжении следующих лет неуверенности, которые последовали сразу после войны, потерялось много легионерских книг из того малого имеющегося количества на руках товарищей и, кроме этого, потерялись ценные рукописи, как, к примеру, два тома воспоминаний Корнелиу Зеля Георгеску, одна моя рукопись с описанием преследований 1938 года и много тетрадей с записями других легионеров.

После вторжения большевистской армии сцены вандализма повторились. Книги, которые избежали изъятия при режиме Антонеску, были конфискованы и сожжены полицией нового режима. Репрессии в отношении легионерского прошлого при коммунистах зашли так далеко, что только одно произнесение имени легионера в кругу знакомых приводило высказавшегося к тяжёлым наказаниям. Одержимость Карла, одержимость Антонеску теперь стала одержимостью коммунистов. В то время, когда в газетах, журналах и официальных работах партии имя Капитана и все события, связанные с движением, подверглись самым грубым искажениям, не разрешается самое невинное легионерское мероприятие, не то чтобы произносить при всех имя организации.

Делая необходимое отступление, отметим, что поведение коммунистов, с тех пор как они у власти, контрастирует с той ситуацией, которая была в Румынии старого режима относительно их работ. Коммунисты были преследуемы, их партия запрещена, их пропагандистские листы конфискованы, но не случилось, чтобы преследование распространилось на их классические доктрины. Маркса находили в каждой библиотеке, его философия была снята с кафедры, а в книжных магазинах можно было купить много разной литературы, которая описывала Октябрьскую революцию и всё, что за этим последовало. В Румынии были запрещены не коммунистические идеи, а организация, которая хотела дать им революционный политический ход. При нынешнем режиме не разрешается исповедовать ни одну идею, которая противоречила бы системе марксистского мышления и, более того, которые не входили бы в его структуру. Почему такая дискриминация? Если коммунистическая система представляет прогресс в истории человечества, что она имеет против людей, которые давно умерли, но работы которых должны быть обязательно известны исследователям того прошлого?

В Западной Европе, свободной от коммунизма, легионеры находят другую ситуацию. Впервые они радуются свободе высказывать свои мысли и печатать свои работы. Мы должны быть благодарны демократическому Западу, признавая, что свобода совести и выражения в этих странах – конституционная реальность общественной жизни. При предполагаемом покровительстве Железной Гвардии со стороны национал-социалистической Германии, наши книги не могли появиться ни в одной европейской стране, кроме Испании.

Движение использует этот климат свободы для того, чтобы перепечатать легионерские книги, которые были лишь в нескольких экземплярах и которые могли исчезнуть. Начиная с 1951 года в Зальцбурге формируется группа легионеров-печатников, которые воодушевлённо начинают работу и на протяжении трёх лет делают чудо по восстановлению почти всех классических текстов легионеров. Первая идея по реализации этой памятной работы принадлежит Траяну Голя. Листая между бумагами, которые находились в доме Ignats Harrerstrasse, 75 в Зальцбурге, где, кроме него, разделяли это помещение и другие легионеры, он нашёл несколько машинописных страниц в копии, закреплённые скрепкой. Приглядевшись, он увидел, что эти страницы составляют брошюру «Из легионерской жизни» Виктора Пую Гырчиняну. Внешний вид брошюры был плачевным. Тогда осознали всю катастрофу с легионерскими книгами и опасность исчезновения тех немногочисленных экземпляров, которые находятся за рубежом и могут исчезнуть или увековечиться под такой плачевной формой. Чувство жалости,

соединённое с глубоким почтением к писателям-мученикам Легиона, укрепило решимость начать решение проблемы массового восстановления легионерских книг. Я поговорил с Трояном Боробару, который не только был воодушевлён идеей, но и дал материальные средства для Легиона, чтобы ускорить печатание книг. Тысячи страниц были напечатаны на машинке, а потом размножены в доме по Ignats Harrerstrasse, 75. Легионерские книги снова видят свет и вновь входят в область национальной культуры. Дело имело успех и с финансовой точки зрения – сделанные выручки от продажи книг по рассылке превысили затраты. Этот необычный подвиг носит имя «Коллекция Нового Человека», желая этим именем показать, что группа из Зальцбурга, начав эту исполненную решающего значения битву за увековечивание духовного и культурного богатства движения, было воодушевлено видением «нового человека».

По этому поводу необходимо сказать и о тех товарищах, которые сотрудничали над изданием этой работы, трудясь с любовью, когда имели свободное время, ночью, по воскресеньям, в праздничные дни. В первую очередь, это Спиридон Няцэ, который и взял руководство предприятием в 1952 году, после того, как Голя покинул Зальцбург. Потом Василе Симиан, который специализировался на размножении на машинке, Санду Марин, Виктор Война и дед Кыличану, которые после трудного рабочего дня в цехах приходили вечером и помогали до глубокой ночи. С самого начала, когда Голя начал акцию, был и легионер Василе Крецу из сербского баната. Не должны забывать и о помощи Тита Морару, Трэяна Пую и Др. Иоана Флешериу.

На 30-м чествовании Капитана коллекция «Новый Человек» представила легионерам и всем румынам подлинную книгу основателя движения Корнелиу Зеля Кодряну «Моим легионерам», восстановленную в первоначальном варианте, появившуюся в Сибиу в 1936 году. Старая работа восстановлена из желания не терять важный текст, который стал раритетом и мог исчезнуть. Это новая заслуга той же группы легионеров, которые выполнили свой долг по спасению культурного наследия движения.

Пусть этот возвышенный факт станет плодотворным примером для всех легионеров, – сколько бы раз враги не хотели уничтожить письма наших предшественников, они своим трудом и самопожертвованием восстановили потери, увековечив мир книг легионеров-мучеников.

СУДЬБА ЛЕГИОНА

Святая легионерская молодежь,
Мы строим церкви, смело сидим в тюрьмах...
Мы носим в северном ветре и в солнце
Свет для победителя
Для храбрых мы строим алтари
И только пули у нас есть для предателей!
Гимн легионерской молодежи

Кодряну умер молодым, фанатично преданным идее и не сдавшимся врагу Героем. Но «это не конец, мой прекрасный друг – это начало прекрасной борьбы». Впереди у Железной Гвардии ещё взлёты и падения, но уже без Капитана.

Преемником Кодряну стал Хория Сима. К слову, современные румынские неогвардисты расколоты – одни ориентируются на Капитана и считают Симу соглашателем и предателем, другие ориентируются больше на Симу, а Кодряну называют «фанатиком» и «безумцем».

В любом случае, ценой конформизма новому руководителю Гвардии на какое-то время удалось вновь вывести движение из подполья. Гвардия внешне вливается в про-королевский Фронт, перенимает его атрибутику. Однако, уже в июле 1940-го Сима возобновляет тайные переговоры с честолюбивым офицером Антонеску. В конце августа начинаются вооружённые выступления легионеров (связанные с позором короля – передачей Бессарабии СССР), достигающие своего апогея к 3 сентября. На улицах Бухареста идут настоящие боевые действия. Убит давний враг Гвардии В. Маджару (лидер национал-царанистской партии), смертный приговор которому был вручён ещё в августе 1936-го, убит Н. Йорга (тот самый, за оскорбление которого был осуждён Капитан – легионеры всё помнили и ничего не прощали).

В результате, 5 сентября к власти приходит Антонеску, официально становясь «кондукэтором» (диктатором) Румынии. В сформированное им правительство вошёл Хория Сима (зам. премьер-министра), М. Струдза (министр иностранных дел), К. Петровическу (министр внутренних дел), Гика (префект полиции). Из Гвардии формируются полуофициальные дружины легионерской полиции. Этот период является апогеем движения. Уже в октябре хитрый лис Антонеску начинает понимать, что «два дирижёра

не могут одновременно управлять оркестром»; легионеры «оспаривают моё единоличное право управлять страной». Значит, необходим роспуск легионерской полиции.

Легионеры видят, что по сути кондуктор ничем не лучше короля – та же ложь и амбиции. Новое столкновение близко. 28 ноября 1940 года на совещании генералитета испуганный маршал Антонеску говорит: «Когда почувствуете необходимость, зовите армию».

Легион обречён. События нарастают как снежный ком. 15 января Антонеску предъявляет Симе ультиматум. Лидер Гвардии отвергает его. Днём 19 января легионеры проводят освящение провинциальных руководителей. Жребий брошен – начинается мятеж обречённых. Антонеску смещает всех легионеров из правительства.

На следующий день, 20 января, большинство административных учреждений и ряд казарм захвачены легионерами (их всего 3000!). Сима в свою очередь выдвигает ультиматум Антонеску. Маршал молчит.

Два дня Бухарест в руках восставших. Жгут синагоги, громят магазины. На окраинах идут перестрелки. 22 января Антонеску связывается с Гитлером. Канцлер назначает главой военной миссии в Румынии генерала Ганзена. Генерал был вхож в круги легионеров и был в курсе всех их планов. О мятеже Сима говорил с ним за несколько часов до начала выступления. Тем проще было румынским войскам при координации Ганзена разгромить восставших, хотя и с большими потерями. 23 января путч был подавлен.

Этим драматическим аккордом завершилась симфония Гвардии. Часть оставшихся в живых легионеров ушла в подполье (кстати, после окончания войны гвардистские партизаны боролись с коммунистами до 1947 года), кто-то бежал за границу, кто-то перебежал к Антонеску. Как таковая Железная Гвардия перестала существовать.

Понадобилось более полувека, чтобы память о Капитане и его движении начала воскресать на территории Румынии. Совсем недавно стало известно, что нынешний 86-летний патриарх Румынской православной церкви Фиоктист в молодости поддерживал движение легионеров и был одним из священников, участвовавших в 1941 г. в разгроме синагоги в Бухаресте во время восстания легионеров против правительства. Это вызвало немалый скандал и пробудило в обществе интерес к правому движению первой половины XX в. Мнения разошлись. «Если это окажется правдой, то это очень печально», – говорят представители евреев в румынском парламенте, ведь опасность не в «86-летнем человеке, а в возрождении крайнего национализма». Ссылаются так же на популярность ультранационалистической партии «Великая Румыния», которая имеет четверть мест в парламенте и недавно чуть не провела в президенты своего лидера.

Действительно, в нынешней Румынии есть некая тенденция в сторону исторической Правой, в которой место Кодряну является центральным и доминирующим. Наследником Легиона просвозгласило себя движение под характерным названием Новые Правые (ND), лидером которого является Тудор Ионеску, неординарная личность, в своих выступлениях и действиях копирующий стиль Капитана. Движение Новые Правые действует так же в традиционном русле железногвардейцев, организовав «европейские лагеря националистов» и проводя марши памяти Корнелиу Кодряну к лесу Танчабешти, месту, где он был убит. На маршах такого рода нередко принимают участие представители других националистических организаций Европы (например, польский *Narodowe Odrodzenie Polski* или русский Национально-Патриотический фронт «ПАМЯТЬ»). Интерес к Легионерскому движению и культ его основателя явно переросли национальные рамки Румынии, приняв всеевропейский масштаб.

Подлинный интерес к этому историческому феномену так же характерен и для таких стран, как Германия и Британия, где начиная с 2000 года появились переводы книги Капитана.

На территории Восточной Европы всё обстоит иначе. В России, Украине и Беларуси интерес к феномену легионерского движения непрерывно растёт, но до сих пор никто так и не попытался сделать перевод евангелия железногвардейцев. Предлагаемую сегодня книгу можно рассматривать как первый шаг в данном направлении.

Приступая к её изданию, мы поставили своей главной задачей познакомить заинтересованного читателя с этой увлекательной, поучительной и призывающей к активному христианскому действию книгой, которую можно назвать одним из ярчайших писаний XX века. Это автобиография великого человека, стремящегося к обожению и святости, история его соратников и последователей. Капитан предлагал своим легионерам скорее личное, нежели социальное преобразование. «Легион – это не политическая партия». Легионеры не боялись смерти и получали своё воскресение.

Sanatate, Корнелиу Зеля Кодряну, человек, не убивший в себе героя!

Георгий БОРОВИКОВ

Кодряну К.З.
МОИМ ЛЕГИОНЕРАМ/
Corneliu Zelea-Codreanu
PENTRU LEGIONARI

Подписано к печати 0.00.200
Формат 70 x 90 /16. Гарнитура Petersburg
Печать офсетная
Усл. печ. л. Усл. кр.-отг. Уч.-изд.л.
Тираж 3000 экз. Тип зак. 0000

Издательство

Отпечатано с готовых диапозитивов
в
000000, г., ул., пр-т, пл., пер., пр-д, д., стр.

